

**ПЬЕСЫ
ДЛЯ
ВЗОРВАННОГО
ТЕАТРА
2**

М.Грим

Пьесы
М.Грима
для взорванного театра — 2,
изданные Исуповым

ст. Ока
Тридцатое февраля
2026

ФУСК ВАР. Пьесы для взорванного театра — 2. — Ст. Ока: 30 февраля, ispv.ru, 2026. — 384 с. Некоммерческое электронное издание.

Это говорю (пишу) я, Исупов, издатель :-): прошёл год, и некто М.Грим (да-да, без пробела после точки), прислал в «Тридцатое февраля» (были на ст. Ока? — обязательно загляните, хотя бы чаю с баранками попью) ещё девять пьес, одна другой, простите за непрошеное :-)) издательское удовольствие, краше. Лучше или хуже «Боли головы», первой книжки? Честно? — Столь же о-го-го. А в чём-то и о-го-го².

(И — спасибо вам за письма о «Боли головы»: их к концу 25-го набрался целый чемодан без ручки.)

© Флора Борши (Flóra Borsi), фото, 2022

© М.Грим, пьесы, 2025

© Изд-во «30 февраля», ispv.ru, 2026

Моя женщина из Токио

Действующие лица

ПОЛТОРА, Иван, землекоп.

ОТКРЫВШАЯ-2.XX, чтобы, не поверив, устроить (многие, почти все, в немалом доме, скребущем небо).

ОТКРЫВШАЯ-1, чтобы, поверив, впустить (одна-полторы, от силы семеро, на всю родину).

НАЧАЛЬНИК, над землекопом (всякий раз новый, но такой одинаковый).

ВОЛОДИНЬКА, ПЕВУЧИЙ МАЛЬЧИК (придёт время — узнаете), бессловесные, а то и под фонограмму (впрочем, малец с пронзительным голосом может и сам, даже фальшивя).

Действие первое,
в котором ПОЛТОРА, Иван, заработав очередные букет цветов и торт, наконец-то задаёт вопрос (да не один),
после чего думает

Где-то в припорошенном, начинающем коченеть чистом поле, до которого добралась траншея. Начальник (аборигенная одежда по сезону) в сопровождении оркестра бара-

банщиков, ложкарей и дудочников вручает Полторе, Ивану, землекопу (чёрная белая майка, чёрные голубые летние кальсоны, уделанные резиновые боты), очередной заработок: букет цветов и торт. Отпоздравляя и всучив, собирает-ся испариться.

ПОЛТОРА. Эй.

НАЧАЛЬНИК. Вы мне? Слушаю вас.

ПОЛТОРА. Вопрос задам?

НАЧАЛЬНИК. Разумеется.

ПОЛТОРА. Я никогда не задавал вопросов.

НАЧАЛЬНИК. Конечно. С чего бы.

ПОЛТОРА. А теперь неожиданно хочу.

НАЧАЛЬНИК. Это воодушевляет.

ПОЛТОРА. Я ни полразика не спросил, зачем все эти ямы и траншеи...

НАЧАЛЬНИК. Само собой.

ПОЛТОРА. ...которые я рою вот уже 17 лет...

НАЧАЛЬНИК. А я вам отвечу.

ПОЛТОРА. ...сразу после вокально-театрального училища им. Кóли, факультет «Квадратные колёса и гусеницы сиреневого бражника», красный диплом, стипендия им. Альберто Сфредды.

НАЧАЛЬНИК. Мы ценим вас — и невообразимо высоко.

ПОЛТОРА. У меня сделная оплата?

НАЧАЛЬНИК. Это вопрос? Ну как зачем — для претерраформирования, дорогой мой. Вы роете, используя единственно возможный в наших условиях шанцевый инструмент, чтобы наша родина стала родиной водных пространств и артерий, если, конечно, надлежащие дожди вдруг прольются в течение надлежащего отрезка времени. А пока — нас смело можно считать родиной кратеров...

ПОЛТОРА. Котлованов и ям. И воронок.

НАЧАЛЬНИК. ...И всё это благодаря вам, мой хороший. Это счастье, что благодаря вам у нас теперь есть кратеры им. тов. тов. Вощёва, Вячеслава Михайловича Молотова, Климента Ефремовича Ворошилова, Николая Второго

«Кровавого», Софиста (лошади тов. Семёна Михайловича Будённого), Сергея Васильевича Липутина и, конечно, Грегора Замзы.

ПОЛТОРА. Так это не ямы?

НАЧАЛЬНИК. Такой-то глубины?.. Это счастье-2.0, что у нас наконец-то есть каналы им. Марсианских каналов им. Беломоро-Балтийского канала им. Иосифа Виссарионовича. Господи, мой славный, да тут едва ли не завтра будет рай-на-Земле!

ПОЛТОРА. Так это не траншеи?

НАЧАЛЬНИК. Такой-то протяжённости? таких-то тактико-технических характеристик? Где, мой любезный, вы видели траншеи, иногда почти бесконечные, десятки метров в ширину, а в глубину на полтора крупного-и-неутомимого человека-героя, вставшего в стременах сивого мерина, а? Они Прибудут, — а у нас уже всё готово и есть чем блеснуть: жирная рыба для наваристой ухи, пловцы на отдалённые дистанции, суда на галерной тяге в присутствии лёгкой турбулентности, но зато без кавитации, бурлаки, марширующие на одном берегу направо, а на другом — налево, тянущие столь нужные окраинам стиральные доски и гуталин... Вот только дожди. Говорят, они прольются, когда кто-нибудь утонет. И это не за горами, мой друг!..

ПОЛТОРА. А тем, которые окопы, тоже платите?

НАЧАЛЬНИК. А это уж как придётся: дают норму — непременно и обязательно. Во всяком случае очень стараемся.

ПОЛТОРА. Значит у них сдельная?

НАЧАЛЬНИК. Вне всяких сомнений.

ПОЛТОРА. А у меня?

НАЧАЛЬНИК. Дожди и Прибытие — вот два главных вопроса текущего момента, мой бугристый от натруженных мышц почемучка.

ПОЛТОРА. А тем, которые окопы, тоже цветы и торты?

НАЧАЛЬНИК. Вы делаете так много, что мы можем позволить себе платить вам от неугомной души и чистого сердца. Знаете ли вы, что вы не идёте ни в какое сравнение с теми, которые корпят над окопами?

ПОЛТОРА. Но ведь у них только копалки.

НАЧАЛЬНИК. Так положено.

ПОЛТОРА. Но почему только букет цветов и торт? И отчего через день на третий?

НАЧАЛЬНИК. Зато целых семнадцать лет и без единственной задержки. Торты наши не нравятся? Букеты не пышны? Подбор цветов не всегда полевой? Роз из палисадника захотели? О вафельном задумались? Не наедаетесь нашими «Наполеонами» и «Шварцвальдами»? Развесовка мала? Вы только скажите, и хлебозавод будет плясать только под вашу дудку. Спиртного в изделие недокладывают? Напишите по форме 7*, — и торты будут сочтаться семизвёздочным армянским коньяком, мой скромный. И астр добавим, и калл, и этих... жёлтых... круглых. Всё для вас, всё для упоённого претерраформирования родины.

ПОЛТОРА. Ну что вы.

НАЧАЛЬНИК. Значит букет цветов и торт — норм, а весь этот спрос — вздорная созерцательная любознательность после нелёгкой смены-и-вахты?

ПОЛТОРА. Норм. Неуместная детская пытливость на фоне заворуженности трудом.

НАЧАЛЬНИК. Вот и славно, мой трудолюбивенький. Баба-то есть? Подогнать тебе достойную тебя бабу?

ПОЛТОРА. Раньше я их выбрасывал, потому что ну сколько можно букетов и тортов, а также неожиданный совершенно детский диатез и пластмассовые цветы, и спал на теплотрассе, и ел, отнимая у собак, а теперь — зима катит... *(Дотрагивается до застывшего в воздухе шмеля, и тот падает оземь.)*

НАЧАЛЬНИК. Белые мухи? Господи. Надо же. Давно ли? Замотался. Не заметил. Учту. Спасибо, что напомнил, чувак.

ПОЛТОРА. ...и надо как-то выкручиваться, потому что завтра опять копать, а сон на теплотрассе нейдёт, потому что тёплая трасса теперь холодная, и собаки, которые не заболели воспалением лёгких, куда-то подевались. Поможете найти?

НАЧАЛЬНИК. Кого?

ПОЛТОРА. Собак.

НАЧАЛЬНИК. А цветы не пробовал есть, если торт надоел?

ПОЛТОРА. Это совет или подсказка?

НАЧАЛЬНИК. Это самопроизвольная идея.

ПОЛТОРА. Дельная. Спасибо.

НАЧАЛЬНИК. Ну что ты.

ПОЛТОРА. Простите.

НАЧАЛЬНИК. Ничего. Не опоздайте на смену-и-вахту.

ПОЛТОРА. Никогда. Ни разу.

НАЧАЛЬНИК. Знаем. Ценим. А что с тортами не так?

ПОЛТОРА. Обрыдли.

НАЧАЛЬНИК. Надо же. А я бы ел их, не отрываясь. Сначала ложкой, как приличный, минуты полторы, а потом — голыми руками, навалившись всей пастью.

ПОЛТОРА. А у меня и ложки нет. Надо чайной?

НАЧАЛЬНИК. Или специальной вилочкой.

ПОЛТОРА. Дождей вам.

НАЧАЛЬНИК. Именно. Сытных дождей — нам с вами, товарищ.

ПОЛТОРА. А кто должен Прибыть?

НАЧАЛЬНИК. Не могу сказать. Давал слово. Расписывался под страхом.

ПОЛТОРА. Тогда я попробую догадаться.

НАЧАЛЬНИК. Рискни.

ПОЛТОРА. Благодарю.

НАЧАЛЬНИК. У тебя всё?

ПОЛТОРА. Всё.

НАЧАЛЬНИК. Бывай. Завтра важный день.

ПОЛТОРА. Помню и не забываю. У нас каждый день важный.

НАЧАЛЬНИК. Потому что что?

ПОЛТОРА. Потому что важное дело делаем.

НАЧАЛЬНИК. Нет?

ПОЛТОРА. Чего?

НАЧАЛЬНИК. Бабу?

ПОЛТОРА. Можно мне прежде крепко подумать?

Начальник подходит к Полторе и бьёт его в ухо.

НАЧАЛЬНИК. Не очень больно? Пахать завтра сможешь? Завтра важный день.

ПОЛТОРА. Норм. Смогу — и с огоньком.

НАЧАЛЬНИК. Это за «эй». В следующий раз давай без «эев», ага? Нельзя так со мной и ко мне.

ПОЛТОРА. Не повторится.

НАЧАЛЬНИК. Если не повторится — с меня каллы в букете. Или ты любишь желтофиоль? Как думаешь, желтофиоль вкуснее каллы? Думай, но поспеши: что если я только сегодня такой добросердечный.

ПОЛТОРА. Не пластмассовые — предпочтительнее. Если можно.

НАЧАЛЬНИК. Постараюсь, но не обещаю. (*В сторону.*) Знаешь ли ты, сволочь, как трудно быть начальником? Каллы ему не пластмассовые... а если и пластмассовые — то что? Будешь их жрать, криваясь?..

Начальник испаряется, быстро-быстро снимая смазные сапоги, кафтан, мурмолку, накладную бороду и надевая костюм-с-искрой и... что там теперь носят на ногах после чистого припорошенного поля, над которым висят в зимней задумчивости шмели?

Полтора задумывается.

Оставшийся оркестр взволнованно сопровождает его самые проникновенные мысли.

ПОЛТОРА. Вот, к примеру, цветы: разве это не странно, что я ни разу не пробовал их есть?.. А вдруг они и впрямь хороши и питательны... (*Оркестр подчёркивает эту мысль изящной мелодией из, наверняка, Ф. П. Шуберта.*) Но как их готовить? Если это не лебеда, говорила мама, сырыми лучше не. Впрочем, на костре. Но где взять дрова? Дрова приносить с собой. Разобрать какой-нибудь стоящий в стороне приличный дом и приносить. На сковородке? в кастрюле? Если на сковородке, нужна сковородка, а на ней масло; если в кастрюле, понадобится вода, и не из лужи... Как же всё это обременительно. (*Оркестр, И. С. Бах.*) Но тогда — если букет

окажется хорош и питателен, — куда девать торт? (Оркестр, *Д. Ф. Тухманов.*) Неужели я подарю его женщине, о которой говорил Начальник? (Оркестр, *Deep Purple — Woman from Tokyo.*) На 8-е Марта? (Перекрикивая оркестр.) А что если поголодовать немного — и подарить женщине не просто торт, но и цветы... на 8-е Марта... (Поёт как может.) My woman from Tokyo / She makes me see / My woman from Tokyo / She's so good to me... Но где это Токио...

Действие второе,
в котором ПОЛТОРА, Иван, пытается найти Токио там,
где всегда 8-е Марта (в крайнем случае — самое начало
9-го, сразу после полуночи)

В каком-то дворе неподалёку от холодной теплотрассы. Поздний вечер. Забредший сюда Полтора, Иван (чёрная белая майка, черные голубые летние кальсоны, боты, а от назойливых белых мух — сложенные домиком руки над головой), смотрит на окна многоэтажки. В них свет, в них мелькают женщины; некоторые из них похожи на Чью-то Женщину из Токио. «Боже мой, тут есть женщины... — думает вслух Полтора. — Интересно, скоро ли 8-е Марта?..» В его руках так и не надкусанный букет и торт (сегодня это «Наполеон»). «А что если!..» — осенённо думает Полтора — и спешит в подъезд, в котором больше всего окон с негасимым светом и токийскими женскими тенями.

Вот и 33-й этаж. Полтора звонит в необходимую, как ему кажется, дверь. Открывает улыбчивая, но со смущённостью, приятно предупредительная женщина 33-х лет довольно токийского вида, хоть и одетая по-нашему: в телогрейке, валенках и шароварах с косматым начёсом для дальних лыжных прогулок по лесу около беспрестанно прирастающего кладбища.

ПОЛТОРА. Здравствуй, любимая! Я не опоздал? Сейчас всё ещё 8-е? Прости, возможно, я потерял часы с кален-

дарём, которые ты, кажется, подарила мне в нашу первую встречу: все семнадцать лет я вырывал в день по переходящим друг в дружку яме, кратеру, траншее — и увлёкся. А часы... они вполне могли соскочить с исхудавшего запястья, а потом я, не заметив, затоптал их, и теперь они показывают время, дату и день недели подземным жителям, всем этим несносным кротам... А «кажется» и «возможно» — это оттого, что я, по-моему, забыл точно ли это было: наша с тобой встреча...

ОТКРЫВШАЯ-2.33 (*расплывшись в самой искренней улыбке, которую только видел Полтора*). Извини за расхристаный вид, любимый. Что-то не топят.

ПОЛТОРА. Ой, ты говоришь на нашем. Повезло — несказанно.

ОТКРЫВШАЯ-2.33. Наш — лучший. Скажи? Но — погоди, любимый. Сможешь побыть без меня самую малость? (*Оставив дверь открытой, удаляется на десяток секунд. Вновь появляется в вечернем платье, на каблуках и с двумя стульями.*) А вот и я. Обрати внимание на туфли: эти каблукки до шеи — для тебя, любимый. Посиди на этом венском стуле, а на этот положи свой роскошный букет (завидую той, которой он достанется) и... что у тебя в этой внушительной коробке? Неужели...

ПОЛТОРА (*радостно кивает*). Торт, торт, любимая. Нынче — «Наполеон».

ОТКРЫВШАЯ-2.33. Это мой любимый, любимый. Пристрой же его бережно к своим рододендронам и эдельвейсам. Хочется верить, что всё это мне, а не какой-нибудь. Хотя, право же, я ничем не заслужила...

ПОЛТОРА. Праздник же, любимая. А потом ты — любимая. А ещё — я целых семнадцать лет долбил твёрдую породу и, не предупредив тебя, отсутствовал. Но теперь — всё: никаких твёрдых пород. Я не отойду от тебя, любимая, ни на секунду. А цветы и торт буду дарить через день на третий.

ОТКРЫВШАЯ-2.33. Как часто! Какой же ты хороший, любимый. Сможешь побыть без меня ещё чуточку? (*Поворачивается, чтобы опять нырнуть в квартиру.*)

ПОЛТОРА. Постой! Дай хоть руки тебе расцеловать...

ОТКРЫВШАЯ-2.33. Без маникюра? Ты можешь целовать эти заскорузлые лапки не накрашенными?

ПОЛТОРА. Могу и буду. Я мечтал об этом все эти годы без тебя. *(Целует протянутые руки.)*

ОТКРЫВШАЯ-2.33. Всё-всё... Не увлекайся, любимый. Дай я хоть духами обольюсь. Я сейчас. Дверь, не переживай, не закрываю. Перед тобой — никогда. *(Уходит, оставив Полтору сидеть на стуле в общем коридоре. Полтора — сияет, не веря случившемуся: неужели? почему он не сделал так раньше?..)*

ПОЛТОРА. С 8-м Марта, любимая! Как же я люблю тебя, любимая!

Вновь появившаяся в дверях Открывшая-2.33, во-первых, опять в валенках-шароварах-телогрейке, из-под которой торчит тельняшка), а во-вторых, не одна: с ней некто очень похожий на, гм, Начальника, только снова переодетого: на сей раз в какую-то иноземную, но такую узнаваемую форму.

ПОЛТОРА *(обращаясь к, гм, Начальнику)*. Вермахт? Абвер? НКВД? А вот ботиночки подкачали: это же бовёры! Меня такими знаете сколько раз пинали...

ОТКРЫВШАЯ-2.33 *(обращаясь к Полторе)*. Всё сидишь, сволочь? Цветы, торт, «любимая»... Ты бы ещё, сволочь, чемодан агдама приволок. *(Обращаясь к... Начальнику (?).)* А какая от него вонища! Я же говорила: просто так и сама эта сволочь не уйдёт. Уделай его, Володинька. Чего тебе стоит. *(Володинька подходит к Полторе и бьёт его в ухо. Полтора валится на пол.)* Руку не отбил? Вкалывать завтра сможешь? *(Володинька неопределённо хмыкает.)* Не слабо ли? Он понял? его проняло?

ПОЛТОРА. Норм. Проняло. *(Встаёт с пола, цветы и торт передаёт Володиньке, сказав ему: «Подержите, пожалуйста», отодвигает Открывшую-2.33 в сторону, заносит стулья в квартиру, возвращается, забирает у Володиньки букет и торт, уходит.)*

ОТКРЫВШАЯ-2.33. Это за «здравствуй, любимая», сволочь. В следующий раз давай без церемоний, сволочь. Нельзя так в кальсонах с незнакомой замуженной девушкой, сволочь... Меня же инфаркт мог свалить...

ПОЛТОРА (*обернувшись*). Да понял я. Поняла всё сволочь... Не знаете, на 44-м есть подходящая женщина, которую можно поздравить с 8-м Марта? Я руки биноклем складывал, и мне показалось, что одну такую я видел...

ОТКРЫВШАЯ-2.33. А вот за это можно и в другое ухо... (*Обращаясь к Володиньке.*) Догони, дай. Ты уже в какое его, Володинька? (*Володинька пожимает плечами.*) Тогда на твоё усмотрение. Только руку береги! Тебе ею через день на третий цветочки вручать, щёчку трепать... (*Володинька убегает за Полторой, роняя такую гестаповскую фуражку. Открывшая-2.33 поднимает её, потряхивает, надевает. Ей очень идёт.*) Вот растяпа. Фуражку обронил...

Через 3 минуты 16 секунд, в течение которых в а капелла-исполнении Певучего Мальчика, стоящего на стуле, который стоит в общем коридоре 44-го этажа, звучит соч. 34/2 Ф. Мендельсона, запыхавшийся Полтора несдержанно звонит в квартиру, на которую, жестикулируя, произвольно указывал Певучий Мальчик.

Кстати. Если вы думаете, что, обжёгшись на 33-м этаже, Полтора будет вести себе иначе, а именно отходить от двери на безопасное расстояние, говорить из-за угла не то, что думает (то есть подстраиваясь под), сначала аккуратно выспрашивать род занятий Открывших владелиц квартир с видом на каналы (траншеи) и теплотрассу, узнавать их имена (согласитесь, некоторых женщин зовут ужасно), нет ли у них мотивов и намерений к совершению в отношении него агрессивных действий, водятся ли в их доме боевые гранаты, метательные ножи, серная или соляная кислоты (соляную могут насильно влить внутрь), злые собаки, мужья, служившие некогда боксёрами, свежий, только с плиты, кипяток, заряженные (и не одной лишь солью)

дробовики, то вы ошибаетесь: Полтора, Иван, землекоп, сделан из другого материала, он — почему-то неприспособливаемый.

Дверь открывается широко и решительно, безо всяких «кто там?», «я вас не знаю и знать не хочу» и «вы точно не ошиблись дверью/подъездом/домом?». Открывшая-2.44 совершенно нага, но при этом нисколько не нежна-мягка-изящна — и не стесняется.

ПОЛТОРА. Ой.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Чего надо?

ПОЛТОРА. Здравствуй, любимая! Любимая, ты не простишься? Я дам тебе майку (*начинает снимать с себя майку, чтобы надеть её на Открывшую-2.44. Но она останавливает его*). Это же я, любимая. Любимая, я вернулся. Меня так долго не было, что я забыл о нас с тобой, а ты, любимая, наверное, забыла, как я выгляжу. А выгляжу я вот так, любимая. Не очень, да? Зато ты, любимая, выглядишь — закачаешься. Как всегда.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. А «любимая» после «как всегда»?

ПОЛТОРА. Прости. Любимая. Конечно. Следовало сказать: «Как всегда, любимая». Говорю: как всегда, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Любимая — это моё имя, что ли?

ПОЛТОРА. Не могу называть тебя иначе, любимая. А другого имени даже знать не хочу. Допустим, Наташа. Ну не смешно ли! Наташа! Какая Наташа, если — любимая, любимая. Или вот, скажем, Анна Вячеславовна! Это ещё смешнее, любимая. Правда же?

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Ну и где ты был так долго, что я напроць забыла твою морду и какой ты козёл?

ПОЛТОРА. Любимая, я работал как оглашенный. И мне, увы, не было дела ни до чего вокруг. И, к сожалению, ни до кого. Даже до нас с тобой, любимая. Но сегодня глаза вдруг открылись. И не потому что октябрь и припорошило, и лопата отказывается входить в пласт, не согнувшись в три погибели... Просто так, наверное, бывает...

ОТКРЫВШАЯ-2.44. И какие они у тебя?

ПОЛТОРА. Что «какие», любимая?

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Глаза.

ПОЛТОРА. Конечно, зелёные, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Сейчас закроются. (*Уходит в квартиру.*)

ПОЛТОРА (*кричит в открытую дверь*). Любимая, я с подношениями, которые, возможно, извинят меня. Хотя сколько-нибудь. Взгляни на этот букет, любимая. В нём ещё нет калл и желтофиоли, но он уже тебе к лицу. Не недолговечна ли ты пластмассовые цветы, любимая? Среди этих цветов, возможно, есть и такие, но, уверяю тебя, любимая, здесь есть и полевые. В полях нет пластмассовых цветов! Или торт, любимая. Он сегодня такой, что, если метать его в лицо, от лица останется один вкусный крем. Любимая, ты любишьлизывать крем с любимых лиц? И цветы, и торт — тебе, любимая. Я больше никогда не буду выбрасывать их или обменивать на водку. Я это торжественно обещаю и клянусь.

ОТКРЫВШАЯ-2.44 (*вернувшись, держа в руках бумажный пакет с чем-то круглым, быть может, с яблоком породы антоновка, которой сейчас самое время*). Где они?

ПОЛТОРА. Кто «они», любимая?

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Желтофиоль и твой торт с кремом для морды.

ПОЛТОРА. Вот же они, любимая. Только желтофиоли нет, но она планируется. Она украсит букет, как ни один другой цветок, любимая. Ты права, любимая, назвав желтофиоль по имени.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Руки подними.

ПОЛТОРА. Обе? И с букетом, и с тортом, любимая?

ОТКРЫВШАЯ-2.44. На ширину плеч. Вот так. Сразу не опускай, поддержи с минутку. Сможешь?

ПОЛТОРА. Конечно, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Не опустишь ручонки?

ПОЛТОРА. Ни за что, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. А теперь пошли на подъездный балкон.

ПОЛТОРА. Любимая, там холодно, там припорошило, ты схватишь воспаление лёгких, я тебя выхожу, но мне будет неприятно, что ты заболеешь по моей вине. Давай я надену на тебя хотя бы свою майку.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Не бойсь, я туда, сверкая жопой, двадцать раз на дню курить бегаю. Там такие виды. Там такой красивый канал какой-то идиот роет...

ПОЛТОРА. Этот идиот, любимая...

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Заткнись. (*Уже на балконе.*) Жаль, что темень и канала не видно.

ПОЛТОРА. Чёрт, я забыл, любимая! Ударь меня по лбу вместо меня. Ну пожалуйста.

ОТКРЫВШАЯ-2.44 (*бьёт его по лбу*). Что такое? Что ты опять выдумал?

ПОЛТОРА. С 8-м Марта, любимая!

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Ну конечно. Ты собираешься стоять тут пять месяцев?

ПОЛТОРА. Столько, сколько скажешь, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.44. Нет, мы управимся быстрее. Руки! На ширине плеч. Не устал?

ПОЛТОРА. Нет, любимая.

На этом Открывшая-2.44 развязывает поясную тесёмку на чёрных голубых летних кальсонах Полторы, засовывает руку в принесённый бумажный пакет с чем-то круглым, возможно, антоновкой, чем-то там щёлкает, кладёт пакет в кальсоны Полторы и убегает, крича: «Четыре секунды, любимый. Максимум — шесть!»

ПОЛТОРА. Господи, неужели граната... Раз. (*Бросает на пол букет и торт.*) Два. (*Вынимает из кальсон пакет.*) Три. (*Смотрит в него.*) Без чеки. Четыре. (*Бросает пакет с балкона в темноту двора.*) Пять. (*Падает на пол. Граната оглушительно взрывается.*) Шумовая. Шесть. (*Поднимает цветы и торт и идёт по лестнице на 55-й этаж.*) Девять. Десять. Одиннадцать...

Ровно через 4 минуты, в течение которых в а капелла-исполнении Певучего Мальчика, стоящего на стуле, который стоит в общем коридоре 55 этажа, звучит песня **A Whiter Shade of Pale** группы Procol Harum, запыхавшийся Полтора

невозмутимо, но обдуманно звонит в квартиру, на которую, хлопоча лицом во время пения невольно указывал Певучий Мальчик.

ПОЛТОРА (*непроизвольно перепевает исчезнувшего Певучего Мальчика*). We skipped the light fandango / Turned cartwheels 'cross the floor / I was feeling kinda seasick / But the crowd called out for more...

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Кто?

ПОЛТОРА. Это я, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Что там бабахнуло?

ПОЛТОРА. Граната. Шумовая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Я так и подумала. Тут одна часто. Или это ты?

ПОЛТОРА. Одна с 44-го?

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Которая всегда голая?

ПОЛТОРА. Была голой.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Значит она.

ПОЛТОРА. Любимая, мне кажется, она не виновата...

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Никакая я тебе не любимая...

ПОЛТОРА. Ошибаешься, любимая, ты любимая. Но если ты скажешь: «уйди, любимый», — я уйду и больше не потревожу.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Я придумала. Чай будешь?

ПОЛТОРА. С вареньем?

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). С крыжовенным.

ПОЛТОРА. Буду, любимая! И без варенья буду.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Цветы — мне?

ПОЛТОРА. И торт. (*Подносит букет и торт к глазку.*)

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Красивые. «Наполеон»? А чего он помятый?

ПОЛТОРА. Так получилось, любимая. При взрыве гранаты... Я совсем забыл про торт! Варенья не надо. Будем пить чай с тортом. Всё-таки 8-е Марта.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Уже 8-е?

ПОЛТОРА. Определённо. Если только не начало 9-го.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Нет, до полуночи ещё сто раз можно уснуть.

ПОЛТОРА. Вот и славно!

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Итак, изопьём чаю. Цветы и торт — отложи в сторону. Хочу рассмотреть тебя... Теперь повернись спиной. А чего в одной майке?

ПОЛТОРА. Только с работы, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Так даже лучше. Стой спиной, пока я не открою дверь. Будет сюрприз.

ПОЛТОРА. Есть стоять спиной, любимая. (*Ожидая, когда ему откроют, поёт.*) And so it was later / As the miller told his tale / That her face at first just ghostly / Turned a whiter shade of pale...

Дверь распахивается. Женщина средних лет в галифе и гимнастёрке, словно из орущего: «За родину!» в глубине квартиры телевизора, быстро осматривается и выплёскивает на стоящего спиной Полтору кастрюлю кипятка. Ошпаренный Полтора орёт. Открывшая-2.55 хватается с пола торт и возвращается в квартиру.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Больно?

ПОЛТОРА. Очень, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Анальгин будешь? Дать чем-нибудь помазать?

ПОЛТОРА. Буду, любимая. Дать, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55 (*через дверь*). Я сейчас. (*Пауза, в течение которой на этаже появляется Певучий Мальчик со стулом. Но в тот момент, когда он становится на стул, дверь открывается.*) Анальгин. На. Запей. (*Подает Полторе стакан воды.*) Да повернись ты уже!

ПОЛТОРА. Извини, любимая. (*Поворачивается, глотает анальгин.*)

ОТКРЫВШАЯ-2.55. А помазать нечем. Зато есть много холодной воды. Тебе бы постоять в душе под водой. Захо-

ди. Букет, кстати, красивый. Но я его не возьму — виновата. (Полтора проходит в душ и несколько минут стоит под холодной водой.) Помогает?

ПОЛТОРА. Да, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Хорошо. А теперь, если боль спала, вали. Вали-вали. Ходят тут всякие. Только сначала обтеки. Не хочу вытирать за тобой. (Ждут, пока Полтора обтечёт, после чего Полтора выходит в коридор.) И не возвращайся, понял? Никогда.

ПОЛТОРА. Понял, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Возьми всю упаковку. Если невмогуту, можно сразу три таблетки. Кто она, эта твоя «любимая»?

ПОЛТОРА. Это ты, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Проваливай.

ПОЛТОРА. Проваливаю, любимая. (Уходит, подняв с пола букет.)

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Куда ты теперь?

ПОЛТОРА. На 66-й, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Думаешь, она там?

ПОЛТОРА. Всё может быть, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. А потом куда? после 66-го?

ПОЛТОРА. На работу. Переночую в вашем доме на лестнице — и вкалывать.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Не проспишь?

ПОЛТОРА. Не знаю, любимая. Лежать придётся на животе. На животе — могу.

ОТКРЫВШАЯ-2.55. Замри. (Уходит. Возвращается.) Вот тебе будильник, чтобы не проспять, завела на семь. И вот тебе термос с чаем, чтобы запивать анальгин. Всё, пошёл отсюда.

ПОЛТОРА. Спасибо, любимая...

Через 5 минут 5 секунд, в течение которых в а капелла-исполнении дуэта в составе Певучего Мальчика, стоящего на стуле, который стоит в коридоре 66-го этажа, и Полторы, Ивана, землекопа, стоящего рядом с Певучим Мальчиком, звучит песня [Tragedy](#) группы Bee Gees, Полтора спрашивает у Певучего Мальчика: «В какую?» и, получив ответ от сред-

него пальца левой руки, зажав кнопку, бесконечно звонит в указанную дверь, гулко стуча по ней правой ногой. Когда Певучий Мальчик собирается испариться, Полтора говорит: «Поди сюда, малец» и суёт ему букет. Мальчик встаёт на стул, прикладывает цветы к сердцу, кланяется — и исчезает.

ПОЛТОРА (*noём*). Tragedy // When the feeling's gone and you can't go on // It's tragedy... (*Говорит.*) Любимая, это я. Покажись, любимая...

Из неожиданно открывшейся двери выскакивает некто изумительной красоты и похожий на Анну Петровну К., валит Полтору шокером и — для верности — распыляет в его лицо газ из баллончика, ставит правую ногу на грудь упавшего и поёт: «Holding you, holding you / Loving you, loving you». И столь же стремительно покидает поле неравного боя.

Почти сразу же в коридоре сгущается полумрак.

Почти сразу же из другой квартиры выходит некто сердобольный, подкладывает под голову недвижимо лежащего Полторы подушку, тщательно укрывает его пледом, а на крышку термоса кладёт два кусочка рафинада.

Почти сразу же после этого в коридоре наступает утро, и звонит будильник. Очнувшись на том же месте на том же этаже, Полтора не без удивления пьёт, причмокивая, чай из термоса, складывает стопочкой подушку и плед и, громко прошептав в пустоту: «Спасибо, любимая», уходит на работу. В этот самый момент на улице начинается страшный ливень.

Действие третье,
в котором ПОЛТОРА, Иван, заработав очередные букет
цветов и торт, задаёт новый вопрос, после чего почти не
думает

Через 13 часов смены все видимые глазом траншеи, выкопанные Полторой в последние месяцы, заполнились водой

под завязку. И сразу стало ясно, особенно мокрым птицам, что никакие это не траншеи, но, как и говорилось Начальником, канал. Начальник, кстати, тут: от совершеннейшего счастья выкидывает уморительные антраша, прикрикивая, но не строго: «Я же говорил». И оркестр — здесь же: готовится к внеочередному торжественному вручению Полторе, Ивану, землекопу, жалованья, ибо «сегодня прорыв, который нельзя не отметить досрочно и премиально, а не через день на третий».

Дождь не утихает, но людей из окрестностей это не останавливает: все наличные резиновые лодки спущены на воду. Набившиеся в них водоплаватели безостановочно пьют, не закусывая, требуя от Полторы не останавливаться, потому что «вот бы уже сегодня достичь Белого моря, парень». Полтора (чёрная белая майка хоть выжимай, чёрные голубые летние кальсоны без единой сухой нитки, булькающие резиновые боты), вняв пожеланиям, возвращается к копанию, но его стыдит Начальник в сопровождении барабанщиков, ложкарей и дудочников:

НАЧАЛЬНИК. Эй, ты! И смене конец, и я без зонта. По-бырому свернулся, подскочил, получил премиально причитаемое, поклонился в пояс, — и нас уж нет. Идёт?

ПОЛТОРА. Идёт. Спасибо.

НАЧАЛЬНИК. Спасибо дождю. Если бы не он — что бы я тут делал?

ПОЛТОРА. Ничего.

НАЧАЛЬНИК. У тебя сколько рук?

ПОЛТОРА. Две.

НАЧАЛЬНИК. А понадобятся четыре, как у собаки. Выплата-то премиальная, ливневая: два букета и два торта. Букеты, как и договаривались, с новыми цветами. Торты — старые добрые «Наполеон» и «Шварцвальд». Киршвассер так и сочится, — из «Шварцвальда». Съел кусок — и сыт-и-пьян до следующей получки. А тут два торта. Знаешь, сколько в двух тортах кусков?

ПОЛТОРА. Нет.

НАЧАЛЬНИК. Уйма.

ПОЛТОРА. Ух ты.

НАЧАЛЬНИК. Надеюсь, ты будешь без ума от калл и желтофиоли. Правда, они пластмассовые, но зато покрыты толстым слоем котлетного налёта. Учёл наш давешний разговор. Мы тоже кое-что умеем.

ПОЛТОРА. Большие спасибочки.

Начальник даёт отмашку, оркестр взывает, Начальник минуты три толчёт воду в привычной наградной ступе, заставляя Полтору непроизвольно кланяться и аплодировать, аплодировать и кланяться. Отговорив и вручив, Начальник моментально переодевается и...

ПОЛТОРА. Заранее простите за «эй».

НАЧАЛЬНИК. Не обещаю... Нет, обещаю: льёт же, я переоделся и хочу испариться.

ПОЛТОРА. Эй.

НАЧАЛЬНИК. Чего тебе ещё?

ПОЛТОРА. Можно вопрос?

НАЧАЛЬНИК. Короткий.

ПОЛТОРА. Будете торт? Зачем мне два...

НАЧАЛЬНИК. Это вопрос? Не откажусь. От «Шварцвальда».

ПОЛТОРА. Только вилочки у меня нет.

НАЧАЛЬНИК. И без неё управлюсь. *(Подходит к Полторе и бьёт его в ухо.)*

ПОЛТОРА. За «эй»?

НАЧАЛЬНИК. Ага.

ПОЛТОРА. Больше не повторится.

НАЧАЛЬНИК. Торт.

ПОЛТОРА. Ага. *(Размахнувшись открытой коробкой «Шварцвальда», впечатывает торт в лицо Начальника.)*

НАЧАЛЬНИК. Ой.

ПОЛТОРА. Вкусно?

НАЧАЛЬНИК. Безумно. Обожаю его. Всегда хотел вот так. Спасибо.

ПОЛТОРА. Рад.

НАЧАЛЬНИК. Завтра — важный день. Не опоздай.

ПОЛТОРА. Не обещаю.

НАЧАЛЬНИК. Чего?

ПОЛТОРА. Не уверен.

НАЧАЛЬНИК (*выковыривая торт из ушей*). Я не слышал.

ПОЛТОРА. А то и вовсе не выйду. Володинька.

НАЧАЛЬНИК. В такой важный день?!

Полтора задумывается, но тут же отмахивается от мыслей, словно от мёрока. И уходит, оставляя Начальника наедине с оркестром. Начальник убирает-поедает торт с лица, головы, плеч, засовывая перемазанные руки в рот чуть ли не по локоть. Оркестр сопровождает его вкусные и приятные усилия фразами, кажется, из моцартовского «Реквиема».

Действие четвёртое,
в котором ПОЛТОРА, Иван, ищет, но находит

Тот же двор неподалёку от холоднотрассы. Полтора коротко всматривается в дом, замечая, что на некоторых окнах висят крупные, белым по чёрному, номера квартир, подсвечиваемые изнутри лампочками: «77», «88», «99»... А другие окна и вовсе открыты, и из них доносится женское «Ко мне, ко мне...», сопровождаемое ласковой жестикуляцией, которую скрадывает темнота, но Полтора складывает ладони-лопаты в бинокль, и...

«Неправильный я вчера был...» — думает вслух Полтора. Из открытых окон переспрашивают: «Чего? Мы не слышим. Повторите». Полтора громко и ясно повторяет. «Почему это?» — спрашивают в окнах. — «Потому», — отрезает Полтора. И громко, для всех: «Надо было по всем пройти, начиная с 1-й квартиры». «Да нет же, — кричат из окон, — сначала ко мне загляните. Я в 111-й... Я в 222-й...»

Полтора кивает, но не 111-й или 222-й, а себе, и идёт туда, куда должен. В 1-ю. Потому что начинать надо сначала, а не дёргаясь по всяким 33-м и 44-м.

ПОЛТОРА (*пройдя в заранее открытую дверь*). Здравствуй, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-1. Здравствуйте. Будете чай? Только что заварила.

ПОЛТОРА. Буду, любимая. Будете торт? Говорят, торты делают к чаю, а не на обед-ужин.

ОТКРЫВШАЯ-1. Буду.

ПОЛТОРА. «Наполеон».

ОТКРЫВШАЯ-1. Всё равно буду.

ПОЛТОРА. У меня есть цветы, любимая. Целых два букета. В них были пластмассовые, но я их распознал и выбросил. Настоящих... кажется, это золотарник... осталось три веточки. Вы примете их, любимая?

ОТКРЫВШАЯ-1. Букеты из трёх веточек — всегда самые-самые.

ПОЛТОРА. Спасибо, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-1. Вазы нет, но есть бутылка из-под «Буратино».

ПОЛТОРА. Это лучшая ваза, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-1. Вот бутылка. Пожалуйста, налейте в неё дождевой воды. Говорят, в такой воде цветы стоят вечно.

ПОЛТОРА. С удовольствием, любимая. (*Высовывает руку с бутылкой в окно.*) Почему вы не спрашиваете меня, как долго я буду любить вас, любимая?

ОТКРЫВШАЯ-1. Потому что я знаю ответ.

ПОЛТОРА. Любимая, вы когда-нибудь сможете назвать меня «любимым»?

ОТКРЫВШАЯ-1. Может быть, через двадцать пять лет, когда мы уже немного состаримся?

ПОЛТОРА. Вы позволите мне всё это время называть вас «любимой»?

ОТКРЫВШАЯ-1. Думаю, да.

ПОЛТОРА. Спасибо, любимая.

ОТКРЫВШАЯ-1. Вам спасибо.

В квартире №1 возникает Певучий Мальчик. Не сговариваясь, он, Открывшая-1 и Полтора подходят к распахнутому окну и поют песню «Фудзияма» ВИА «Исупов»:

В феврале в ту же воду войти не получится, — жом
из воды в человеках на лодках озлоблен морозом.
Утонуть? Но не сказано, как, и не сказано, в чём.
«Ну а в ком? можно в ком?» — вдруг прорезался звук
в безголосом.

Вдруг родился вопрос, и вода пролилась, и взошёл
человек землеройный на небо из вырытой ямы.
А на небе не мёд. Но на небе из губ, цепких пчёл,
иногда протекает в другого: «Во мне», если прямо,

а не криво шагать. «Я с тобой утону, только б ты
утонул, а не рыл». — «Это Токио?» — «Это не яма».
А на небе не мёд, но скажи про себя: «Полбеда» —
и услышишь смешливый ответ: «Полбеда Фудзиямы».

В отличие от Певучего Мальчика, Открывшая-1 нисколько не фальшивит и знает все слова до последнего, а значит — Полтора нашёл.

Никак

Действующие лица

ДЯДЯ, не чей-то, а изо рта ребёнка, который. А так, для всех прочих, или «брат», или «мужик», или «ну-ты-даёшь», или «слезь-сволоочь», или «кончай-выделываться», или совсем уж любезное: «олух царя».

МАЛЬЧИК, который (см. выше) ребёнок, который всегда готов помочь ДЯДЕ в его неистребимом затруднении, да только вечно не на месте, потому что школа, пятый (а то и четвёртый), очень важный для будущей жизни среди этих, класс. (Но вот в чём штука: что если это не совсем дитячко... вдруг это вполне себе взрослый дяденька годов 14-16-ти, только крепко отстающий...)

НАРОД, безразличный до умопомрачения ДЯДИ, спешащий, отрешённый, зашуганный, конченный; в общем, бедолага и броуновская ширнармасса, а не, гм, демос.

МЕНТ (нужен тут МЕНТ?.. А, пусть будет — мало ли что).

ПОЛТОРА, Иван, землекоп с цветами и тортом в поисках Женщины (причём не

какой-то, а Его, да ещё и из Токио); две-три фразы, зато какие. (Но искать у нас барышню из Токио — это всё-таки перебор. Говорит о чём-то, не так ли?)

ВРОНСКИЙ, Алексей Кириллович, флигель-адъютант, бывший ДЯДЯ (?).

Опять

Место, конечно, оживлённое: не *Сибуй*, но Народ ходит и ходит, и днём, собаки, и ночью шастают, и нет на шатунов никакого сладу, разве что палить в них из амбразуры окна из духового ружья солью, палить прицельно, в ляжки, жирные затылки и отставленные пухлые ручки с вонючими сигариллами. Впрочем, ходят и ходят, не в том дело.

Неподалёку от, но в зоне прямой видимости таскающейся ширнармассы, некий Дядя (который «ну-ты-даёшь» и пр., см. выше) задумал сунуть голову в петлю, чтобы зачем-то решить свои, гм, проблемы прилюдно. Устало и даже как-то привычно принёс с собой табуретку, встал на неё, пристроил крепенькую намыленную верёвочку к столбу, на котором для всеобщего любопытствующего обозрения некогда вешали беглых холопов (а теперь, лет как тринадцать, перестали, ибо всеобщая декларация чего-то там, и люди нынче — едва ли не птицы), а ещё намеревались вздёрнуть Иисуса, если б только сыскался (но нет, ни одного за всё время: ни до быстроногих холопов, ни во время, ни после), и — сунул голову в пеньковое изделие.

И — остолбенел, не хуже деревянного изделия, к которому прилачился. И никак, ну совсем никак, как ни пыжится, не может переступить на край табуретки, чтобы.

Так и стоит.

Отчего же? — Отнялись ноги, отнялись руки, отнялось всё. Но не рот: упрасивает, отбрёхивается, читает нотации и даже просит, гм, представителей власти «оградить». Вот ведь.

ДЯДЯ (в полосатой — да ещё и оранжевой — спальной пижаме, а на лице... а на лице не грим даже, но недоделанный макияж: один глаз накрашен, а другой — брошен, смазан, грязен, и из-под спальной пижамной шапочки торчит, гм, коса русая, хотя сам Дядя, кажется, брюнетистый, хоть и седой. Словом, выглядит он отчего-то этакой мценской Макбет, Катериной Львовной, если только вы помните такую, а если помните — способны представить её полунакрашенным мужчиной среднего+ возраста). Эй.

НАРОД. Вы мне?

ДЯДЯ. Вам. Конечно, вам. Кому же ещё.

НАРОД. Что, брат, не можешь?

ДЯДЯ. Не могу, брат.

НАРОД. И я не могу — некогда. (Убегает.) Прости, брат...

ДЯДЯ. И ты меня прости. Эй. Э-э-эй.

НАРОД. Меня, что ли, хотите?

ДЯДЯ. Вас, сестра.

НАРОД. Чем могу?

ДЯДЯ. У вас есть брат?

НАРОД. Как ни странно, есть. Такой придурок, прости господи. И от отца другого, и, знаете ли, дворник. Или сторож. Я уже запуталась. Ничего общего. Звоним друг другу 3-го января, на Новый год. Произносим пять слов: «брат/сестра», «с праздником», «желаю всего», «пока». А в чём вопрос?

ДЯДЯ. Окажись ваш брат в моей ситуации, вы помогли бы ему?

НАРОД. И какая же у вас ситуация?

ДЯДЯ. Я на табуретке, но не могу пошевелиться, ни одним членом. Если бы ноги слушались, я соскользнул бы с табуретки, и петля наконец затянулась.

НАРОД. Вам это так надо?

ДЯДЯ. Очень-очень.

НАРОД. Ясно.

ДЯДЯ. Вы выбили бы табуретку из-под брата?

НАРОД. Вы артист, что ли? Это какой-то уличный спектакль? Когда аплодировать? Нас снимают? Я не разрешаю вам съёмку. Сейчас же прекратите.

ДЯДЯ. «Артист»? Я не понимаю.

НАРОД. Ой, да вы же накрашены... И одеты, как клоун. Кто так сейчас ходит... Только клоуны в моргах и... А, так вы сумасшедший. Я догадалась. На клоуне были бы ботинки на 15 размеров больше, а вы в тапочках. Сколько же теперь психов, в кого ни плюнь — повреждён в уме...

ДЯДЯ. Отнюдь, сестра. В правом кармане пижамного, гм, пиджака лежит справка из диспансера. Пожалуйста, прочитайте.

НАРОД. ...Или это какой-то тест?

ДЯДЯ. «Тест»?

НАРОД. На отзывчивость, что ли. На человечность. Если что — могу купить вам кофе. Только напишете потом в отчёте, что я не такая уж сволочь. Хотите кофе? Тут продают неплохой.

ДЯДЯ. Вы думаете мне сейчас до кофе?.. У меня всё отнялось, и, что ужасней всего, ноги. Хотя в жизни... когда я не на табуретке... я ходок и даже бегун. Вы за сколько 1 км пробегаете?

НАРОД. Ничего, у меня есть минутка. Я напою. Вам с сахаром?

ДЯДЯ. Три ложки, пожалуйста.

НАРОД. В такой маленький стаканчик?

ДЯДЯ. Дурацкая привычка.

НАРОД. А, три пакетика. Поняла. *(Уходит за кофе. Возвращается. Понимает, что не достанет до рта Дяди. Бежит к кофейному ларьку за стулом: «У вас есть стул или, я не знаю, стремянка... лестница? Дайте мне, пожалуйста, стул на минуточку. Я только исследователя с косичкой напою и тут же верну. Спасибо!» Теперь достаёт. Поит.)* Не спешите, ма-а-аленькими глоточками... Я промокну вам губы. Платок чистый. Как вы и просили, три сахара. Не самый отвратный кофе, правда же?.. Я прошла тест?

ДЯДЯ. Как вам угодно.

НАРОД *(относя стул)*. Что вы сказали?

ДЯДЯ *(кричит)*. Но лучше бы вы выбили из-под моих чёртовых соляных ног табуретку!

НАРОД (*не слыша*). Что вы сказали?

ДЯДЯ. Ваша минутка вышла. Вам пора.

НАРОД (*вернувшись*). Простите, но мне пора.

ДЯДЯ. Спасибо за кофе. Оказывается, это неплохо — выпить кофе перед уходом.

НАРОД (*уходя*). Одного не понимаю, зачем ради какого-то теста так раздеваться...

ДЯДЯ. Кто-нибудь... Люди... Есть тут люди?..

НАРОД. Ну есть один, и чего?

ДЯДЯ. Вы полагаете, вы человек?

НАРОД. Ну-ты-даёшь. Выбить бы из-под тебя табуретку. (*Собирается уходить.*)

ДЯДЯ (*вдогонку*). Ну так выбейте, пожалуйста! Если вы действительно человек, то не будьте хотя бы бессмысленным: вас просят — войдите в положение и не откажите. И вы не пожалеете. У меня во внутреннем кармане — завешание. Нотариус где-то тут, отошёл, курит, не очень-то верит, нервничает. Возьмёте мой телефон и вызовите его. Впишем в бумагу ваше имя, и готово. Я не богат, но кое-что есть.

НАРОД (*останавливается, через плечо*). Ещё чего. (*Уходит.*)

ДЯДЯ. Алё, с собакой. Подойдите. Чего скажу.

НАРОД. Близко не могу: мой волкодав чужих поедом ест.

ДЯДЯ. О-о-очень хорошо! Пусть он набросится! Пусть свалит меня! Я вам заплачу! Деньги лежат в левом кармане, простите, пижамной курточки. Семь штук по сто. Сколько это будет... Восемьсот или даже девятьсот. Этого хватит?

НАРОД. На что?

ДЯДЯ. За что?

НАРОД. Вот именно.

ДЯДЯ. Спустите на меня собаку, сказав ей «фас». Или что там вы говорите, когда хотите, чтобы собака сбила человека, стоящего на табуретке.

НАРОД. И покоцала?

ДЯДЯ. И покоцала.

НАРОД. Насмерть?

ДЯДЯ. Как угодно.

НАРОД. Насмерть стоит дороже.

ДЯДЯ. Но у меня с собой только семь по сто.

НАРОД. А надо три пятьсот. За три пятьсот она свалит вас и придушит. Если я отзову, сказав «фу», убивать не станет. Но только не здесь. Лучше всего ночью в чистом поле и при двух свидетелях: вашем и моём. Но сначала мы подпишем договор об отказе от претензий в случае тяжких увечий или чьей-нибудь смерти.

ДЯДЯ. Типа «в моей смерти прошу винить только меня, дурака»?

НАРОД. Типа.

ДЯДЯ. Ничего не выйдет. И денег с собой таких нет, и надо здесь и сейчас.

НАРОД. За какие-то семьсот при всех этих, которые сбегутся, чтобы меня четвертовать, а собаку — объявить бешеной?

ДЯДЯ. За семьсот.

НАРОД. Не смешите.

ДЯДЯ. Извините, что потревожил.

НАРОД. Ничего. Приятного вам дня. Надеюсь, вам поведёт. (*Уходит.*)

ДЯДЯ. Эй, ты, с ещё одной блохастой собакой! Быстро подскочил! И на полусогнутых! И собака твоя пусть стелется! (*В сторону.*) С собакой у меня совсем не выходит, но — есть задумка.

НАРОД. Чё ты сказал, мужик?

ДЯДЯ. Собака твоя — редкая сволочь, а сам ты — говно. Я же вижу: жене изменяешь, учился на тройки, не дебил, но бестолочь, наверняка торгуешь салом — но жалким малым оптом, а жена тебя терпит только за то, что ты возишь её на море, где она тебе изменяет (впрочем, она и здесь тебе изменяет, с соседом и соседкой). Я прав? Я прав. И своего мнения я ни за что не изменю. Обозвать тебя ещё как-нибудь?

НАРОД. Ну-ка быстро слез с табуретки, чтобы я набил тебе морду.

ДЯДЯ. И не подумаю. И, не подумав, готов плевать в тебя своею жирной туберкулёзной слюной.

НАРОД. Чего-чего?

ДЯДЯ. Чахоточной. Чтобы твоя притырочная собака озлилась и бросилась на твою защиту. (*Понизив тон.*) Да не пугайтесь вы. Так надо. Подыграйте, пожалуйста. И пусть ваш милый бобик вопьётся мне в горло.

НАРОД. Это для чего же «так надо»?

ДЯДЯ (*снова на повышенных тонах*). А ведь я плюну в тебя, негодяй! (*Плюёт.*) Хочешь ещё? Или готов обтекать? Граждане, он торгует прогорклым салом, которое окунает в шоколад, чтобы не так воняло!

НАРОД (*подтянувшийся на крик, обращается к «торговцу салом»*). Это правда? Мужик, зачем ты так делаешь? Ты же нас травишь. Я знаешь как сало люблю. И холодец.

ДЯДЯ. И жена у него толсто...бёдрая негритянка! Я слышал, как она говорит! Она до сих пор не может просклонять такую простую фамилию, как Иванов. Я ей: «Мадам, как будет Иванов в родительном падеже?» А она мне: «Да пошёл ты в жопу, олух царя».

НАРОД (*подтянувшийся на звуки распри*). А дети у тебя, мужик, какого цвета?

ДЯДЯ. А, испугался!.. Оставьте его, не бейте его, товарищи, он уже уходит. Давай-давай отсюда! Троечник... Я бы лучше о вас два слова сказал. Можно?

НАРОД. Обо мне?

ДЯДЯ. О вас, фашист проклятый. Почему вас волнует, какого цвета у торгаша дети?

НАРОД. Ну всё. Ты мне сразу не понравился и уже надоел. Что тебе сделать, чтобы тебе было плохо до конца жизни?

ДЯДЯ. Спасибо. Табуреточку. Из-под меня. Выбейте. Пожалуйста.

НАРОД. Зачем тебе это? (*Осматривает Дядю.*) А, ты же в петельке почти болтаешься...

ДЯДЯ. А фашист-то глазастый.

НАРОД. Ну извини, что сразу не въехал.

ДЯДЯ. Ну извиняю. (Никогда не думал, что буду прощать фашиста.)

НАРОД. Я. Табуреточку. Из-под тебя. Выбью. Да с песней в сердце. И меня загребут по 105-й, от шести до пятнадцати. Свидетелей-то вагон и тележка.

ДЯДЯ. А если я отгоню вагон свидетелей?

НАРОД. И они ни гугу, даже если менты пытаться их будут?

ДЯДЯ. Да я их сейчас так обложу, что они не только удалятся, но и помочь вам захотят, товарищ фашист.

НАРОД. Что ж, попробуй. Не будет никого — выбью табуреточку-то. Как не выбить, если хочется и человечек просит. Да ещё с таким шнобелем. Ты сам из каких, шизик?

ДЯДЯ. Я же говорю: фашист. А сам я, фашист, не из фашистов.

НАРОД. Значит я правильно подумал. Я никогда на ваш счёт, собаки носатые, не ошибаюсь. Только ты, шизик, если вдруг выживешь, а меня повяжут, не говори ментам, что я про твой нос плохо говорил.

ДЯДЯ. Не скажу.

НАРОД. ...а то другую статью пришьют. Кстати, и уши у тебя не наши.

ДЯДЯ. Не наши. Тоже мне открытие.

НАРОД. Тогда гони свидетелей. У меня руки прям чешутся.

ДЯДЯ. Или ноги?

НАРОД. Если ногами — то ноги. Так свербят, так свербят.

ДЯДЯ. А фашист-то ещё и чесоточный... Люди! Послушайте меня. Я стою на стрёме. Я стою на стрёме на этой домашней табуретке, то есть стою высоко, а значит — гляжу далеко. Не могли бы вы, козлы и бараны, — а вы все, без сомнений, они и есть, — слинять с глаз моих долой, чтобы вот этот хороший человек сделал своё белое дело без лишних глаз? Ибо лишние глаза в его светлом деле ни к чему. Я вас очень прошу. Встал бы на колени, но не могу — отнялись, отнялось всё, лишь язык по счастливой случайности цел и с удовольствием треплет вам нервы. Дорогие скоты. Хватит пялиться. Хватит вслушиваться. Просто уйдите. Дайте нам побыть наедине. Если же вы, бараны и козлы, захотите остаться, то не стойте, как отнявшийся я, столбом, а помогите хорошему человеку сделать его белоснежное дело. По-

тому что во мне восемьдесят кг, а хороший человек хлипок и метр в кепке, посему дело может затянуться. А мне не хотелось бы. Я и так тут торчу, торчу часами, торчу не первый день, торчу, как мне уже начинает казаться, вечность, потому что рожи ваши мне до боли знакомы, потому что только лица не запоминаются, а рожи козлов и баранов — сразу и навсегда, ибо должно же что-то сниться приличному человеку в ночных кошмарах...

НАРОД. А если я останусь и помогу этому... в кепке... что мне за это будет?

ДЯДЯ. Моя живейшая благодарность.

НАРОД. А дело-то стоящее?

ДЯДЯ. Очень. Сделав его, вы впервые сделаете что-то настоящее.

НАРОД. Слушай, зачем мне помощники? Я и без них справлюсь. Отваживай их, и поскорее. У меня скоро смена.

ДЯДЯ. В общем, пошли отсюда. Все. И вы тоже, помощничек. Что б я вас не видел. И не вздумайте подглядывать.

НАРОД. Уходят, но не все.

ДЯДЯ. Я стараюсь... Ты чего осталась, старушка? Ты хочешь, чтобы этот отнял у тебя кошелёк? Ты посмотри на его рожу. Он отнимет и даже денег на трамвай не даст. Он в мороз до трусов разденет и даже варежек не оставит. Урка же... А вы в очках? Вам не стыдно внимать двум сумасшедшим? Да я же из Кашенки с детства не вылажу, а этот — из колоний. Брысь отсюда.

НАРОД. А нам интересно, что вы всё-таки задумали.

ДЯДЯ. Очень?

НАРОД. Безумно.

ДЯДЯ. Гниды вы броуновские, а не Народ. Так вот, гниды, я попросил этого выбить из-под меня табуретку. Этот любезно согласился, но — без свидетелей. Теперь вы уйдёте?

НАРОД. Теперь мы тем более не уйдём.

ДЯДЯ. Почему?

НАРОД. А где ещё такое увидишь? Всегда хотел посмотреть, как человек вешается.

ДЯДЯ. Яйца вши, как и сказано.

НАРОД. А я не уйду, потому что хочу, чтобы вы жили. Живите!

ДЯДЯ. Да не могу я жить.

НАРОД. А вы всё равно живите. Правда же, друзья? Кто готов заступиться за человека, когда этот в кепке будет выбивать из-под него табуретку?

ДЯДЯ. Спасибо, любезные, но, право же, это лишнее. Я ведь совсем о другом прошу...

НАРОД. Ну я.

НАРОД. И я.

НАРОД. И я тоже, хотя мне уже пора.

НАРОД. Не дадим этому в кепке уколошить мирного человека на табуретке! Пусть он оступился, задумав такое, но он не виноват, что некоторые способны выбивать табуретку из-под ног, которые не ведают, что творят!

ДЯДЯ. Ох. Что же вы за люди такие...

НАРОД. А я помогу этому в кепке, потому что одному ему с такой толпой радетелей не справиться.

НАРОД. И я.

НАРОД. И я тоже, хотя мне уже пора.

НАРОД. Не дадим же радетелям помешать кепке! Пусть свершится задуманное!

НАРОД. Не дадим.

НАРОД. Ни за что не дадим.

ДЯДЯ. Господи, за что мне это... Ещё немного, и я стану здешней знаменитостью. Только бы не вызвали телевидение...

НАРОД. А давайте вызовем телевидение, чтобы оно было свидетелем, как мы отстояли человека на табуретке от этих!

НАРОД. Народ, хватит стоять! Пошли выламывать табуретку из-под ног этого и из рук этих!

НАРОД. Люди, все на защиту человека на табуретке!

ДЯДЯ. Товарищ Мент! Товарищ Мент! Обратите внимание. Сейчас будет столпотворение и столкновение. А это плохо. Товарищ Мент, у меня по карманам расставлено взрывное устройство. И оно вот-вот будет приведено в

действие. Пожалуйста, уведите людей подальше и оцепите территорию в радиусе трёх км. Взрывчатка очень мощная. Нитроглицерин. Пока тут люди, я не могу сделать своё чёрное дело.

МЕНТ. Слышу тебя, мужик на табуретке! А ну пошли все отсюда! Вы разве не видите, что он в поясе шахеда?!

ДЯДЯ. Не «шахеда», а «шахида».

МЕНТ. Да какая разница.

ДЯДЯ. Разница, конечно, невелика, но есть.

МЕНТ (*в рацию*). Вызываю подкрепление. Срочно пришлите несколько нарядов. Нужно эвакуировать всю местность. Тут один стоит на табуретке и собирается взорваться, а одни не дают ему это сделать, а другие хотят помочь. Срочно пришлите...

НАРОД. Ты что несёшь, мужик на табуретке? Людишек ты прогнал, но мент никуда не денется, и он увидит, как я из-под тебя табуретку выбиваю. В общем, я сваливаю.

ДЯДЯ. Да погодите вы. Выбейте тихонько и под шумок уходите. Зачем же вы так со мной, дорогой фашист...

НАРОД. А ты не вини меня: сам вешаешься — сам и выкручивайся. Значит — не всё продумал... А тихонько уже не получится. Сейчас знаешь сколько ментов набегит. Всё, дядя, меня нет. Удачно тебе повеситься. Если тут обезлюдет, когда рванёт, — звони.

ДЯДЯ. И вам удачи, фашистская морда... Товарищ Мент, а, товарищ Мент!

МЕНТ. Чего тебе?

ДЯДЯ. Я пошутил. Нету никакого тринитротолуола. Я просто хотел повеситься в одиночестве, потому что все эти смертельно мне надоели. Сначала хотел при них, но отказало всё, кроме языка. А теперь хочу без них, но не могу — занемел. Простите ещё раз.

МЕНТ (*в рацию*). Всё отменяется, отменяется всё, не надо никакого подкрепления, человек хотел повеситься, а ему мешали, вот он и объявил себя шахедом, чтобы побыть в одиночестве. (*Рация бубнит.*) Я знаю, что вы не очень-то и собирались. (*Рация бубнит.*) Есть врезать падле шахеду промеж глаз. (*Рация бубнит.*) Нет, до глаз не достану. Врежу по рёбрам. Конец связи.

ДЯДЯ. Спасибо.

МЕНТ. Чего «спасибо»? Сейчас буду бить.

ДЯДЯ. Пожалуйста. Я всё равно ничего не чувствую. Только посильнее. Получше размахнитесь. А правильное всего будет с разбега. Может быть, хоть вы сумеете сбить меня, и я повисну...

МЕНТ. Знаешь что, дядя... Не буду я тебя с разбегу. Даже не надейся. Народ же начеку. Ты повиснешь, а мне потом объяснительные до пенсии писать. А я это дело не люблю.

ДЯДЯ. Ну пожалуйста, товарищ Мент. Вы не представляете, как мне это нужно.

МЕНТ. Сейчас я подойду (*подходит*) и аккуратно вломлю тебе дубинкой по рёбрам (*бьёт*). Вломил. Можно сказать, филигранно. Можно так сказать?

ДЯДЯ. Вполне.

МЕНТ. Даже не шелохнулся. Больно? Сможешь стоять?

ДЯДЯ. Даже не почувствовал. Всё же отнялось. Только лёгкий толчок. Спасибо, стоять впредь смогу.

МЕНТ. Пойду я. Счастливо тебе постоять, мужик.

ДЯДЯ. И вам счастья в личной жизни.

МЕНТ. А ещё тебе — здоровья. Зови, если хулиганы пристанут.

ДЯДЯ. Ну а как же, вас в первую очередь.

МЕНТ. Ага. Я вон там, как и ты, стою. Только не на табуретке. Кричи громче. Тут километра три, и слух у меня не очень: мамка недоглядела, и я до двадцати трёх болел отитом. Оттого и в лётчики не взяли, вертели у виска, когда я появился. А я так хотел бомбить...

ДЯДЯ. Кого же вы хотели бомбить?

МЕНТ. Да хоть кого-нибудь. Извини, рацию оставить не могу. У меня одна.

ДЯДЯ. Ничего, у меня голос зычный.

МЕНТ. Приятно было...

ДЯДЯ. А мамка-то как недоглядела?

МЕНТ. А, пошла с подружками водку жрать, а меня оставила на морозе.

ДЯДЯ. В колясочке?

МЕНТ. В колясочке.

ДЯДЯ. Долго её не было?

МЕНТ. А, трое суток.

ДЯДЯ. Бывает...

МЕНТ. И не такое. Это ещё что. А так она очень хорошая.

ДЯДЯ. Да-да, матери другими не бывают.

МЕНТ. До свидания, дядя.

ДЯДЯ. До новых встреч... Секундочку, товарищ Мент.

МЕНТ. Есть секундочку.

ДЯДЯ. Вы точно не хотите столкнуть меня с табуретки?

МЕНТ. Честно?

ДЯДЯ. Ну а как ещё...

МЕНТ. Это как с бомбардировками: очень хочется, и всё равно кого, хоть первого встречного, первого встречного — особенно. Сначала так и делал: давал волю самопроизвольному желанию...

ДЯДЯ. А теперь?

МЕНТ. А теперь сдерживаюсь. Подучился. Книжку одну прочитал, очень помогла. Лев, что ли, Толстый, не помню названия.

ДЯДЯ. А просто так придушить могли бы?

МЕНТ. Кого именно?

ДЯДЯ. Незнакомого. С характерной, допустим, внешностью.

МЕНТ. Это с гор, что ли?

ДЯДЯ. Почему «с гор»? Меня в **Грауэрмана** родили.

МЕНТ. Мог бы? Ещё спрашиваешь!..

ДЯДЯ. Значит — свидимся.

МЕНТ. Ага... Вспомнил я. Знакома мне твоя морда, дядя. Это же ты вчера стоял на табуретке вон там?

ДЯДЯ. И вчера. И позавчера. И... Я.

МЕНТ. Значит — до новых встреч. (*Уходит, бубня что-то в рацию.*)

ДЯДЯ. Мальчик, эй, мальчик.

МАЛЬЧИК. Чего тебе, дядя?

ДЯДЯ. Мальчик...

МАЛЬЧИК. Да, Дядя.

ДЯДЯ. Видишь ли, Мальчик... Мне очень нужна твоя помощь. Именно твоя.

МАЛЬЧИК. А что, других мальчиков тут нет?

ДЯДЯ. Есть, целые толпы, но зачем они мне, если есть ты, если я верю только в тебя, если ты один на целом свете способен сделать для меня доброе дело...

МАЛЬЧИК. Откуда знаете?

ДЯДЯ. Твоё лицо кажется мне а) располагающим, б) обнадёживающим, в) знакомым.

МАЛЬЧИК. ДЯДЯ, у меня вторая смена. И если я опоздаю, новый папочка снова будет бить меня до потери сознания.

ДЯДЯ. «До потери сознания» — это не слишком образно?

МАЛЬЧИК. Это в самый раз.

ДЯДЯ. Тогда — извини великодушно.

МАЛЬЧИК. Вы завтра будете стоять?

ДЯДЯ. Не хочу, но наверняка придётся.

МАЛЬЧИК. Тогда до завтра, Дядя. Завтра у меня третья смена.

ДЯДЯ. Спасибо, добрый Мальчик. Не обманешь?

МАЛЬЧИК. Я этому ещё не научился. (*Уходит.*)

ДЯДЯ. Значит — есть надежда.

НАРОД (*несколько гопников; здесь и далее один из гопников начинает фразу, а другие подхватывают, заканчивая её хором*). Ребя, а чего это он стоит?

НАРОД. Ребя, а чего это он так вырядился и с косичкой?

НАРОД. Ребя, а может, уроним его?

НАРОД. Ребя, да у него же петля на шее.

НАРОД. Ребя, ронять нельзя.

НАРОД. Ребя, с петлёй нельзя?

НАРОД. Ребя, ему тогда кранты.

НАРОД. Ребя, а нас посадят.

НАРОД. Ребя, нам ещё рано сидеть.

НАРОД. Ребя, лучше сдохнуть от ножа сегодня, чем сидеть завтра.

НАРОД. Ребя, но ведь что-то с ним можно сделать?

НАРОД. Ребя, ему можно дать закурить.

НАРОД. Ребя, особенно если он не курит.

НАРОД. Ребя, раскурите ему бычок.

НАРОД. Ребя, засуньте бычок в его пасть.

НАРОД. Ребя, он выплюнул.

НАРОД. Ребя, походу он паралитик.

НАРОД. Ребя, он с пацаном говорит.

НАРОД. Ребя, разве паралитики говорят?

НАРОД. Ребя, от разговоров помогает носок.

НАРОД. Ребя, с моей правой вонючей ноги.

НАРОД. Ребя, и с моей левой тоже.

НАРОД. Ребя, засуньте оба носка ему в хлебало.

ДЯДЯ. Ребя, не надо. Вдруг мне станет плохо. Как я позову скорую?

НАРОД. Ребя, это паралитик, у которого не закрывается рот. *(Суют носки в рот Дяди.)*

НАРОД. Ребя, теперь он мычит.

НАРОД. Ребя, это нормально: паралитики, как и коровы, всё время мычат.

НАРОД. Ребя, а не раздеть ли нам его?

НАРОД. Ребя, можно спустить с него штаны. *(Спускают с Дяди штаны.)*

НАРОД. Ребя, можно спустить с него трусы. *(Спускают с Дяди трусы.)*

НАРОД. Ребя, ни у кого нет с собой кленового листа?

НАРОД. Ребя, зачем нам кленовый лист?

НАРОД. Ребя, паралитику холодно, его надо одеть. *(Отнимают у прохожего букет из сухих листьев и плюнув на самый большой лист, лепят его на причинное место Дяди.)*

НАРОД. Ребя, он согрелся.

НАРОД. Ребя, а усы?

НАРОД. Ребя, самые лучшие усы получают из грязи. *(Едва дотягиваясь, подпрыгивая, рисуют Дяде усы. Нарисовав, вытирают руки о Дядю. Потом специально пачкают руки, чтоб вытереть их о курточку и спущенные штаны Дяди. Повторяют это несколько раз.)*

НАРОД. Ребя, мне слегка стыдно и немного надоело. *(Чуть подумав, синхронно падают на землю от неудержимого гогота, задирают ноги, бьют себя по ляжкам.)*

НАРОД. Ребя, пошли девок щупать.

НАРОД. Ребя, они по нашим улицам целыми стадами шляются.

НАРОД. Ребя, они хотят, чтобы их щупали. (Уходят.)

ДЯДЯ. М-м-м. М-м-м! М-м-м!!!

ПОЛТОРА (услышав и увидев Дядю). Ох. (Подбегает к Дяде, откладывает в сторону букет и торт.)

ДЯДЯ. М-м-м! (Полтора вынимает носки из рта Дяди.) Спасибо! (Полтора надевает на Дядю спущенные трусы и штаны.) Спасибо огромное! (Полтора вынимает голову Дяди из петли. Верёвку сворачивает и прячет в карман.) Зачем вы это?! Верните меня в петлю! Я прошу вас! Отдайте хотя бы верёвку. (Полтора снимает Дядю с табуретки и ставит его на землю.) Я прекрасно стоял. Зачем вы сняли меня? (Полтора снимает с себя майку и стирает ею усы с лица Дяди.) Что вы делаете? Что у меня с лицом? (Полтора показывает руками: пышные закрученные вверх вполне себе гусарские усы.) А, это. Спасибо пребольшое. (Онемение быстро проходит, и вскоре Дядя садится на табуретку, вскакивает с неё, несколько раз приседает и подпрыгивает.) Вот! Стоит сойти с табуретки, — и я как новенький. А на ней, когда накинута верёвка, — как старенький :-(... Никак не получается!.. Что же со мной такое... У вас нет мыслей? (Полтора пожимает плечами.) (Дядя разглядывает Полтору.) Это же кальсоны? (Показывает на кальсоны на Полторе. Полтора кивает.) Сто лет таких не видел.

ПОЛТОРА. Спецовка.

ДЯДЯ. И чем вы занимаетесь? (Полтора показывает, что копает землю лопатой.) На кладбище? (Полтора мотает головой и жестами пытается показать, что роет ямы, переходящие в траншеи, переходящие в ямы, а иногда даже в воронки.) Окопы? Сейчас многие этим зарабатывают. (Полтора мотает головой.) А, понял: каналы для марсиан. (Полтора делает удивлённое лицо.) Это что же, вы не знаете, что это каналы? Вам разве не сказали, что они скоро высадятся? (Полтора мотает головой.) Бедный вы мой. Уже в этом зоне. (Полтора жестами показывает, что не верит в каналы)

и марсиан.) Ну, как знаете... Вижу, вы с цветами и тортом. В гости идёте?

ПОЛТОРА. Это жалованье. Свежая получка.

ДЯДЯ. И куда же вы с жалованьем?

ПОЛТОРА. Ищу *женщину из Токио*.

ДЯДЯ. У нас? Здесь? (*Полтора кивает.*) Потерялась?

ПОЛТОРА. Не, просто не находится.

ДЯДЯ. Красивая? (*Полтора несколько раз кивает: очень, очень, безумно красивая.*) Наша?

ПОЛТОРА. Зачем мне наша?

ДЯДЯ. Да так...

Полтора, не принимая отказа, отдаёт цветы и торт Дяде и уходит. Дядя, прихватив табуретку, возвращается домой. Быстро вечереет.

Снова

На следующий день, в том же месте, с тем же оживлением: не Сибуба сукурانبуру ко:сатэн, но Народ ходит и, подняв от телефонов замыленные глаза, видит, что неподалёку на табуретке этакой супругой г-на Лота замер Дядя, голова которого находится в крепенькой верёвке, пристроенной к столбу, который теперь не используется, но раньше... Дядя стоит так с самого утра и снова ничего не может с этим поделать: как только он залезает на табуретку и набрасывает петлю на шею (чтобы, разумеется, повеситься, а не развлекать почтенную публику), всё его тело, кроме языка-рта, отнимается. Сегодня Дядя почему-то во всём кричаще клоунском: огромные башмаки, блескущие разноцветные шаровары и кафтан, красный нос-картофелина на резинке, непритязательный (но детям нравится) грим. И рыжий парик, конечно. (Как всегда, но это уже необязательная подробность, на нём всё чистое-чистое, вкусно пахнущее мылом «Детское», ибо умирать в грязном не то что не принято, но — не хочется. Во всяком случае Дяде, а нашего мнения на сей счёт он не спросил.)

Дядя стоит и взывает (верёвка, как ни крути, должна быть затянута, для чего тело обязано не истуканом выситься, но висеть чётко и отвесно), Народ пристаёт, для порядка, не очень-то желая знать, допытывается и, разумеется, по-немногу подличает (одни закрепляют табуретку так, что её нельзя сдвинуть; другие — наоборот) — или же, как может, сглаживает дядину неловкость всякими штуками: пытается рассмешить (повесив на грудь Дяди плакат «У меня не получается», засунув в его карман новогоднюю хлопушку с длинной ниткой, чтобы дёрнуть за неё издали...), накормить, напоить... в общем, гм, скрасить. Но это редко: каждый примерно 666-тысячный.

ДЯДЯ. Эй. Скоро пойдёт дождь. Взгляните на небо. Видите, как набегают чёрное? Я промокну и простужусь. Вам так хочется, чтобы я заболел? чтобы у меня была немыслимая температура? чтобы потом начались всякие дурацкие изматывающие осложнения? Пожалуйста, не доводите до этого! Толкните же меня, чтобы моё скотское одеревеневшее тело соскочило с табуретки!

НАРОД. Мы, ученики 4-го «Б» класса школы №17 города Серпухов, находясь тут проездом с целью посещения цирка и имея свободное время до отправления электрички, обязуемся держать над вами зонт до тех пор, пока не кончится дождь.

ДЯДЯ. Спасибо, добрые дети из Серпухова. Но лучше бы, вы, право...

НАРОД. ...Вместе с тем мы вынуждены предупредить вас, что за десять минут до отправления нашей электрички мы уйдём, бросив вас мокнуть, буде дождь к тому времени не закончится. Надеемся на ваше искреннее понимание. *(Хотя дождя ещё нет, ученики 4-го «Б», принеся откуда-то лавочку, становятся на неё и раскрывают над Дядей оранжевый зонт, который так идёт к его парикю.)*

ДЯДЯ. Цирк какой-то, ей-богу.

НАРОД. Эй, Кончай-Выделяваться, всё стоишь?

ДЯДЯ. Вы меня с кем-то спутали. Я тут впервые.

НАРОД. А голос твой.

ДЯДЯ. Увы.

НАРОД. А вы пробовали представлять себя птицей?

ДЯДЯ. Это для чего же?

НАРОД. Чтобы взлететь.

ДЯДЯ. Нет, не пробовал.

НАРОД. Зря. Многим помогло.

ДЯДЯ. А какой птицей?

НАРОД. Да хоть петухом, лишь бы оторваться.

ДЯДЯ. Секундочку. *(Дядя закрывает глаза и кричит: «Ку-кареку», но ничего не происходит.)* Нет, никак. Не получается.

НАРОД. Друг, во-первых, вы пробуйте, пробуйте; во-вторых, надо бить по своим бокам руками, представив, что это крылья. Того стóит! Через какие-то месяцы вы сможете улететь в соседнюю страну.

ДЯДЯ. Смеётесь?

НАРОД. Ничуть. Я готов поставить сотню на то, что уже сегодня вы оторвётесь от табуретки на один сантиметр.

ДЯДЯ. Мне не надо в другую страну. Мне надо опрокинуться. А крылья мои онемели, не слушаются.

НАРОД. ...Только надо жилиться, а не вступать в полемику со всякими идиотами. Кто хочет поспорить?

НАРОД. Я хочу. Ставлю тысячу, что у него не получится ни сегодня, ни через месяцы.

НАРОД. Отлично. В таком случае я поднимаю ставку: тысяча сто на то, что оторвётся нынче же... *(Спорящих прибывает; увлечённо переговариваясь, они удаляются на расстояние, безразличное Дяде.)*

ДЯДЯ *(будто бы продолжая какой-то внутренний монолог)*. Когда она называла меня «клоуном», я был с ней дерзок: я гнал её прочь, я сам собирал ей чемодан и выставлял её за дверь. И в этот же день менял замок. А когда она думала, что я клоун... просто думала, не произнося ни слова, но смотря так, что я всё понимал, я тотчас просил её вынести мусор, и она слушалась, и она выходила в своём халатике с этим поганым ведром, а я торопливо закрывал за ней дверь на все замки. И она, то и дело запахивая свой тоненький ко-

ротенький халатик, по-балетному перебежала через дорожку в пожарную часть, где сначала пела деревенским мальчикам несколько арий, попросив их не лузгать семечки, а потом, только потом, потому что страшно боялась сказать правду, а ложь давалась ей далеко не сразу, краснея, проливая вот такие истинные слёзы, выдумывала на ходу историю о матери при смерти, которую нельзя оставить ни на минуту, и ураганном ветре, который живёт в нашем доме на лестнице и в коридорах и всё время захлопывает двери, даже с не запирающимися замками. И мальчики заводили свою красную таратайку с самой длинной лестницей, подвозили её к дому, давали ей молоток и весело кричали: «Вы сможете! Лезьте! 11-й этаж — разве это высота!» И она лезла. А пожарные заворуженно смотрели на ту её часть, что была под халатом, и часть эта обычно была нагой и сверкающей. И она добиралась. И она разбивала окно тяжеленным пожарным молотком. И, словно воробышек, впархивала в квартиру, которая её выставила. И мы обнимались, потому что к тому моменту даже я, «клоун», понимал, что натворил. Натворил в очередной раз. А она вставала передо мной на колени и клялась, что больше ни разу не назовёт меня, даже глубоко внутри себя, клоуном. А почему бы и не назвать, если я и есть клоун, только не рыжий, а белый, сволочной, себе на уме и склонный к танцам. Хотя при чём тут, казалось бы, танцы... А при том: иногда я пою и танцую. Выпив сразу бутылку сухого — я пою; выпив следом за ней вторую — танцую. А потом, отпев и оттанцевав в одиночестве, я начинаю звонить всяким женщинам без разбору, думая, что они тут же прибегут и мы будем петь и танцевать вместе. И некоторые зачем-то прибегают. И она, вернувшись с работы, застаёт нас с некоторыми всё ещё поющими и танцующими. А недавно она умерла: подошла ко мне, обняла, повиснув на шее, впиалась в меня губами и, целуя, перестала жить.

НАРОД. Мы, ученики 4-го «Б» класса средней школы №17 города Серпухов, с прискорбием сообщаем вам, что

вынуждены бежать на электричку, отчего вахта с зонтом над вами заканчивается. Прощайте! Убегаем!

ДЯДЯ. Прощайте, солнышки.

НАРОД. Смущаешься при нас, Бом? Стыдно тебе на людях, Бим? Так давай мы отвернёмся, и ты сделаешь то, что должен. Дорогие товарищи, призываю вас отвернуться от него хотя бы на пять минут! (*Обращаясь к Дяде.*) Пяти минут тебе хватит?

ДЯДЯ. А ну пошло отсюда, животное.

НАРОД. Я-то уйду, а тебе всё равно висеть. Ухайдокал бабу, а теперь...

ДЯДЯ. Дрянь. Дрянь. Дрянь. Дрянь. Дрянь. Дрянь. Жопа. Дрянь. Подойди и вырви из-под меня табуретку, дрянь, жопа. Не хочешь? Какая же ты дрянь, что не хочешь. Животное. Дрянь. Жопа. Дрянь. Животное. Дрянь. Кто-нибудь, выбейте ему один зуб.

НАРОД. Здравствуйте! Я Таня Сидорова, а я Маша Шапиро, мы принесли вам разное мороженое, чтобы вы не грустили, поедая лакомство. Вы какое больше любите?

ДЯДЯ. «Мишка на полюсе», маде ин Казахстан, с якутской клюквой, полный отпад. У вас есть?

НАРОД. Такого, к сожалению, нет, но есть эскимо на палочке.

ДЯДЯ. Согласен. (*Сидорова и Шапиро кормят Дядю эскимо, после чего уходят, показывая друг дружке большие пальцы.*)

НАРОД. Эй, такси заказывали?

ДЯДЯ. Не-а. Зачем мне такси?

НАРОД. Такси всем нужно.

ДЯДЯ. Это спорно.

НАРОД. А зачем же я тогда остановился?

ДЯДЯ. Надеюсь, срубить денег...

НАРОД. ...но не понимая, как.

ДЯДЯ. Просто что-то почувствовав...

НАРОД. ...в воздухе.

ДЯДЯ. А вы мне нравитесь.

НАРОД. Тогда прокатимся, а? Хотите отвезу вас в Ереван? У вас «загран» с собой? Если есть — рванём тут же.

Только заправлюсь, и рванём. Завтра к вечеру будем. Я шустрый-шустрый.

ДЯДЯ. Зачем-то сделал, получил 2 января.

НАРОД. Значит, в Ереван попадём. Поехали, а?

ДЯДЯ. Когда?

НАРОД. Так сейчас же. Сразу.

ДЯДЯ. Договорились. А потом обратно?

НАРОД. А потом обратно.

ДЯДЯ. И по приезде я немедленно встану на эту табуретку, накину на шею верёвку, а вы тихонечко-тихонечко, чтобы вас не мучила совесть, оттолкнёте меня и табуретку в сторону. И пусть в вашей машине в это время на всю катушку орёт «4'33»» Джона Кейджа. Она так её любила.

НАРОД. Знаете, я что-то передумал. (*Уезжает.*)

ДЯДЯ. Эй. Эй, вчерашний Мальчик.

МАЛЬЧИК. Вы мне, дядя?

ДЯДЯ. Тебе, Мальчик. Помнишь меня?

МАЛЬЧИК. Нет, Дядя.

ДЯДЯ. А почему не в школе?

МАЛЬЧИК. Бросил.

ДЯДЯ. Давно?

МАЛЬЧИК. Вчера.

ДЯДЯ. А что так?

МАЛЬЧИК. Бесполезна.

ДЯДЯ. Верю. Впрочем, неважно. У тебя есть время?

МАЛЬЧИК. Уйма. У меня уйма времени, если дадите на пиво.

ДЯДЯ. «На пиво»? Я не ослышался?

МАЛЬЧИК. Хочу попробовать.

ДЯДЯ. Ясно.

МАЛЬЧИК. Но только если вы дадите ещё и на водку.

ДЯДЯ. Продолжай.

МАЛЬЧИК. Вы дадите на водку, и я сделаю ерша.

ДЯДЯ. И?

МАЛЬЧИК. И мы с вами тяпнем ерша.

ДЯДЯ. «Ерша»? Я правильно понял?

МАЛЬЧИК. Хочу попробовать. Ребята хвалят. Но гово-

рят, что без леща ёрш не тот. «Совсем не тот» и «уже не тот».

ДЯДЯ. «Без леща»?

МАЛЬЧИК. Ну, наверное, можно и с воблой, но с лещом проще. ДЯДЯ.

ДЯДЯ. На брудершафт?

МАЛЬЧИК. Этого я не знаю.

ДЯДЯ. Нет, на брудершафт не получится — у меня руки онемели.

МАЛЬЧИК. А что с вами, Дядя?

ДЯДЯ. А, хочу повеситься.

МАЛЬЧИК. Вы старый, вам уже можно.

ДЯДЯ. Думаешь?

МАЛЬЧИК. У мамки третий и четвёртый мужики повесились, так мы с ней только рады были. После третьего день выплясывали, и два — после четвёртого. А они помоложе вас были. Дядя.

ДЯДЯ. И что же вы плясали?

МАЛЬЧИК. «Маленьких лебедей» Петра Ильича.

ДЯДЯ. Дельная камаринская.

МАЛЬЧИК. Те, кто видел, говорили, что у меня дар.

ДЯДЯ. А те, кто слышал?

МАЛЬЧИК. Сначала долбили в потолок и пол, а потом вызвали ментов.

ДЯДЯ. Пётр Ильич.

МАЛЬЧИК. Он такой. А за вас кто-нибудь спляшет?

ДЯДЯ. Не думаю.

МАЛЬЧИК. А чё так?

ДЯДЯ. Да вот так.

МАЛЬЧИК. Хотите я спляшу?

ДЯДЯ. Вот что, хороший Мальчик. Возьми у меня из кармана на пиво, водку, ерша, леща и воблу. И на чаевые возьми тем, кто продаст тебе пиво, водку, ерша, леща и воблу. И тем, кто смешает тебе ерша, тоже отслюни. И тем, кто будет с тобой пить, заплати.

МАЛЬЧИК. Слушаюсь, Дядя.

ДЯДЯ. Бери же. (*Мальчик роется в карманах Дяди.*) Нашёл?

МАЛЬЧИК. Ага.

ДЯДЯ. Бери.

МАЛЬЧИК. А можно взять вообще все денежки? А то мне отслюнивать лень.

ДЯДЯ. Можно. Выгребай.

МАЛЬЧИК. А этого хватит?

ДЯДЯ. Понятия не имею.

МАЛЬЧИК. Выгреб.

ДЯДЯ. А теперь вырви-ка из-под меня табуретку и катись по своим делам.

МАЛЬЧИК. Вырвать или можно выбить?

ДЯДЯ. Как тебе удобно. Мальчик.

МАЛЬЧИК. Мне удобно вырвать. Дядя. (*Мальчик вырывает табуретку из-под ног Дяди и уходит, унося табуретку. Дядя наконец-то висит — и даже болтается.*)

И опять

И даже болтается. И даже болтается. И даже болтается... «Что, опять не получилось?» — подначивали Дядю на следующий день на подступах к оживлённому месту, но всё же не Сибую, куда он пробирался, невольно задевая встречаемых-поперечных стулом. «Сам удивляюсь, господа», — отшатывался Дядя. И добавляли в спину: «Мальчик подвёл? Полтора встрял?» — «Наверное. Впрочем, не знаю», — шептал он под нос, неопределённо пожимая плечами.

Он, конечно же, умер. Хотя бы потому что вовсе не помнил, что было после Мальчика. «Мне удобно вырвать», — произнёс тот, — и всё, и Дядя перестал жить.

Он, конечно же, умер, но утром нашёл себя сидящим на постели в мундире флигель-адъютанта. Кинулся к зеркалу: перед ним был невысокий, плотно сложенный брюнет, с добродушно-красивым, чрезвычайно спокойным и твёрдым лицом. В его лице и фигуре, от коротко остриженных чёрных волос и свежевыбритого подбородка до широкого с

иглочки нового мундира, всё было просто и вместе с тем изящно. «Алексей Кириллович, ты?» — спросил он у человека в зеркале и, не позавтракав, вышел на улицу, прихватив хорошо намыленную крепкую верёвку и венский стул. Неподалёку от не-Сибуи, но в зоне прямой видимости таскающихся холопов, встал на стул, пристроил верёвку к столбу, на котором когда-то вешали беглых (а теперь, лет как тринадцать, почему-то перестали), а ещё намеревались вздёрнуть Иисуса, да тот так ни разу и не попался, и — сунул голову в петлю. И — остолбенел, не хуже столба, на котором расположился: отнялись ноги, отнялись руки, отнялось всё, но не рот. Но с одним ртом как повесишься... Разве что с помощью любезной публики.

ВРОНСКИЙ. Messieurs, chers messieurs, aidez, s'il vous plaît, un officier de la garde.

НАРОД. Avec plaisir, monsieur l'officier.

ВРОНСКИЙ. Je sais que je demande beaucoup, mais pourriez-vous me faire tomber de mon chaise ?*

Fin.

* ВРОНСКИЙ. Господа, дорогие господа. Помогите, пожалуйста, гвардейскому офицеру.

НАРОД. С удовольствием, господин офицер.

ВРОНСКИЙ. Я понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы столкнуть меня со стула?

*Несколько сценок
для антрактов «Гамлета»*

Действующие лица

ПАНТАЛОНЕ.
ПУЛЬЧИНЕЛЛА.
СМЕРАЛЬДИНА.
ФАНТЕСКА.
КОВЬЕЛО.
СКАРАМУЧЧА.
ТЕНЬ ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ.

8:45

Панталоне восседает на внушительном троне в центре бытия. Его ножки подёргиваются в полусажении над полом, но это не пугает его: он то и дело соскакивает с трона, чтобы величественно пройти и споткнуться о в меру распластанных, путающихся под ножками Пульчинеллу и Смеральдину, а потом сесть на одном из них, вымазать лицо и душу краской должного цвета и жаловаться публике на полученные при падении ушибы головного мозга и открытые душевные раны. Когда Панталоне на троне, Пульчинелла и Смеральдина позволяют себе оторваться от пола, чтобы показать бестолковой публике, что такое «по-пластунски», «на карачках», «на цирлах» и даже «петушком» («коли немного пьян, ибо свежая получка жжёт ляжку до ожога энной степени, и лишь самогон скрашивает»). Пу-

блике, по большей части непритязательной (а где взять другую?), больше всего нравится «на карачках», особенно в исполнении Смеральдины, и, случается, она даже бисирует, а то и бравирует. Впрочем, всё это, все эти аттитюды, батманы фондю и иные благородные жесты и гримасы, не просто так — но по ходу сценки и с нею в согласии. Ну а действие, как всегда, происходит на **планете Серпухов**.

ПАНТАЛОНЕ. Сизокрылая и воровская бублика! М.Грим опять понаписал, а мы снова должны воплотить.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Как по нотам, как любит повторять М.Грим.

СМЕРАЛЬДИНА. С той отдачей, которая станет причиной «бравов» и «бисов», как не устаёт, стоя над душой, дудеть М.Грим. Кстати, рьят, кто-нибудь из вас видел этого самого М.Грима своими глазами, а не в форточке телефончика?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. В душе?

ПАНТАЛОНЕ. В одной ванне с обольстительной феминкой?

СМЕРАЛЬДИНА. Какие же вы дураки, мальчики 7-го «А».

ПАНТАЛОНЕ. Фа-диезная бублика! Следующие несколько минут антракта просим обращаться к нам по следующим именам, понаписанным в безапелляционной бумажке, которая пришла сегодня ногами курьера васи от самого М.Грима (да свѣтится имя его, выложенное на ночном небе падающими метеорами и малыми планетами): «И МОЛВИЛ он» и «ПОДПЕЛИ они». И МОЛВИЛ он — это, конечно, я, ваш любимый царственный центрфорвард Панталоне. А ПОДПЕЛИ они — это, разумеется, эти два простолюдина: ничего себе баба и её бестолковый мужик.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА и СМЕРАЛЬДИНА (*хором*). Милая и дорогая публика! Что в подобных случаях говорил Юра? (*Любезная публика кричит: «Поехали!»*)

Панталоне запрыгивает на трон, Пульчинелла и Смеральдина падают на пол, чтобы стелиться.

И МОЛВИЛ он. И приоткрою я сразу все ракетные шахты во землях моих.

И ПОДПЕЛИ они (здесь и далее говорят то хором, то на два голоса, то мешая друг дружке, то в удивительном согласии). Ибо МБР с РГЧ — это по меньшей мере мило.

И МОЛВИЛ он. И впечатлит это.

И ПОДПЕЛИ они. Вот же засуетятся. Вот же забегают. (Закройте уши, мы сейчас будем страшно ругаться.) С-с-су-у-уки-и-и эти растаковские.

И МОЛВИЛ он. И как начнут названивать третьими звонками по прямому проводу.

И ПОДПЕЛИ они. Трое суток будете говорить с ними, вашбродь (или, если захотите, не будете и даже к трубке не подойдёте, чтобы постоять рядом и подумать, как их обозвать, если вдруг стукнет ответить). Не меньше, никак не меньше.

И МОЛВИЛ он. И очередь желающих отвратить меня по прямому проводу от следующего поступка безмерна будет и вся в эполетах с позументами.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо протянется она от Лубека (шт. Мэн) до Мыса Иридзаки (о. Йонагуни), если думать слева направо, начиная с Северной, так сказать, и сказать уничтожительно, Омериги.

И МОЛВИЛ он. И не возжелаю я ни с кем из очереди перетираться, пока они растаковские.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо с ними на одном поле даже сесть запаadlo. А уж умолениям и умилениям их внимать — это и вовсе ах, увольте. И гудки в их встревоженных ушах будут такими показательно длинными, что ничего длиннее в мире и придумать нельзя. Разве что чужую смерть.

И МОЛВИЛ он. Позвольте-ка! Фразы, начинающиеся с соединительного союза «и», — мои, всегда мои и только мои.

И ПОДПЕЛИ они. Виноваты-с. Заимпровизировались.

И МОЛВИЛ он. И с невозможной до тех пор страстью займусь я в эти три звонких от звонков дня любовью с проверенными достойными меня девственницами, завтрашними матерями моих порфиноносных отпрысков.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо когда ещё, если не в дни праведного страдания врагов наших, продолжать род свой достославный.

И МОЛВИЛ он. И будет это ах как символичненько.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо, случись что, лишь этим отпрыскам суждено выжить и править новым мироустройством, вправляя капелюшечные мозги тварям, что выползут из моря-океана на смену нынешним чужеродным людишкам.

И МОЛВИЛ он. И прикажу я во дни промискуитета и неперменных зачатий заложить для моих будущих мальчиков, моих кровиночек, по достойному их подземному царству...

И ПОДПЕЛИ они. ...with blackjack and, конечно, hookers. А всем остальным — не от вас, вашбродь, — вылупкам, если они не прислуга в подземных царствах и не неизвестные солдаты, суждено пасть смертью храбрых, гекатомбически унавоживая телами голубой шарик, по которому мы будем немного скучать, посматривая на него с перископной глубины подземельных владычеств, когда опостылеют hookers, картишки, полные карманы пятаковой меди и не мамыны омлеты.

И МОЛВИЛ он. И когда ухари-царствопроходцы вручат мне ключи от сих подземных дворцов и хоккейных площадок, способных процветать во дни оны, перейду я, усмехнувшись одними надутыми щеками, к страшанию-2.0, приоткрыв сразу все пусковые шахты в водах моих и пока не моих на всякой подводной лодке, что всплывёт там, где нужно, чтобы убоились и долетело в положенное время.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо одних только приоткрытых наружу торпедных труб, готовых выпустить яростные «Шквалы» с ядерной боеголовкой для наведения всемирной цунами-смази, мало, мало, мало, очевидно же пугающе недостаточно.

И МОЛВИЛ он. И снова принципиально не буду брать трубку.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо не фиг, ибо не о чем вам, вашбродь, базарить с ними, пока не на цирлах они, пока не на полу-

согнутых они, пока не на коленях они, пока не ползут и не стелются, высовывая языки, готовые зализывать до блеска и переливов денницы от лампы дневного света.

И МОЛВИЛ он. И потянутся они на верблюдах с дарами к самой Спасской башне, открывающей проходы в подземные царства, чтобы занять очередь, чтобы, если допущены будут сторожевыми псами, зализав мои смазные кирзачи, полными дёгтя ртами уломать меня отступить от поступка №3, сиречь стирания голубого шарика с лица всея подлунной.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо если не уломать, то что же и кто же останется, кроме подземных царств и их величественных властителей в колясочках?

И МОЛВИЛ он. И стану я изгаляться над людишками в лампадах и эполетах с позументами, которых пропустят ко мне сторожевые псы.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо заслужили они. (Так их, вашбродь!)

И МОЛВИЛ он. Ибо нет большего счастья...

И ПОДПЕЛИ они. Не позволим! Реплики с «ибо» — наши, наши, наши.

И МОЛВИЛ он. Да кто вы такие, чтобы мне тут!..

И ПОДПЕЛИ ОНИ. Ибо даже родные мальчики от достойных вас, вашбродь, девственниц, — говно рядом с этим блаженством. Ей-богу, редкостное абрикосовое говно.

И МОЛВИЛ он. Ибо нет большего счастья, чем, со всей дури наступив на горло стелющемуся просителю №1, и притопывая, и в ладоши прихлопывая, сойти с его Христом Богом умоляющей глотки через 8 минут 45 секунд, то есть за секунду до смерти просителя.

И ПОДПЕЛИ они. Ибо зачем же нам столь явная, хоть и показательная смерть, которая произойдёт через секундошку блаженного стояния на горле и которая сыграет им на руку? Ибо мы что же, не можем подколоть его в тёмном тупике и слинять? Удар кинжала? — не, заточкой тык!

И МОЛВИЛ он. И больше мне в жисти ничего и не надоть. Только этого хочу. Это только надоть.

И ПОДПЕЛИ они (поднявшись с карачек, поют и пляшут сначала вприсядку, потому что боязно, ибо И МОЛВИЛ он

может заметить, что они выше его, хоть не в коронах и без кутурнов с подошвой в 25 вершков, а потом распоясываются и, как всегда, канканят в полный рост). Ибо махатма. Махатма-махатма. Махатма-махатма-махатма! Дорогая наша и ненагля-я-ядна-й-й-йа! Оп-па, оп-па, жареные раки!..

Дорогая публика несомненно аплодирует. Панталоне, прыгнув с трона, валит его на бок, показательно выпив из горла бутылку не слишком крепкого чая, и стягивает с себя никакие не панталоны, но галифе с адидас-лампасами, под которыми обнаруживается исподнее телесного цвета с рисунком, очень-очень напоминающим то, что есть у всякого Панталоне под нижним бельём. Панталоне поворачивается к публике спиной и наклоняется, чтобы исподний репин бросился в глаза всем и каждому во всех неприятельных анатомических тонкостях и издержках. Бублика, разумеется, ревёт довольной белугой. Пульчинелла, встав на трон, снимает со Смеральдины её пышное платье с оборочками, под которым обнаруживается... весьма обтягивающее дессу... строго телесного цвета с надписью на спине на каком-то иноземном языке. Панталоне, в лапке которого оказался лорнет, читает: «ФУСК... ВАР». Заголяется и Пульчинелла: сбросив привычное крестьянско-лакейское платье, он оказывается в легко узнаваемой форме с краповыми петлицами с малиновым кантом и с одним ромбом на нарукавном знаке.

ПАНТАЛОНЕ. А надпись-то на Смеральдиночке, если вдуматься, возмутительная и подстрекательская.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Как это тебя угораздило, Сме?

СМЕРАЛЬДИНА. Так ты же сам перед представлением рисовал её чёрной тушью, переживая, что наделаешь в незнакомых словах грамматических ошибок.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Товарищ Майор. Запятая, Товарищ Майор.

СМЕРАЛЬДИНА. Чиво?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Обращайся ко мне должным образом. Сегодня меня зовут Товарищ Майор.

СМЕРАЛЬДИНА. А если по выпученной морде впалым велосипедом?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Запятая Товарищ Майор. Это, прости, пунктуационное. Пунктик такой.

СМЕРАЛЬДИНА. А по выпученной морде впалым велосипедом, товарищ майор, не хочешь огрести?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Согласно Уставу, и «товарищ», и уж тем более «майор» должны произноситься с Самой Большой Буквы, звукоизвлечение которой ординарным гражданским лицом женского пола обязано сопровождаться галантерейным книксеном и благоговейным заглядыванием в глаза Товарища Майора.

СМЕРАЛЬДИНА. Чиво?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Да откуда я знаю, Сме! Ты делай эту штуковину, а я решу, она ли это, — или тебя надо за волосы оттаскать.

ПАНТАЛОНЕ. Ввиду того что Смеральдиночка красуется перед уважаемой публикой не только, считай, нагишом, но и крамольной надписью, залезающей своими подтёками на... прелесть какие бёдра, не мог бы я подойти к вам, Смеральдиночка на расстояние вытянутой руки и общупать вас если не всю, то хотя бы в той области, что покрыта подстрекательской писулькой? Вдруг писулька смывается в ванне хорошо намыленной мочалкой в моей нежной руке? Выяснить это и получить ваше согласие на акт омовения можно лишь так.

СМЕРАЛЬДИНА. А иначе?

ПАНТАЛОНЕ. Я донесу куда следует.

СМЕРАЛЬДИНА. То есть, старый серенький козлик, облапашь и не донесёшь, а не дам — кинешься к тов. майору с ушным шёпотом?

ПАНТАЛОНЕ. В точку, Смеральдиночка.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. А вдруг я не дам ходу твоему доносу, старик?

ПАНТАЛОНЕ. Тогда оба канете.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Сме, пусть подойдёт и осмотрит твою спину своими липкими от вожделения лапками.

СМЕРАЛЬДИНА. И это говорит мой муж!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Это приказывает Товарищ Майор.

СМЕРАЛЬДИНА. А если я не подчинюсь, товарищ майор, ты, козлина, перестанешь носить домой конфискованные кружевные трусики всех цветов радуги моего размера, который так удачно совпадает с габаритами твоих подследственных баб?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Как-то так, Сме.

СМЕРАЛЬДИНА. Тогда я согласная.

ПАНТАЛОНЕ. Что сказала эта вздорная женщина? Я старенький, я не расслышал.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Она согласная, Панталоне.

ПАНТАЛОНЕ. Поздно, я только что передумал.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА и СМЕРАЛЬДИНА (*хором*). Это отчего же, дедушка?

ПАНТАЛОНЕ. Да вы же будете стоять над душой, цыкать и торопить. А я люблю обстоятельно. Сколько дадите времени?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА и СМЕРАЛЬДИНА (*хором*). Одну быстротечную минуточку.

ПАНТАЛОНЕ. Тогда я опять только что перерешил.

СМЕРАЛЬДИНА. А сколько тебе надо?

ПАНТАЛОНЕ. 8 минут 45 секунд.

СМЕРАЛЬДИНА. Я согласная.

ПАНТАЛОНЕ. И чтобы оба отвели глаза.

СМЕРАЛЬДИНА. А мне-то зачем?

ПАНТАЛОНЕ. А я так хочу.

СМЕРАЛЬДИНА. Я согласная.

ПАНТАЛОНЕ. И чтобы грабастая бублика тоже отвела.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА (*обращается к залу*). Дрозрители, ответёте глазёнки? уткнёте их в пол и телефоны? (*Публика возмущается: «Нет!», «Ни за что!», «Спина Смеральдины — это единственное, на что тут можно смотреть!», «Верните деньги!»*)

ПАНТАЛОНЕ. Тогда ты их выведешь.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Всех?

ПАНТАЛОНЕ. А чё такого? У тебя вон какой мундир, майор. Мне бы такой — я бы их всех из маузера положил.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Чтобы не выводить?

ПАНТАЛОНЕ. Ага.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА (*срывает с себя мундир, под которым обнаруживается грустное простодушное тело хлыста*). А может — *Полторы*, Ивана, землекопа). Надоело! Что за дичь мы тут несли и несём... Ухожу. Больше ни шагу на эту сцену, пока в парадигматическом «быть — не быть» не воссияет «быть», а «не быть» не будет выкорчевано из языка под страхом немедленного обваливания в гудроне и павлиньих перьях с последующим повешением на осине.

ПАНТАЛОНЕ и СМЕРАЛЬДИНА (*хором*). Тише, Пульчинеллочка. Окстись, Пульчинелльчик. В этом зале не только люди, но и майорские чины и конторские служащие, в том числе «старо-».

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Да хоть авиационные фельдмаршалы!

СМЕРАЛЬДИНА. Пульчи, ты прекрасен, я люблю тебя, но зачем тебе всё это? зачем *нам* всё это? И вообще... что если нам завести ребёночка?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Прямо сейчас?

СМЕРАЛЬДИНА. Дурачок. Ой, какой дурачок...

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Чтобы эти тут же бросили его на амбразуру?

СМЕРАЛЬДИНА. А вдруг ему повезёт?... А вдруг у нас будет тройня: один мальчик — и две дивные девочки?..

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. ...одна из которых попадёт в подземное царство, потому что очень быстро смекнёт, что наложница это вам не филолог, а вторая — не попадёт, потому что не родится, потому что маму с папой за семь дней съест лучевая болезнь.

СМЕРАЛЬДИНА. Пульчи, ты же не веришь в это?..

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. И: что это такое — «всё это», о котором ты талдычишь, закатив глазки, моя малодушная любимая, мать моего заранее мёртвого мальчика?

ПАНТАЛОНЕ. «Всё это», придурок, это ночные — уже этой ночью, придурок, — вопросы «что вы делаете на сце-

не прославленного Большого театра?», «кто разрешил?», «почему тексты не ратифицированы заранее?», «какая ещё шмимпровизация», «кто он такой, этот Пульчинелла?» и, наконец, «почему он не на лесоповале?»... Ты же, придурок, только что распевал «быть, быть, быть»...

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. А мне плевать.

ПАНТАЛОНЕ (*отшатывается в сторону, закрывает руками уши и обращается к зрителям*). Уши я худо-бедно заткнул, а на глаза рук не хватает. Не мог бы кто-нибудь из вас смело и любезно подняться на эту прославленную мною сцену, чтобы прикрыть мне глаза? (*«Не пятаками? руками, что ли? А если спектакль затянется и мне захочется в туалет?»* — вопрошают из зала, но Панталоне не слышит. *«У меня есть свежая синяя изолента. Однажды я ею рот одному... Впрочем, неважно... Синей изолентой — норм?»* — спрашивает кто-то из зрителей. Но Панталоне...)

СМЕРАЛЬДИНА (*подходит к Панталоне и даёт ему пинка*). Алё! К тебе обращаются. Старик.

ПАНТАЛОНЕ. Что такое?

СМЕРАЛЬДИНА. У одного смелого и любезного человека есть с собой моток синей изоленты и он смело и любезно согласился заклеить тебе ею оба глаза. Короче, он спрашивает: «Синей — норм?»

ПАНТАЛОНЕ. Синей — норм. И рот пусть тоже заклеит. Рот — особенно. (*Смелый и любезный зритель поднимается на сцену, делает то, что должно, и возвращается на место.*)

ПУЛЬЧИНЕЛЛА и СМЕРАЛЬДИНА (*вместе*). Ну и как ты теперь будешь играть, старик? (*Панталоне, лежащий в стороне рядом с поваленным троном, делает вид, что спит.*) Просыпайся же. Антракт заканчивается. Скоро АРТИСТЫ выйдут. Будут нас пинать, если мы задержимся. (*Пульчинелла нежно гладит Панталоне по голове.*)

ПАНТАЛОНЕ. Не люблю, когда они пинают... Они такие меткие: всё время бьют только по моему копчику... Встаю, встаю. Какие там слова остались? Или вы всё уже сказали, пока я дремал?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Нет, папа, пара реплик ждёт.

ПАНТАЛОНЕ. Какой я тебе папа!

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Родной, но незаконный. Так мама говорила.

ПАНТАЛОНЕ. Эта придумщица?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Эта придумщица.

ПАНТАЛОНЕ. Как она, кстати?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Красива, как тогда.

ПАНТАЛОНЕ. Как когда?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Когда ты, старый пень, её обрюхатил.

ПАНТАЛОНЕ. Это не я. Она сама.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Как скажешь, дорогой папа...

ПАНТАЛОНЕ. Что-то ты разговорился. «Сынок».

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Ага, что-то совсем не могу молчать.

Папа. Какой-то дурак походя, за пять минут до представления, ляпнул на бумаге водянистыми фиолетовыми чернилами: «Быть — или не быть?», чтобы другой дурак прокричал это со сцены глухонемой публике. А мне вот втемяшилось. Папа. Может быть, потому, что тебя не было рядом. Уж ты бы уберёг. Ты бы мне язык лет в тринадцать вырезал, отведя ночью в лес с перетянутыми проволокой руками и заклеенными синей изолянтной глазами. И к осине, для надёжности, привязал бы. А они бы нашли — и обкорнали мне руки, чтобы не делал в доносах пунктуационных ошибок, потому что казнить — сам знаешь, сам безграмотный, — нельзя... (Обращается к залу.) Вы! Мы тут такое морозили вначале... Извините, пожалуйста. Если сможете. Вот эта маска (показывает на Панталоне), надев маску Адика, страшила и изгалялась. И мы со Смеральдиной не отставали... Нет-нет, мы её переплёвывали... Я чего, ребят, сказать-то хочу... Ручки быстро подняли, если И МОЛВИЛ он — зыканский, потому что орднунг нужён и галифе должны быть мокрыми, всегда, и в кирзе жёлтое хлюпать обязано. Так ногам теплее. Подняли ручки, нет? (Из зала кричат: «Нам стыдно, другие увидят!») Тогда я по-человечески, сняв маску (и действительно снимает маску, и теребит её в руках, и Смеральдина кричит: «Ну нельзя же так, Пульчи!», и Панталоне, схватившись за сердце, ищет в кармане валидол, и М.Грим, в конспекте которого ничего такого не было, сияя, показывает с галёрки сразу

два больших пальца), прошу вас, сволочи (простите, Алексей Иваныч и Григорий Георгиевич): да поднимите вы уже свои усердные руки, закрыв глаза всем залом, если И МОЛВИЛ он напугал вас до, простите, усрачки. Никто, пожалуйста, не смотрит. Руки тянут только те, кто. Спасибо, хорошие. Пока мы не выведем тех, кто, глаза, пожалуйста, не разуваете. Спасибо. Это... займёт некоторое время... потому что народец такой есть... есть, увы, и зачем-то пришёл наслаждаться Пульчинеллой :-), а ещё Смеральдиночка и Панталоне: одна расторопна, но уж слишком напугана, а второй старенький и себе на уме, то есть будет шептать вам, те, кто, чтобы не слушались и ручку опустили, мол, ничего не поняли и запутались... Помогите же им поскорее управиться.

СМЕРАЛЬДИНА и ПАНТАЛОНЕ (вместе). Мы правда должны? У М.Грима такого не было...

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Давайте-давайте, мои милые. И поскорее. Тень папаши шепчет из-за кулис наглое «а ну кыш отсюда, недоумки, которых из милости пустили, а они устроили». Надоела. И, кажется, опять смертельно пьяна.

Панталоне и Смеральдина подчиняются: спускаются в зал (Панталоне сходит, поддерживаемый за руку добрым зрителем. Смеральдина прыгает со сцены на руки поклонников, словно рок-звёздочка) и бережно выпроваживают тех-кто, упрашивая их поторопиться, но те-кто отчего-то упираются, хотя уходят в охотку и без угроз. Наконец, все выведены. Смеральдина и Панталоне снова на сцене.

ПАНТАЛОНЕ. Ваше приказание, товарищ майор, преисполнено.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Словосочетание «Товарищ Майор» проносится с Самых-Самых Больших Букв...

ПАНТАЛОНЕ (сняв маску). Хватит уже. Сынок.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Ну что, будешь мою жонку щупать?

ПАНТАЛОНЕ. Перестань. Что я, совсем, что ли? Сынок. Не в образе я уже.

СМЕРАЛЬДИНА (сняв маску). Мальчики... тихо!.. Вы слышите?

ПУЛЬЧИНЕЛЛА и ПАНТАЛОНЕ (*хором*). Что? что такое? что ты слышишь?

СМЕРАЛЬДИНА. Грохочут сапоги.

ПАНТАЛОНЕ. Вызвали значит. Значит стукнули. Работа. Долг. Как я их не понимаю... Сын, дай мне майорский маузер. Тебя потащат — а я не дам: положу их.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Он бутафорский, папа.

ПАНТАЛОНЕ. Я догадывался... я давно подумывал, что ты это не всерьёз со своим чёртовым майорством.

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. Как хорошо ты сегодня играл, папа. Твой И МОЛВИЛ он — настоящей настоящего...

ПАНТАЛОНЕ. Спасибо, сын. Стараемся. Всю жизнь по Константину Сергеичу...

ПУЛЬЧИНЕЛЛА. И с мамой тоже по нему?

Вот теперь грохот сапог нельзя не услышать. В зрительный зал вваливается спецназ, кричащий: «Всем лежать-бояться!» Все, и зрители, и два актёра, убоявшись, падают плашмя, кто навзничь, а кто на грудь, у кого как получилось. И лишь Пульчинелла, надев маску и вытащив бутафорский маузер, стоит стоймя, целясь в спецназ и говоря: «Пиф. Паф. Пиф. Паф. Падайте же, а то у меня патроны кончаются». Звучит настоящий выстрел. Пульчинелла падает. Из него чуть ли не фонтаном бьёт какая-то красная жидкость.

СМЕРАЛЬДИНА (*надев маску, натужно весело*). Пульчи, тебя что — замертво?

ПАНТАЛОНЕ (*надев маску*). Ну а как же ещё, милая? Это же нёбыть. Которую он не успел выкорчевать. (*Натужно смеётся.*)

На сцену выбегают столичные трагики и пинками гонят живых масок со сцены, срывая им поклоны. Мёртвую маску уносят какие-то унылые санитары. Спецназ переодевается в цивильное и растворяется среди зрителей.

Конец первого антракта.

Обыск

Смеральдина во всём штурмовом с чёрной повязкой на рукаве и с ручным тараном, стоя перед дверью, повелительно прикрикивает, гоня прочь глухую предутреннюю тишину: «Да открывайте уже. Хватит помалкивать. Это летучий отряд мстителей имени Товарища Майора Пульчинеллы. Мы с миром. Мы с проверкой документов. Мы, если позволите, со шмоном». За её спиной, расслабленно покуривая, балагурят столь же летучие Панталоне, Фантеска и Ковьело. После некоторой задумчивости за дверью произносят: «Не позволю», после чего запускается таймер, чей звук сколь отчётлив, столь и странен: так на флоте бьют склянки. Через восемь ударов рынды (Смеральдина ещё успевает посмотреть на часы: четыре утра) раздаётся выстрел. Смеральдина падает. Отрядовцы палят в ответ. После короткой перестрелки — дверь в щепы, а из квартиры доносится: «Да открыто же, входите, будьте как дома. Кофе будете?» Смеральдину без признаков жизни уносят какие-то унылые санитары. Прочие маски не без опаски отзываются на приглашение: «Убит или ранен?» — интересуются они нестройным хором. «Убит, но ко дну не иду, — отвечает некто, и это, конечно, Скарамучча...

СКАРАМУЧЧА. ...Так стыдно: клоуны завалили. Мишка Шуйдин и Юрка Никулин. Тьфу. Как это вы умудрились попасть мне в пятку?

ПАНТАЛОНЕ. То есть не сдаёшься?

СКАРАМУЧЧА. То есть патроны кончились.

ФАНТЕСКА. Что же ты так?

КОВЬЕЛО. Не ждал, что ли?

ПАНТАЛОНЕ. Не подготовился?

СКАРАМУЧЧА. Не, вчера приходил доставщик пиццы, вот я и...

ФАНТЕСКА. Красивый?

СКАРАМУЧЧА. Пицца ничего, а сам — дырявый-дырявый.

ФАНТЕСКА. А ведь мог бы стать чьим-то любящим мужем...

ПАНТАЛОНЕ. Фантеска, перевяжи убитого, а то скоро тут будет нужна лодка, чтобы плавать по красному озеру. (*Фантеска наглухо перевязывает голову Скарамуччи, оставляя открытым только рот. Скарамучча пытается сказать, что голова у него в порядке — в отличие от пятки, но Фантеска не реагирует.*) Мы не клоуны, убитый. Мы мстители. Ведь это ты, убитый, нашего Пульчинеллу подстрелил?

СКАРАМУЧЧА. И меня оправдали. И меня к награде представили. И меня в звании обещали повысить: я теперь, наверное, буду первым на амбразуру ложиться. Вы хоть догадываетесь, как это почётно, клоуны?

ПАНТАЛОНЕ. А теперь ещё и Смеральдиночку уколошил. (*Всхлипывает.*) Фантеска, может, она выжила?

ФАНТЕСКА (*взрыдывая*). Это вряд ли: он хорошо выстрелил.

СКАРАМУЧЧА. Это потому что я с детства ворошиловский стрелок и через глазок смотрел.

ПАНТАЛОНЕ. Ковьело, может, она ещё дышала?

КОВЬЕЛО (*прослезившись*). Да нечему там было дышать. Этот знаете как красиво разрывным стрёльнул.

СКАРАМУЧЧА. А чего она тараном на дверь замахивалась? А чего ваш Пульчинелла наганом размахивал?

ПАНТАЛОНЕ. Жаль. Она бы сейчас вместе с нами так трогательно по Пульчинелле помолчала... Как старший по званию объявляю две минуты памятного молчания: по Пульчи и по Сме, убиенным этим извергом.

СКАРАМУЧЧА. Две за раз или одну за другой?

ПАНТАЛОНЕ. А тебе, злодей, молчать не положено. Можешь ковыряться в носу и распевать. Две сразу.

СКАРАМУЧЧА (*поёт*). *Lasciatemi cantare / Con la chitarra in mano / Lasciatemi cantare / Sono un italiano...*

КОВЬЕЛО. Товарищ Ефрейтор Панталоне, сэр, уже можно молчать?

ПАНТАЛОНЕ. Секундочку: раз, два, три. Начали.

ФАНТЕСКА (*чуть помолчав*). Он мне мешает. Не могу молчать, когда он вот так.

КОВЬЕЛО. И я. Так и тянет в пляс.

ПАНТАЛОНЕ. Ну так спляшем. Две минутки уже тью-тью. (*Скарамучча поёт, остальные пляшут.*) А хорошая же песня!

ФАНТЕСКА. Зажигательная! Эй, аспид, перепиши мне потом слова!

КОВЬЕЛО. Я тоже одну такую знаю. Спеть или хва?

ПАНТАЛОНЕ. Хва. Нам ещё обыск недозволенного и по-дозрительного учинять.

СКАРАМУЧЧА. Так вот вы зачем пожаловали...

ПАНТАЛОНЕ. Ты, вообще-то, кофе обещал. Разве найдёшь что-нибудь в такую темень без кофе?

СКАРАМУЧЧА. Мигом.

ПАНТАЛОНЕ. Фантезка, за ним. Вдруг отравит.

СКАРАМУЧЧА. Ой, нет, я же лежачий убитый. Простите. Вы уж сами, а?

ПАНТАЛОНЕ. Точно. Убитый. Сами. Фантезка, шагом марш с левой на кухню. Мне на чистой сгущёнке и с пятью кусками рафинада.

ФАНТЕСКА. На один стакан, товарищ ефрейтор?

ПАНТАЛОНЕ. Если только стакан гранёный. А из обычного я не буду. Из обычного кофе — гадость... Ковьело, приступай к всеобъемлющему обыску. Всё тут перетряхни.

КОВЬЕЛО (*роется в карманах Скарамуччи*). Нашёл! Что-то важное, товарищ ефрейтор.

ПАНТАЛОНЕ. Надеюсь, это всё объяснит.

КОВЬЕЛО (*надев очки с толстыми линзами, рассматривает находки*). Прошлогодний трамвайный билет. И другой. И ещё один... Ух ты, сколько же их... Целая залежь. И это неспроста.

ПАНТАЛОНЕ. Мысли?

КОВЬЕЛО. Очевидно же: изверг...

СКАРАМУЧЧА. Это же просто билеты!

ПАНТАЛОНЕ. Молчать! Тебя не спрашивали! Ковьело, закрой ему рот. Да не кулаком, дурак.

КОВЬЕЛО (*заматав рот Скарамуччи синей изолентой*). Это не просто билеты, Товарищ Ефрейтор (*отдаёт честь*)! Судя по всему, изувер долгое время следил из трамвая за нашим павшим товарищем, чтобы знать его повадки, при-

страстия и слабости, чтобы потом легко и весело прикончить его.

ПАНТАЛОНЕ. Фантеска, хватит кофеварить! Давай сюда! (Фантеска возвращается с кухни с двумя чашечками на подносе.) Почему две? а себе?

ФАНТЕСКА. А я уже напилась. Пока готовила. (Церемонно подаёт чашки Панталоне и Ковьело.)

ПАНТАЛОНЕ (отпив). Как же вкусно. Ни сгущёнки не пожалела, ни рафинада. Хвалю.

КОВЬЕЛО (отхлебнув). Это же вода.

ПАНТАЛОНЕ. Правда?

КОВЬЕЛО. К тому же ужасно холодная. Зубы сводит.

ПАНТАЛОНЕ. Неужели?

КОВЬЕЛО. Неужели из-под крана, Фантеска?

ПАНТАЛОНЕ. Это уже второе «неужели», Фантеска. Третьего я не перенесу.

ФАНТЕСКА. А что мне оставалось делать? Кофе я выпила, пока готовила...

ПАНТАЛОНЕ. Весь?

ФАНТЕСКА. Да там его почти не было. Стаканов семь.

ПАНТАЛОНЕ. Неужели гранёных?

ФАНТЕСКА. Откуда знаете?

ПАНТАЛОНЕ. А сгущёнку?

ФАНТЕСКА. Отдала кошке. Она так трогательно смотрела.

КОВЬЕЛО. Но почему вода из-под крана?

ФАНТЕСКА. Только я подумала, что надо бы её подогреть, как вы позвали меня... И вот что я вам скажу. Билеты подлинные и подозрительные. Только у нас трамваи не ходят.

ПАНТАЛОНЕ. Неужели?

КОВЬЕЛО. И давно?

ФАНТЕСКА. Никогда не ходили.

ПАНТАЛОНЕ. Правда?

КОВЬЕЛО. Ничего себе.

ПАНТАЛОНЕ. Вот что значит настоящий следователь, да, Ковьело?

КОВЬЕЛО. К тому же молодой, перспективный.

ПАНТАЛОНЕ. И по особым делам.

КОВЬЕЛО. К тому же мстительным... Ну а чего можно было ожидать от простых солдат?

ПАНТАЛОНЕ. а) Ответной стрельбы.

КОВЬЕЛО. И мы открыли её, и она была ураганной.

ПАНТАЛОНЕ. б) Меткой стрельбы.

КОВЬЕЛО. И мы угодили кровопийце в пятку.

ПАНТАЛОНЕ. Вывод?

КОВЬЕЛО. Мы — сорвиголовы.

ПАНТАЛОНЕ. Фантеска, спасибо за кофе.

ФАНТЕСКА. Не за что. Вкусно хоть было?

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Чрезвычайно.

ФАНТЕСКА. Может, ещё приготовить, пока воду не отключили? Потому что после отключения из крана всегда-всегда идут «кирпичи», и я не уверена, что их вкус лучше.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). А вот скажи-ка нам, Фантеска, кем был этот живодёр до того, как его призвали убить незабвенных Пульчи и Сме?

ФАНТЕСКА. Ясно же: морячком на барже, перевозящей вкусные арбузы...

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Тогда это объясняет ВСЁ.

ФАНТЕСКА. Вообще всё?

ПАНТАЛОНЕ. Ответь ей, Ковьело.

КОВЬЕЛО. Сейчас. (*Роемся в карманах Скарамуччи.*) Ничего. Только вот эта тетрадь за 2 коп. в косую линейку, в которой чёрт знает что понаписано, причём тайно, потому что в самой середине тетрадки, там, куда никто не заберётся. Какие-то абра с кадаброй.

ПАНТАЛОНЕ. И это твой ответ?

КОВЬЕЛО. Мой. Наш с товарищем ефрейтором.

ФАНТЕСКА. Дай сюда тетрадку. (*Читает.*) О. О. О, кажется, я догадалась и поняла...

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). ...в чём тут дело? Ты? сама?

ФАНТЕСКА. Ужасный почерк (*то и дело запинаясь, как пономарь читает написанное в тетрадке*). Быть или не быть, вот в чём вопрос. Достойно ли смиряться под ударами судь-

бы, или надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними? Умереть. Забыться и знать, что этим обрываешь цепь сердечных мук и тысячи лишений, присущих телу. Это ли не цель желанная? Скончаться. Сном забыться. Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Вот и ответ!

ФАНТЕСКА. Но сначала вопрос. Что это?

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Рукопись Войнича.

ФАНТЕСКА. Тепло, но не горячо.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). «Песня о Соколе».

ФАНТЕСКА. Горячее, но всё ещё не обжигает.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). «Винни-Пух».

ФАНТЕСКА. Заходера или Милна?

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Тогда Заходера.

ФАНТЕСКА. Очень, очень горячо, мальчики.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). «Чио-Чио-Сан»?

ФАНТЕСКА. Он самый. Но вернёмся к автобусным билетам.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Автобусным? У нас есть автобусы?

ФАНТЕСКА. Видите этот набор цифр, который кажется случайным?

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Как своими глазами.

ФАНТЕСКА. Так и задумано: чтобы все видели — и знать не знали.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Чего? о чём?

ФАНТЕСКА. Что это шифр, мальчики. Каждый набор цифр — это новый абзац нового романа Агаты Фредериковны Кристи. Проехался в автобусе туда — прочитал абзац; обратно — второй.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Подряд?

ФАНТЕСКА. Необязательно. Накататься на главу, выходя из автобуса, можно дня за три, если ездить в одном и том же автобусе, покидая его только в конце смены последнего водителя... Вопросы?

ПАНТАЛОНЕ. У меня. А на билетах в кино?

ФАНТЕСКА. На какой сеанс?

ПАНТАЛОНЕ. На самый первый, в десять утра.

ФАНТЕСКА. Тоже. Следующий.

КОВЬЕЛО. А я один раз видел билет в кукольный театр. Там тоже какие-то номерки.

ФАНТЕСКА. Ух ты! Видючий. Дай поцелую (*целует Ковье-ло*). Эти номерки указывают, в каком порядке надо собрать автобусные билеты, чтобы читать роман подряд, а не с пятого на десятое.

ПАНТАЛОНЕ. А на фантиках конфет «Мишка на Севере» есть циферки?

КОВЬЕЛО. А на трамвайных колёсах?

ПАНТАЛОНЕ. А на ручных гранатах?

ФАНТЕСКА. Есть. Но это совсем другие романы, нам не интересные.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Почему?

ФАНТЕСКА. Потому что не относятся к нашему делу.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Точно.

ФАНТЕСКА. Итак, мальчики. Как называется роман, который содержит чёткие инструкции, где, когда и как уничтожить незабвенных Пульчи и Сме, и который мы обнаружили в карманах врага, проведя тщательный обыск его конспиративной квартиры?

ПАНТАЛОНЕ. «Мадемуазель Фифи».

ФАНТЕСКА. Холодно и воняет «Красной Москвой».

КОВЬЕЛО. «Тимур и его команда».

ФАНТЕСКА. Горячо и хочется повязать на первого встречного пионерский галстук. Только руки мёрзнут, ибо февраль.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). «Евгений Онегин»?

ФАНТЕСКА. И последний вопрос: на какую разведку работает захваченный и разоблачённый нами враг?

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). На неаполитанскую!

ФАНТЕСКА. Ну а почему нет...

ПАНТАЛОНЕ. Отличный обыск, товарищи. Всем выпису по медали. Все ответы — получены. Теперь можно допрашивать.

КОВЬЕЛО. А пытаться?

ПАНТАЛОНЕ. Это как?

КОВЬЕЛО. А пусть он три дня и три ночи поёт (*поёт*): «I see a little silhouette of a man / Scaramouch, scaramouch will you do the fandango».

ПАНТАЛОНЕ. Без остановок?

КОВЬЕЛО. Совсем.

ПАНТАЛОНЕ. Где?

КОВЬЕЛО. В нужнике.

ПАНТАЛОНЕ. И что это нам даст?

КОВЬЕЛО. Вам виднее, ефрейтор.

ПАНТАЛОНЕ. А что... это можно. У нас есть три дня?

ФАНТЕСКА. Нет. Остался один антракт, но он последний.

ПАНТАЛОНЕ. Тогда сворачиваемся. Больше ничего искать не будем. Картина сложилась ясная, написанная жирным шоколадным маслом. (*Ковьело начинает облизывать картину.*) Не смей, солдат. Это же картина, а не твоя подружка.

КОВЬЕЛО. У меня нет подружки, пожарищ фореитор, а у Фантески от шоколадного масла делаются благородные головокращения. Мы проверяли. Семь раз.

ФАНТЕСКА. Не семь, а четыре.

КОВЬЕЛО. Нет, семь. Всё наши опыты я заношу в «Дневник наблюдений за Фантескай», надеясь когда-нибудь опубликовать его. И хорошо помню, как в тот раз, а он был пятым, ты сказала: «Какое же это шоколадное масло, если мне так хорошо? Это машинное». И впрямь: я облизывал её и потихоньку становился машиной для облизывания Фантесок.

ФАНТЕСКА. Ковьело, был ли ты здоров в то время?..

На этом маски, обмениваясь пинками, уходят, потому что за сценой дудят третьи трубы, а лучшие в мире актёры, актёры на любой вкус, даже для трагедий, потихоньку приходят.

Конец второго антракта.

Допрос

Нужник посередине сцены, из которого доносятся отрывочные звуки, похожие на «I see a little silhouette of a man / Scaramouch, scaramouch will you do the fandango».

ПАНТАЛОНЕ (в униформе батюшки некоей усреднённой конфессии). Всё, три дня прошли. Заткнись уже, вражеская Скарамучча. Кто-нибудь, залепите ему рот «газетой» «Известия».

ФАНТЕСКА. Я не могу, он мальчик. Это мальчуковое очко, мальчики.

КОВЬЕЛО (открыв нужник и не найдя «газеты», заклеивает рот Скарамуччи синей изолентой). Сколько можно петь, изверг? Мы на пределе. Мы больше никогда не сможем слушать музыку. Сделано, товарищ ефрейтор.

ПАНТАЛОНЕ. С меня миндаль. (Обращается к Ковьело.) Теперь-то он будет откровенен?

КОВЬЕЛО. Он будет как шёлковый. После такой пытки никто ещё не молчал.

ПАНТАЛОНЕ. Что же, послушаем. Пусть говорит. Ковьело, обеспечьте. (Ковьело обеспечивает.)

СКАРАМУЧЧА (танцует и *noём*). Si tú me tienes que decir / Que ya no piensas tanto en mi / Si tú me quieres explicar / Que ya lo nuestro no es igual. // Dímelo, dímelo / Hoy mejor que mañana...

ПАНТАЛОНЕ. Это неаполитанский? Я сразу сказал вам, из какой он разведки. Ай да Панталоне. Господи, какой варварский язык.

ФАНТЕСКА. Говорят, русский ещё первобытней.

ПАНТАЛОНЕ. Вот бы поймать русского шпиона, чтобы послушать.

СКАРАМУЧЧА. Отличная роль. Хорошо, что я на неё согласился. Можно петь и плясать. А вы только триндите.

ПАНТАЛОНЕ (обращаясь к Ковьело). Солдат, ты обещал, что он заговорит.

КОВЬЕЛО. Мой ефрейтор, он говорит.

ПАНТАЛОНЕ. О... действительно.

СКАРАМУЧЧА. Ну же спрашивайте. Из меня так и прёт.

ПАНТАЛОНЕ. Информация?

СКАРАМУЧЧА. И секретная. Первый вопрос?

ФАНТЕСКА. Ваше звание в ненашей разведке?

СКАРАМУЧЧА. Штандартенфюрер.

ФАНТЕСКА. Я так и знала, я так и знала! Как попали на нашу суверенную территорию?

СКАРАМУЧЧА. Перешёл границу в вещмешке с картошкой ничего не подозревающего вашего туриста трёхмесячным младенцем.

ПАНТАЛОНЕ. Фантеска, это правда?

ФАНТЕСКА. Пока всё сходится. Пока ни словечка лжи.

КОВЬЕЛО. А я говорил, а я говорил!

ПАНТАЛОНЕ. Спроси его, какая была картошка: варёная или жареная.

ФАНТЕСКА. Какая была картошка: варёная или жареная?

СКАРАМУЧЧА. Конечно, варёная, причём в мундире. Она согревала меня. Спасибо тебе, картошечка (*кланяется воображаемой картошке*).

ПАНТАЛОНЕ. Спроси его про мундир.

ФАНТЕСКА. Мундир был офицерский? солдатский? какого рода наших войск?

СКАРАМУЧЧА. Да жёлтенький такой.

ФАНТЕСКА. Значит лётчицкий.

ПАНТАЛОНЕ. Значит на лётчиков, как всегда, положить-ся нельзя... Печально. А я тут собрался лететь...

ФАНТЕСКА. Кирова, дорогого Сергей Мироныча, тоже вы грохнули?

СКАРАМУЧЧА. Ну а кто ещё?

ФАНТЕСКА. Господи, я только что раскрыла убийство века. (*Приплясывает, лезет ко всем целоваться*.)

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). МЫ раскрыли.

ФАНТЕСКА. Чего?

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). МЫ раскрыли убийство века.

ФАНТЕСКА. Ну хорошо, хорошо. Местоимение «мы»: мы, нас, нам, нас, нами, нас.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). А почему два раза «нас»?

ФАНТЕСКА. Долго рассказывать. И язык варварский.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Неаполитанский?

ФАНТЕСКА. Ага.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). И как ты его вообще понимаешь...

ФАНТЕСКА. Все враги одинаковы: говорят на вражеском. Знаешь один — понимаешь все.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Глубокая мысль. Надо записать.

ФАНТЕСКА. Не надо. У меня вот-вот выйдет трёхтонная монография «Техника допроса врага в Вавилонской башне». Второй тон будет обязателен к выучиванию наизусть... Но вернёмся к прорве автобусных билетов, обнаруженных при обыске. Допрашиваемый, внимание: вопрос. Эти билеты: а) Трамвайные; б) Просто накопились, пока мотался по городу в поисках смысла жизни; в) Содержат первичные инструкции по ликвидации товарища майора Пульчинеллы по заданию английской разведки? Какой ответ правильный?

СКАРАМУЧЧА. М-м-м...

ФАНТЕСКА. Дать вам телефон, чтобы вы дозвонились?

СКАРАМУЧЧА. Первым?

ФАНТЕСКА. Разумеется.

СКАРАМУЧЧА. Дать.

ФАНТЕСКА (*передает Скарамучче телефон с дисковым набором*). Натё.

СКАРАМУЧЧА. Большое спасибо. А номер?

ФАНТЕСКА. Ну конечно, номер... Сейчас посмотрю... Никак не запомню свой номер (*роется то ли в памяти, то ли в автобусных билетах, изъятых при обыске*)... А, вот: 2-12-85-06.

СКАРАМУЧЧА (*говорит на русском, но с варварским акцентом*). Спасибо огромное.

ФАНТЕСКА (*говорит на русском, но с не менее варварским акцентом*). Не за что, товарищ.

СКАРАМУЧЧА (*набрав номер*). Алё, это я. Я первый?

ФАНТЕСКА (*здесь и далее, как и Скарамучча, говорит в телефон*). А вот и первый звонящий! Поприветствуем его! (*Звучат аплодисменты*.) Спасибо, что позвонили и дозвонились, и дозвонились первым! Первому дозвонившемуся

первым положен замечательный приз! Сегодня это сверхкачественная реплика самой первой скрипки Страдивари, изготовленная с душой Шиховской гитарной фабрикой! А именно её лучшими мастерами: крестьянином Емельяновым и крестьянкой Емельяновой! Поздравляем первого дозвонившегося первым!

СКАРАМУЧЧА. Спасибо, но мне бы барабан, я с детства мечтаю о барабане...

ФАНТЕСКА. Так какой ответ правильный?

СКАРАМУЧЧА. А это не запись?

ФАНТЕСКА. Эфир — самый что ни на есть прямой, штандартенфюрер. Видите вон того в домашнем халате в 66-ряду партера? Сейчас я попрошу его бросить в вас тухлым яйцом, и он бросит. А уж попадёт ли — могу только догадываться. (*Обращается к человеку в халате, показывая разведёнными пальцами сначала на свои глаза, а потом — на его.*) Уловили? (*Человек в халате кивает.*) А теперь засадите в него яйцом. (*Человек в халате бросает яйцо, но промахивается.*) Больше никаких контрамарок не получите. (*Обращается к Скарамучче.*) Ну, убедились?

СКАРАМУЧЧА. Да, спасибо. Правильный ответ заключён в подпункте в): содержат первичные инструкции по ликвидации товарища майора Пульчинеллы по заданию английской разведки.

ФАНТЕСКА (*в упоении отбрасывает телефон в сторону*). Совершенно верно! Аплодисменты! (*Звучат долгие и продолжительные аплодисменты. В зрительном зале все встают.*) Сели! Я ещё не закончила! (*Все садятся.*) Хватит стучать ладошками, я не могу вас перекричать! (*Зал умолкает.*) (*Устало.*) А что там со вторичными инструкциями, подлая Скарамучча? (*Плачет.*) Пульчинеллочку грохнул, а теперь отвечает, как первый ученик, и даже красуется... А я ему потакаю...

КОВЬЕЛО. И Смеральдиночку тоже грохнул. Просто напоминаю.

ФАНТЕСКА (*раздражённо*). Да-да, и эту тоже... зачем-то... нет бы в Панталоне пальнуть...

СКАРАМУЧЧА. Выбрать из трёх ответов? или своими словами?

ФАНТЕСКА. Ах, да. Извините, штандартенфюрер. Вопрос такой: вторичные, и окончательные, инструкции по убиению наших товарищей вы получили с помощью автобусных билетов из книжки: а) Отказался от Нобелевки, поэтому ответ неправильный; б) «Смерть на сцене и другие летальные случаи при проведении розыскных мероприятий» некоей А. Ф. Кристи, главы резидентуры МИ-5 ½ в нашем городе; в) «Евгений...», как тут некоторые настаивали, какой-то «...Онегин» уж не знаю чей.

ПАНТАЛОНЕ и КОВЬЕЛО (*хором*). Мы настаивали на «Винни-Пухе» Заходера!

ФАНТЕСКА. Хорошо. Пусть в пункте в) будет «Обаятельная плюшевая бестолочь Винни», а не Женька.

СКАРАМУЧЧА. Отвечаю.

ФАНТЕСКА. Погодите. Выдержите небольшую паузу, чтобы мы внутренне смирились с вашими попаданием или неудачей... Слышите барабанную дробь?

СКАРАМУЧЧА. Не-а.

ФАНТЕСКА. А теперь — отвечайте!

СКАРАМУЧЧА. Пункт б): «Смерть на сцене и... как-то там» моей кураторши от МИ-5 ½ в вашем городе.

ФАНТЕСКА. Боже мой, он опять угадал! (*Звучат неистовые аплодисменты и истошные крики «браво».*) А теперь, ирод, давай своими словами. Очень же интересно.

СКАРАМУЧЧА. Тайно перейдя вашу границу в трёхмесячном возрасте, я пристроился в училище им. тов. Кутузова М. И., в котором, желая сделать в последующем карьеру видного военного, чтобы проиграть какую-нибудь очередную войну, я неоднократно сыпал стекло, добытое при разбивании окон при игре в ножной штандер, во всеобщий компот под видом сухофруктов, чтобы как ни в чём не бывало пить его с пацанами на завтрак, обед, полдник и ужин, настаивая, чтобы пацаны обсасывали каждый сухофрукт и глотали его не жуя, ибо так стекло вредило особенно изощрённо. В результате многие пацаны водили потом полки в сабельные походы.

ФАНТЕСКА. Блюхер?

СКАРАМУЧЧА. Васька-то? Васька особенно.

ФАНТЕСКА. А Семён Михалыч?

СКАРАМУЧЧА. Немного. Но почему-то только по средам.

ФАНТЕСКА. Продолжайте, штандартенфюрер.

СКАРАМУЧЧА. И вот я дослужился до стрелка спецназа, чтобы по звонкам бдительных граждан вламываться на всякие общественные мероприятия и наводить конституционный порядок. Вламывался и стрелял, стрелял и вламывался, но тут мне не повезло: как обычно, убив зачинщика, я пошёл спать и проснулся от стука в дверь. Это были вы... ваш благородный мстительный отряд. Знал бы — прикончил всех, но чего уж теперь руками разводить...

ФАНТЕСКА. Вы назвали нашего товарища заслуженного актёра нашего города (вот-вот должны были дать «народного») Пульчинеллу «зачинщиком». Почему?

СКАРАМУЧЧА. Как на духу?

ФАНТЕСКА. Говори уже, гад.

СКАРАМУЧЧА. Когда я ввалился в зрительный зал вашего ДК им. г. Кемерово, на сцене которого вы отвратительно кривлялись, то сразу заподозрил неладное, потому что а) Агата Фредериковна описала вашего Пульчинеллу как будущего перспективного военачальника, который чуть ли не в одиночку способен захватить наш остров, и б) посмотрев ему в глаза, я убедился в этом. После чего спокойно и технично исполнил задание, за что получил благодарности сразу от всех: и от Агаты Фредериковны, и от вашего главмента. У меня всё. *(Кланяется.)* Можно теперь за кулисы?

ФАНТЕСКА. Товарищ ефрейтор, можно закругляться?

ПАНТАЛОНЕ. Давай, дочка. Только выводы должны быть исчерпывающими и бесповоротными.

ФАНТЕСКА. Постараюсь, товарищ ефрейтор. А теперь последний вопрос нашей телевикторины «Допроси, прищучь — и ужокошь»! *(Зал вместе со всеми масками срывается в бешеный аплодисман. Звучат здравицы и призывы.)* Спасибо, друзья. Тише, друзья. Полная тишина, друзья. Итак,

друзья, что делать с этой Скарамуччей? Как всегда, у нас для вас приготовлены три варианта ответов, составленные ведущими экспертами: а) Сжечь на костре из телефонных книг, как какую-нибудь, нафиг, ведьму... Аплодисменты? (Аплодисменты рвут зал на мелкие кусочки. Прекращаются по отмашке Фантески.) Ответ б): Шарфиком (гром аплодисментов). И-и-и... — в): Та-ба-ке-рочкой (зал неистовствует: зрители поздравляют друг дружку с прекрасным, на их взгляд, вариантом ответа, пляшут, салютуют пробками от шампанского, обнимаются, поют, кричат: «А про “кишки выпустить” почему забыли?»). Ну-с, какой ответ правильный? А про кишки забавно, но как-то приелось, не находите? Правда же, товарищ ефрейтор? (Панталоне благодушно кивает.)

СКАРАМУЧЧА. Спрашивали — отвечаю...

ФАНТЕСКА. А вас как раз не спрашивали.

СКАРАМУЧЧА. Но почему?

ФАНТЕСКА. Вы, штандартенфюрер, лицо заинтересованное, а нам нужны ответы вольные и честные.

СКАРАМУЧЧА. Понял. Умолкаю.

И тут в зрительный зал, не соблюдая святое — тишину во время опасного номера воздушных акробатов, — врываются двое: ковыляющая на протезе Смеральдина и держащая её под ручку Тень Пульчинеллы во всём майорском, во всём парадном, да с наганом в боевой руке, да с портфельчиком — в другой, которая «а теперь бей с левой», в котором нет ничего, кроме листков отрывного календаря, а на них всё надписи, надписи, да всё вот такие: «А в этот день я мог бы целовать Сме на крыше самого высокого здания нашего города, потому что во всех остальных местах мы, кажется, уже целовались...»

ПАНТАЛОНЕ, ФАНТЕСКА и КОВЬЕЛО (хором). Смеральдиночка! Ты жива!! Какое счастье!!! Как нам тебя не хватало эти два антракта! А мы уж тебя... того. Ты не обижаешь-ся, что мы тебя того?

СМЕРАЛЬДИНА. Ребят, ну что вы. Ну похоронили — и похоронили. Плясали хоть на поминках?.. Нога — новенькая, из нержавейки. Отрезали, ибо висела на ниточке, ибо этот разрывными палил, — и неродную на её место. Учусь ходить, но уже сносно бегаю. Эта (*показывает на Тень Пульчинеллы*) едва догнала. «Подожди, — кричала, — не спеши, я не поспеваю, я с тобой хочу, только я знаю ответ на последний вопрос...» (*Обращается к Скарамучче.*) Ты почему разрывными стрелял, вражина?

СКАРАМУЧЧА. А какие ещё бывают? А какими ещё можно?

СМЕРАЛЬДИНА. Со смещённым центром тяжести.

СКАРАМУЧЧА. Этого мы не понимаем, мадам. Нам только такие выдают: со взрывчиком.

СМЕРАЛЬДИНА. Спасибо. Ребят, что за «последний вопрос»?

ПАНТАЛОНЕ. Кончать его будем. Уточняем у народа, как лучше.

СМЕРАЛЬДИНА. А...

ТЕНЬ ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ (*стреляет в воздух и спокойненько так говорит*). Всем молчать. Прошу об этом хотя бы как старшая по званию...

СКАРАМУЧЧА. Штандартенфюрер старше майорши, чувиха.

ТЕНЬ ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ. ...Не тех экспертов спрашивали. Не у тех зрителей интересуетесь. Правильный ответ: г), всегда г), отныне и навеки г), и он таков: 10-й круг ада, круг для чучел Скарамучч, выпотрошенных и изготовленных заживо, потому что если из них не изымать органы...

ПАНТАЛОНЕ, ФАНТЕСКА, КОВЬЕЛО, СМЕРАЛЬДИНА и даже СКАРАМУЧЧА (*хором*). Ой.

ТЕНЬ ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ. А чё такого? чё вы ойкаете? Вы ТАМ были, чтобы ойкать?

ПАНТАЛОНЕ, ФАНТЕСКА, КОВЬЕЛО, СМЕРАЛЬДИНА и даже СКАРАМУЧЧА (*хором*). Прости.

ТЕНЬ ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ. ...потому что если из них, пока они живы, не изъять органы, ОНИ ВЕРНУТСЯ. А без орга-

нов, как говорит Дуранте ди, — вряд ли, и я ему почему-то верю. В общем, всем, включая зрителей, плясать **фанданго** (все тут же, безо всякой раскачки начинают плясать фанданго), пока я ковыряюсь... А иначе — возвращаются. Возвращаются. Возвращаются и возвращаются. Возвращаются-возвращаются.

Конец третьего антракта*.

* Впрочем, «Гамлет» идёт с 75 антрактами, поэтому автор обязуется...

37,68447675175, или Ликвидация

Действующие лица

СТАРИКИ, с именами, датами ж. и текущим табельным номером (а также без него).

ИСПОЛНИТЕЛИ, 15-летние, иногда навеки, с синими инвентарными номерами на шёлковых руках, которые иногда теряются среди пылких вен.

Крайний срок

Дело обыденное, дело скучное, дело даже опостылевшее, потому что понять, к чему всё это, какой это имеет *сегодняшний* смысл, не то что трудно, но забывается на счёт «три», хотя с пелён вдолблено в подкорку: когда придёт время, с ними, как предписано во множестве артикулов, надо так и этак, и от души (от души? — гм), и улыбаться безо всякого лукавства, и не ругаться, даже мысленно, и угрождать, и, если это поможет, заискивать, и исполнять любую их прихоть, но, но, но... но быть несгибаемым в главном: в срок исполнить то, ради чего заявились и... расстились. Уломать почтительностью и лаской — и склонить, и склонить голову перед склонённым, даже если следом, по просьбе склонённого, надо будет порвать его всей стаей на

кусочки, годные в плов (всякие бывают последние просьбы у этой публики, у этих реликтов)...

Утро только начинается, считай — ещё рассвет, и это первый у наших Исполнителей адрес. Некому Гóги (29.02.1988 — сегодня в полдень), Старику-01, нынче исполняется 37 лет 250 дней, или, если в годах, 37,68447675175, и это крайний (до неприличия) срок. Крайний — как говорят в очередях за билетами на свежие постановки Большого («Мне, — говорят, — надо по-большому, я быстро, я ткнусь в любую квартиру, скорчив опричное лицо, и меня с почётом впустят. То есть вы уж скажите кому следует, что крайний я, а не вы, а теперь крайними будут они, хорошо? договорились? Дайте я вам за это ручку поцелую, мадам»).

И его, срок, надо: а) отметить так, как Старик пожелает, и б) завершить так, как, опять же, Старику взбредёт в голову. Чаще всего и «а» и «б» оговариваются заранее, за 250 дней, или, если в годах, 0,68447675175, до Крайнего Срока (давайте так и будем его называть: КС). Но бывает и так, что человек, КС которого тает и наступает, за 250 дней до отмахивается: а, ладно, давайте, мальчики, то есть, простите-извините, Исполнители, всё решим в собственно КС, ОК? Не хочу я чего-то об этом сейчас думать... рано, что ли... впереди столько времени... Ну хорошо, кивают Исполнители, не драться же с ним или с ней, тем более что драться нельзя, как бы ни хотелось, а надо вылизывать. И уточняют: в таком случае вы, дорогой(ая) и всемерно уважаемый(ая), понимаете, что через 250 дней ничего особенного (подготавливаемого долго, трудно, заранее) не будет? Фейерверки, конечно, запустим; шампанского пару канистр, чтобы вы насладились, принесём, оно всегда есть в дежурном комплекте; даже баб/мужиков... простите, изумительных мужчин/женщин из Каталога, на которых вы тут же укажете, добудем... Но это всё. Никаких прямых передач на Всенашем Телерадио, потому что логистика не позволит, быть не может. Понимаете? понимаете же? честно? не будете потом губки надувать и строчить жалобы?

Вот и славно, что усекали и не будете. До новой встречи через 0,68447675175 года. И вам не болеть.

Так вот, у Старика Гоги, ответственного и вперёдсмотрящего клиента №01 этого утра, с этим флотский порядок: список пожеланий на сей день был согласован и утверждён 0,68447675175 года назад, и никаких сюрпризов быть не должно.

К слову (для пущей ясности). Гоги — имя домашнее и для узкого круга... поскучневших недругов и шапочных знакомых, потому что друзей у Гоги отродясь не было, то есть был один, но уже год с лишним как он всё, — старше был на год-с-лишним, оттого и (счастливо получив всё запрошенное за 250 дней до своего последнего дня). А Горяшей его называла только одна, и она, вы удивитесь, на полгода старше Горяши, но, вы не поверите, до сих пор существует, потому что существует не у нас, а на самой оконечности африканского континента, а там другие порядки. Вчера она вдруг прислала телеграмму (телеграммы у нас ещё ходят; впрочем, только они и ходят; бумажную, с наклеенными ленточками печатного текста с марашками, грубо нарушающего наш синтаксис): GORYASHYA GOODBYE I LOVED YOU (точку не ставлю, потому что точки нет; в кавычки не беру, потому что зачем ПРОПИСНЫМ буквам кавычки? — только величавость замысла портить). А Гошей его называла последняя, третья, жена, но она, к счастью, моложе на полгода и, к счастью же, обитает в Индии, причём (хотя это совпадение) тоже на южной оконечности (на сей раз могучего полуострова). А Гогией в некоторые — не совсем счастливые — дни с известной досадой и сарказмом на него ругалась (ибо невыносим) жена №2, прибившаяся к славному Еревану, где Старики живут столько, сколько хотят, а не сколько скажут. Ну а первая жена порой была так любезна, что на людях окликала его загадочно-загадочно: «Горе», а человекам, которые поднимали брови, поясняла: «Луковое, зато моё». Первая не написала, не позвонила, телеграмму не отбила, ибо, как до Старика Гоги недавно донеслось, прячется. Он же, к слову, позвонил ей за 249

дней до её КС, спросил: «Ну и как тебе?», после чего они не слышались. «Затаилась», — шепнули ему в очереди за бархатом уместного цвета для скорого гроба. Достаточно рассусоливаний? Можно начинать?

ИСПОЛНИТЕЛЬ инв. №123 (со стает в треуголках, в обтягивающих штанах с лампасами, часть которой укомплектована неброскими ручными автоматами... не с газировкой — с юркими свинцовыми водами; помялся у двери Старика, уважительно постучал и, расшаркавшись открывшему, молвит довольно высоким, несмотря на юношеские усики, голосом, глядя снизу вверх, потому что Старик высок, а Исполнитель, как ни странно, ещё растёт и вытянется дай боже, а до двадцати пяти, когда перестанет тянуться, и вовсе потеряет пару коренных зубов). Во-первых, наше вам с кисточкой, Игорь Михайлович, если это вы... Вот вы поморщились, а Инструкция гласит, что это идеальное усреднённое приветствие для нашего с вами случая, Игорь Михайлович. Во-вторых, давайте-ка уточним, тот ли вы, за кого себя выдаёте... Опять что-то не то сказал? Вам трудно угодить, Игорь Михайлович, но я приложу все силы. Не могли бы вы широко-широко распахнуть глаза, чтобы мои помощники просканировали их приборчиком? Придержите, пожалуйста, веки пальцами... Спасибо. (Кто-то из стаи сканирует, смотрит на показатели, кивает: да, тот самый.) Прекрасно: вы — именно тот, к кому я пришёл. Никаких подмен, никакой неправды. В-третьих, вот цветы. Примите их по случаю впечатляющей даты после длинного тире от чистого сердца и поставьте, пожалуйста, в вазу, чтобы подольше постояли. В-четвёртых, Игорь Михайлович, как ваше самочувствие? Готовы к сегодняшнему празднику? Не заболете скоропостижно? Не расхандритесь вдруг, чтобы, гм, смазать карту табельного дня?

СТАРИК ГОГИ, таб. №01 (в руках которого вдруг обнаруживается бадминтонная ракетка, что несколько настораживает Исполнителя). Простите, я поиграть собрался... с одной соседней Старушкой... А тут вы... А мне можно ваш инвентарный номерок? А то вдруг и вы не тот, за кого себя выдаёте...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Значит ли это (*кивает на ракетку*), что вы забыли о нашем неизбежном приходе. Думаете, это норм? (*Старик пожимает плечами.*) Мой номерок? Разумеется. (*Закатывает рукав коричневой рубашки с погончиками.*) Вот, пожалуйста. Синенький среди бойких синеньких же кровеносных сосудов. Под якорем. Видите циферки? 123. Он. (*Старик кивает.*)

СТАРИК ГОГИ (*забрасывает ракетку в квартиру, и та, судя по звуку, что-то разбивает; довольно церемонно подаёт руку каждому из стаи*). Ну тогда привет, мальчики. Прощу вас. (*Исполнитель и стая, лёгонько отодвинув Старика, проходят внутрь; сам Старик застывает в дверях.*) Почему не в школе? Уроки назавтра сделали, прогульщики? Марьиванны не боитесь? Не въезжаете? Ну, математички... которая вам атата сделает... Нет? не сделает? Неужели ей тоже 37 с одиннадцатью знаками после запятой?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Мы не в школе — потому что у нас теперь, если вдруг забыли, четырёхлетка, которую мы давным-давно позаканчивали, причём некоторые с отличными отметочками. По вышеназванной причине уроков мы сегодня не делали. Другие же уроки — так сказать, жизненные — делаем каждый день, и со всем тщанием, потому что это наша работа, непростая, но имеющая важное значение.

СТАРИК ГОГИ. Для судеб родины?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Простите?

СТАРИК ГОГИ. ...«важное значение» — для судеб родины?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Да, да! Конечно. Но только слово «родина» мы с вами должны произносить гордо, звонко и с большой буквы. Вы же так его произнесли?

СТАРИК ГОГИ. Не уверен.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Плохо. Плохо! Предлагаю попробовать произнести его вместе со мной и ребятами с должным уважением. Родина! Повторяйте за мной и ребятами, а потом повторяйте со мной и ребятами. Р-р-родина! (*Старик прилежно, но насмешливо повторяет.*) Р-р-родина! А теперь попробуйте без меня и нас: Родина! (*Старик пробует.*) Ну вот, Игорь Михайлович. У вас получилось. Не забывайте

произносить это важное слово утром, в обед и вечером, и оно станет отскакивать от зубов.

СТАРИК ГОГИ. ...круша их?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Извините?

СТАРИК ГОГИ. Ударив по зубам, оно неизбежно выбьет пару и обломает штуку и только потом отскочит. Нелёгкое. Реактивное.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Игорь Михайлович, вы слишком приземлены. Это был фразеологизм. Это была, простите, метафора.

СТАРИК ГОГИ. ...это была идиома.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*возрадовавшись*). Вот именно, Игорь Михайлович!

СТАРИК ГОГИ. Итак, цветы. Итак, праздник. Как вы это назвали.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Совершенно верно. Уже сегодня...

СТАРИК ГОГИ. ...я сдохну.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Сегодня вы наконец-то покинете нас, Игорь Михайлович. Так правильнее. Так жизнелюбивей.

СТАРИК ГОГИ. Называйте меня Гоги. А то после каждого «Михайловича» я слышу хруст в вашем языке, хотя ломаться там нечему.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Ваше желание, Гоги...

СТАРИК ГОГИ. ...«закон»? Короче, наконец-то. А то зажился. Правда же?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Вы же не считаете, что вам рано? Если Родина! так решила...

СТАРИК ГОГИ (*перебивает*). Да нет, в самый раз. Кто мы такие, чтобы считать иначе и даже выходить с вилами? Стишки кропаем. Которые, кстати, опять пошли. У меня типа мухосранская осень, самый ее пик. Так что вы, мальчишки, не ко времени. Что же, забросить их, если вы припёрлись? Так не бывает. Давайте послезавтра, а? А лучше месяца через три, в декабре.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Стишки?

СТАРИК ГОГИ. В смысле?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это типа рэпа?

СТАРИК ГОГИ. Типа него. Наверное.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. И зачем же вы это делаете?.. Впрочем, всякий труд — это же труд? — почётен, так что не отвечайте и простите за промелькнувшее неуместное недоумение. Верю, что за это хотя бы достойно платят. *(В стаю.)* Рэпер. Надо же.

СТАРИК ГОГИ. Достойней не бывает. Через двести лет, не раньше, когда вам стукнет 215...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это возможно?

СТАРИК ГОГИ. А почему нет?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. 215. Я в арифметике не очень, но какая-то большая циферка.

СТАРИК ГОГИ. Но к вам же, Исполнителям, в 37 не приходят?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это секретная информация.

СТАРИК ГОГИ. Поэтому ваш брат вполне может дотянуть до 215-ти.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Правда?

СТАРИК ГОГИ. Зачем же мне вас обманывать? Вы на посту, а я буду вас обманывать? Мне что — больше делать нечего? мне жизнь, что ли, недорого? УК — почитываем, знаем, что бывает, если обманывать.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 *(обращается к одному из стаи)*. Выключи запись. У меня к Гоги непротокольный вопрос. Выключил? Спасибо, с меня пачка сигарет. *(Обращается к Старику.)* И что будет через 200 лет?

СТАРИК ГОГИ. Со мной? Меня начнут проходить в школе, только не в вашей четырёхлетней, ускоренной, а в нормальной, десятилетке, и на филологических факультетах во всех вузах. Меня начнут издавать и почитывать. Меня будут к месту и не к месту цитировать. Девочки вашего возраста, едущие утром в метро, будут читать только меня: читать и промокать платочками глаза, читать и целовать случайных людей.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это почему?

СТАРИК ГОГИ. Это не потому что я загнусь сегодня, что-нибудь отчебучив, просто стихи хорошие. Через 200

лет до вас наконец-то дойдёт. Так бывает. Вернее, только так и бывает.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. А со мной что будет?

СТАРИК ГОГИ. Если вам повезёт угодить в янтарь, вами будут любоваться. Вы милый, у вас, наверное, симпатичная мама, это же её ресницы и брови, верно? Повернитесь-ка... У вас хороший профиль. Только не говорите, что от папы, я его знать не хочу. В общем, в какой-нибудь Кунсткамере на вас будет приятно смотреть. Только с пистолетом за поясом в янтарь не берут. Когда будете падать в него, отбросьте пистолет в сторону. И, пожалуйста, не задерживайтесь: лучше до тридцати, пока не облысели.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Я почему-то дрожу. Но мне это нравится.

СТАРИК ГОГИ. Это резонанс. Это значит, вы не совсем потеряны. Маме — мой привет. Впрочем, о чём это я... Старый, а такой дурак.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Дорогой Игорь Михайлович...

СТАРИК ГОГИ. Просто Михалыч, друг мой.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Михалыч, кончай гнать пургу. Простите. Простите. Сорвалось. Вырвалось.

СТАРИК ГОГИ. Не извиняйтесь, друг мой. Будьте собой. Быть собой — это первый шаг к освобождению.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Пропускаю мимо ушей. (*Обращается к стае.*) Все видели, что я плевать хотел на эти враждебные выпады, наглые издёвки и невооружённые провокации? (*Стая кивает, подгавкивая.*) Дорогой Михалыч! В общем, мы тут не просто так, а чтобы обеспечить идеальное...

СТАРИК ГОГИ. ...и беспросветное.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. ...исполнение задуманного вами для...

СТАРИК ГОГИ. ...развесёлого.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. ...проведения праздника прощания не с кем-нибудь, а лично с вами, дорогой вы наш человек!

СТАРИК ГОГИ. Да в жопу ваш праздник. Вон отсюда. Дайте спокойно поскорбеть перед закруглением-37.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*категорически не слыша Старика*). В-пятых, я сейчас зачитаю...

СТАРИК ГОГИ. Ты умеешь читать, сволочь?!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. ...весь, до последней строчечки, список мероприятий, после чего мы приступим к их неукоснительному исполнению, чтобы потом перейти к главной аттической прелести нашей табельной даты...

СТАРИК ГОГИ. К моему бесстыдному прилюдному околеванцу.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. ...вашему уходу.

СТАРИК ГОГИ. ...в мир иной, но, надеюсь, куда лучший. Если только вы не соврали. Хотя, конечно, лучше бы не сегодня, а как-нибудь потом, в декабре, а лучше — никогда, но что делать, если вы настаиваете.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Внимание, Игорь Михайлович, зачитываю. Видите бумажку в моих трепетных руках? Видите на ней штамп УТВЕРЖДЕНО и свою витиеватую подпись? Вижу, что видите. Зачитываю (а не зачитывать, простите, не могу, потому что такова Инструкция)...

СТАРИК ГОГИ. Мало ли что я наговорил 250 дней назад! Мало ли что вы подсунули мне на подпись! Я был без очков и, возможно, излишне благодушен, потому что, наверное, был после портвейна со Старухой Риткой, с которой собирался играть в бадминтон, но тут припёрлись вы, и всё пошло прахом.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Пункт 1-й раздела «Пожелания будущего покойника, которые не могут быть не исполнены в день его гордого ухода и будут исполнены с высочайшим качеством и точно в срок» гласит:

«Накануне (за день до) разошлите всем перечисленным людям (список из 13 незнакомых мне людей, имена которых первыми придут в голову и которых вы должны заранее разыскать, сейчас напишу) телеграмму-молнию следующего содержания:

ВОРОБЫШКИ МОИ ЗПТ ВОТ МЕНЯ НЕ СТАЛО ТЧК
КВАРТИРКУ СКБ КОМНАТА ЗПТ СОВМЕЩЁННЫЙ САМУ-
ЗЕЛ ЗПТ УЮТНАЯ КУХОНЬКА ПЯТЬ МЕТРОВ СКБ ПЕРЕПИ-

САЛ ВАС ЗПТ ХОЧУ ЗПТ ВЫ ЖИЛИ НЕЙ ВСЕ ВМЕСТЕ МИРЕ
 ЗПТ СОГЛАСИИ ТЧК ПОДУЧИЛСЯ ПЛОТНИЦКОМУ ДЕЛУ
 ЗПТ СБИЛ ИЗЯЩНЫЕ НАРЫ ТРИНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК ЗПТ
 НАДЕЮСЬ ОЦЕНИТЕ ЗПТ СПАТЬ ЕСТЬ ГДЕ ЗПТ ЧТО ЕЩЁ
 ЧЕЛОВЕКУ НАДО ТЧК ЖИВИТЕ СВОЁ УДОВОЛЬСТВИЕ ЗПТ
 ВСПОМИНАЙТЕ МЕНЯ ЛЮБЫМ СЛОВОМ ЗПТ СОБЛЮДАЙ-
 ТЕ ЧИСТОТУ ЗПТ ТИШИНУ НОЧЬЮ ЗПТ ПОДНИМАЙТЕ
 СИДЕНЬЕ СКБ ВАС ЕСТЬ ДАМЫ СКБ ТЧК ПРИХОДИТЕ ЗАВ-
 ТРА ОТВАЛЬНУЮ ТЧК СТОЛ БОГАТЫЙ ДВТЧ ОЛИВЬЕ ЗПТ
 АГДАМ ЗПТ ТАНЦЫ УТРА ЭДИТУ ПЬЕХУ МАГНИТОФОНА
 ЯУЗА ЗПТ ЦЕЛЫХ ТРИ КАТУШКИ ЗПТ ДОВЕДЁТ ИКОТЫ
 ТЧК ПРИЛЕТАЙТЕ МНЕ ЗПТ ТОГДА СВИДИМСЯ ТЧК ЛЮ-
 БЛЮ ВАС ДУРАКОВ ЗПТ МОИ ВОРОБЫШКИ ТЧК ВАШ СТА-
 РИК ГОГИ ТЧК»

СТАРИК ГОГИ. Да помню я все свои пунктики. Не утруждайтесь, берегите гланды. Не надо зачитывать, просто исполняйте. Давайте пролистаем и перейдём к финалу.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. НЕ ИМЕЮ ПРАВА НЕ ЗАЧИТЫВАТЬ ТЧК ТАК ТРЕБУЕТ ИНСТРУКЦИЯ ТЧК Позвольте зачитать ваш список, тут всего 13 загадочных далеко не наших имён: Ваня Пущин, Антоша Дельвиг, Виля Кюхельбекер, Петя Вяземский, Ваня Малиновский, Сильва Броглио, Колька Ржевский, Ни́колушка Корсаков, Эмма Герштейн, Ольга Ваксель, Николай Гумилёв, Ольга Ивинская, Тициан Табидзе.

СТАРИК ГОГИ. Вы их отыскиали? И кто они? Телеграммы им отправили? Они будут на отвальной?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Всех. В основном бомжи. Отправили. Все до единого будут. Они очень-очень рады вашему подарку. Друг друга они пока не знают, но не против жить вместе в вашей квартире.

СТАРИК ГОГИ. И под Пьеху станцуют?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Обещали письменно. Любят. Цитирую: «После “Агдама” особенно, до глубины души. Все ноги отобьём».

СТАРИК ГОГИ. Вы молодцы. Постарались.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Письменные показания каждого из 13-ти прилагаются. Можете ознакомиться.

СТАРИК ГОГИ. А если не придут провожать?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Пожалеют.

СТАРИК ГОГИ. А если не станут жить вместе?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Пожалеют ещё сильнее. Не было ещё такого, чтобы просьбы и указания покойников не выполнялись. С нашей, разумеется, помощью.

СТАРИК ГОГИ. Не нравится мне это. Давайте отменим этот пункт.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Но вы же сами сделали эти замечательные нары (*щупает их, запрыгивает на верхний, третий, ярус, ложится, начинает всхрапывать*). Сам бы на таких спал. Лучшие нары из тех, что я видел.

СТАРИК ГОГИ. Нельзя так с людьми, пусть даже и выдуманными из головы. Я против. Простите за вопрос: я был в себе 250 дней назад?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Вы были в стельку.

СТАРИК ГОГИ. Вот видите... И что вы им сделаете, если они не будут соблюдать... мою последнюю волю?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это называется «к ногтю». Всякое... им сделаем.

СТАРИК ГОГИ. Нет, нет, нет! Давайте переиграем. Кто из нас покойник: вы или я? Я, чёрт возьми, настаиваю! По праву покойника, мальчик.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*охотно соглашаясь*). Давайте. Вы вдруг захотели — мы завтра же исполним. На то Родиной! воспитаны и поставлены. Что вы предлагаете сделать с квартирой со столь изысканными нарами?

СТАРИК ГОГИ. Может, пустить сюда бездомных собак?.. Нет, не то, собаки помешают соседям, а они милые... Продадим квартиру вместе с нарами, а деньги раздадим, гм, Старухам, которые сидят на рынке в сторонке и стыдливо, прикрывая глаза руками, продают варенье собственного изготовления из... допустим, калины, а? Вы не против? Однажды я спросил у одной, почему из калины, и узнал, что калина растёт в лесу — и в изобилии, если год хороший. Вот почему. Она же призналась мне, что родила в 15-ть, и сын однажды украл где-то мешок огурцов, которые некуда

было девать. В общем, она наварила из них варенья, которое полюбилось Старикам, которые ходят покупать домашнее варенье к Старухам на рынке...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Договорились. Завтра же продадим и раздадим, найдя соответствующих Старух на нашем рынке. Раздавать всем Старухам? А если их будет много?

СТАРИК ГОГИ. Давайте так: только тем, которым осталось года три до КС. Пусть порадуются. Пусть перестанут бегать по лесам за калиной.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Записано. Будет сделано. Распишитесь. И мы перейдём к пункту 2.

СТАРИК ГОГИ (*расписавшись в бумаге, поданной одной из стаи.*) Спасибо. Спасибо. Спасибо. Давайте свой второй пункт.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Даю ВАШ второй пункт. «Хочу мороженого. Наконец-то объемясь мороженым. Чтобы внутри всё заledenело. Потому что тёплым я вам не дамся».

СТАРИК ГОГИ. Ничего себе. И какое же мороженое я хочу?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Вы не сказали, поэтому мы приготовили с десятков сортов.

СТАРИК ГОГИ. Вот это правильно. Буду пробовать. Не понравившееся — швырять в вашего брата.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Готовы ко всему.

СТАРИК ГОГИ. В чём будет мороженое?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. В 10-литровых вёдрах.

СТАРИК ГОГИ. Значит швырять не буду, а надену кому-нибудь на голову.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Неплохо. Такого ещё не было.

СТАРИК ГОГИ (*после долгой паузы*). В мороженный пункт внесём две поправки: мороженое, которое не понравилось, вы поставите в очень большой холодильник, чтобы влезли все забракованные вёдра, и завтра же раздадите детям около цирка и музыкальных школ. А сам пункт перенесём в самый конец, потому что заморозка понадобится мне в самом конце. Идёт?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Договорились!

СТАРИК ГОГИ. Как-то у вас всё слишком просто. Мороженое хоть настоящее?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. За настоящесть мороженого отвечаю лично и правой рукой.

СТАРИК ГОГИ. Дающей?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Извините?

СТАРИК ГОГИ. Дальше.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Следующее пожелание, настоятельно высказанное вами 250 дней назад...

СТАРИК ГОГИ. В совершенно ужратом, как теперь выясняется, состоянии.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123.: «Издание моего ПСС...

СТАРИК ГОГИ. Вашего?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Там кавычки, то есть «моего» значит «вашего», Игорь Михайлович. Вашего полного собрания сочинений.

СТАРИК ГОГИ. Неплохо. Продолжайте.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. ...с обязательным предоставлением сигнальных экземпляров первых пяти томов автору и публике в праздничный день КС...»

СТАРИК ГОГИ. Книжки готовы?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Само собой.

СТАРИК ГОГИ. Можно посмотреть?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Не можете подождать до церемонии? Их же сам Сам будет показывать. Да по центральному телевидению. Да с оркестром...

СТАРИК ГОГИ. Похоронным.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. ...Да с прочими штуками, которые вам милы в этот памятный табельный день.

СТАРИК ГОГИ. Не могу подождать. Хочу убедиться, что это не цирк, а похороны. Или показываете сейчас, или я всё отменяю.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Будет сделано-с. (*Цыкает на кого-то из стаи. Книги приносят.*) Вот-с, Горе вы наше.

СТАРИК ГОГИ. Господи... книжечки. И переплёттики кожаные шагреновые да с золотом...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Всё как вы заказывали-с.

СТАРИК ГОГИ. Я заказывал такую пошлятину?.. Кожа — ещё ладно, но это невозможное золотое тиснение... Кто рисовал обложку?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Кто-то из наших-с.

СТАРИК ГОГИ. Расстрелять его сумеете-с?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Постараемся-с.

СТАРИК ГОГИ (*открывает все пять томов на случайных страницах*). А вот внутри миленько-с. (*Листает.*) Уютненько-с. Всё по делу-с. Приятненько-с и глазу и рукам.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Радует-с.

СТАРИК ГОГИ. Сможете наградить автора макета орденом?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Сможем.

СТАРИК ГОГИ. Сейчас я попрошу вас ещё об одной вещи (*листает книжки*)... Обещаете исполнить?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Исполнять — моя святая обязанность.

СТАРИК ГОГИ. Нашёл. Стишок. Прочитайте его прямо сейчас, здесь и с выражением, но не своим голосом, а голосом Сергея Юрьевича Юрского. И в его, разумеется, манере. Я приказываю-с. Читать-то обучены?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Более-менее.

СТАРИК ГОГИ. Страница 666.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Слушаю-с. Стихотворение «Козни»...

СТАРИК ГОГИ. На публике исполняется впервые.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Исполняется впервые. (*Читает. Если отвернуться, может показаться, что это и впрямь Сергей Юрьич. Если смотреть на чтеца, то убеждаешься в этом ещё раз: всё-всё в нём вдруг такое юрское...*)

«Да чтоб он ля», — взыграла пианистка;
стенал забойщик: «Завтра ж околей»;
зэкá не спал: «Мечтать, чтоб сдох, не низко»;
«Кондратий? — чаял повар. — Не без щей»;
писатель написал: «Откинсья, гнида»;
поп бил поклоны: «Ну же, приברי»;
взбрело хирургу: «От аппендицита»;
охранник ахнул: «Я бы изнутри»;

курильщик кашляет: «Можно “беломором”»;
«Но бритвой лучше», — спорил брадобрей;
«Мы свяжем шарф», — клялись старушки хором;
матрос смекнул, зачем тут столько рей;
«Булыжником», — сказал смутьян тов. Шадру;
колхозница хотела бы серпом;
толкатель возмущён: «А как же ядра?»;
«С тринитротолуолом», — шепотком

кивнул бомбист и взял с собой младенца,
такого голопузого, что яд
на пузе будет слизан, если бенца
«Сатрап» не хватит — если отстоят.

СТАРИК ГОГИ. Спасибо.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Не за что-с. Можно продолжать-с?
(*Старик кивает головой, глаза его на мокром месте.*) Но
сначала спрошу. Сатрап — это кто?

СТАРИК ГОГИ. Это бенц. Как и сказано.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. А кого они все хотят, гм, укон-
трапупить?

СТАРИК ГОГИ. Кого-то. Скоро узнаем.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Ясно-с. Продолжаю-с. Кавычки от-
крываются: «...и вручением их (сигнальных экземпляров
пяти первых томов ПСС) автору самим Самим во время
прямой телетрансляции в рамках программы “Время”...»

СТАРИК ГОГИ. Книжки точно напечатаете? Всё ПСС.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Сразу же после вашей кончины в
течение одного рабочего дня. Уже послезавтра всё собра-
ние сочинений поступит в магазины. Тираж, если помните,
неплохой: 145 миллионов. Чтобы досталось каждому. Что-
бы никто не чувствовал себя обделённым. Чтобы не дра-
лись, стоя в очередях...

СТАРИК ГОГИ. Очереди с мордобоем в данном случае —
это не так уж плохо.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Итак, сам Сам вручает вам книжеч-
ки, после чего (кавычки открываются) «...сам Сам, всена-

родно оправдав Бориса Леонидовича, всенародно же вручает вам Шнобелевскую премию по литературе за 2025 год и торжественно объявляет о номинировании вас от Нашей Страны на Нобелевскую премию по литературе в 2026 году и во все последующие годы, пока вы здравствуете...»

СТАРИК ГОГИ. Но ведь меня уже не будет.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Но об этом никто ещё не знает, ибо вот он вы: сияющий и во фраке стоите перед самым Самим и благосклонно принимаете награду и номинацию. Верно?

СТАРИК ГОГИ. Верно. Я буду во фраке?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Да-с. Показать-с?

СТАРИК ГОГИ. Не надо.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Зря-с. Фрак украшен красивыми орденами...

СТАРИК ГОГИ. У меня нет орденов.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это ерунда-с, важна только красивая телевидимость... Кроме того, мы не можем просить Нобелевскую премию для человека без орденов и не во фраке. Итак, импозантный и во фраке вы сначала посещаете храм, где ставите свечку за упокой вашей души, на выходе из храма вас восторженно встречает и засыпает конфетти делегация рабочих Ивановской швейной фабрики, исполнившей фрак, бережно подпираемая полком конных жандармов. Девушки, представляющие коллективы чесальщиц и мотальщиц, вручают вам пошитые ими в нерабочее время подушечки для иголок, поют народные песни и пляшут вместе с вами... Как у вас со слухом, голосом и координацией движений? Норм? (*Старик кивает.*) Отлично, потому что во всех песнях и танцах вы будете солировать.

СТАРИК ГОГИ. Я так хотел?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Вы на этом настаивали.

СТАРИК ГОГИ. А что если я просто постою в сторонке?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Нельзя-с. Народные гулянья и хороводы вокруг вас, как и вообще всё, будет, как вы помните, транслироваться программой «Время».

СТАРИК ГОГИ (*удручённо*). Что там ещё... в вашей моей бумажке?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. «...Во время вручения вам Шнобелевской премии на экраны будут выведены ваши дети, чтобы вы с ними порадовались. С Гамлетом Игоревичем из Еревана, с Манишей Игоревичей из Тируванантапурама и с Куприяном Игоревичем с Красной площади».

СТАРИК ГОГИ. Они согласились?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Только Гамлет Игоревич.

СТАРИК ГОГИ. Как он?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Скучает — и будет скучать. Плакал. Ничего не понимает. Говорит с лёгким чужим акцентом. Высокий. Застенчивый. Не курит. Отличник. Но, кажется, не зубрила. Мы таких били, но не сильно и не по голове.

СТАРИК ГОГИ. А остальные? Маниша, Куприян...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Маниша построила лодку, собирается рыбачить, хочет поймать самого большого тунца. Куприян — из наших, Исполнитель, уже получил инвентарный номер, очень старается, похож на андроида не меньше нашего, вот-вот поменяет фамилию...

СТАРИК ГОГИ. На какую же?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. На Дуракова. Как у всех Исполнителей. В общем, Маниша и Куприян отказались.

СТАРИК ГОГИ. Понимаю их... Я бы и сам не стал с собой говорить... И что будете делать?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Заменим качественными репликами. Кроме, разумеется, Гамлета Игоревича. Не волнуйтесь, они лучше настоящих.

СТАРИК ГОГИ. Этот день становится всё интереснее... А если Гамлет что-нибудь ляпнет?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Изображение будет его, речь — наша... После вручения вам Шнобелевки и прочего, сам Сам поцелует вас в голый живот. Затем вы и сам Сам спуститесь со сцены и удалитесь в чисто поле, где сядете по большой нужде, чтобы обсудить международную обстановку. Не переживайте телекамеры будут тактичны: звук приглушат, ниже груди не покажут. Музыкальным фоном будет песня «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла».

СТАРИК ГОГИ. Хорошая?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Мы поём её всем отрядом на подъёме и спуске флага Родины!

СТАРИК ГОГИ. Всё?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Нет. Закончив на поле, вы с самим Самим снова поднимитесь на сцену (сооружение которой, к слову, ждёт моей отмашки, а её не будет, пока мы не пройдемся по всем пунктам)... поднимитесь на сцену, чтобы сам Сам вручил вам медаль «За отвагу» и выдал паспорт на вашу новую фамилию.

СТАРИК ГОГИ. У меня будет новая фамилия?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Вы пожелали тройную и звучную. Через часик вас будут звать Пушкин-Пушкин-Фет.

СТАРИК ГОГИ. Надо же. А имя я оставляю?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Имя вы решили не трогать.

СТАРИК ГОГИ. А зачем Исполнителям фамилия, если у вас есть личные инвентарные номера?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Чтобы чувствовать себя Единой Семейей перед лицом опасности.

СТАРИК ГОГИ. Спасибо. И — спасибо вам за службу, товарищ. *(Прикладывает руку к пустой голове. Стоит так минуту, не меньше. Исполнитель вытягивается в струнку, после чего становится перед Стариком на одно колено.)* Вы на одном колене?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Так требует Инструкция.

СТАРИК ГОГИ *(через некоторое время)*. Вольно, Исполнитель-123.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Ну и наконец. За три пункта до «Мороженого» вы хотите «в последний раз посмотреть на женщину, которую хотел бы написать Боттичелли».

СТАРИК ГОГИ. Нашли такую?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Конечно.

СТАРИК ГОГИ. Настоящая? Не реплика?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Простите?

СТАРИК ГОГИ. Ничего, продолжайте.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. За два пункта до «Мороженого» вы распорядились, чтобы в случае вашей кончины вся Наша Страна говорила о ней весело и гордо в течение сорока

дней, при этом в Стране должен быть объявлен 250-дневный траур, однако поезда, следующие через всю Страну, обязаны раз в сутки в течение трёх минут, стоя ли, проезжая ли мимо, гудеть матчиш Corta jаса.

СТАРИК ГОГИ. Именно матчиш?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Ну я же не слепой, Игорь Михайлович. Вы же ещё не выкололи мне глаза отвёрткой. Так написано: матчиш.

СТАРИК ГОГИ. Какой ещё отверткой? Нет у меня никакой отвёртки. Гусиное перо есть, а отвёртки нет. Как она хоть выглядит?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Да это я так, к слову.

СТАРИК ГОГИ. Чёрт с ним, пусть будет матчиш.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Спасибо. И последний пункт перед «Мороженым». (А за «Мороженым», смею напомнить, следует то, о чём вы до сих пор не сказали ни слова. То, что обязано произойти — и произойдёт — ровно в полдень.) И это исполнение вами, а не нами, *The Logical Song*, the песни by the ВИА «Супербродяга».

СТАРИК ГОГИ. Я буду петь? Единственный дельный пункт.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Польщён, что вам нравится.

СТАРИК ГОГИ. Песню тоже покажут по «ящику»?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. По «ящику» покажут вообще всё. Последний день Такого Человека не может остаться не замеченным.

СТАРИК ГОГИ. А можно мне спеть её прямо сейчас? Ну... порепетировать перед ответственным выступлением. Только вы ритм держите. Сейчас принесу бубен. (*Уходит за бубном, приходит с бубном, показывает Исполнителю, как держать ритм.*) А вы (*обращается к стаяе*) приплясывайте и, когда накатывает восторг, тихо-тихо бейте в ладоши, попадая в ритм песни. Ага? («Ага», — *кивает стая.*) Итак, я пою:

There are times when all the world's asleep
The questions run too deep

For such a simple man
Won't you please, please tell me what we've learned?
I know it sounds absurd
Please tell me who I am

.
I said, watch what you say or they'll be calling you a radical
A liberal, oh, fanatical, criminal
Oh, won't you sign up your name?
We'd like to feel you're acceptable
Respectable, oh, presentable, a vegetable
Oh, take, take, take it, yeah

.
See upcoming rock shows
Get tickets for your favorite artists
You might also like
ballad of a homeschooled girl
Olivia Rodrigo
Breakfast in America
Supertramp
love is embarrassing
Olivia Rodrigo

.
But at night, when all the world's asleep
The questions run so deep
For such a simple man
Won't you please (Won't you tell me)
Please tell me what we've learned?
(Can you hear me?) I know it sounds absurd
(Won't you help me?) But please, tell me who I am
Who I am
Who I am
Who I am
Ooh
Hey

.
'Cause I was feeling so illogical, yeah
D-d-d-d-d-d-digital

Yeah, one, two, three, five
Oh, oh, oh, oh, ooh yeah
Ooh, it's getting unbelievable
Yeah

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*жидко аплодирует*). Прекрасная репетиция. Получил огромное удовольствие. Только (*смотрит на секундомер*) нас уже поджигает время. (*Смотрит в окно.*) В вашем дворе собралась бездна людей, которая ждёт моей отмашки, чтобы собирать зелёный театр, зрительный зал, сооружать стартовую площадку, протягивать провода, налаживать звук и освещение, устанавливать ракету. Вот-вот нагрянут телевизионщики из программы «Время», у которых прямой эфир, а они страшнее цепных псов: такие же вонючие, только умеют срываться с цепи. А ещё скоро приедет сам Сам... А мы тут зарубежные песенки распеваем.

СТАРИК ГОГИ (*откланявшись, отдышавшись и подумав*). И вот что я вам скажу, милые Исполнители. Ничего не будет. Кроме этой песенки, мороженого и обнимашек с самим Самим. Причём в таком — опять новом (вы уж извините Старика) порядке: сначала песенка, потом мороженое, потом братание с Самим. И пусть всё это будет чёрно-белым, как старый фильм. Сумеете?

И фамилии мне тройной даром не надо. И книжек тоже, потому что лесá жалко, особенно осиновые, которые для других дел пригодятся, а читать всё равно никто уже не умеет, а уж писульки в столбик — и подавно. Смех же: стишки! Чиво? стишки? Га-га-га, и на спину, чтобы дрыгать ножками, причём не *демонстрируя*, а искренне, от неутолимого и необоримого гоготанья. И никаких козлиных трауров. И с детьми я уже попрощался, и мы сказали друг дружке всё, и даже больше, и Гамлет плакал так, что я хотел сдохнуть, а у Маниши был сердечный приступ, а Куприян... он не скажу что сказал, чтобы вы... И премии ваши я в гробу видал. Пусть ваш сам Сам только Борис Леонидыча оправдает. И мы полюбовно обнимемся. И конец. И я сразу

уйду, потому что нужно скафандр примерить и обжечь и посмотреть, влезет ли в вашу ракетную тарататайку мешок чёрных сухарей, потому что от жратвы из тюбиков меня тошнит хуже Вальки, я проверял, я тренировался, выворачивает, и ничего не могу с собой поделатъ. Года три ведь лететь? Очень Большого Мешка чёрных сухарей должно хватить. И он готов. Я 250 дней их сушил, отказывая себе в буханках. Влез бы только. А воду эту вашу, известно из чего, я перетерплю, тоже пробовал, перевариваю, пил, терпимая, продержусь. Только бы до Марса добраться. Там, без вас, я ещё трижды столько проживу и напишу лучшие свои вещи. И Гамлету морзянкой их передам, а уж он, сынок мой чуткий, тонкий, издаст. Хоть брошюрку, а тиснет. Ибо поклялся, ибо сам мечтает почитать...

Или всё-таки гильотиной...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Игорь Михайлович! А вы не хотите Героя Нашей Страны? Если хоть чуть-чуть — так и скажите. Дадим, дадим тут же, сам Сам на грудь прицепит и расскажет народу о вашем подвиге. И льготы получите. Там знаете какие жирные льготы. Бесплатный проезд в электричке от Серпухова через всю Нашу Страну...

СТАРИК ГОГИ. Или из окна выпасть... Юноша, милый юноша!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Ась?

СТАРИК ГОГИ. А что бывает, если клиент... вы же так нас называете, не правда ли...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. А также покойниками.

СТАРИК ГОГИ. Ну разумеется... А вот если клиент и покойник ни на что не соглашается и подышать не собирается, отказывается подышать, — что тогда происходит?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Это вам зачем?

СТАРИК ГОГИ. Это мне в порядке общей эрудированности.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. То же, что и всегда: заглядываем в Инструкцию в главу «Отказники и беглецы, которые не склонны сдаваться», согласно которой нажатием на красную кнопку вызывается небесная артиллерия, которая уничтожает всё подчистую, не забыв отказника или беглеца.

СТАРИК ГОГИ. «На красную кнопку»?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*достаёт из кармана кнопку*). Вот на эту. Нажать?

СТАРИК ГОГИ. Пока не надо... И что же, погибает вообще всё, что имело неосторожность находиться рядом?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Если отказник выходит за хлебом — погибает только он. Если, конечно, рядом никого нет. Если беглец, или отказник, злостно забаррикадировался... скажем, в 12-этажке на пятом этаже, — погибает всё.

СТАРИК ГОГИ. А ангелов вслед за «небесной артиллерией» вы призываете?..

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. А ведь вы приуныли, Игорь Михайлович! А ведь повода нет! А ведь всё будет так, как вы только что захотели, снова перехотев! Сделаем! Устроим! И в ракетку засунем! И сухари запихнём! Ну что с вами такое? Из вас же песок сыплется, а вы приуныли, как двухлетка, мамке которой только что исполнилось 37 лет и 250 дней! Выше нос, Старик! Хотите я лягу перед вами животом вверх, и вы попрыгаете на мне, специально наступая на горло? (*Ложится так, как сказал.*)

СТАРИК ГОГИ. Не хочу.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*поднявшись*). Значит договорились. 1) Песенка. Милая, кстати. 2) Мороженое до упаду. 3) Сам Сам оправдывает какого-то Бориса Неонилыча. И — 4) ваши обнимашки с самим Самим. После чего марш-марш к ракете аж до Марса, ключ на старт, «Поехали». Ага?

СТАРИК ГОГИ. Ага.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123 (*подходит к окну и даёт отмашку, и закипает работа, и быстро-быстро устанавливается зелёный театр, и обретает знакомые черты стартовая площадка, и к ней из-за горизонта уже приближается Ракета-до-Марса, которую тащат целых 66 грузовиков, так она тяжела и серьёзна, хотя, возможно, это тоже «реплика»...*). Только учтите, Старик, что у вас ничего не выйдет. Никакой отвёртки под фраком вам не пронести. И что вы тогда будете втыкать в сердце самому Самому? Тем более что никакой это не сам Сам, а его любимая реплика №1.

Тоже человек, конечно, но... даже если вы откусите ему ухо, никто о нём не всплакнёт. Пришьют новое и завтра же отправят на новый праздник. А по телевизору, если вы на него надеетесь, самого Самого без уха никогда не покажут, потому что у них всё давно снято, и в снятом никто никому ничего не откусывает.

Резюмирую. Старикам всегда надо резюмировать. А иначе они не понимают — и всё равно пробуют откусить ухо реплике №1.

Песенка. Мороженое. Бла-бла реплики №1. Ракета на Марс с одним пассажиром, он же капитан корабля.

Поняли про отвёртку, Игорь Михайлович? Сами разоружитесь?

СТАРИК ГОГИ. Сам. Натe (*достаёт из штанов отвёртку, отдаёт кому-то из стаи*).

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Спасибо... Про отвёрточку нам тут же донесли-с. И про то, что вы не пьёте, и никогда не пили, — тоже-с. Что это образ такой, чтобы втереться в доверие к ширнармассам. Слово «ширнармассы» пишется через две «с»: сс.

СТАРИК ГОГИ. Скорее гестапо.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Знаете, как мы устало называем стариковские смерти: ликвидация. Ликвидация-с, Игорь Михайлович. Только никому не говорите; это наше, казарменное, вечернее, дальше неё не выходит, а если и выходит — то через пару часов (*смотрит на секундомер*) рассасывается. Само.

Кто в Нашей Стране подлежит ликвидации, Игорь Михайлович? — Только Старики. Особенно те, что подумывают ликвидировать самого Самого. Пусть и его реплику №№. А кто имеет право ликвидировать Стариков? — Только Исполнители.

СТАРИК ГОГИ. Ракетка-то хоть долетит, а, Исполнитель?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Не знаю-с. Моё дело — посадить в неё старого человечка и восхищённо помахать ему ручкой, прокричав: «Прощай, Стрелка!»

СТАРИК ГОГИ. А если в дурку? Есть у вас такая 37-летняя смерть?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. То есть ракетку на Марс вычёркиваем? Если вычёркиваем, вы должны знать, что смерть по имени Дурка — это четыре жёлтые стены в трёхметровой конуре без единого окна до конца жизни по имени Гниение. Ни бумаги, ни чернил, ни пера, ни книг, ни передач, ни посещений. Вообще ничего — кроме речей самого Самого по не выключаемому Нашему Радио.

СТАРИК ГОГИ. А еда какая?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Вот еда сносная: жареная, на машинном масле.

СТАРИК ГОГИ. Крысы?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Ну не кролики же. Что поймаете — то и едите.

СТАРИК ГОГИ. Дайте подумать.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-123. Подумать? Вторую отвёртку припасли, Старик? (*Вопросительно смотрит на стаю. Стая разводит руками: нет, другой отвёртки не замечено.*) С кем-то стоворились? Кто-то передаст вам отвёртку? И что — исковыряете до смерти реплику №1? А ведь она тоже человек. Человека исковыряете?

СТАРИК ГОГИ. Разве она человек? (*Исполнитель пожимает плечами. Долгая пауза. Старик ходит перед стаей, что-то лихорадочно соображая и даже подкрикивая. До зрителей доносится: «Она солдат... А человек она лишь формально... потому что убивает...» Наконец Старик отрешённо машет рукой.*) Тогда поехали. Даже если она не на Марс, а по Амстердаму... Про сухари-то вы всё поняли?..

За 250 дней до КС

Исполком, Старики и Старухи стоят в очереди на приём. Накануне они получили повестки: «Дорогое (да-да, именно так: с «ое». — **Прим. авт.**) Такой-то / Такая-то, ввиду незапланированного сокращения штата Исполнителей тебе (угу, «тебе». — **Прим. авт.**) надлежит явиться завтра часам

к 12:00 по адресу, чтобы согласовать список мероприятий Праздника, который случится РОВНО ЧЕРЕЗ 250 (ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ) ДНЕЙ И НОЧЕЙ, ПОНЯЛО? В случае неявки — пеняй на себя: даже стакана не нальют, просто шмальнут из «лепажа» в живот и, если само не сможешь дойти, отнесут к братскому рву на строительных носилках, выпачканных в свежем растворе, а уж там бульдозер разберётся. Форма одежды — простая, но изящная, цвет — только белый, в петличках должны быть розовые розы. Справки об орденах, месте жительства, детях и их умонастроениях, заработке за последнюю семилетку, перенесённых в детстве заболеваний и нынешнем душевном здоровье обязательны. Если при себе есть стволы — лучше избавиться от них по дороге или же сдать на входе, но это, увы, чревато нервозностью Исполнителей и последующим не слишком положительным решением Исполкома. Приветики».

Чтобы опознать Стариков и Старух, на входе в Исполком их глаза просвечивают приборчиком: глаза надо распахнуть так широко, как будто за спиной Исполнителя с приборчиком растёт ядерный гриб. Чтобы отличить Стариков от Старух, на входе в Исполком их метят: Старикам мажут лицо белой краской, отчего все они превращаются в каких-то «марселей марсо», а Старухам вздыбливают лаком волосы и вешают на грудь табличку с надписью «Я СТАРУШКА, чем не горжусь» (впрочем, «не» зачёркнуто). Чтобы Старики-и-Старухи не выглядели слишком молодо (а некоторые, особенно человечки с дальневосточными корнями, смотрятся сущими растерянными 15-летками), им выдают палочки и костыли, попросив их хромать, тяжело дышать и то и дело жаловаться на разыгравшуюся накануне мигрень, которая не давала спать накануне.

Дверь, в которую стоит очередь, одна, и вызывают в неё тоже по одному. За ней в помещении просторных размеров стоит огромный стол, за которым лицом к посетителям, как на тайной вечере, располагаются Исполнители. В центре, положив ноги на стол, на самом высоком стуле заседает ведущий Исполнитель, инв. №066. Он курит си-

гару, любезно спрашивая входящих, не будет ли его дым выедать им глаза («Не будет», «Ни за что не станет», «Курите-курите, я очень люблю, когда курят, особенно молодые мужчины вроде вас») и не оставить ли им докурить, потому что сигара «очень вкусная». После чего Старикам со Старухами предлагается раздеться до исподнего. Если те не слушаются, к ним подходит Исполнитель с собакой, которая бережно, но решительно начинает срывать с них их белые одеяния. Это помогает, и вызванные снимают остатки одежды сами и в отведённый громко тикающим таймером (шахматными часами перед ведущим Исполнителем) срок. Впрочем, всё это пустое — потому что после этого Исполнители заходятся красивым звонким смехом, а, отхохотав, хором объясняют посетителю, что пошутили. «Разыграли вас, понимаете?» Конечно, разыграли. Кто-то из Исполнителей делает при этом заметки: ставит галочки в некоей таблице, нарисованной мелом на чёрной доске. Что там в её графах — посетителю не разглядеть (в почти 37 лет и зрение уже не то, и доска далековата).

Ну а о том, как формулировать свои пожелания и отвечать на вопросы Исполнителей, было сказано на обороте вчерашней повестки: «Коротко и бойко, простыми словами, на хорошем нашем языке, не задавая лишних вопросов, соблюдая уважительный тон и не выказывая скорби и тоски», но читали оборот далеко не все...

СТАРУХА РИТКА, таб. №02 (*снимает шляпку, кланяется, для пущей надёжности приветствия делает книксен*). Здравствуйте, многоуважаемые.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ага. Но одной шляпки мало. Надо всё-всё, вплоть до нижнего. (*Другие исполнители согласно подгавкивают: гав-гав, до исподнего.*)

СТАРУХА РИТКА (*быстро раздевается, бросая одежду на пол*). Так нормально?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*хохочет вместе со всеми, вызывая загадочную улыбку на лице Старухи*). Да я пошутил. Одевайтесь. Можно. Ничего за это не будет.

СТАРУХА РИТКА (одевается). Спасибо.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Дым не мешает?

СТАРУХА РИТКА (мочает головой). Нет, нет, нет, ни в малейшей степени, что за глупости...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Оставить вам докурить?

СТАРУХА РИТКА (кланяется). Спасибо пребольшущее, но я уже подымила сегодня.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Но ведь не сигару же.

СТАРУХА РИТКА. Вы, должно быть, удивитесь, но её родимую.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Но ведь не Davidoff же Nicaragua Diadema.

СТАРУХА РИТКА. Не её, но одной хватило: до сих пор шатаюсь.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Надеюсь, от восторга... Итак, мадам. Почему вы хоть и в белой, но мини-юбке?

СТАРУХА РИТКА. Она проста и в то же время изящна.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Не поспоришь. Но в вашем возрасте надо одеваться поспокойнее...

СТАРУХА РИТКА. Спасибо! Обязательно учту!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (обращается к Исполнителям). Дайте ей какую-нибудь хламиду, иначе её кто-нибудь изнасилует, и не дай бог, если это будет наш. («Хламиду» приносят. Старуха накидывает её поверх своих «неспокойных» одежд.)

СТАРУХА РИТКА. Спасибо за заботу, Куприян Игоревич.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. После этого «спасибо» вы у меня на хорошем счету... Но по имени не надо, у нас не принято. Просто Исполнитель. Или просто Дураков. Если можно.

СТАРУХА РИТКА. А можно?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Нет. Вы меня знаете?

СТАРУХА РИТКА. Вы так похожи на папу. Мы с вашим папой в бадминтон поигрывали. Он про вас только хорошее, только хорошее, только хорошее безостановочно рассказывал. Он вами гордился, гордился, гордился, «пупсиком» вас называл, после чего его глаза всегда были на мокром месте, и в результате он проигрывал мне, неуклюжей Старухе с искривлением позвоночника.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. А я его ла-бу-ду на ночь почитываю: усыпляет на пятой строчке лучше микстуры Равкина.

СТАРУХА РИТКА. Да-да, прекрасные стихи... Куприян Игоревич, вам случайно о его полёте не докладывают? Он ещё летит или уже сел?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*хохочет, заражая смехом других Исполнителей*). Летит?! Он... летит?! Он ещё летит?! Он уже сел?! (*Успокоившись*.) Какая же вы... простоватая. (*Обращается к Исполнителю у доски*.) Поставьте ей два плюсика сверх нормы, из моего лимита.

СТАРУХА РИТКА (*кланяется в пояс*). Спасибо за плюсики и благожелательные галочки!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ага. И предпредпредпоследний дежурный вопрос: а чего это вы волосы вздыбили?

СТАРУХА РИТКА. Ой (*стыдливо трогает голову*), это я упала по дороге сюда, и они — от страха, что я опоздаю на встречу с вами, — как поднялись, как вздыбились. И — простите, что не накрутилась. Очень виновата.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Достойный ответ будущей достойной покойницы, которая весело встретит КС. (*Старуха собирается аплодировать, Исполнитель останавливает её жестом*.) Спрятаться, чтобы не праздновать, а то и отсрочить КС, не собираетесь?

СТАРУХА РИТКА (*возмущена, даже взвинчена, едва не кричит*). Как вы могли такое подумать, мать вашу?..

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. С вилами выходить не подумываете? Ну хоть самую малость, в душе за шторкой, когда горячая вода приятно ласкает тело, а?

СТАРУХА РИТКА (*плачет в голос*). В гестапо, наверное, лучше к посетителям относились!..

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*свирепо кричит*). Ствол на входе сдала? По дороге выбросила? Сколько ещё стволов лежит в твоём тайном схроне, старая сволочь?! (*Старуха падает в обморок*.) Нашатырь. Дайте ей нанюхаться. (*Двое Исполнителей суеются около Старухи, пока она приходит в чувство*.)

СТАРУХА РИТКА (*очнувшись*). Где я? Кто вы? ангелы?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. А теперь к делу. Чего изволите получить и испытать в табельный день Крайнего Срока?

СТАРУХА РИТКА (как ни в чём не бывало). Да ничего особенного, Куприян Игоревич. *(Достаёт из-за пазухи бумажку, читает.)* Первое. В оставшиеся 250 дней хочу родить мальчика от кого бы то ни было, но с хорошей исполнительской родословной, чтобы в 15 лет его взяли в Исполнители, а в 16 не погнали прочь, оставив исполнять и властвовать навсегда... С вашим папой, Куприян Игоревич, как мы ни старались, ничего не получилось...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Это вы о бадминтоне?

СТАРУХА РИТКА. Это мы о мальчике.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. О. Преждевременные роды? Что ж, попробуйте. Помочь с отцом будущего ребёнка?

СТАРУХА РИТКА. Буду премного благодарна.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Дождитесь конца сегодняшнего приёма и скажите моему секретарю, что у вас личный вопрос, касающийся *partus immaturus anus*. Я его предупрежу.

СТАРУХА РИТКА *(сияет, приплясывает, бьёт в ладони, словно увидела под новогодней ёлкой некий упакованный в блестящее кубический предмет, на котором написано маминым почерком «Моей ненаглядной девочке»)*. Будет сделано, будет сделано!.. Второе. Родив и покормив ребёночка с неделю, буду готова утонуть около острова Безутешности (он же Гранд-Тер, он же Кергелен), что в южной части Индийского океана, — чтобы счастливо лежать в темноте, думая, что надо мной километры воды... Это возможно, милый Куприян Игоревич?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Это проблематично. У нас большие сокращения, сжатия и усечения. Но мы что-нибудь придумаем. Сколько, говорите, туда лететь?

СТАРУХА РИТКА. Тысяч десять по прямой.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Тысяч десять по прямой... Рейсовые самолёты туда не заглядывают...

СТАРУХА РИТКА. А если б заглядывали?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Открыли б дверку, и того. На подлёте.

СТАРУХА РИТКА. Жаль, что не заглядывают.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Сядете в ракетку, которая шарахнет по окрестностям вашего Кергелена?

СТАРУХА РИТКА. А если сяду, то — что?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. То утонете.

СТАРУХА РИТКА. Точно утону?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Гарантированно утонете.

СТАРУХА РИТКА. Это хорошо... А как-то иначе можно? Ну, сначала вдоволь наплававшись...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*спрашивает у других Исполнителей*). Можно? (*Исполнители что-то листают, куда-то звонят, с кем-то говорят, после чего шепчутся с Исполнителем-066.*) Оказывается можно — если в это время есть рейс до Нашей арктической станции «Мирный». С судна подскочит вертолёт, прошвырнётся с вами до Кергелена — и выбросит в нужные вам воды. Согласны?

СТАРУХА РИТКА. С какой высоты?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ну почём мне знать... Метров с пятисот, да, пацаны? (*Исполнители подгавкивают.*) Или с километра.

СТАРУХА РИТКА. А, ну это нормально. Спасибо вам! А другие варианты есть?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Секундочку. (*Звонит куда-то, говорит.*) Подводной лодкой. Говорил с Нашим Морфлотом, обещают войти в положение: взять вас матросом — у них галюны некому драить, — и выбросить вас за борт около вашей Безутешности. Договорились?

СТАРУХА РИТКА. Договорились! Попробовала бы я не договориться! (*Поёт.*) ВМФ. ВМФ. / Военно-морской флот. / ВМФ. / Сфера особого внимания. / ВМФ. / Универсальная машина. / Универсальная машина... (*Уходит, улыбаясь... Даже так: уходит, сияя и освещая встречающих.*)

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Следующий!

СТАРИК ЕВЛАМПИЙ, таб. №03 (*едва войдя*). Очень-очень хочу, чтобы меня обезглавили.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Где?

СТАРИК ЕВЛАМПИЙ. Разумеется, на Лобном.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Как? За что? Обоснуйте.

СТАРИК ЕВЛАМПИЙ. Топором. Затупившимся, ржавым, бывшим мясником. И чтобы палач был низкой квалификации. И чтобы несколько раз лупасил — в силу неумелости своей и тупости топора. За то, что не хочу умирать в ваш сраный несправедливый Крайний Срок. Не хочу — и не собираюсь.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Дальше.

СТАРИК ЕВЛАМПИЙ. А дальше, вернее — раньше, так: перед казнью на Лобном вы, дети Сатаны по имени сам Сам, когда я взбешу вас своими речами, в порыве гнева засунете меня в раскалённую печь, в которой я почему-то выживу. А до печи, когда я прикинусь, что сломался и готов поддаться вам, и сдохнуть в ваш мой КС, обрадованные вы под присмотром ликующих ТВ-камер программы «Время» отведёте меня на Красную площадь, где я воскричу не по-писаному, но своё, от сердца: «Да сдохни же ты, немой и бездушный идол безумия сам Сам, и обратись в прах, с-с-сучара!» А ещё раньше вам придётся бросить меня на раскалённый одр, потому что истязанию железными орудиями (как-то: станки фрезерный и токарный, молот кузнечный и тестораскаточная машина) я не поддамся. Договорились?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ещё бы.

СТАРИК ЕВЛАМПИЙ *(прежде чем уйти, подходит к Исполнителю-066 и жмёт ему руку)*. Очень рад был познакомиться. С вами приятно иметь дело. Я думал, это храм бюрократии, а это воистину Исполнительный Комитет. Ура! Так держать! Так победим! *(Уходит.)*

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Следующий!

СТАРИК ЖОРЖ, таб. №04 *(говорит с сильным акцентом)*. Предупреждаю сразу: автографы не даю.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Как?

СТАРИК ЖОРЖ. Да вот так. Не даю, и всё. Не хочу. Надоело. Сколько можно.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Как... как вы хотите умереть?

СТАРИК ЖОРЖ. А, вы об этом... Сами знаете, как.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Нет, не знаю.

СТАРИК ЖОРЖ. А вы в документики-то загляните.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*смотрит бумаги Старика*). Понял. Виноват-с. (*Встаёт из-за стола, подходит к Старика, кланяется ему, провожает до места, усаживает его, возвращается к своему стулу, но не садится.*) Значит хотите всё повторить?

СТАРИК ЖОРЖ. Но с другим результатом.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Это с каким же?

СТАРИК ЖОРЖ. А то вы не понимаете?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Не понимаю. Дурно образован-с. Четырёхлетка-с. Да и та экстерном-с.

СТАРИК ЖОРЖ. Объясняю. Двадцать шагов, до барьера — десять; барьер — наши с ним шинели, брошенные в снег. Если снега не будет, а его не будет, потому что не тот месяц, попрошу вас исполнить искусственный снег.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Есть исполнить искусственный.

СТАРИК ЖОРЖ. Найдёте человечка, который не побоится, что я прострелю ему руку и помну металлическую пуговицу на мундире, чем продавлю пару рёбер?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Любой посчитает за честь. Тем более что у вас будут холостые.

СТАРИК ЖОРЖ. Холостые?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Они-с.

СТАРИК ЖОРЖ. А, ну да. Не доверяете. Конечно. Но что-бы человечек был неотличим от него!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Загрядим так, что вы тут же полезете обниматься.

СТАРИК ЖОРЖ. Но лучше не просто человечка, а родственника. Родственники у него остались? Обеспечите родственника по прямой?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*наклоняет ухо к Исполнителю справа*). Мне тут подсказывают, что остались. Постараемся.

СТАРИК ЖОРЖ. Родственник предпочтительнее... Итак... На этот раз он выстрелит первым, не дойдя шага до барьера. Его меткая пуля сразит меня, угодив в живот. Я упаду в снег, гордо заявив, что непременно выстрелю в ответ. «Я в силах стрелять, господа», — успокою я секун-

дантов. Полежу, отдышусь — и пальну из положения лёжа, когда он станет к барьеру. И попаду ему в грудь! Но сначала моя меткая пуля пробьёт ему руку, которую он поднимет, словно защищаясь от выстрела. Ущерб терпимый: рука, пуговица, пара рёбер. И всё, друг мой. Конец перестрелки. И — он останется целым. Но, мой друг, пусть он — на всякий случай — наденет под пальто бронежилет, хорошо? Вдруг я промахнусь. Обещаете?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Клянусь.

СТАРИК ЖОРЖ. Вот спасибо. И никаких врачей: он цел, а я — заслужил. Без врача, слышите, друг мой? Клянётесь?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. С лёгкостью.

СТАРИК ЖОРЖ. Затем меня отвезут на извозчике домой, где я и умру. Скончаюсь в муках, не получая никакого медицинского ухода... А теперь — внимание: я скончаюсь не сразу, но через двое суток. Est-ce que tu comprends?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Не совсем. Это что же... вы умрёте только через два дня после КС?

СТАРИК ЖОРЖ. Именно! Вы поняли!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Так не бывает. Так нельзя-с. Инструкция не разрешает. Меня отдадут под суд и, как и всех этих (*показывает на других Исполнителей*), выпрут из Исполнителей в 16 лет, а у меня другие планы...

СТАРИК ЖОРЖ. Вы не понимаете! Без этого условия я не согласный!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*обращается к Исполнителям*). Прецеденты были? Мы сможем начать празднование КС на два дня раньше? (*Ему что-то отвечают.*) Короче, мусью. Такого ещё не было. Надо запросить у начальства. Но, учитывая ваши заслуги перед Нашей Родиной, мне кажется, можно надеяться на положительный исход.

СТАРИК ЖОРЖ. Спасибо. Буду держать указательный и средний скрещёнными!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. И где это будет, напомните-ка... (*Исполнителя теребят коллеги: дёргают, о чём-то спрашивают.*) Чего вам?.. Ваше благородие, представьте себе невероятное: они не знают, кого вы грохнули! (*Обращается к*

Исполнителям.) Серёжку Есенина и г-на Маяковского — вот кого он завалил! Ну вы олухи...

СТАРИК ЖОРЖ. Это случится в леске около Чёрной речки неподалёку от Комендантской дачи.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ага, теперь вспомнил — и отчётливо. Вы хорошо тогда поработали. Положить сразу двоих — это, знаете ли, подвиг.

СТАРИК ЖОРЖ (*не без сарказма*). Причём одним выстрелом.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (*обращаясь к коллегам*). Учитесь, скоты! Одним выстрелом... (*Обращаясь к Старику*.) У вас всё? О решении начальства вам будет доложено.

СТАРИК ЖОРЖ. Нет-с, не всё, ваше высокоблагородие-с. Если позволите. (*Исполнитель кивает*.) Стечение народа.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. То есть?

СТАРИК ЖОРЖ. До пятидесяти тысяч одновременно рыдающих граждан.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Почему «рыдающих»?

СТАРИК ЖОРЖ. Придут на моё отпевание.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ну и пусть приходят.

СТАРИК ЖОРЖ. Нельзя-с. Смута может учиниться.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. И что делать?

СТАРИК ЖОРЖ. Объявите, что меня отпевают там-то, а сами затолкайте мой гроб в мелкую церквушку на отшибе и для своих: только родня, только сексоты. И никакой смуты, и никакой Трубной.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Это мысль. Так и поступим.

СТАРИК ЖОРЖ. А похоронить надо чёрт-те где, чтобы не было богомолья, чтобы не вытоптали, чтобы не устроили отхожее место. Но вид от могилы на дали должен быть отменным. Это я не прошу, но требую-с.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. За Полярным кругом?..

СТАРИК ЖОРЖ. Не совсем.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Есть такие места на примете?

СТАРИК ЖОРЖ (*передаёт Исполнителю бумагу*). Вот-с. Список лучших мест для моего захоронения-с.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Обширный. Выберем. У вас всё?

СТАРИК ЖОРЖ. Нет-с, опять не всё, ваше высокоблагородие-с. Дети-с.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Что за дети? (*Угрожающе.*) Мы с пацанами — дети?

СТАРИК ЖОРЖ. Наши с Натальей Николаевной. Маша, Наташа, Саша и Гришенька. Мне нужны гарантии.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. А что такое?

СТАРИК ЖОРЖ. Что если я выживу?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Это исключено. (*Исполнители негромко, но дружно подгавкивают: гав, гав, исключено.*)

СТАРИК ЖОРЖ. Вы не понимаете... Что если я испугаюсь в последний момент — и сбегу в какой-нибудь Эльзас?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Тогда, как советует Инструкция, мы возьмём ваших детей...

СТАРИК ЖОРЖ. Даже Гришеньку?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Его особенно... Всех сцапаем, все станут заложниками.

СТАРИК ЖОРЖ. На каких условиях?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. На самых простых и справедливых: день вашего отсутствия отнимает от жизней Маши, Наташи, Саши и Гришеньки сто дней. Десять глупых и подлых незаконных дней в Эльзасе, — и Маша, Наташа, Саша и Гришенька умрут не в 37,6845, как все нормальные Наши люди, а в 34,9447 г. Как вам такое?

СТАРИК ЖОРЖ. Я, конечно, каналья, но не настолько.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Мы с вами поняли друг друга? Мы договорились?

СТАРИК ЖОРЖ. Не то слово. (*Несколько насильно целует Исполнителя ручку и уходит.*)

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Следующий!

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО, таб. №05. У меня есть предложение, господа Исполнители!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ну.

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. Я готов купить своё свидетельство о рождении, из которого будет следовать, что мне не 37, а 15, а значит — я воленс-ноленс становлюсь Исполнителем, в результате чего, возможно, больше не буду иметь проблем с нелепой цифрой 37.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Это ваши первые 37 лет?

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. Конечно. Стоял бы я тут, если б не первые...

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Боюсь, таких денег ещё не придумано.

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. Денег, может, и не придумано, но карманы-то на ваших мундирах, господа Исполнители, есть? Но мечты-то вас одолевают?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Есть. (*Исполнители согласно подгавкивают.*) Одолевают.

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. И мы мечтательно набьём их вместе с вами!

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Ваши предложения?

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. Таковы: каждый из вас, о тринадцать Исполнителей (*кланяется*), напишет на бумажке (*раздаёт бумажки и ручки*) ту сумму, которую хотел бы иметь на счету, не имея проблем с её защитой перед компетентными органами, чтобы я, посмотрев на неё, разделил её на два — и согласился с её незамедлительной выплатой.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. А иначе?

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. Я становлюсь должником, который обязан выплатить каждому недовольному конечной цифрой 409,517 г мяса моего тела. Или моя цифра — или 409,517 грамма мяса моего старческого тела.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. И?

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. И сдохнуть мне не на этом месте ровно через 250 дней от реактивного менингита, если я нарушу это своё обещание, данное здесь и сейчас перед двенадцатью членами Исполнительного Комитета и его безмерно уважаемым председателем. И быть мне похороненным на жалком городском кладбище под тройной симфонический оркестр на месте около свалки бумажных и пластмассовых цветов. И лежать мне в гробу, пока меня будут нести на кладбище ещё живым, чтобы слышать всё и всех видеть. И быть мне умерщвлённым грубой лопатой пьяного землекопа на краю глиняной могильной бездны в момент, когда все отвернутся, чтобы не глядеть мне в ещё живые укоризненные глаза.

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066 (обращается к Исполнителям). Как вам наживка? Заглотим? (Исполнители согласно кивают.) Или поторгуемся? (Исполнители делают отсутствующие лица.) Тогда вот вам фуражка штандартенфюрера (достаёт фуражку из-под стола): бросайте в неё свои бумажки, не забыв подписать их своими инвентарными номерами. (Почесав в затылках, Исполнители исполняют, то и дело поглядывая на свои правые руки, в которых навеки впечатаны их №№.) Не поспешили? (Исполнители загадочно улыбаются.)

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО (берёт фуражку и, надев очки, рассматривает каждую бумажку, шевеля губами, словно выстукивает всеми десятью пальцами по кнопочкам калькулятора). Инвентарный №777453, ну вы загнули... (Все смотрят на инв. №777453, а он тупит глаза, повторяя: «Ну а чего, ну а чего, ну а чего...») Давайте поделим вашу циферку ещё на 17 и обнимемся, а? (Инв. №777453 кивает головой, встаёт с места и обнимается со Стариком.) Вот и славно, вот и умничка. Требования всех остальных уважаемых инвентарных номеров разумны и будут исполнены сегодня же. Всем спасибо. Я пошёл?

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Спасибо — вам. Вы пошёл. Приходите ещё.

СТАРИК ОТЧЕБУЧЧИО. А вот этого не обещаю, коллеги. (Уходит. Его уход сопровождается аплодисментами Исполнителей.)

ИСПОЛНИТЕЛЬ-066. Следующий! (А в ответ — тишина.) Я сказал: следующий! А, так это всё. Быстро мы сегодня. (Спрашивает у Исполнителей.) Это всё? это все? (Исполнители кивают: всё, все, по-щеньячи счастливо и взбалмошно взгавкивая.) До завтра, собаки. А ну-ка пошли отсюда! Расселись они...

Построившись в аккуратную колонну по одному, Исполнители уходят, дыша друг другу в затылок. Тут же в дверь заглядывает секретарь и церемонно объявляет: «Некая Старуха с личным вопросом, касающимся *partus immaturus anus*». Исполнитель-066 благодушно кивает.

Старуха Ритка входит, закрывает за собой дверь, подперев её стулом, кланяется, улыбаясь во весь рот. Исполнитель-066 поднимается, чтобы встретить её и сказать что-нибудь вроде: «Как сами-то?», как советует приложение-03 Инструкции, но не успевает: из его рта на пол выпадает лишь одинокое округлое «как» и, попрыгав, куда-то закатывается.

СТАРУХА РИТКА (*вытерев отвёртку об Исполнителя*). Папа ваш, Куприян Игоревич, как вы, наверное, слышали, хотел по-декабристски взбрыкнуть на сволочной гулянке своего Крайнего Срока — да стушевался: отвёрточку свою сдал малодушно Исполнителю, а на вторую, которая была при мне и которую я могла ему передать, чтобы он самого Самого уделал, не отважился, а о намазанном ядом животе и вовсе запамятовал... В общем, плюхнулся, как выпотрошенный Винни-Пух, в ракетку и куда-то умчался... До самого Самого мне, конечно, не дотянуться, а вот до тебя, Куприян Игоревич, — легко... Папе... привет.

Она тряслась от ужаса, но её распирало от... правоты... Да-да, она так и говорила Старику Гоги: «Это правильно — так поступать с ними»... И она даже хотела запеть о том, что могло с ней случиться через 250 дней, а теперь — «хрен вам по всей коллективной морде, дети»: на языке безостановочно вертелось святое кормильцевское: «И что над нами километры воды, / И что над нами бьют хвостами киты, / И кислорода не хватит на двоих, / Я лежу в темноте, // Слушая наше дыхание...» (Оттого, к слову, и брякнула «хочу утонуть», — чтобы оказаться в песне.) Но она перетерпела этот страшный восторг, насухо вытерла слёзы, которые, оказывается, бежали по щекам, шее, груди, и преспокойно, вихляя бёдрами под белой мини-юбкой, вышла из комнаты с мёртвым Исполнителем и уже не так спокойно выскочила из их «исполкома».

Её только что не стало — но она ещё побудет. «А там посмотрим...» — шептала она, идя бог знает куда.

Через 250 дней после КС
(концерт по заявкам и без)

Где-то глубоко в лесу. Заброшенная колония для несовершеннолетних, кажется, снова обживается: снаружи — полусгоревшие развалины, а в одном из бараков с нарами в три этажа чисто, уютно, натоплено и пахнет людьми, но запах этот приятен, потому что какой-то мамин... Всюду цветы в горшках, и это, конечно, желтофиоль. На нарах — цветастые одеяла и подушки с подушечками. В углу — пышущая печка-буржуйка, рядом с которой вдоль всей стенки, до потолка, — красиво уложенные берёзовые поленья, из рядов которых торчат сухие полевые цветы. С потолка свисают пучки каких-то трав. Посередине помещения — неожиданность: этакий вполне себе концертный микрофон на стойке, а рядом — пианино. Ах, да: за окном, разумеется, сыплет снег. Зима. Само собой, февраль.

СТАРУХА РИТКА (несмотря на внушительный живот, довольно лихо спускается с «третьего этажа» нар, подходит к микрофону, откашливается — и поёт, прежде объяснив свой порыв). Простите, девочки, но ребёночку вдруг захотелось послушать маму. (*«Девочки» благосклонно улыбаются. Одна из них берёт гитару и, прислушавшись к Старухе, начинает ей подыгрывать. Во время пения одни «девочки» плачут, другие — встав с нар, как-то неуклюже, хотя и ритмично танцуют, и не понять, что с ними не так; сама же Ритка иногда подходит к пианино, чтобы взять несколько щемящих ноточек.*)

Я просыпаюсь в холодном поту,
я просыпаюсь в кошмарном бреду,
как будто дом наш залило водой
и что в живых остались только мы с тобой...

.

И что над нами километры воды,
и что над нами бьют хвостами киты,
и кислорода не хватит на двоих.
Я лежу в темноте...

.
слушая наше дыхание,
я слушаю наше дыхание,
я раньше и не думал, что у нас
на двоих с тобой одно лишь дыхание,
дыхание...

.
Я пытаюсь разучиться дышать,
чтоб тебе хоть на минуту отдать
того газа, что не умели ценить,
но ты спишь и не знаешь...

.
что над нами километры воды,
и что над нами бьют хвостами киты,
и кислорода не хватит на двоих.
Я лежу в темноте,

.
слушая наше дыхание,
я слушаю наше дыхание,
я раньше и не думал, что у нас
на двоих с тобой одно лишь дыхание...

.
Слушая наше дыхание,
я слушаю наше дыхание,
я раньше и не думал, что у нас
на двоих с тобой одно лишь **дыхание...**

СТАРУХА КЛАВУШКА. Ах!.. Я на воле её слышала. Это лучшее, что я там вообще слышала.

СТАРУХА ИНЕССА. На воле, Клавка? На воле?!

СТАРУХА КЛАВУШКА. Ну... там, в их тюрьме.

СТАРУХА МИЛОЧКА. В их нашей тюрьме. Клавушка, дурочка, воля — это тут. А там тебя в 37 — да в гроб, да такую живую ещё...

СТАРУХА КЛАВУШКА. Оговорилась я, девочки. Мне уже 38, я совсем старенькая и всё чаще оговариваюсь, несущее ужасное. (*Всё смеются.*)

СТАРУХА ИНЕССА (*обращаясь к Ритке*). Ну и зачем ты это сделала?

СТАРУХА РИТКА. Я же сказала: ребёночек попросил... даже потребовал, и так упрямо: колотил и колотил в живот. *Илюшина* же песня, а он человеком был, а не 15-летней. Ребёночек ещё в животе, а понимает — в отличие от тебя, Инессочка...

СТАРУХА МИЛОЧКА. Инесса, ну что ты, а? Когда дрова кончаются, кто нас согревает своими песенками? — Ритка. А когда нам и так тепло, кто нам напоминает, что будет холодно, а потом, когда-нибудь, опять тепло, если только будет?... Она, она с нами делится, она отдаёт. А мы ей что отдали?

СТАРУХА ИНЕССА. Да не о том я. Она опять ходила в город.

СТАРУХИ (*хором, обращаясь к Ритке*). Ты опять ходила в этот адский город?

СТАРУХА ИНЕССА. Вы же слепые — должны любой шорох расслышать, а уж её скрипучее топание по снегу...

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Ночью небось? А Полкан почему молчал?

СТАРУХА ИНЕССА. За полночь. А Полкан её всем сердцем любит. Станный Полкан...

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Спали мы, Инесса. Мы тут крепко спим. А днём бы слышали и остановили... и даже, наверное, побили бы, по голове, легко так, тумак-другой.

СТАРУХА ИНЕССА. А там, непослушная Ритка и вы, засони, ходит слепая Анечка. А там, по городу, бродит слепая Анечка с напильником за пазухой. С напильником для тебя, непоседливая Ритка. Вдруг она на тебя наткнётся... Она же теперь хуже (или лучше?..) Исполнителей... после того как ты её ребёночка... расковыряла... Вот зачем ты, дуручка, её ребёночка... расковыряла?..

СТАРУХА РИТКА. Не ребёночка, а ведущего Исполнителя с явными наклонностями и широкой перспективой. Это

же, бабки вы недоделанные, будущий сам Сам. К счастью, был.

СТАРУХИ (*плачушим хором*). Ох, Ритка, Ритка. Что же ты с нами делаешь, Ритка... Анечка же дорогу сюда знает... Она же поживала тут, блины нам пекла, ах какие вкусные... Она же 15-леточек приведёт... сама того не зная...

СТАРУХА РИТКА. Да она же слепая. Никакой дороги она не знает. Никого она не приведёт.

СТАРУХА ИНЕССА. Она слепая — но она мать, глупая Ритка.

СТАРУХА РИТКА. А я ещё зрячая и любила её бывшего мужика, а он меня и вовсе — о-бо-жал, а эти «на Марс» его... (*Начинает плакать.*)

СТАРУХА ИНЕССА. Эх, певичка ты певичка. Глазастая она! Ну, Анечку ты, конечно, разглядишь, а Исполнители — разглядят тебя. И всё: и сама канешь, и нас выдашь. Пытают они, Ритка. Пытают и запытывают...

СТАРУХА РИТКА. Девочки, я же сто раз говорила, что на мне линзы особенные, они другую Старуху их приборчику показывают, 25-летнюю, тихую, примерную.

СТАРУХА ИНЕССА. А мы тебе сто один раз говорили, что линза может выпасть, что у них наверняка уже есть список с несуществующими 25-леточками.

СТАРУХА РИТКА. Я осторожная, девочки. А они, девочки, тупые, но ушлые: они скоро и за слепых возьмутся со своим приборчиком. И придётся вам к слепоте совсем уж подполье добавить: ни на концерт в филармонию сходить, ни на рынок за семенной картошечкой для огорода...

СТАРУХА ИНЕССА (*обращаясь ко всем*). А может, девочки, всё-таки выколем ей глаза? Этой уголовнице, а? Она же мальчишку отвёрткой рас-ко-вы-ря-ла — и даже, говорят, не всплакнула.

СТАРУХА РИТКА (*кричит*). Да я вся потом изрыдалась! Сами себе выкололи, а теперь мне хотите? А как же воля? Я сама решу, какой подыхать: зрячей или в вашей вонючей подхолопленной темноте! Может, мне в холодный барак уйти? или вообще отсюда намылиться?

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Ритка, она в запале, прости её.

СТАРУХА РИТКА. Да как же вы не понимаете, я ребёночка хочу родить — и воспитать. Сама. А не как вы. Где ваши деточки, девки? Где твой мальчик, Клавушка?

СТАРУХА КЛАВУШКА. Надёжной родне отдала. Ему там счастливее будет, а мне — спокойнее.

СТАРУХА РИТКА. А я так не умею. Да и нет у меня никакой родни, особенно надёжной. И у вас её нет. Это вы себе в потемневшую голову вбили, что родня не подведёт. А она, когда мальчику вашему стукнет пятнадцать, шепнёт ему: «Выслужись, пацан. Сдай мамку».

СТАРУХА ИНЕССА. Ритка, прости меня, я в запале.

СТАРУХА МИЛОЧКА. Ритка, а чего в город-то бегала?

СТАРУХА РИТКА. За нотами, за новыми песнями — ребёночек в животе просит, и вы, кажется, не против послушать. А ещё надо было ребёночка показать одному знающему человечку. Но сначала позвонить ему из будки, коли в нашей вольнице телефоны запрещены.

СТАРУХА МИЛОЧКА. Вот так новость: будки ещё работают!

СТАРУХА РИТКА. Не, не работают. Но есть одна, из которой можно. То есть она всегда была, а теперь только из неё и можно.

СТАРУХА ИНЕССА. А ведь она наверняка прослушивается.

СТАРУХА РИТКА (*помолчала, помрачнела*). А вот об этом я и не подумала...

СТАРУХИ (*причитая хором*). Ох, спалишь ты нас, глупая Риточка... Ох, быть теперь беде...

СТАРУХА РИТКА. Да хватит вам. Ещё ничего не случилось. А «хвоста» за мной не было: я столько проверялась-оглядывалась, что аж шея заболела... Хотите песенку, которую я в городе добыла? Колина* песня. Настоящая. (*Подходит к микрофону. Поёт.*)

В этом мире я гость непрощенный,
отовсюду здесь веет холодом.
Не потерянный, но брошенный,
я один на один с городом.

* «Это здорово», музыка Николая Носкова, стихи Игоря Брусенцева.

.
Среди подлости и предательства,
и суда, на расправу скорого,
есть приятное обстоятельство:
я люблю тебя — это здорово.

.
Это здорово.
Это здорово.

.
Я навеки останусь, видимо,
в этих списках пропавших без вести.
На фронтах той войны невидимой:
Одаренности с Беспольностью.
Всюду принципы невмешательства.
Вместо золота плавят олово.
Но — есть приятное обстоятельство:
я люблю тебя — это здорово.

.
Это здорово.
Это здорово...

СТАРУХА ИНЕССА. Как же я люблю тебя, Старуха Ритка!
СТАРУХА РИТКА (улыбается). Это здорово!

СТАРУХИ (поют хором, сияя — и промокая такие красивые слепые глаза). Это здорово!

Раздаётся лай. Это Полкан, заведённый Старухами вместо вперёдсмотрящего. Лай спокойный, предупредительный, а может, и проверочный: или кто-то ещё очень далеко, или его вовсе нет, а есть забежавший на опушку лыжник, который вот-вот рванёт в другую сторону. Но бдительность, бдительность! «Печь залейте», — громко шепчут Старухи, и одна из них, ибо это её ответственность, исполняет. Дым вскоре редет и сливается с серым небом в снежных хлопьях. «Кашу накройте толстым», — шепчут Старухи, и одна из них прячет огромную кастрюлю под ворохом одеял — чтобы вкусный запах из неё не привёл сюда врагов...

СТАРУХА ИНЕССА. Ритка, быстро на вышку. И не мешай, стреляй, если чужой. Как учили: или в него, если чужому пятнадцать, или в воздух, если это кабан. Ствол заряжен. *(Ритка убегает. Полкан молчит. Вскоре Ритка возвращается, что-то беспечно напевая.)* Никого?

СТАРУХА РИТКА. Ни-ко-го. Никогошеньки.

СТАРУХА ИНЕССА. Вот и славно. Следы за собой замела?

СТАРУХА РИТКА. Следы за собой за-ме-ла. *(Ритка подсаживается к транзистору, включает его.)*

СТАРУХА МИЛОЧКА *(обращается к Ритке)*. Всё крутишь?

СТАРУХА РИТКА. Как не крутить? Он обещал, когда долетит, прислать весточку... *(В нестройный шум пустого эфира вдруг прорывается морзянка.)* Тише, девочки! Замрите, девочки! *(Слушает. И... плюёт — действительно плюёт — на пол.)* Отомрите, девочки. Пол — вытру.

СТАРУХИ *(хором)*. Что там? Не он?

СТАРУХА РИТКА. Какой-то бразилец, Педро, что ли, просит... менинос... пацанов принести ему водки.

СТАРУХИ *(хором)*. Зачем?

СТАРУХА РИТКА. Протирать сгоревшую вчера на Ипанеме спину.

СТАРУХИ *(хором)*. Педро, ну зачем же водкой? Есть же одеколоны «Шипр» и «Тройной»... А что такое Ипанема, Ритка? Это же не крематорий?

СТАРУХА РИТКА. А это, девочки, **ВОТ ЧТО** *(поёт, аккомпанируя себе на пианино)*.

Olha que coisa mais linda
Mais cheia de graça
É ela menina
Que vem que passa
Num doce balanço
Caminho do mar

Moça do corpo dourado
Do sol de Ipanema
O seu balançado

É mais que um poema
É a coisa mais linda
Que eu já vi passar

Подпевайте, девочки! (*Старухи подпевают.*)

Ah, porque estou tão sozinho
Ah, porque tudo é tão triste
Ah, a beleza que existe

А теперь я опять одна! (*Старухи замолкают.*)

A beleza que não é só minha
Que também passa sozinha

Ah, se ela soubesse
Que quando ela passa
O mundo sorrindo
Se enche de graça
E fica mais lindo
Por causa do amor

Старухи аплодируют. Ритка смешно раскланивается.

СТАРУХА РИТКА. Вы, девочки, такие молодцы! Как хорошо подтянули! (*Старухи раскланиваются.*) А вы знаете... раз пошла такая пьянка...

СТАРУХИ (*хором и вразнобой*). Спой ещё, Ритка! Спой Валерочкину песенку!

СТАРУХА РИТКА. Валерочкину? **Валерочкину** и **Адрианочкину** — с преогромным! Только вы танцуйте**! (*Поёт, все рок-н-ролят как могут.*)

Снова вечер, снова встреча. Я с надеждой робкой жду.
Ты сказала: «Не волнуйся — обязательно приду.

** «Не сегодня, так завтра», музыка Бруно де Филиппи, слова Онегина Гаджикасимова.

.
Под часами в девять
жди меня даже в дождь».
Но ведь скоро десять,
что же ты не идёшь?

.
А может быть, я перепутал всё на свете?
Быть может, утром должен был тебя я встретить?
Чем на упрёк я твой смогу теперь ответить?
А впрочем, кто из нас виновен, не поймёшь.

.
Ты сказала: «В девять
жди меня даже в дождь».
Если не сегодня,
может, завтра придёшь?

.
Вот часы бьют ровно полночь, я один домой бреду.
Ты напрасно говорила: «Не волнуйся — я приду.

.
Под часами в девять
жди меня даже в дождь».
Неужели завтра
ты опять не придёшь?

.
Я буду ждать тебя и летом и зимою,
и ранним утром и вечернею порою,
и что бы ни было нам, встретиться с тобою
я должен, потому что мне сказала ты:

.
«Под часами в девять
жди меня даже в дождь».
Неужели завтра
ты опять не придёшь?

.
Hai un movimento
Movimento di rock
Hai un gran talento
Il talento del rock...

СТАРУХИ (*хором*). Господи, как же хорошо!..

И снова раздаётся собачий крик: Полкан не просто лает — взывает. «Кто-то совсем рядом», — шепчут Старухи. Ритка, приговаривая на бегу: «Самая тут пузатая, а ношусь, как лось за арбузом...», летит к вышке, почти сразу возвращается, громко шепча: «Это она, это она...»

СТАРУХИ (*вразнобой*). Кто, кто «она»?

СТАРУХА РИТКА. Анечка.

СТАРУХИ (*вразнобой*). Анечка бредёт, Риточку надо спрятать, порвёт она Риточку... Сто лет Анечки не было, и вдруг пожаловала... И «хвост» небось привела... Вот и конец наш наступает...

Старуху Ритку, как и кастрюлю с кашей, накрывают в дальнем углу ворохом одеял. Старуху Анечку уже слышно: она шаркает ногами, не заботясь о заметании следов, она что-то бормочет, взмахивая руками и вскрикивая. Вот она уже у двери. Заходит, не стучась, ни на что и ни на кого не натыкаясь, словно и не слепая.

СТАРУХА АНЕЧКА. Где она?

СТАРУХИ (*хором*). Кто, кто «она», Анечка? Здравствуй, Анечка.

СТАРУХА АНЕЧКА. Ритка.

СТАРУХИ (*вразнобой*). Какая Ритка, Анечка? Нет здесь никакой Ритки. И не было никогда никакой Ритки. И не Ритки тоже нет и никогда не было. Как ты, Анечка?

СТАРУХА АНЕЧКА. А то я не чую её мерзкий запах. А то я не слышала её тошных завываний. А то вы, дуручки, ей не аплодировали. Где певичка, грязные Старухи? Выходи, Ритка! Ответь за моего сыночка, дрянь душегубская! Моего мальчика завалить! Каким же извергом надо быть!..

СТАРУХА РИТКА (*трясая от возбуждения, выбирается из-под одеял*). Я тут, Анечка! Я тут. Рви меня, Анечка. (Об-

рающаяся к Старухам.) Я сдаюсь, девочки. Пусть наконец-то разделяется со мной. Я — заслужила.

СТАРУХА ИНЕССА. Ритка, опомнись.

СТАРУХА АНЕЧКА. Ты заслужила?

СТАРУХА РИТКА. Я заслужила, Анечка. Я заслужила, Инессочка.

СТАРУХА АНЕЧКА. Ты точно заслужила или вымаливаешь?

СТАРУХА РИТКА. Я убийца, Анечка.

СТАРУХА АНЕЧКА. И чего заслуживает убийца?

СТАРУХА РИТКА. Не убийце решать, Анечка.

СТАРУХА АНЕЧКА. Хорошо сказано, душегубская Ритка. Старухи, есть у вас тупой топор? Намереваюсь отрубить ей что-нибудь очень тупым топором. Рубить и рубить, и рубить, пока не отрубится.

СТАРУХИ (хором). Что ты будешь рубить, Анечка?

СТАРУХА АНЕЧКА. Ещё не решила, девочки. А плаха, плаха у вас есть? На чём вы мясо рубите? Я чего-то забыла.

СТАРУХИ (хором). На куриной плахе мясо мелкое, а на говяжьей плахе — мясо крупное, Анечка.

СТАРУХА АНЕЧКА. Вспомнила. Так подайте мне плаху говяжью. (Плаху и топор приносят. Анечка ощупывает топор.) Хорошо ли он затуплен, а, бабки? А то руки у меня теперь как колоды — ничего не чувствуют: даже если, обрезавшись, вся до последней капельки изольюсь — не пойму, не узнаю.

СТАРУХИ (хором). Очень давно не точили, Анечка. Он тупой, как наша безнадёга.

СТАРУХА АНЕЧКА. Тогда это он, нужный мне железный инструмент... Ты поможешь мне, Ритка? А то я слепенькая... могу не попасть...

СТАРУХА РИТКА. Помогу, Анечка. Укажу, Анечка. Не бойся промахнуться. Я поправлю, и ты снова ударишь и наконец-то сумеешь.

СТАРУХА АНЕЧКА. Спасибо, Риточка. Ты уже положила обе кисти на плаху?

СТАРУХА РИТКА. Кисти, Анечка? Ещё нет, Анечка... А вот теперь положила. Ты их хочешь? Чтобы я больше никогда-никогда не играла?

СТАРУХА АНЕЧКА. И не пела, Риточка. И мальчиков больше от-вёр-точ-ка-ми не рас-ко-вы-ри-ва-ла.

СТАРУХА РИТКА. И фашистских мальчиков тоже, Анечка?

СТАРУХА АНЕЧКА. И их тоже, Риточка.

СТАРУХА РИТКА. Что же, вот мои руки, Анечка. Руби. Хватит уже трепаться, мерзкая дурацкая Старуха. Из меня от страха жизнь уходит. Ты не успеешь, если будешь медлить. (*Обращается к Старухам.*) Когда она закончит, вскройте меня, пожалуйста, девочки. Вытащите из меня ребёнка, девочки. И сохраните его, девочки. И не отдавайте его никому, девочки. Кроме вас, я никому не доверяю... Да руби ты уже!..

СТАРУХА АНЕЧКА. А вот получай, Риточка. (*Старуха Анечка размахивается и втыкает топор в пол.*)

СТАРУХА РИТКА (*придя в себя после короткого обморока и осмотрев свои руки*). Ты промахнулась, Анечка. Давай ещё раз. Бей левее. Ощупай свой промах — и засади левее. (*Поднимается с пола, кладёт руки на колоду.*) Я готова, Анечка.

СТАРУХА АНЕЧКА. А я нет, Риточка. Я прощаю тебя, Риточка. Поднимайся, Риточка, и исполни нам, певичка злополучная, что-нибудь этакое: в настроение и только что пережитое мною, тобой, всеми нами.

СТАРУХА РИТКА (*подойдя к микрофону*). Ну... тогда **Серёжино**. Если позволите. (*Поёт.*)

Она всегда рисовала только чёрным цветом,
она всегда рисовала только чёрным цветом.
Ещё чуть-чуть серым, ещё чуть-чуть серым,
ещё чуть-чуть серым — совсем немного.

Она всегда рисовала только змей и крыс,
она всегда рисовала только змей и крыс,
и мерзких людей, политиков всяких,
и мерзких людей, политиков всяких.

Они всегда получались похожими друг на друга,
они всегда получались похожими друг на друга,

мерзкие люди и гнусные твари,
мерзкие люди и гнусные твари.

.
И что здесь странного, если у них одна природа,
и что здесь странного, если у них одна природа?
И схожие нравы, и те же повадки,
и схожие нравы, и те же повадки.

.
Потом брала иголку и пронзала им сердце,
потом брала иголку и пронзала им сердце.
И они умирали, они умирали,
и они умирали, но никто не жалел их.

.
А она рисовала дальше всё новых и новых,
а она рисовала дальше всё новых и новых.
Росла галерея чёрных портретов,
росла галерея **чёрных портретов...**

Вот как-то так, хорошая моя Анечка...

И в третий раз взлаивает сегодня Полкан. И все, всё пони-
мая, грустно переглядываются.

СТАРУХИ (*хором*). Это они, Анечка?

СТАРУХА АНЕЧКА. Это они, девочки. Но это не я, де-
вочки. Просто осатанелая я была, бдительность в минус
ушла: брела, не петляя, по прямой к вам тащилась. И — я
же горем провоняла, девочки, а они это сразу слышат...
Казните меня за это, девочки... За беспечность мою, за
безразличие моё...

СТАРУХИ (*хором*). Что уж тут поделаешь, Анечка... Сни-
маться надо. Удаляться надо. В другие леса уходить. А там
окапываться надо. Если пионерских лагерей не найдём...

СТАРУХА АНЕЧКА. Я же давно их запах учуяла, девочки.
Каждый из них вонял пятью фунтами человеческого мяса...

СТАРУХА ИНЕССА (*на бегу*). Фунтами?

СТАРУХА АНЕЧКА. Нашими фунтами...

СТАРУХА ИНЕССА. Каждая знает свой манёвр! Начали! И чтоб через пять минут нас тут не было! (*Старухи слушаются Инессу, Старухи маневрируют.*)

СТАРУХА АНЕЧКА (*одиноко стоящая в центре барака*). Они идут — и идут с красной кнопкой в своих нежных шёлковых лапках. Я её, конечно, не видела, но сразу почувствовала. С КРАСНОЙ КПОПКОЙ, девочки! В своих невозможных треуголках и киверах, с орденами, которые брякают, словно мелочь в кармане, и с ощеренными ртами, дышащими тяжело и со слюной на губах...

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Да-да, Анечка, мы так и поняли...

СТАРУХА ИНЕССА. Девочки, вы готовы? Я Старуха Инесса, и я готова!

СТАРУХА КЛАВУШКА. Старуха Клавушка готова.

СТАРУХА МИЛОЧКА. Старуха Милочка готова.

СТАРУХА РИТКА. Ритка тоже готова.

СТАРУХИ (*хором*). Мы готовы!

СТАРУХА ИНЕССА (*обращаясь к Ритке*). Веди нас, глупых слепух, прозорливая девочка с ребёночком в животе!

СТАРУХА РИТКА. Есть вести!

Каждая ведомая старуха, кроме ведущей, Ритки, кладёт правую руку на плечо идущей впереди.

СТАРУХА ИНЕССА. Марш-марш, девочки. Уходим отсюда, девочки.

СТАРУХА РИТКА (*увидев, что Анечка так и стоит столбом в центре барака*). Анечка, ну же, не задерживай нас, хватайся за замыкающую.

СТАРУХА АНЕЧКА. Остаюсь я, девочки. Некуда мне идти, ни одной, ни с вами. Шагайте. Не ждите. Не упрашивайте. Не плачьте. Буду тут. И будь что будет.

СТАРУХА ИНЕССА. Ты же знаешь, что будет.

СТАРУХА АНЕЧКА. Потому тут и буду.

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Прощай, Анечка.

СТАРУХА АНЕЧКА. Прощайте, девочки.

Старухи уходят. Отойдя от жилища на приличное расстояние, просят Старуху Ритку осмотреться.

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Ритка, посмотри, пожалуйста, на небушко. Посмотри, нет ли рядом наших сучьих ангелов. Просим тебя.

СТАРУХА РИТКА (*осмотревшись*). Ни одного, девочки.

СТАРУХИ (*воодушевлённым хором*). Хорошо, Риточка. Значит — ушли, значит — нам повезёт, значит — будем жить.

СТАРУХА РИТКА. В отличие от неё.

Именно в этот момент «небесная артиллерия» бьёт по оставленному ими дому. Старухи рыдают, но продолжают идти, ведомые Риткой.

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Ты хорошо посмотрела, Ритка? Всё ещё нет ангелов? Ещё раз взгляни, умоляем тебя. (*Старуха Ритка останавливается, смотрит в небо, потом едва слышно шепчет: «Ни одного придурочного ангела, девочки».*)

СТАРУХА ИНЕССА. Ритка, а, Ритка.

СТАРУХА РИТКА. Чего тебе, Инесска?

СТАРУХА ИНЕССА. Запевай.

СТАРУХА РИТКА. Нашла время, Инесска.

СТАРУХИ (*вразнойбой*). Ну, Рит, ну пожалуйста. Грустно так идти.

СТАРУХА РИТКА (*помолчав, поёт, а Старухи подхватывают*).

Эй, кузнец! Куй железо, пока мы ещё горячи.

А пока весь металл заключён в разводные ключи,
мы готовы стоять день и ночь у кузнечной печи,
повторяя одно: «Окольцованный брат, научи

.
жить, сутулясь зимой, а весной
умирать, но с прямою спиной».

.

Эй, кузнец^{***}! Куй железо, пока мы ещё горячи.
Я горбат, но я помню два слова: «могила», «молчи».
Исправляет не смерть, а сознание своей правоты.
Мы готовы теперь, напрягая отвыкшие рты,

петь, сутулясь зимой, а весной
умирать, но с прямою спиной.

Эй, кузнец! Куй железо, пока мы ещё горячи.
Умирающий, пой!

Крепостной, голосуй!

Пулемётчик, строчи!

А когда нас возьмут из засады родные края,
я скажу, не тая: «Всевозможные мы — это я».

Я был снегом зимой, а весной
стал землёй, **но с прямою спиной**.

СТАРУХИ (*шепчут вразнобой*). Зиму, значит, переживём... Февраль, значит, наш, а не этих... Не сутулиться, девочки! Только не сутулиться! Спину, спину держим, девочки! Весной особенно...

Из-под их платков и шапок выбиваются вдруг поседевшие волосы. А может, они поседели ещё в пятнадцать, только мы этого не заметили...

*** «Эй», музыка Романа Суслова, стихи Аркадия Семёнова.

Двери (радиопьеса)

Лошади

Сидя на стуле перед чередой дверей, замечаешь всё: вот из двери с надписью «Лошади» выходит улыбающаяся женщина с вещмешком моркови, который держит перед собой в вытянутых руках; скорее всего — моркови, потому что тела внутри сидора вытянутые, в меру упитанные, в меру — стройные, иногда тупые, иногда — острые; женщина идёт ко мне, оболтусу с ободранными коленками, в матроске и с одним нарисованным лихим правым усом, который я забыл стереть, вдруг узнав, что сегодня из этой двери с табличкой «Лошади» вынесут такое (такое вынесут!..); она трогает кончик своего носа и этим же пальцем, на котором осталась её тёплая носовая пыльца, касается моего лба, носа, щеки правой, щеки левой и одинокого уса, нарисованного химическим карандашом тем, кого ещё только предстоит установить, когда я, замерев на школьном подоконнике, читал «Анну Аркадьевну Каренину»; она выпевает нежное вопросительное: «Посиживаете, Егорыч?» и утвердительно, но с той же нежностью выпевает: «Посиживаете-посиживаете, я давно наблюдаю за вами в замочную скважину, и оттого я вдруг принесла вам нечто»; она ставит рядом со мной вещмешок, распахивает его и достаёт земное творение апельсинного цвета размером с руку до локтя от кончика среднего пальца; она произносит «грызть, хрустеть, терять бдительность» на трёх знакомых мне языках:

«To gnaw, to crunch, to let vigilance slip away. Gryźć, chrupać, tracić czujność. Roer, crocar, perder a guarda»; она улыбаётся, как девочка на шаре, когда я, уронив на пол серьёзные прищуренные глаза, шепчу ей: «Спасибочки» и к её морковке из мешка добавляю вторую, чтобы грызть, хрустеть и терять бдительность сразу двумя плодами, но по очереди; но тут она буднично произносит: «У вас, Егорыч, в отличие от только что отдраенной неё, немытые с утра руки, не так ли?»; и я, натыкаясь на встречаемых и на чьи-то предательски выставленные ноги, потому что очки спорхнули на пол вместе с ястребиным взглядом, иду к автомату с газводой, чтобы купить два стакана без сиропа по одной копеечке и смыть полдневную грязь в этой кукольной вертикальной автоматной прогалине между водяной трубкой и сливом с помощью окского песка, мешочек с которым всегда со мной; а пока я не без увлечения тру руку правую и руку левую, из двери с надписью «Лошади» выносят — и выносят тайно: подгибая пружинистые ноги в тишайших валенках без галош, чтобы а) не маячить, чтобы б) не топотать, — то, что интересовало меня этим утром больше всего на всём белом свете: чемодан с ручкой, полный марок Марсианской почтовой службы, выпущенных уже в год первого приземления для рутинной ежедневной планетарной рассылки писем с помощью тогда же учреждённой ямщицкой службы.

Почувствовав неладное самым краешком глаза, я повернулся, обтёр руки о форменные школьные штаны до коленей — и побежал за ускользящим чемоданом, чтобы догнать и умолить Ямщика отдать мне хоть одну марочку в обмен на таз варенья из первых антоновских паданцев, невысказанный разносол для тех, кто понимает. Таз тут же, подле, по левую руку, — если бы я сидел, как сидел, вперившись в надпись «Лошади», а не угорело нёсся.

— Да стойте же вы, — кричу я, и Ямщик с сопровождающим его Фельдъегерем со стартовым пистолетом на правом боку делают первую ошибку: оборачиваются.

В тот же миг я мастерски падаю, поскользнувшись на заранее разбросанной очень скользкой грязи с хорошо разме-

шанных осенних дорог родины, — и ломаю себе позвоночный столб, или, точнее столбик, потому что мне двенадцать. Или не ломаю. Но что-то точно предательски хрустнуло, когда я растянулся.

— Стой, стрелять буду... в пол, — машинально произносит Фельдьегерь.

— Почему в пол? — машинально спрашивает Ямщик и ставит по пол чемодан, пристёгнутый к руке Фельдьегера длинной золотой цепью.

ФЕЛЬДЬЕГЕРЬ. Потому что тут потолок, дурашка, а не Фобос. Из двух сущностей — пола и потолка — я инстинктивно выбрал пол.

ЯМЩИК. Но стрелять не стали, сэр.

ФЕЛЬДЬЕГЕРЬ. Потому что, дурашка, ситуация тут же успокоилась.

ЯМЩИК. Хруст стоял!

ФЕЛЬДЬЕГЕРЬ. Вот именно.

— Конечно, стоял. Я переломан. Какая-то нерадивая уборщица не убрала грязь, и я — поломался.

ЯМЩИК. А мне кажется, это хрустела так и не попробованная вами морковь.

— Может, и она. А может, и...

Я попробовал встать, но не смог. Я попробовал встать на четыре точки, и это получилось. Я попробовал приблизиться к ним на своих стыдных карачках, и это тоже получилось. После чего я устал и снова лёг на пол.

ЯМЩИК. А куда же вы так спешили? И к кому относилось ваше «стойте»?

— А почему вы оба в валенках?

ЯМЩИК. Там, откуда мы, знаете ли, прохладно.

— А почему вы шли на полусогнутых?

ЯМЩИК. Чемодан тяжёлый. Так и тянет к центру планеты Земля.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Кроме того, дурашка, мы отвыкли от здешней гравитации.

ЯМЩИК. Кроме того, Егорыч, мы отвыкли от вашей гравитации.

— А почему у этого пистолет стартовый?

ЯМЩИК. Потому что у этого...

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Я сам, дурашка. Потому что я даю им старт, если лошади увлеклись овсом и не пришли на старт, чтобы нестись с мешками, полными писем, туда, куда отправлены письма.

— А почему чемодан на цепи?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Потому что там...

— Я знаю: там марки. Полный чемодан лучших во Вселенной почтовых марочек с изображением выдающихся почтовых лошадей вашей героической первопроходческой планеты. Можно мне хотя бы одну? Хотя бы гашёную. Хотя бы без пары зубчиков. Хотя бы...

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Марки? Финляндские, что ли? Ну и зачем нам ТАМ финляндские марки?

— А почему этот «дурашка»?

ЯМЩИК. Потому что этот (*указывает на Фельдъегеря*) Начальник, а я, следовательно, вот это слово.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Странные у тебя представления, дурашка... Потому что, Егорыч, вот этот ужасно любим мною за беспросветное трудолюбие (готов нестись в любое время солов), но не всегда мною понимаем, потому что я не он, то есть готов не всегда.

ЯМЩИК. Так вот в чём дело, Начальник... Тогда я готов терпеть вашу «дурашку» впредь.

— А почему чемодан несёт дурашка, а не вы, Начальник?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Потому что он не дурашка, а Ямщик, а я...

ЯМЩИК. ...а вы, сэр, надсмотрщик над Ямщиками.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. С чего ты взял! Что у тебя в голове, дурашка!..

ЯМЩИК. Известно что.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Это из-за невыносимой здешней гравитации? Надо попросить сэра Исаака подкрутить её в обратную сторону...

— А почему Ямщик должен таскать тяжеленный чемодан с марками, а вы только... надсматриваете и надсматриваете, сидя на цепи?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Потому что он не только Ямщик, но и...

ЯМЩИК. Неужели, Начальник, вы произнесёте это уничижительное слово?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Но Егорыч же настаивает...

ЯМЩИК. А вы погладьте Егорыча по головке, и он...

— ...И я ещё раз попрошу хоть одну марочку пусть и без двух-трёх зубчиков.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Потому что, малыш, эта чувылдра (прости, дурашка, за вдруг придуманное слово) с чемоданом не только Ямщик, но и скаковая Лошадь-тяжеловоз, потому что чемодан в его ручищах воистину неподъёмный.

— А где же тогда у неё хвост и грива? А главное — копыта?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Хочешь попробовать оторвать чемодан от матушки Земли?

— Очень.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Сивка, можно Егорыч рискнёт вырвать твою невыносимую ношу?

ЯМЩИК. Разрешаю, но что-то сомневаюсь в его мускулатуре.

Я наконец-то поднимаюсь с пола на задние лапки (ради такого не подняться — всё равно что профукать счастливейший момент всей жизни, не только нынешней, но и послезавтрашней) и хватаюсь за чемодан, надеясь, подняв его, удержать на вытянутой вправо руке не меньше земной минуты. Я хватаюсь за чемодан и дёргаю его так, что у любого другого чемодана подобной старинной конструкции оторвалась бы ручка. Я хватаюсь за чемодан, дёргаю за ручку, — и ничего не происходит. Вообще ничего. Словно я не хватаюсь и не дёргаю. Как такое возможно?

— Да сколько же в нём марок?!

ЯМЩИК. Не переживай, Егорыч. Этот (показывает на Фельдъегеря) тоже слабак. Даже оторвать не может. Вот почему он, как побитый пёс, всегда на цепи.

— Я могу пощупать ваши мускулы, дядя Лошадь?

ЯМЩИК. Нет. Его щупайте. Начальник, у меня вопрос, родившийся в свете вашей обидной тирады о некоей чувылдре.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Ну не при мальчике же.

ЯМЩИК. Именно при мальчике. Почему вы не назвали меня другим словом, которое куда более почётно и благозвучно, чем Лошадь... и даже чем Ямщик?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Ещё одна почемучка... Моя просто забыть. Извини.

ЯМЩИК. Видишь, Егорыч, как они обращаются с рабочими на своём затхломе Марсе? на этой окраине доступной им Вселенной? Что же будет, когда они наконец вырвутся с Марса, чтобы отправиться, допустим, к матушке Венере...

— Не вижу. Как они обращаются? И кто эти «они»?

ЯМЩИК. Чувылдрой он меня обозвал. Лошадью заклеивил. Сивкой оскорбил до глубины души. Ямщиком по головке не погладил. Дурашкой почти уничтожил во мне последние запасы рабочего достоинства. А я, Егорыч, между прочим, не только всё это вышеназванное, но и Бурлак.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. И хороший. Свидетельствую.

ЯМЩИК. Блистательный и репинский.

— Почему «бурлак»?

ЯМЩИК. Потому что, дурашка, у нас не только бездорожье, но и каналы!

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Целая сеть блистательных каналов, тянущаяся от сих до сих.

— И что же он ест, когда он не Лошадь?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. То, что лежит в этом немыслимом чемодане.

— Почтовые марки?! Дяденьки марсиане, можно мне хотя бы одну, бракованную, без клея на обратной стороне?

ЯМЩИК. Ой.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Что с тобой?

ЯМЩИК. Заббболлер.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ (*проверив какой-то прибор*). Ой, да, дурашка моя, ты и впрямь приббболлер. Более того, ты в минус ушёл. Как такое возможно: в минус? (*Задумался.*)

ЯМЩИК. Патамушто паччимучько...

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Полагаешь, он тебя подпитал? Своим восторгом, что ли?

ЯМЩИК. И своим безмятежным и беспечальным детством...

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Как говорил?..

ЯМЩИК. ...Брюсов Валерий Яковле... Яковре... Ягавре...

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Годная теория. Надо будет проверить... Сейчас, Игого, я тебя подлечу, Игого. Ты только чемоданчик открой. Хватит силёнок?

ЯМЩИК (*натужно*). Хва... хва... хва... (*Валит чемодан на бок и открывает его.*)

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ (*весело*). Спа... спа... спа... Егорыч, отвернись. Не твоего ума это дело.

— Ни за что.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Как хочешь. Пялься, но только потом не жалуйся на необъяснимые феноменальные явления утешительного и грандиозного свойства.

— Всё равно буду.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Жаловаться?

— Смотреть.

Закатав рукава, Фельдьегерь отвинчивает голову Ямщику, вынимает из неё нечто уставшее, потухшее, никчёмное, но всё-таки серебристо-металлическое, достаёт из чемодана нечто сиятельное и какое-то платиновое и вкладывает его в голову Ямщика, который тут же преображается: идёт вприсядку, пробует голос йодлем и замирает в позе «кушать подано».

ЯМЩИК. Кушать подано, масса. А за «Игого», Фельдьегерь, ещё ответите.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. А что не так с «Игого»?

ЯМЩИК. Семнадцатая за сегодня обидная кличка.

— А марочек значит ни одной?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Извини, старик. Только вот эти штуковины для голов Лошадок.

ЯМЩИК. Очередное унижение.

— И что же мне теперь делать?

ЯМЩИК. У этого (*показывает на Фельдбегера*) там (*показывает на небо*) есть пара марок... без пары зубчиков.

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ (*о чём-то пошептавшись с Ямщиком*). Ну а в самом деле, Егорыч... Почему бы тебе не махнуть с нами на небо?

— А мама? А школа? А как назад? А что скажут Базиль Игнатьевич и Текумзе Бархатовна?

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. Так мы же к вашему вечеру вернёмся.

ЯМЩИК. Одна нога там, Егорыч.

— А почему так быстро? А подольше нельзя?

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. Опять начинается... Потому что одного чемодана этого питательного добра нам мало. Нам за вторым возвращаться.

— А почему нельзя взять сразу два чемодана?

ЯМЩИК. Потому что нет ещё такой ракеты, которая поднимет хотя бы полтора чемодана.

— А как же вы тогда одну штуку подняли?

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. Надрываясь.

ЯМЩИК. Да он прибежится, Егорыч. Он ужасно сильный.

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. А подольше нельзя, потому что мама, школа, Игнатьич и Шёлковна...

— Бархатовна.

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. Точно... снимут с этого (*показывает на Ямщика*) голову.

ЯМЩИК. Девятнадцатое унижение.

— В таком случае я за.

ЯМЩИК. Идти сможете, Егорыч? На всех парах идти сможете?

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. Как всегда опаздываем? Всё из-за тебя, Росинант.

ЯМЩИК. Тридцать третье унижение...

ФЕЛЬДБЕГЕРЬ. А на Пегаса тоже надуешься?

ЯМЩИК. Вы бы ещё упрекнули меня за то, что не поблагодарил за замену питания...

— Как паровоз не смогу. Всё ещё поломан.

ЯМЩИК. Тогда садитесь ко мне на плечи.

— А вам не тяжело будет?

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ. Этому и тяжело? Он знаешь какой ужасно сильный... Ты только морковь оставь, у нас и так перевес. Тем более что она всё равно нарисованная, Егорыч.

И мы смотались на Марс — и, к сожалению, обратно. А обе добытые на небе марки оказались без двух зубчиков, но и без них они были на первом и втором месте в моём альбоме, немного опередив третью *марку*, посвящённую папиному фото, сделанному в *Сенной Губе* в тот день, когда они с мамой сотворили меня. Всего три марки — зато каких.

Третий Олбанский

Мальчик слева, дежуривший у двери «Лошади», ушёл, забравшись на какого-то долдона с чемоданом, а я зашёл. Но далеко не сразу, потому что табличка «Третий Олбанский» на двери передо мной манила ничуть не больше надписи «Нулевой Датский» на двери слева или «Ещё Один Истрорумынский» — на двери справа. Всего три двери (хотя реклама на этикетке спичечного коробка обещала «семь дверей: на меньшее не рассчитывайте»), но выбор затянулся моими размышлениями о числительных и топонимах: что тут справа от нуля, а что — только подбирается к нему слева: «третий», «нулевой» или «ещё один» (а абака, увы, со мной не было: собирался-собирался, взял, но в итоге оставил его... в пельменной? в рюмочной после пельменной? в парикмахерской после рюмочной?..)? где беспечальнее: в Истрорумынии, Копенгагии или всё-таки в Олбании, о которой стенгазета «ЛавочникЪ» пишет запоем на каждом заваливающемся бетонном заборе: это мол, ля, не только тренд нашей болдинской осени, но и последний парижский крик, ибо там, в Олбании, ля, не подышают под своей лошадью вместе с лошадью, но немедленно возносятся... Сразу возносятся. Ничего себе.

А ещё отвлекал находившийся тут же аппарат «Спортлото», монетоприёмник которого требует «грязь из-под ногтя указательного пальца без разницы какой и чьей руки»: семь раз из семи всё выпадала и выпадала эта самая Олбания, выпадала — и мешала сосредоточиться.

Наконец, из-за двери с «олбанской» табличкой то и дело высывалась редкостная дамская нога, коварно обнажённая едва не до шеи, и вертелась каким-то неугомонным вьюном, и в нетерпении отстукивала некий завораживающий ритм, и даже пыталась дотянуться до моего межколенья, но у неё не получалось, ведь мой стул отстоял от двери на долгие косые сажени. Мне двадцать четыре, и не потянуться ей навстречу было почти невозможно.

Итак, я, получивший этим утром некрасивый (а значит — неверный) результат при вычитании из N Пикассо-шаров с девочками X девочек, которые не будут горевать, хотя ни одна из прежних итераций этого не предвещала, ошарашенный и уничтоженный настолько, что по дороге сюда угнал у шапито-медведя, застенчиво замершего у пивного ларька, велосипед, вошёл. Вошёл, думая только о том, как расстроится мой двух с половиной метровый брат, вторящий каждому включённому радиоприёмнику, когда увидит меня с этими глазами на мокром месте.

Замысловато (семь коротких стуков, четырнадцать длинных и снова коротко, но двадцать один барабанно-дробный раз) постучал в «Третий Олбанский» и произнёс первое пришедшее в удручённую голову, которую поклялся не показывать брату, чтобы он не рвал на себе волосы, а на других — неподдельные улыбки с заранее виноватых лиц: — Я войду, ладно? Сколько уже можно сидеть и рассуждать об этих несуразных девочках, правда же? То есть девочки-то как раз суразные, а вот мой сегодняшний расчёт — не. — Ты войди, войди, — ответили из-за двери так, будто вся нежность, всё тепло планеты Земля уместились на губах, вдруг оказавшихся на ноге, только что тянувшейся ко мне, но неотлагательно ретировавшейся, потому что на неё прыцкнул конвой из трёх санитаров, шляющийся здесь словно по часам. — Как не зайти в такую-то дверь!

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Спасибо, что шли мимо, но зачем-то заглянули. Что это вас тюкнуло, Егорыч?

— А это ваша умопомрачительная нога сейчас... тут... здесь... выделявала такое, что?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Ага.

— Тогда спасибо, что всё-таки впустили.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Так чего тюкнуло-то? Или давно при-спичило? А если давно, то чего же вы так долго канителились?

— Жизнь дала трещину.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. То есть Родная Сторонка проливает кровь, неизменно побеждая, вот уже 66 лет, а в вас и у вас ни единой трещинки, и только сейчас...

— Так уж вышло. Но теперь я твёрдо намерен искупить. Оттого и здесь: заглянул, чтобы узнать, какие у меня есть варианты...

НОГОВЛАДЕЛИЦА. То есть вы способны рассматривать варианты, когда Беловатая роза уже на пороге Нашенской волости?

— Где это? (Извините, я почему-то совсем не слежу...)

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Вокруг и около Нашенска, опорного пункта Родной Сторонки на одной незыблемой высоте, господствующей над местностью и равниной. Бывали?

— Нет, не доводилось. (Я вообще дальше дома и своего института не бывал.)

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Зря. Красота и мужество неописуемые. А какие пряники. А эта школа росписи дёгтевых ложек, перед которой сикстинцы неизменно ломают свои крысиные треухи. Ну и, конечно, ах, Розовые розы, ради которых всё и проливается: пластмассовые, потому и не вянут до глубокой весны. А у них таких нет, им таких ни за что не вырастить, вот они и... *(Трогательная пауза, во время которой Хозяйка ноги, взявшись за голову, словно она вдруг разболелась, стоит в углу под поясным парадным портретом самого Самого, пытаясь вымолить прощение за столь неотёсанного новобранца. О том, какое прощение ей нужно, она предупредила заранее, прежде чем надеть наколенники и стать на горox: «Надеюсь, Он простит меня за обходитель-*

ное общение с вами, а вас лично пострижёт наголо столовым ножом и забреет в отдельный полк бросающихся на амбразуры». Что-то вымолив, Собственница ноги поднимается и берёт со стеллажа некий предмет, перевязанный розовой ленточкой с чёрной кружевной каёмочкой.) Знаете, что это, рядовой новобранец?

— Не имею чести, мадам полковник.

НОГОВЛАДЕЛИЦА (*сунув предмет под нос посетителю*). Даже так не узнаете? И запаха предмета не чувствуете? В нос не шибануло?.. Ах, что это я... Её же ещё не загаживали... Но всё равно больше не буду показывать вам ногу — за недогадливость. Это, новобранец, пепельница, сделанная из черепа Неизвестного Кирасира, сражённого из РПГ подлой Беловой розой на поле брани под Нашенском. А может, кстати, и по-над. С этим ещё разбираться и разбираться. Хотя учебники, кажется, уже печатают.

— Ух ты.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Чего «ух ты»?

— Пепельница.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Представляете, рядовой: мы на снулых лошадаках, которых кормят распаренными почтовыми треугольниками без гашёных марок, а душегубы палят в нас очередями из ручных противотанковых гранатомётов. Но такова уж броня на наших Кирасирах с большой буквы! Ничем иным её не пронять!

— Умеем.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. И не говорите. (*Поднимает изделие над головой, любуется.*) Между прочим, мой папа.

— Надо же.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Как сказал бы Схакесpeare...

— Истрорумынец?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Наверное. Не помню. Как сказал бы вот этот самый, тут где-то, помню, были причиндалы, которыми папаша нас с близняшкою заделал, в угрюмой чаще наскочив на деву, которой захотелось — с голодухи и глупости, присущей ей с рождения! — набрать мешок опят и сделать пищу. О милый папа, где теперь те скальпы, кото-

рые ты в шутку присылал мне и близняшке с фронта? Где портянки и ворохи кальсон с врагов сражённых, которыми нас в прачечном отряде посилено загружали, чтоб о папе не думать, не рыдать?.. У нас с близняшкой была такая тяга к изысканьям, и всякий встречный лейтенант в нас видел сестёр Складовских, годных только к ниве загадочных, но квантовых наук. Где это нынче, мой залётный гость?

— Всё пропало?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Пропало всё... Даже папин череп стал пепельницей. Закурим же, новобранец. Где-то здесь был мозжечок. Хочется поскорее осквернить его место жирным окурочком с красной помадой. *(Курит. Плюнув на бычок, впечатывает его в пепельницу.)* Вот тебе, старая сволочь... *(Подумав и скривившись, плюёт в череп ещё раз.)* Итак, рядовой, к чему всё это?

— Что именно?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Гипердемонстрация ошеломляющей пепельницы, сделанной вручную лучшими мастерами из гидроцефальной черепной коробки павшего героя.

— Чтобы помнили?

НОГОВЛАДЕЛИЦА *(задыхаясь от восторга)*. О господи... кого присылают... как с такими работать... Олух. Бестолочь.

— А как надо?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Третий Олбанский!.. Только мы!.. Делаем СТОЛЬ ИСКУСНЫЕ пепельницы!! Из наших полёгших рубак!!!

— Ого.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. «Ого»? А по ляжкам потными ладошками кто будет шлёпать, приплясывая?

— Я?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Ты только вдумайся, рядовой: из твоего черепа сделают не пепельницу, но произведение нашего народного промысла, а ты лишь «ого» один раз и без восторга! А на Истрорумынском твой череп изуродуют так, что в нём ни один чинарик не захочет лежать. А на Датском, хоть Нулевым, хоть Левом, скелет твоей головы, работая свою поделку, неминуемо расколут, чтобы склеить

соплями и заявить в печати, что эти трещины были у героя с рождения. Типа: да это мамка героя, когда носила его в утробе, упала и расколола. Кулёмы и коновалы... Падала твоя мамка на беременный живот, напившись допьяна?

— Не знаю. Не думаю. Вряд ли.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Ну и как тебе пепельница? Чего ты молчишь?

— Слова в горле застряли.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. От восхищения? Восхищаться мало — надо гордиться! Гордишься?

— Кажется, начинаю.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Давно пора. Не зря же ты к нам постучался, а не к этим.

— К кому «этим»?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Которые торгуют Нулевым Датским и Ещё Одним Истрорумынским.

— Знаете, я к вам случайно попал. Изначально я сидел перед «Лошадьми», но мальчик, который вскоре пришёл, попросил меня уступить ему этот стул. И я пересел. Чистая случайность.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. То есть, Егорыч, тебе без разницы где и как героически погибать?

— Ну почему же...

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Может, ты не знаешь, что даны и истрорумынцы делают с вашим братом?

— Что-то такое, чего не делают олбанцы?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Не умничай. Олбанцы и похлеще могут, просто у нас на Третьем Олбанском маркетинг на высоте.

— И черепа в достатке.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Черепов хватает, как нигде. Ни Четвёртый Датский, ни тем более Ещё Один Истрорумынский не поставляют тылу столько качественных наших черепов.

— И почему же?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Потому что у них крематории на колёсиках не отлажены. Потому что жарят вашего брата при запредельной температуре, вот черепа и трескаются при мехобработке.

— А на Третьем Олбанском?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Прекрасный главный технолог. Экспериментировал-экспериментировал и доэкспериментировался: скелеты головы павших героев после сжигания павших героев становятся лучше, чем оригинальные скелеты головы павших героев. Народные мастера, которые режут из вас пепельницы, никак не могут нарадоваться.

— Человеческий фактор?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. К счастью, он.

— Мадам полковник, а из врагов какие пепельницы выходят?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Из олбанцев-то? Уж получше, чем из данов (во всяком случае нулевых) и истрорумынцев. Вроде бы дефективные в силу неизбывной олбанистости, но и кость податливее, и предел прочности запредельный. Бьёшь такой пепельницей по голове, а ей хоть бы что. Одно плохо: головки у них маленькие. Из нашей — две пепельницы выходит, а из олбанской — полторы. Зато в изобилии. Тем и пользуемся: из-за хорошей податливости украшаем пепельницы рунами и выдаём их за наши черепа.

— Интересно.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Чего тут интересного? У Беловой розы любой скелет — ценный поделочный материал. Не то что у нашей Розовой. Но ты этого никому не говори, солдатик.

— Никогда.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А что ещё мы сделаем из твоего героического черепа, Йорик?

— Нэцкэ в виде Иисуса?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Разве он у тебя из слоновой кости?

— Нет.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Думай.

— Унитазы?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Разве что совсем уж детские. Ломай, ломай голову. Ударься о стену, если поможет.

— Детские ночные вазы и горшки для приготовления манной каши?

НОГОВЛАДЕЛИЦА (*кривится*). Товар, конечно, актуальный, но штучный... А нам вал нужен. Вал, рядовой. Объёмы. Вот пепельницы — это объёмы.

— Утварь для Хэллоуина?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Точно! Дай я тебе за это ногу покажу (показывает ногу).

— Но ведь это грех?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Это у нас грех, а у них — весёлый детский праздник. Продажи, разумеется, идут тайно, через Монголию, но все довольны: и Беловатая роза, наконец-то покрывшая спрос в черепах и скелетах для Хэллоуина, и мы, которым некуда девать черепа, и даже Монголия, оказавшаяся такой тороватой... А ты сообразительный.

— А можно мне уже домой?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А ещё плевательницы, чаши фонтанчиков для воды и вставные челюсти, если тебе, новобранец, интересно.

— До некоторой степени.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Вставные челюсти пользуются ошеломляющим успехом.

— Миленько.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Есть ещё вопросы, рядовой?

— Ни одного. Кончились.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Тогда я помогу тебе, гвардии рядовой. Куда пойдёт твой сообразительный мозг, прежде чем тебя, бойца отдельного полка бросающихся на амбразуры, сожгут в крематории на колёсиках им. Жанны д'Арк?

— Последний вопрос, мадам полковник. Почему меня сожгут?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Так подстрелят же, недотёпа.

— Непременно?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. И обязательно.

— Мои мозги положат в банку с формалином и передадут в музей боевой славы Розовой розы.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Ничуть не бывало. Их, проверив на сообразительность...

— Есть методики?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Методики-то есть, а вот мозгов мало... Мозги, обложенные эскимо, чтобы не спеклись по дороге, передадут для нужд ГКУБМП.

— Кого?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Гвардейской краснознамённой им. Удакова боевой машины пехоты.

— Чего?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Новейшая разработка наших учёных: БМП с естественным интеллектом.

— А с требухой что делают?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. С чем?

— С прочими внутренностями?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Как всегда, идут всяким свиньям.

— Ну конечно. Кому же ещё.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Секундочку, гвардии рядовой. (Отвечает кому-то невидимому.) Разумеется. Так и собиралась. Ничего я не копаюсь, ничего я не миндальничаю. Конец связи... Итак, от теории — к практике, гвардии новобранец. Сейчас вы опробуете амбразуру, из которой будет стрелять лично Синезубый, а он, как говорят, меток, как Зоркий Сокол.

— Брат Быстроногого Оленя?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Не в курсе. Может быть. Не важно. Стрельба ведётся из пулемёта «Максим». Скорострельность — запредельная, частая-частая. Дальность — невероятная: вёрсты полосаты и одне. Поэтому, чтобы сохраниться для броска на амбразуру, надо лечь, подняться и бежать, петляя так быстро-быстро, чтобы пульки не успевали за вашим петлянием. Попробуем?

— Нет.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Вы не волнуйтесь, Егорыч. Пули на сей раз резиновые, а пулемёт слабенький — Шварцлозе. Отойдите, прилягте, вскочите и петляйте. А в самом конце бросайтесь.

— Нет.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А чего так?

— Не хочу.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Позвать мужа?

— Зачем?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Он майор Мешков.

— И что?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А вы лёд под его ногами. Зову. (*Говорит с кем-то невидимым.*) Володинька, он выкобенивается. Заглянешь? Конец связи. Он сейчас, он рядом, он Нулевой Датский продаёт, и очень хорошо продаёт, у него такие показатели... А пока он идёт, полюбуйте-ка... Я сказала «ПОЖАЛУЙСТА, ПОЛЮБУЙТЕСЬ»... на посмертную маску, которую с вас снимут в первые пять минут после героической гибели на Четвёртом Олбанском.

— Это же маска поэта Пушкина.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А вы свою, что ли, хотели? Где мы вам жидкий гипс возьмём, когда кругом амбразуры?

— Нигде.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Вот именно. Радуйтесь и такой... А это мешок, в котором вас, если найдут, возможно, вытащат с поля боя. Да вы пощупайте. Тут пластик — закачаешься. Даже на Истророманском хуже... А вот и венец вашего маленького быстротечного приключения: гроб.

— Гроб?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Гроб.

— Грёб.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Добролюбиво.

— Не покладая рук.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Граблями дев бесолюбивых.

— Которым чёрт не брат, но друг.

НОГОВЛАДЕЛИЦА (*после паузы с ленивым недоумением*).
Что это я лепетала?

— Вы читали стихи, мадам майорша.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Я ни одного стиха с роду не знала...
Ах, да, гроб.

— Зачем?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Чтобы положить в него вашу детскую фотокарточку (или любую другую любого другого человека), намертво заварить аргонно-дуговой и попытаться переправить на родину героя.

— Замысловато.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Хотите лечь в гроб?

— Нет.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Как хотите. Больше такой возможности не представится.

— Ну и ладно. Переживу.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. В том-то и дело, что нет... А вот крематорий на колёсиках, в котором вас утилизируют. Могу показать в работе. У нас тут даже... мясо есть... кролика... где-то было (*достаёт из холодильника мясо*)... чтобы показать, как скор и эффективен процесс.

— Не интересуюсь.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Конченный вы какой-то, Егорыч. Ничто вас не волнует. Нельзя так... А вот аутентичные вражеские пули, которые мы поставляем Беловой розе по бартеру: они нам амбразуры, на которые надо бросаться, а мы им — пули. Если вы спросите меня, чем хороши эти пули, то я вам отвечу.

— Не спрошу.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А хороши они тем, что любое — слышите? любое — их попадание в нашего героя вызывает смерть. И какую смерть!

— И какую же смерть?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Всё-таки я хороший продавец. А такую: смерть длится всего секунду, за которую погибающему показывают умопомрачительный цветной фильм о гареме, если погибающий в нужном возрасте. Или что-то другое, если — в другом. Или о клубничном варенье, если погибающий указал его в анкете.

— Боже. В анкете. Ещё и анкета.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. А как умирают они, агрессоры и военищина из Беловой розы, все эти олбанцы и пр.?

— И как же?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. После попадания пули куда бы то ни было умирание длится неделю и сопровождается натуралистичными живыми картинками ада. Врагу не пожелаешь.

— А если пуля попадает в берёзовую культю?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Эффект тот же.

— А когда надо на фронт?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Если вы так и не согласитесь — тут же, но после укола. Если всё подпишите — родные и близкие павшего героя придут махать платочками.

— Куда?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Куда привезут — туда и придут. Платочки казённые, но после прощания остаются у родных и близких.

— Всё равно не понимаю.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Привезли, сгрузили, сгрудили, ответили на перрон, указали эшелон, в котором вот-вот отправится павший герой... Чего тут непонятного...

— А анкета большая?

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Ну что вы, один пункт. «Согласны?» — «Да».

— Давайте её сюда. Только на ваш Олбанский я не пойду. Предпочитаю Нулевой Датский.

НОГОВЛАДЕЛИЦА. Ладно. *(Говорит с кем-то невидимым.)* Володинька, возьмишь моего? Он к тебе рвётся. Ему олбанцы чем-то не угодили. Потом сочтёмся. Ничего он меня не насиловал. Конец связи. Без удовольствия, но выручит... *(Показывает на анкету.)* «Да» надо вписать вот сюда. Красивый у тебя почерк, рядовой. Руки подай, — я наручники надену. Спасибо. Знаешь, Нулевой Датский, если разобраться, не так уж и плох. У них выдают трофейный шанцевый инструмент. Пошли, пошли к майору, хватит рыдать. Только не говори ему, что пытался меня изнасиловать. И, да, никаких ног я тебе не показывала, Егорыч.

Когда мы вышли, чтобы я, замерев у двери с очень красивой табличкой «Нулевой Датский», постучал в неё безо всяких затей — дрожащей ногой, в коридоре было полно какого-то народу в пиджаках и вечерних платьях. Народ показывал мне большой палец, кивая на ретранслятор под потолком и произнося что-то вроде «ты прекрасно держался», совал цветы и запихивал в карманы кисеты с табаком из явской «Явы».

Константин Эдуардович

Привет, это Егорыч. Сегодня мне стукнуло 48, и последние двадцать четыре года я только и делал, что окапывался. Через год мне это надоело и я стал вынашивать планы, не переставая окапываться и в полной темноте, как того требует Устав, собирать/разбирать на время **винтовку Мосина...** В конечном счёте я всё делал правильно, долго, но правильно, потому что навыки окапывания и сборки/разборки, приобретённые мною за двадцать четыре года, не могут не помочь мне а) отпраздновать день рождения и б) нынче же осуществить дело всей моей жизни. Итак:

- благодаря окапыванию, я уцелел;
- благодаря тому, что сберёгся, вчера, когда даны ужинали, а наши играли в карты на раздевание около тухлой лошади с последующим фотографированием, я наконец-то покинул место окапывания (сбежал? — ну, наверное);
- благодаря тому, что собирал/разбирал винтовку, которая стала моей десницей и шуйцей моей, я убрал всех, кто был на моём дневном пути сюда и восхотел помешать;
- благодаря тому, что я собирал/разбирал винтовку в темноте, я убрал всех, кто совался ко мне в ночи с проверкой, твари, документов;
- благодаря отомкнутому штыку я переоделся в женское (отдав ей своё, ещё годное и почти без вшей), чтобы потом, прибыв на место, умыться и даже накраситься в пельменной, позавтракать в чебуречной, накатить в рюмочной — и рвануть сюда трамваем.

И вот теперь я сижу перед дверью с надписью «Константин Эдуардович», ради которой двадцать четыре года оттачивал одни навыки, напрочь позабыв о других (поэтому все мои понты ниже — это лишь они, понты окопной крысы, которой очень надо произвести впечатление, за что заранее извините; никаких расчётов я не делал). При мне мой верный обрез Мосина, разобранный и изящно спрятанный в складках женской одежды; при мне отомкнутый штык, закамуфлированный под зонтик; при мне неубиваемая

настырность, которой я хронически заболел двадцать три года назад.

У них строгий отбор, но я подойду, я затмю всех, потому что мог бы выступать в цирке, жонглируя на канате всеми частями обреза Мосина, включая штык, переточенный под финку, но цирк закрыли, потому что цирком стало всё сущее, а дети кончились.

Пасмурно, но на мне солнцезащитные очки, снятые с другой, а пахну я, как пыльная проститутка, потому что это тяжёлая работа, а чередой мужиков сверху, снизу, сзади и сбоку придаёт несмываемый запах Y-хромосомы.

Пацан перед дверью с табличкой «Лошади» и ботаник напротив «Третьего Олбанского» (от которого я мог и хотел отогнать его с помощью штыка, ибо нечего ему там делать, да поленился) посмотрели на меня так, словно мы когда-то были знакомы, но разругались и разбежались, разбросанные жизнью. Я выгреб из кармана пару горстей датской земли и отсыпал им, сказав: «Не семечки, но пригодится». И только после этого решительно тронул колокольчик на двери с надписью «Константин Эдуардович».

— Шлюз открыт, — крикнула Какая-то.

— Внимание: захожу, — предупредительно крикнул я в ответ. — Пожалуйста, проверьте ещё раз: хорошо ли вы задраились.

Изнутри ответили заливистым смехом. Зашёл в предбанник, в котором захотелось упасть и уснуть; дверь из предбанника отворилась сама с лёгким носовым посвистом; прошёл в неё, осмотрелся, принялся. Темень, как в окопе, но всё равно лучше; ни стен, ни потолка, всё вокруг какое-то устремлённое ввысь, иллюминаторное и глубоко космическое: с мерцающими звёздочками и прошвыривающимися по своим делам долгопериодическими кометами, чьи тени, задевая иллюминаторы, наводят шорох в их утончённой прозрачности. Запах — известно какой: воды, выработанной из понятно чего; дух неуловим, но не мною, человеком-кротом.

— У вас. Очень. Мило.

КАКАЯ-ТО. Спасибо, Егорыч. Это я сегодня прибралась. Прибралась, — и вот он вы, первый за всё время существования форпоста предстоящего полёта... который никогошеньки почему-то не интересует. Где мы только ни рекламировались, Егорыч, — результат один: никого. Грустно так, что волосы выпадают... Вы уж простите моё возбуждение, но вы — наша и лично моя вера и надежда.

— Ага. Но тогда мне понадобится скафандр, правда? Да и просто переодеться не помешало, ведь одёжка на мне... не моя.

КАКАЯ-ТО. Вижу, сочувствую, достаю, нате.

— Размер мой?

КАКАЯ-ТО. Ваш, Егорыч. Ваш, чей же ещё. Давно вас ждём; предусматривали, готовились.

— Простите, что задержался: неотложные шанцевые дела... Если можно, отвернитесь, пожалуйста.

Сбросив дамское, я натянул скафандр, и он сразу стал моей второй кожей. Больше не сниму, подумал я. Ни за что. Разве что захочется выйти голым в открытый космос. А так — твёрдое и решительное НЕТ. Только попробуйте снять его с меня, напоив самогоном, сержанты Кулюкин и Сейфуль-Мулюкин!..

КАКАЯ-ТО. Подошёл?

— Только попробуйте снять его с меня Какая-то :-)!

КАКАЯ-ТО. Боже мой, как же я рада. (*Обернувшись — и увидев.*) Только, пожалуйста, не запикивайте в него обрез... Ой, извините, я, наверное, рано повернулась... В кого вы ТАМ собрались стрелять, Егорыч? В свет звёзд? в парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена?.. А это... неужели штык? А шлем вы с какой радости напяливаете? Зачем он вам сейчас?

— Шлём? Увлёкся. Испугался. Снимаю. Остальное можно оставить? Уж очень на душу легло.

КАКАЯ-ТО. Обрез. Штык.

— Ну как же... Неужели не понятно? Я хочу попасть на корабль и улететь, ибо только это меня утешит. Для чего взял с собой упомянутое вами огнестрельное и холодное оружие, чтобы, напугав вас, заставить принять решение в мою пользу. Чтобы, если кто спросит, а кого это ты ведёшь на корабль, вы отвечали с правильной жизнерадостностью: «Как кого? Единственного человека, который достоин этого полёта и в честном соревновании обошёл на три с половиной корпуса сотни других неплохих претендентов», потому что ничего иного вы просто не сможете сказать, ведь штык, который я буду тайно держать в левой руке, будет тыкаться в ваши рёбра, а короткое дуло обреза Мосина, который я буду не менее скрытно держать в правой руке, будет направлено в ваше сердце, точнее, в его правый желудочек. Теперь до вас дошло, Какая-то?

КАКАЯ-ТО. Почему в правый?

— Он ближе всего руке Мосина.

КАКАЯ-ТО. Получается, мы взойдём на корабль в обнимку? Может, вы ещё и целовать меня намерены? А я вас?

— Если понадобится для убедительности. Охрана у корабля серьёзная?

КАКАЯ-ТО. Не знаю.

— Когда мы, охватив друг друга руками, подойдём, корабль уже будет на парах? Долго ему разогреваться?

КАКАЯ-ТО. Это вы к чему?

— Как быстро я взлечу, когда вы проведёте меня на борт?

КАКАЯ-ТО. А отпускать вы меня собираетесь?

— Вы меня сажаете, я запираюсь, вы сходите, отбегаете, я смотрю в иллюминатор, далеко ли вы, и, если пламя дюз...

КАКАЯ-ТО. Пламя дюз?

— ...вас не заденет, стартую. Отпускать собираюсь.

КАКАЯ-ТО. А если я, сойдя с корабля, дам своим сигнал?

— И они всё отрубят?

КАКАЯ-ТО. И вы не сможете взлететь.

— Тогда мы унесёмся отсюда вместе. Посадив меня в корабль, вы юркаете следом, мы запираемся — и уютю.

КАКАЯ-ТО. Уютю?

— Линяем.

КАКАЯ-ТО. А я этого хочу?

— Вам придётся... захотеть. Наверное.

КАКАЯ-ТО. А если у меня другие планы? Вы хоть представляете, как долго вы будете летать?.. Нет, «летать» — это неправильно. «Летать» предполагает некое конечное приземление... Как долго вы будете лететь?

— В общих чертах. Окапывание в течение двадцати четырёх лет оставляет мало времени для досуга, но я, в отличие от моих товарищей, в свободное время не фотографировался возле мёртвых лошадей, которые потом шли в кашу, а считал. И вот что у меня получилось: если ускориться, вовремя скривив путь и скостив гравитацию (потом я расскажу, где и как), через двести девяносто лет мы с вами доберёмся до [Облака Оорта](#), после чего, вдоволь нащупавшись комет и отправив домой все собранные данные, рванём дальше. Веков через тридцать мы покинем Облако, и...

КАКАЯ-ТО. Егорыч, милый Егорыч...

— Чего?

КАКАЯ-ТО. С днём рождения вас.

— Ага.

КАКАЯ-ТО. Не против подарков в день рождения?

— Я по ним истосковался.

КАКАЯ-ТО. И вы их получите, но с одним условием: обреза и финку... пожалуйста, вынесите за дверь: не за эту, в шлюзовой... в предбаннике их не оставляйте... а за следующую. Просто положите рядом, и они... с ними что-нибудь сделается. Ладно?

— А с собой взять нельзя? Штыком можно вскрывать консервы. На прикладе обреза можно вырезать штыком барельеф Мосина...

КАКАЯ-ТО. Вынесите их.

— Нет.

КАКАЯ-ТО. Почему?

— Я выйду, а вы потом мне не откроете.

КАКАЯ-ТО. Открою.

— Не откроете.

КАКАЯ-ТО. Да открою я.

— Не откроете.

КАКАЯ-ТО. Тогда мы вынесем их вместе.

Хлопнув в ладони и взяв не без брезгливости штык, она вышла в предбанник и поманила меня за собой. В предбаннике я опять захотел упасть и уснуть, но Какая-то, новым хлопком затворив за мной дверь, толкнула меня вперёд, к коридору. Дверь в него я открыл ногой и, оставаясь в предбаннике, выбросил наружу обрез Мосина. То же самое она сделала со штыком. После чего мы вернулись назад. Кстати, в коридоре было тихо, хотя, когда я там обретался, народ шастал как заведённый, и не только санитары. А оружие упало, словно в вату, а не на гулкий кафель... А ещё она, вернувшись, натянула на себя скафандр. А это знак. Знак, не так ли?

— Получилось.

КАКАЯ-ТО. И вы снова здесь.

— А теперь подарок?

КАКАЯ-ТО. Конечно, Егорыч. Берите теннисный стол сзади, я возьму его спереди, и мы выволочем его вон.

— Это и есть подарок?

КАКАЯ-ТО. Потом мы вынесем письменный стол. За ним — слесарный верстак. Уж не знаю, как мы его вытащим, — он тяжеленный. С остальным попроще: вешалка, канапе, кресло, стулья. Всё — долой.

— Это и есть подарок?

КАКАЯ-ТО. У нас ТОЖЕ перевес, Егорыч. И — это и есть подарок.

— А предбанник — это что же... шлюзовая?

КАКАЯ-ТО. Смекалистый :-).

— Вот это ПОДАРОК! Слава тоже перевесу!! Поцелуемся?

КАКАЯ-ТО. Нет.

— Почему?

КАКАЯ-ТО. Потому что я не лечу.

— Почему?

КАКАЯ-ТО. Потому что летите вы.

— Что мне тут и там делать одному?

КАКАЯ-ТО. Выживать. Вы двадцать четыре года окапывались — и целенький, даже умом не повредились.

— Не совсем повредился.

КАКАЯ-ТО. А я так не умею. У меня не выйдет. Я обязательно вскрою вас консервным ножом, когда вы захотите выйти голым в открытый космос.

— Зачем мне это?

КАКАЯ-ТО. Захотите-захотите. Увидите кометку — и захотите пристать, и заголитесь, чтобы сделать селфи на ее поверхности.

— Для чего?

КАКАЯ-ТО. Чтобы в «Фейсбук» выложить.

— Разве в нём можно голым?

КАКАЯ-ТО. Через триста лет всё будет можно.

— А зачем же вы так вырядились?

КАКАЯ-ТО. Как я вырядилась?

— Скафандр нацепили.

КАКАЯ-ТО. Сама не знаю. Само получилось. Захотелось примерить.

— Вам идёт.

КАКАЯ-ТО. Правда? *(Подходит к зеркалу.)* Да... вполне.

— Ваш, ваш размер.

КАКАЯ-ТО. Господи, мы же зеркало не вынесли.

— Вынести? Я быстро.

КАКАЯ-ТО. Зачем нам там зеркало?

— Я не знаю. Иногда всматриваться.

КАКАЯ-ТО. Раз в сто лет. Или чаще...

— Лучше чаще, чтобы узнавать себя.

КАКАЯ-ТО. Тогда оставим его?

— А перевеса не будет?

КАКАЯ-ТО. Перевеса уже нет. Часы *(смотрит на ручные часы)* после верстака помалкивают...

— А где я буду спать?

КАКАЯ-ТО. На полу. Где-то была пара циновок...

— А вы?

КАКАЯ-ТО. На командирской кушетке.

— Вы командир?

КАКАЯ-ТО. Сомневаетесь? Сами хотите?

— Нет, никаких сомнений. Не хочу.

КАКАЯ-ТО. У меня две подушки. Одна, выходит, лишняя, то есть ваша.

— Благодарю.

КАКАЯ-ТО. Одна перьевая, другая — с гречечкой. Какую хотите?

— С гречечкой, если вы не против.

КАКАЯ-ТО. Зря. Перо лебяжье. То есть пух.

— Люблю гречку.

КАКАЯ-ТО. С молоком или топлёным маслом?

— Забыл уже. Двадцать четыре года не ел.

КАКАЯ-ТО. Бедненький.

— Командир, а что надо делать, выживая? Какие у меня обязанности?

КАКАЯ-ТО. Раз в сутки нажимать на кнопку, чтобы тут знали, что всё в порядке, все живы, никто никого не вскрыл консервным ножом :-)...

— И не вышел в космос без скафандра :-). Что-то ещё?

КАКАЯ-ТО. Смотреть в иллюминатор. Записывать в бортовой журнал.

— Долго смотреть?

КАКАЯ-ТО. Сутки через трое.

— А ночью?

КАКАЯ-ТО. Ночью ничего не видно. Всё спит.

— Но всё равно смотреть?

КАКАЯ-ТО. Так смена же.

— А зачем смотреть?

КАКАЯ-ТО. Чтобы не пропустить ничего интересного.

— Выходные есть? Праздники бывают?

КАКАЯ-ТО. По особым распоряжениям с Земли.

— Это же каторга.

КАКАЯ-ТО. Это выживание.

— А сон? Нельзя ли бухнуться в этот... как его... киношный... кибернетический сон?

КАКАЯ-ТО. Гибернетический. Нет, в спячку нельзя, Шарик наблюдению в иллюминатор не обучен.

— Какой ещё шарик?

КАКАЯ-ТО. Собачка. С нами летит собачка. Это традиция. Шарик, выйди. (*Откуда-то выходит Шарик.*) Шарик, взглядишь в Егорыча и ответь мне на вопрос: он не подведёт? он сумеет выжить?

Сев напротив, Шарик не сводит с меня глаз. Спустя минуту, сообщает на хорошем нашем: «Не подведёт. Сумеет». Какая-то вздорно уточняет: с чего это ты, мол, взял? дескать, мне он не кажется таким уж Германом Титовым, на что Шарик отвечает гордо и даже независимо: «Потому что я так сказал».

— А, так это робот.

КАКАЯ-ТО. Естественно. Ни одна собака столько не протянет.

— А как будем развлекаться, командир?

КАКАЯ-ТО. Танцы.

— Танцы?

КАКАЯ-ТО. Зато в изобилии. На борту находятся все грампластинки планеты. Мы ещё с вами утанцуемся, Егорыч.

— А что мы будем есть? Ну, помимо шелухи из моей подушки, когда настанет голодуха.

КАКАЯ-ТО. Любите квашеную капусту?

— Не очень.

КАКАЯ-ТО. Где-то там (*показывает вниз*) есть отсек, в котором от бочек с нею рябит в глазах.

— А такого же отсека с винными бочками нет?

КАКАЯ-ТО. Нет.

— Сухой закон?

КАКАЯ-ТО. Ну отчего же. Всегда можно откачать из ДУ «шила» и настоять его на репчатом лучке. Потрясающее питьё.

— Я бы предпочёл фалернское.

КАКАЯ-ТО. Каждому своё, но пить мы будем только луковую, Гораций.

— Гораций?

КАКАЯ-ТО. Вам, кстати, нужен позывной.

— А у вас какой?

КАКАЯ-ТО. Константин.

— Тогда я буду Эдуардычем? Можно?

КАКАЯ-ТО. Можно, Эдуардыч.

— Ну что, Константин, вы летите?

КАКАЯ-ТО. Я ещё не решила.

— А когда решите?

КАКАЯ-ТО. Над Марсом... Я ещё думаю, Эдуардыч. Если передумаю, прыгну над Марсом. Там очень хорошие колонии, приютят. Вам ли не знать... Кстати, вы как были почемучкой, так им и остались.

— Спасибо!

КАКАЯ-ТО. Господи, я забыла...

— Что вы забыли, Константин?

КАКАЯ-ТО. Таблетки от укачивания.

— Вас укачивает?

КАКАЯ-ТО. Очень.

— И что будем делать?

КАКАЯ-ТО. Без таблеток я не полечу.

— А я без вас.

КАКАЯ-ТО. Тогда дуйте в аптеку.

— Откроете, когда вернись?

КАКАЯ-ТО. А вы как думаете?

— Я всё ещё не уверен в вас, командир.

КАКАЯ-ТО. Марш в аптеку, неуверенный космонавт. И возьмите побольше. Выгребите у них всё. А если у них мало, дуйте во вторую и третью. Без вещмешка таблеток не возвращайтесь.

— Я понимаю, командир: полёт долгий. Есть бежать в аптеку. А можно ящик фалернского за ваш счёт купить?... Кстати, командир... а другой опции у кнопочки нет?

КАКАЯ-ТО. Не понимаю, о чём вы, космонавт.

— Ну, может, и хорошо, что нет и не понимаете...

То, что было дальше, знает каждый житель Земли, ибо наш старт транслировали все радиостанции (вообще все, даже самых завалящих диапазонов, даже школьные и детсадовские). Командир, позывной Константин, сказала: «Поехали». Часть дома, не являющаяся ракетой, отъехала по рельсам на безопасное расстояние. Командир сказала: «А теперь, придурок, быстро надень шлем. Почему ты ещё не надел его? Разве ты не слышишь, Эдуардыч, как гудят дюзы? А если тебе заложило уши, выгляни в иллюминатор». Я, космонавт с позывным Эдуардович, выглянул в иллюминатор и увидел, что мы вот-вот оторвёмся от земли. «А шлем, дубина?» — подсказала Константин. На что я ответил: «Есть надеть шлём» и надел шлем безо всякой помощи. «А теперь, — скомандовала командир, — пристегнись к стенке корабля ремнями. Там есть ремни. Неужели всё надо подсказывать...» После чего я нащупал ремни, пристегнулся, и мы поехали.

G5++

Кикибола

ПОВОДЫРЬ (*пространство, в котором он находится, щупая, трогая, указывая, в общем, прохаживаясь, уже заполнено исполнителями и готово к действию, но, когда он представляет его, оно превращается в единую «морскую фигуру»: замирает*). Что делают... делается с женщинами, выходящими сегодня, завтра и впредь утром из дому? — То, что не делается с мужчинами, выходящими из дому поутру: дам, дамочек, барышень, девушек, девочек, старушек канализируют, сиречь по зафлаженной тропинке направляют в точку сбора — и вежливо просят. Ну, сначала вежливо.

Двор, а то и квартал, разумеется, уже оцеплен. Первый, внешний, ряд — оцепление обычное, щадящее, из бывших мальчиков, которым иной раз не жаль даже сигаретки, если у вас зачумлённый вид. Говорят: «Нате, покурите, полегчает». — А в ответ невежливое: «Я не курю, пацан». Разве так можно со вчерашними мальчишками? Что они о вас подумают?.. Второй, внутренний, ряд, — тёртые кирзовые калача, выстукивающие мясницкими топорами о реквизированные тазы и кастрюли сложные произведения нагнетающего ритмического искусства. Третий же ряд, самый близкий к канализированным дамам и девам, — сплошь бывшие артисты цирка, иногда даже засл. и нар., постреливающие остратки для из арбалетов и луков по тем, кого из-за вздорной сиюминутной строптивости поставили к

специальной деревянной стенке, и постреливающие так близко к абрису поставленной, что аж хочется аплодировать. Яблоко? — Не сезон, да и какой уж год не уродились, а то бы уже стояло на голове самой беспокойной и манило к себе стрелу... Плюс один очень меткий метатель ножей. Ну и оторванный от похорон мужской оркестр. Хотя какое он оцепление? — он наяживает туш без конца и края, когда женские кривые в точке сбора срываются в пики. Или в обратное пике? Как вернее?

У мужчин на выходе из дому спрашивают простенькое: «Мужик, ты мужик?», бегло осматривают и отпускают, вежливо провожая: «Да катись ты уже, чего встал...»

В этом смысле (интересно, в каком это «этом»...) повезло — но только в первое утро — крупным дамам и юницам-переросткам, ворочающим рельсы-шпалы на железной и свежесработанные отливки на литейных: они неотличимы от самцов, у них в плечах понятно какая сажень, голоса их или пропиты, или надсажены бесконечным рабочим матом. «Ты мужик, мужик?» — «А то ты не видишь, сволочь оцепительная...» А также тяжелоатлетки: прошли в ус не дуя, невольно выдав себя за. Им ещё аукнется? — Ну а почему нет.

Вчера, кстати, не канализировали (и ничто, кстати, не предвещало), а сегодня уже канализируют. Так бывает? — Всегда, ибо вчера, наверное, было рано, а сегодня поутру — как раз и даже, если разобраться, «уже опоздали: накануне надо было...»

В точке сбора, а это в общем случае двор дома-нескольких, стоят (и когда только успели) большущие экраны со вседержителем на прямой связи. Небожитель сидит перед экраном на своей тайной стороне — и всё-всё видит, лицезря происходящее этим утром в каждом божьем дворе. При этом фюрер... барин... сам Сам теребит кого-то за ухо (видно, увы, только ухо, а слышно лишь «ми-ми-ми», но это могут быть помехи), вертится, откровенно позёвывает (из-за разницы во времени и пространстве?), сучит ручками и жуёт губки, выдавливая из себя междометия, которые, будучи универсальным средством общения, один раз из трёх

попадают в точку. Во дворе, допустим, ничего не происходит, все дамы исполняют то, о чём их галантно попросили, и фюрерское «натюрлих» как никогда к месту, потому что терпеть такую скуку столь вежливо может только титан. Или вот арбалетчик угодил стрелой под мышку, ничего, разумеется, не повредив в дамочке, и саваофовское «вау», или «ух ты», прекрасно разряжает обстановку в данном дворе, хотя в другом, возможно, что-то провоцирует, будучи неверно понятым обеими сторонами. Набор междометий столь велик, а запись закольцована так далеко (говорят, это случается между грубоватой ефрейторской аббревиатурой ЁПТМ и ласковым подростковым восклицанием «фигасе»), что некоторые дамочки даже аплодируют самым удачным «репликам» вождя. Не говоря уже о тех серьёзных гражданках, которые пришли сюда работать, то есть подпевать и агитировать по долгу службы: каждое «ой, ё» они встречают слезами радости, чем способствуют.

Итак. Вежливо просят.

И, да, грузовики тут же, во дворах. Женщин у нас много, поэтому грузовики полны.

Вежливо просят переодеться. Ну как переодеться... Всё-таки не совсем переодеться: если дама одета по погоде, а сегодня холодно, а значит — на ней шуба, тулуп, пальто, — то даму обходительно просят натянуть поверх шубы и пр. одёжку до пят по имени *о́хабень*, ударение, если забыли, на «о», потому что у него, у *о́хабня*, очень длинные рукава, которые при случае можно завязать узлом, то есть смирить. Если *о́хабни* кончаются, за ними отправляют к грузовику, и солдатики возвращаются к месту раздачи с ОСО-тачками, полными новой красивой и функциональной одежды, насаждение... введение, разумеется, введение, которой освящено стремительным ночным законом, принятым бесповоротно во всех мыслимых чтениях. Вот почему в каждом дворе незримо, но вполне заметно присутствует сам Сам: закон о скорейшем переодевании дам №1 — его, лично его, неизгладимая ночная инициатива. Вот он и следит, чтобы всё прошло по его.

Но это — во-первых. А во-вторых дам наделяют (а если они кочевряжатся — на них напяливают, как сказано в законе) кикиболой с позатыльником и поднизью, свисающей до пояса и ниже и изготовленной вовсе не из бисера («Где взять столько бисера?» — вопрошает закон), но из очень полезной при гнусе, слепнях и белых мухах малопрозрачной густопсовой (так в законе) волосяной/шерстяной сетки, поднимать/откидывать которую допускается «только в четырёх стенах места прописки при умывании, омовении и в постели с мужем».

Вот, собственно, и всё. Конец первого действия. Антракт, во время антракта танцы живота в фойе нашего ДК, пиво не даром, но по ценам 1960 года.

Шутка.

И на девочек тоже? «Ну, — чеканит единственно верные слова скоропостижный закон, — лет до тринадцати пусть походят так, то есть без кикиболы и прочего барахла, чтобы можно было полюбоваться, если, конечно, есть на что любоваться. А там — по обстоятельствам. Короче, иной раз кикибола не помешает и малолетке, то есть до тринадцати».

Ну и, само собой, киношники, но без дам, тоже тут, в каждом дворе: снимают кокошники и пр. шмутки, нацелившись на, как указал Сам в приложении к закону, красивый видовой фильм о наших умелых и смекалистых бабах, готовых на всё.

А третий пункт закона носит рекомендательный характер: «Буде кому из раздающих одежды солдатушек не понравится поведение бабы, он, понукаемый собственным усмотрением, запросто может напялить на нижние конечности брыкливой лапти-берестянки, в каковых она будет обязана ходить по гроб жизни. Ибо сама, дур-р-ра, виновата».

В любой точке сбора женщины сами, без понуканий и рукоприкладства, поделились на три самобытные категории. Несообразительных женщин, так и не понявших сразу, к чему всё это, где прикладами, где собаками ставят в очередь за охабнями и кикиболами. Сообразительные, бы-

стренько нарядившись (всё-таки форма у них теперь красивая, что бы вы там о ней ни думали), выдворяются прочь. Упёртые же — сродни овцам: сбились в точке сбора в отару и, гм, выступают. Довыступаются, правда же?

И (не хотелось об этом сразу, а теперь — пора): к охабню сзади, на спине бабы, но под позатыльником, чтобы читалось и радовало, намертво цепляется инфовышивка (вышивают тут же: машинки стрекочут — ужас) с пятым пунктом носительницы, её имечком, годом рождения, семейным положением и неким натуральным числом, отделённым от другого числа косой линией. Вот как это выглядит: 3/10. «3» здесь — это отметка, выставленная носительнице солдатиком, который раздаёт вышеупомянутые наряды: если носительница выкобенивалась, солдатик ставит ей, например «семёрочку»; если была шёлковой — 0. Таким образом, получаются комбинации 7/10, 0/10 и т. п., которые имеют смысл, чётко разжёванный в законе: «Первая цифра означает количество ударов чем бы то ни было, но лучше голой рукой в ухо, которое носительница охабня и кикиболы может получить беспричинно от любого уличного прохожего мужского рода. Вторая цифра не означает ровным счётом ничего». Впрочем, ни о чём таком дамы пока не знают...

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10 (*стоит в очереди за кикиболой и охабнем; невероятно возбуждена, наслушавшись радио в телефоне*). Люди, дамы, женщины, да девочки же! Тут что-то странное, тут что-то невозможное сообщают. Причём повторяют это безостановочно, снова и снова. Вот (*включает передачу на полную громкость; вся точка сбора замирает, как будто в ней появился Поводырь*).

«Товарищи! Этой ночью на нашем с вами Солнце произошло нечто немыслимое: вспышка чудовищной, можно сказать библейской, мощи. Более сильного взрыва на светиле НЕ БЫЛО НИКОГДА. Кроме того, эта устрашающая вспышка произошла в зоне прямого воздействия на Нашу Страну. Повторяем: не вблизи и не около линии Солнце — Наша Страна, как это бывает всегда, но строго на ней. Продукты взрыва, товарищи, с ошеломляющей скоростью

летят прямо в наш лобешник. И это, увы, тоже впервые. Активная область светила сейчас полностью залита излучением. Не видно даже деталей события. Зато со стопроцентной уверенностью можно сказать, что этот адский взрыв запускает вторичные и не менее ужасающие взрывы в соседних областях светила, находящихся от него на удалении Московской и Тульской областей, что требует невообразимой энергии. По сути, одной титанической вспышкой сейчас охвачен весь центр Солнца. Даже так: всё Солнце, дорогие товарищи, включая его обратную сторону. В окрестностях Нашей Страны уже регистрируются беспрецедентно высокие — зашкаливающие — плотность и температура плазмы, превышающие обычные в сотни, если не десятки тысяч раз, а также очень, очень, очень, мягко говоря, большие значения индукции магнитного поля, находящиеся на уровне исторических пиков... простите, исторических пиков. И это только начало: в ближайшие часы и сутки Нашу Страну ждёт экстремальный удар магнитной плазмы, чью мощь можно оценить немыслимым доселе значением G5++. Такого не бывает, но это вот-вот произойдёт и уже случается».

Девочки, я выслушала это три раза подряд, и мне стало дурно (*падает в обморок; подошедший солдат пинает её, чтобы выяснить её физическое самочувствие*).

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Кто передаёт этот ужастик? Уверена, это — вражеская радиопостановка.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10 (*очнувшись на время; с некоторой обидой*). Этот, как вы сказали, ужастик передаёт наша Академия наук (*отключается снова*).

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Ой, женщина, у меня муж доктор наук, но я, простая продавщица, на счётах считаю лучше его.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Чем торгуете?

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Кокосовыми орехами. В любое время года, в любую погоду. Самые свежие орехи в нашей богоспасаемой местности. Берёте пять — отдаю по цене трёх. Посчитать вам в уме экономию?

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Пробовала. Такая изжога от них. Вплоть до заворота кишок.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Я так опаздываю, так опаздываю. Вы знаете, кто я, товарищ майор? Вам же потом, солдафон, икаться на гауптвахте будет. Можно мне без очереди? Я не против ваших армяков и накомарников, но — очень спешу. И — не стоять же мне с этими хабалками.

КАПИТАН. Я вас вежливо попросил встать в очередь по стойке «смирно» и не питюкать, а вы? Выкомариваетесь. (*Обращается к солдату рядом.*) Рядовой, выведите эту с точки сбора и расстреляйте в подворотне на глазах у гопников и на ушах всех этих.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Майор, я же пошутила.

КАПИТАН. Отбой, рядовой. Выведите её с точки сбора и расстреляйте (*шепчет, веселя рядового*) холостыми.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Майор, где с вами можно поцеловаться, чтобы продолжить решение нашей маленькой проблемы?

КАПИТАН. Рядовой, выведите эту из очереди и поставьте в конец. И пусть она будет в конце до самого конца, пока не опустеет грузовик со шмотками. И пусть ей достанется всё самое потёртое и безразмерное. (*Обращаясь к Несообразительной.*) Я подойду к вам, дамочка, когда хоть немного освобожусь.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Майор, даже после этого спать с вами я всё равно не буду. Майор, ну не тупите вы так! Вы отвернётесь, и я тут же сделаю это с вашим ефрейтором, и он переместит меня в начало очереди, и вам ничегошеньки не достанется.

КАПИТАН. Рядовой, я передумал, я пристрелю её сам. (*Уводит Несообразительную с точки сбора, вещая в мегафон.*) Рядовой, остаётесь за главного, пока я не найду подходящую стенку. А когда услышите выстрелы, прикажите всем — всем, а не только нашим, то есть и бабам тоже, — молиться за упокой. А если не будут молиться, стреляйте на поражение, предупредив три раза. (*Рядовой вытягивается во фрунт и кричит на весь двор, пугая даже голубей, с инте-*

ресом наблюдающих за происходящим из ближайшей лужи: «Есть на поражение!» Капитан уводит Несообразительную.)

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10 (на ходу). Капитан, я такая виноватая перед вами. Я никуда не спешу. Я вздорная падшая женщина, возомнившая себе бог знает кем. Можно я встану в самый конец очереди и не выйду из него до самого конца? А ваш рядовой проследит за моим поведением и, если я ещё раз посмею себе что-нибудь этакое, полюбит меня тут же.

КАПИТАН (останавливается). Только накройтесь парой тряпок из грузовика, а то мне будет стыдно за него перед личным составом.

НЕСООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Ефрейтор, ты слышал подполковника? (Поднимает руки вверх.) Исполни. Веди меня в самый конец, зайка. Только дуло в спину упри, чтобы девочки завидовали.

Помрачение, во время которого тускло-экранный сам Сам произносит что-то вроде «брикикекс», и кто-то отчаянно мимимикает, вероятно, пытаюсь передразнить Самого, за что получает подзатыльник, потому что идентифицировать иначе этот характерный звук — нельзя, не получится, как ни старайся.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-0/10 (уже обряженная, стоит в конце длинной змеистой очереди на выход с точки сбора). А что будет, если я, вопреку, сниму ваш зипун? Если в метро скину его на руку? Или в трамвае — на другую? Или, зайдя в кафе, чтобы откушаньки круассанчик, кокошничек в сторону отложу, а потом, откушавши, тут же надену, а?

ЛЕЙТЕНАНТ (подгоняя выходящих). На выход, на выход... А будет то, что вас застукают и препроводят, ибо у нас везде-везде глаза и уши, если вы вдруг, сняв... как её... кикиболу, обругаете её или оскорбите её жестом. А препровождённая трижды — это уже (смотрит на Сообразительную)... Поворотитесь-ка спиной, мадам (та показывает спину)... Это уже Нашáушвиц.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-0/10 (на ходу). Нашаушвиц?

ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, лагерь, только не совсем пионерский и с печами, но не для булочек с кофе.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-0/10 (приостанавливается, задумавшись). А в уличных туалетах вы тоже всё видите и слышите?

ЛЕЙТЕНАНТ. А вы не ходите в них. Терпите. Приспосабливайтесь. До свидания, счастливого дня.

СЛУЖАЩАЯ-1 (как и все ошивающиеся тут Служащие, в охабне и кикиболе). До свидания, подружка! Подружка, поменьше жидкости в течение счастливого дня! Этого и следующих!

СЛУЖАЩАЯ-2. Выше нос, подружка! Нам с тобой такую красивую одежду выдали!

СЛУЖАЩАЯ-3. А главное — бесплатно!

СЛУЖАЩАЯ-4. Мы и мечтать о такой не смели!

СЛУЖАЩАЯ-5. Все мужики теперь наши!

СЛУЖАЩИЕ (хором). Наши! наши! наши! (Сбиваются в круг и поют-пляшут.) Канает мент, по бану лавиру́я, / где ширмачи втыкают налегке, / он хочет повязать их, но менжует: / «Ах, как бы шнифт не выстеклили мне!»

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10 (кричит Лейтенанту из середины очереди на выход). Начальник, а если я, допустим, артистка стриптиза, как теперь быть?

ЛЕЙТЕНАНТ. Стриптизёрша? Ничего себе. Никак, если вас нет в списках. Будете выступать в охабне и кикиболе. Что уж тут поделаешь...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. А что под ними? Ничего? Так можно?

ЛЕЙТЕНАНТ. Это уж как вам угодно. Наверное. Инструкций ещё нет. Или нам просто не успели раздать. Всё так стремительно...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. Как я вам в кикиболе, лейтенант?

ЛЕЙТЕНАНТ. Как все.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. А теперь представьте меня в кикиболе на шесте, лейтенант.

ЛЕЙТЕНАНТ. Представил.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. И?

ЛЕЙТЕНАНТ. На шесте вы мне не очень, хотя я никогда не видел шеста.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. О чём я и говорю. В кикиболе! Кому такое понравится!.. А в каких списках меня нет? Вы говорили о списках.

ЛЕЙТЕНАНТ. В особых списках на разрешение не носить.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. А вдруг я в них есть? Миленький подполковничек, проверьте, пожалуйста, ваши списочки!

ЛЕЙТЕНАНТ. С удовольствием. Ваше имя?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. Сообразительная-1/10.

ЛЕЙТЕНАНТ *(обращается к солдату)*. Сержант, поищи артистку. *(Сержант перелистывает этаким грассбух, ничего не находит, качает головой.)* Нету вас, барышня.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-1/10. Почему? Ведь у меня такая профессия...

ЛЕЙТЕНАНТ *(пожимает плечами)*. Наверное, батя... командир ходит в другой стрип-клуб. Мне жаль... Проходим, проходим, полностью экипированные, на выход, не задерживаемся...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-2/10. Офицер, я хирург. У вас опухоль мозга. Вы в моей операционной. Как мне вас резать в этом балахоне и в этой... сетке пчеловода?

ЛЕЙТЕНАНТ *(смущённо улыбается)*. Вы прям скажете... Опухоль... У лейтенантов ничего такого не бывает. Опухоль мозга. Вот вы загнули, доктор.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-2/10. Это у генералов уже не бывает, а у лейтенантов — у каждого второго, если этот второй думает или хотя бы решает кроссворды... Но зубы-то у вас есть, человек с двумя звёздочками?

ЛЕЙТЕНАНТ *(смешливо открывает рот, запускает в него палец)*. Есть. *(Хохочет.)*

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-2/10. Вам смешно? А зуб, который надо залечить или вырвать, тоже будет ухохатываться?

ЛЕЙТЕНАНТ *(разводит руками)*. Зубу будет грустно.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-2/10. Что б у вас все зубы рыдали, солдатик...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Лейтенант, можно вас?

ЛЕЙТЕНАНТ. Нет. А что такое?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Я совершенно точно есть в ваших списках. Я тут случайно, я была у подруги, я живу там, где ничего подобного сегодняшнему... переодеванию быть не может.

ЛЕЙТЕНАНТ. Назовите имя.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Сообразительная 3/10.

ЛЕЙТЕНАНТ. Сейчас, мадам... через мгновение всё выяснится. *(Отнимает у сержанта списки, листает, мрачнеет.)* Вы есть. А мы виноваты. Но вы тоже... могли бы заранее...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Меня не могло не быть.

ЛЕЙТЕНАНТ. Что мне сделать, чтобы вы забыли об этом происшествии?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-3/10. Будем считать это приключением, а не происшествием. Помогите снять это крестьянское. Потому что сама я не смогу: вы выдали мне не тот размер. А потом я отхлещу вас по щекам. И, если мне не понравится то, что сделаю, я доложу о вас мужу.

ЛЕЙТЕНАНТ. Пожалуйста, не докладывайте. *(Удручённо снимает с Сообразительной кикиболу и охабень.)* Я готов. Бейте. *(Сообразительная отвечает первую пощёчину.)* Мало, слабо. Умоляю, сильнее. Пожалуйста, до крови. *(Следует ещё несколько пощёчин, после чего Сообразительная вытирает руки о мундир Лейтенанта и уходит под крики других Сообразительных: «Эй, ты куда? Ты почему, дрянь, разделась? Кто тебе разрешил? А ну стоять! Как вам не стыдно — показывать всем свои волосы! своё лицо!..»)*

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. А мне можно?

ЛЕЙТЕНАНТ. Что «можно»?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Представиться.

ЛЕЙТЕНАНТ. Чего?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Я ваша первая учительница, Лейтенант.

ЛЕЙТЕНАНТ (после неловкой паузы). Нина Григорьевна? Неужели вы?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. «Неужели» я, Петя. Первых учителей в ваших списках нет?

ЛЕЙТЕНАНТ. Конечно, нет, Нина Григорьевна.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Значит, твоего Коленьку я буду учить в этом всём (показывает на одеяние). И это хорошо, потому что ему не будет стыдно, когда мы случайно встретимся на улице: ведь он меня никогда не увидит. А голос... голос в этой парандже уже не мой...

ЛЕЙТЕНАНТ. Нина Григорьевна, не надо так.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. А как надо?... И кто же занесён в эти ваши списки? И кем занесён, товарищ Лейтенант?

ЛЕЙТЕНАНТ. Жёны и любовницы генералиссимусов и фельдмаршалов занесены. Генеральские тоже там.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. А полковничьи?

ЛЕЙТЕНАНТ. Только некоторые. Принадлежащие правильным полковникам. Остальным званиям не положено.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Стало быть, твоя Маша...

ЛЕЙТЕНАНТ. Да, она тоже здесь, но я её ещё... не видел, то есть не слышал. Надеюсь, она шепнёт мне, что это она...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. И что тогда, лейтенант?

ЛЕЙТЕНАНТ. И мы обнимемся.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. И ты попадёшь на камеру. И на тебя наложат взыскание. И, если оно не первое, тебя сошлют ставить в очередь зэчек на урановой шахте... Кто ещё, Петя?

ЛЕЙТЕНАНТ. Экскортные... простите... девушки из рейтинга Топ-100.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Есть такой рейтинг? Много же их.

ЛЕЙТЕНАНТ. Я бегло пролистал, но главы «Любимые артистки», «Истребительницы», «Бомбардировщицы», «Космонавтки», «Любимые гимнастки» в глаза сразу бросились.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. А почему нет танкисток?

ЛЕЙТЕНАНТ. А что им в танке без кикиболы делать?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Резонно... А космонавткам за что такая «честь»?

ЛЕЙТЕНАНТ. Они наводят, Нина Григорьевна.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Бомбардировщиц?

ЛЕЙТЕНАНТ. Полагаю.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Надо же.

ЛЕЙТЕНАНТ *(виновато пожимает плечами)*. И — родственницы начальников.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Близкие?

ЛЕЙТЕНАНТ. Наверное, нужные.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Между прочим, я троюродная сестра одного штабного полковничка...

ЛЕЙТЕНАНТ. Наверное, вы не очень нужная троюродная сестра. Но я всё-таки посмотрю в нашей книжке...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Не утруждайтесь, Лейтенант. Даже если я ему НУЖНА, мне это НЕ НУЖНО.

ЛЕЙТЕНАНТ. Ладно. Ладно, Нина Григорьевна... Нина Григорьевна, мы и сами обо всём узнали лишь под утро... Простите. Здоровья вам. Ещё увидимся.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-4/10. Никогда мы больше не увидимся, Петя.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Лейтенант, хватит нюнить. *(Шепчет.)* Вас что — не предупредили?

ЛЕЙТЕНАНТ *(шепчет)*. О чём?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. О тех, кого нет в списках, но всё равно не подлежащих этому вашему обарахлению.

ЛЕЙТЕНАНТ. Этому нашему обарахлению? О ком речь, девушка?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Нашёл девушку! Я майор, и я под прикрытием.

ЛЕЙТЕНАНТ. Сексотка?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Если вам так угодно, то — она.

ЛЕЙТЕНАНТ. А ксива какая-нибудь с собой есть, мадам?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Есть личный номерок, придурок.

ЛЕЙТЕНАНТ. Простите, неразбериха, первый день... И каков порядок? Что мне делать?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Я говорю вам, только вам, свою фамилию. Вы звоните *(передаёт Лейтенанту бумаж-*

ку) и называете мой номер, в ответ вам сообщают мою фамилию, и если она совпадает с той, которую я вам сейчас назову...

ЛЕЙТЕНАНТ. Я понял.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Бессамомучева.

ЛЕЙТЕНАНТ. Чего? Это фамилия? Бессамо...?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. ...мучева. Нет, это размер моего лифчика, идиот. Звони уже, а то меня вон те заметили (*показывает на группу дев без кикибол*). Могут догадаться. Отказницы.

ЛЕЙТЕНАНТ (*звонит, диктует номер с бумажки*). Бессамомучева. (*Обращается к Сообразительной.*) Они сказали: «Майор Бессамомучева», товарищ майор. (*Щёлкает каблучками.*) К вашим услугам. Помочь с... отказницами?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Ни в коем случае. Я тут ещё покручусь, а потом... распоряжусь. Ладно?

ЛЕЙТЕНАНТ. Так точно. А лицо так и не покажете?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Зачем тебе?

ЛЕЙТЕНАНТ. От меня жена уходит.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Ты не шутишь? (*Лейтенант хохочет.*) Ты дошутишься, Лейтенант... Ну, работай, я всё, я отошла. Но рубище и удушайка могли бы быть поуютнее... В удушайке ни черта не видно, Лейтенант. А рубище не даёт поднять ногу.

ЛЕЙТЕНАНТ. Я не виноват...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Нет, ты виноват, потому что ты Лейтенант. Где моя бумажка?

ЛЕЙТЕНАНТ (*разжимает ладонь*). Вот.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-5/10. Съешь её. Это приказ. (*Отходит.*)

ЛЕЙТЕНАНТ. Есть съесть. (*Комкает и глотает бумажку.*) Спасибо, было очень вкусно. Красивая у вас фамилия, майор...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Друг, эй, друг!

ЛЕЙТЕНАНТ. Вы мне, женщина?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я не женщина, я космонавт.

ЛЕЙТЕНАНТ. И зачем же вы отстояли такую очередь?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Такую вторую очередь. Затем что меня нет в списках.

ЛЕЙТЕНАНТ. Космонавтки — и нет? Вы же небось четырежды герой.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я тайно летаю.

ЛЕЙТЕНАНТ. Наводите, что ли?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я? Нет. Я — никогда. Я? Нонсенс. Миру — мир.

ЛЕЙТЕНАНТ. Не орите.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я шёпотом.

ЛЕЙТЕНАНТ. Этот шёпот теперь везде слышен.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я к Солнцу летаю.

ЛЕЙТЕНАНТ. И для чего же?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. «Икар», научная миссия.

ЛЕЙТЕНАНТ. А почему тайно?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Потому что наш «Икар» никому не нужен. И, если о нём узнают, могут наказать. А за что нас наказывать, если мы за свой счёт летаем, ни копейки у страны не просим: скидываемся, потихоньку продавая личное имущество, строим ракеты — и летаем. Между прочим, я ближе всех к Солнцу подобралась. И ухитрилась вернуться. Ракета — в хлам, а я целенькая.

ЛЕЙТЕНАНТ. А зачем надо к Солнцу подбираться?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Чтобы доказать, что Икар не выдумка, а реальное историческое лицо.

ЛЕЙТЕНАНТ. И к тому же женщина?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. И к тому же женщина. Спасибо, что спросили.

ЛЕЙТЕНАНТ. А мне доказать можете?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Вам ожоги показать?

ЛЕЙТЕНАНТ. Хотелось бы.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Без ожогов не поверите?

ЛЕЙТЕНАНТ. Не поверю.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Где мы можем уединиться? Я бы позвала вас в туалет, но вы их не поставили.

ЛЕЙТЕНАНТ. Извините. Аврал.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Тогда я разденусь прямо здесь.

ЛЕЙТЕНАНТ. И все будут смотреть только на вас.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. И тогда мне отсюда не вы-
браться вовсе.

ЛЕЙТЕНАНТ. Так точно.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Что же делать?

ЛЕЙТЕНАНТ. Покажите хотя бы ноги и руки.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. В машине.

ЛЕЙТЕНАНТ. В грузовике.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Ноги — не выше бёдер.

ЛЕЙТЕНАНТ. Договорились. *(Взяв Сообразительную под
ручку, не спеша отводит её к грузовику; обращается к води-
телю.)* Солдат, покури вне кабины три минуты. Нам с этой
дамой — она видный учёный — надо взять один интеграл.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10 *(в кабине)*. Не выше бёдер, вы
обещали. *(Оголяет ноги.)*

ЛЕЙТЕНАНТ *(в ужасе)*. Ничего себе.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я же говорила. Живого места
нет. Солнце, Лейтенант. Никого не щадит. Икаров особенно.

ЛЕЙТЕНАНТ. Я вас выведу. С такими ногами нельзя стоять.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Спасибо, Лейтенант. Вот мой
телефон. Если надоест лейтенантить, звоните. Нам нужны
разные Икары, даже мужчины.

ЛЕЙТЕНАНТ. Вот спасибо.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Я серьёзно.

ЛЕЙТЕНАНТ. Я подумаю... И куда вы теперь? И как вы
теперь?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. А что я... Мне ваше шмотьё
даже на руку... вернее, на ногу, а то ведь люди плачут, уви-
дев меня летом. А зачем мне это — их слёзы... А вот в пятый
раз я бы слетала...

ЛЕЙТЕНАНТ. Я не понял, мадам. Зачем тогда всё это? за-
чем вы мне ноги показывали?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Да откуда я знаю. Захотелось
— и ничего не смогла с собой поделать.

ЛЕЙТЕНАНТ. И выводить вас не надо?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-6/10. Ну уж нет. В третий раз я в
очередь не стану.

ЛЕЙТЕНАНТ. Ясно. (*Уводит Сообразительную с точки сбора; тут же возвращается.*)

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Лейтенант, окажите мне такое же внимание, как той, которую вы куда-то отвели и не вернули на место.

ЛЕЙТЕНАНТ. Ничего я никому.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Верно. А я ничего не видела. Лейтенант, я всемирно известная поэтка. Фамилию называть не буду, её и так все знают.

ЛЕЙТЕНАНТ. Тем более что она у вас на спине.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Ну да. Надеюсь, они вышли её без ошибок. Итак, я поэтка ААА-размаха-и-уровня.

ЛЕЙТЕНАНТ. Чего?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Сами слышали.

ЛЕЙТЕНАНТ. Никаких «поэток» в списках нет. Да и не знаю я, что это.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Это потрясающие стихи, Лейтенант. Любите стихи?

ЛЕЙТЕНАНТ. Чего?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Сами слышали.

ЛЕЙТЕНАНТ. Стишки?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. О да. Очень чувственные.

ЛЕЙТЕНАНТ. Типа?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. У меня нет с собой книжки, а то бы я подписала. «Дорогому Лейтенанту» и так далее.

ЛЕЙТЕНАНТ. Жаль.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Чего вам жаль?

ЛЕЙТЕНАНТ. Что вы не носите с собой книжки.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. А то бы что?

ЛЕЙТЕНАНТ. А то бы вы попытались всучить её. Не мне, так другому.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Всучить?

ЛЕЙТЕНАНТ. Потому что мне она не нужна.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Это почему же вам не нужна книжка с очень чувственными стихами ААА-уровня от самого творца столь чувственных стихов?

ЛЕЙТЕНАНТ. Чего?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Сами слышали.

ЛЕЙТЕНАНТ. Стишков?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Я бы их так не называла. ААА-уровень — это отнюдь не стишки.

ЛЕЙТЕНАНТ. Можно ещё раз услышать название вашей профессии?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Поэтка мирового класса.

ЛЕЙТЕНАНТ. А по-моему, Вера, вы овно, а не, гм, поэтка какого-там класса.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Откуда знаете? Почитывали, что ли?

ЛЕЙТЕНАНТ. Боже упаси. Мама объяснила.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Ваша мама ничего не понимает в поэзии. Я спала с художником одного всемирно известного театра, и он каждое утро говорил мне, сколь хороша и волшебна моя поэзия.

ЛЕЙТЕНАНТ. И вы поверили?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Что это за мать такая, которая говорит при сыне такое слово!..

ЛЕЙТЕНАНТ. Какое слово?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Овно.

ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, она по-другому выразилась. Это я экстраполировал.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Короче, сейчас же откройте свой кондуит и убедитесь, что я там есть. Я спала с художником. Меня тоже не может не быть.

ЛЕЙТЕНАНТ. Не буду.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Почему?

ЛЕЙТЕНАНТ. Принципиально.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Почему?

ЛЕЙТЕНАНТ. Терпеть не могу плохих поэтов. «Поэток» особенно.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Вы же не читали!

ЛЕЙТЕНАНТ. И не собираюсь.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Почему?

ЛЕЙТЕНАНТ. Потому что мама запретила мне читать всякое овно.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Опять эта мама. Кто она? Литературный критик? Я её знаю? Я её чем-то обидела?

ЛЕЙТЕНАНТ. Во-первых, она моя мама. А во-вторых, она любит стихи.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Стихи?

ЛЕЙТЕНАНТ. Не стишки.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. И поэтому вам не жаль, что я буду ходить в этой... кикиболе?

ЛЕЙТЕНАНТ. Анну Андревну я сам бы внёс в списки, не изменяя своего корявого почерка, а вас — увольте.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-7/10. Кто она такая, эта ваша Анна Андревна?

ЛЕЙТЕНАНТ. Следующий!

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Брат, брат, брат, брат, брат, брат, я сзади, повернись ко мне, только незаметно. Спасибо.

ЛЕЙТЕНАНТ. Что такое, сестра?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Говори тише, брат.

ЛЕЙТЕНАНТ. Буду, сестра.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Брат, я не женщина.

ЛЕЙТЕНАНТ. Как это?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Формально я всё ещё мужчи-
на. Но разве этим докажешь...

ЛЕЙТЕНАНТ. Объясни толком, сестра.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Я меняю пол, брат.

ЛЕЙТЕНАНТ. Ого... И далеко это зашло?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Далековато. До хирургии.

ЛЕЙТЕНАНТ. «До хирургии» до или после?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. После.

ЛЕЙТЕНАНТ. Но документы ещё старые?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. И вряд ли когда-нибудь ста-
нут новыми.

ЛЕЙТЕНАНТ. Показывали их, когда вас... канализировали?

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Совал. Но они... сунули руку
под... платье и... ничего не нашли.

ЛЕЙТЕНАНТ. Пospешили вы.

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Кто бы знал...

ЛЕЙТЕНАНТ. Вот что, Сообразительная... пошли отсюда. *(На ходу.)* Отрастите, что ли, бороду...

СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ-8/10. Так не растёт уже.

ЛЕЙТЕНАНТ. Тогда приклейте. Приклейте и тычьте в них... в нас паспортом. И никакая паранджа, я надеюсь, вас больше не опечалит... *(Уходит, уводя Сообразительную.)*

Помрачение: экран в центре точки сбора светится серым «снегом», из глубин которого кто-то икает так, как икает человек, перепивший вчера водки, но вынужденный встать, чтобы открыть дверь и говорить с соседями о головных болях, мучающих их вот уже трое суток. «А как у вас с этим, сосед?..» Мимимиканье тоже доносится, но это таково, что в экран хочется бросить гранату. Хотя бы учебную. А уж плюнуть в него — это и вовсе святое; за это и на небо, не мешкая, заберут, и старостой в местном чумном бараке назначат.

УПЁРТАЯ-1. Носите сами. Я это не надену. А наденете силой — увидите, что будет. Я лучше голой буду ходить, но не в этом.

Упёртую-1 насильно обряжают в охабень, кикиболу и берестянки, она делает вид, что смиряется, но тут же, отойдя в сторону, сбрасывает наряды и лапти и топчет их. И всё повторяется снова. Вскоре к ней присоединяются другие.

УПЁРТАЯ-2. Носите сами. Я это не надену. А наденете силой — увидите, что будет. Я лучше голой буду ходить, но не в этом.

УПЁРТАЯ-3. Носите сами. Я это не надену. А наденете силой — увидите, что будет. Я лучше голой буду ходить, но не в этом.

УПЁРТАЯ-10. Носите сами. Я это не надену. А наденете силой — увидите, что будет. Я лучше голой буду ходить, но не в этом.

И всё повторяется опять, только теперь солдатам приходится драться с целым десятком разъярённых отказниц. Когда бойцам это надоедает — а это надоедает раз на седьмой, — за Упёртых берутся лучники, арбалетчики и один меткий метатель ножей: дев почти распинают на вертикально установленных досках, кладут на их головы апельсины — и изощряются в стрельбе/метании рядом с негодующими мишенями. Впрочем, в апельсины стрелки/метатель попадают исправно, что заставляет многих Сообразительных и Несообразительных выть в голос. Поднизи кикибол вой заметно утишают, но не настолько, чтобы ошивающиеся повсюду Служащие сидели без дела.

СЛУЖАЩИЕ (*в охабнях и кикиболах, хором, приплясывая и похохатывая*). Подружки, ну нельзя же так артачиться! Из-за какой-то шмотки — и в могилу! В вашем-то цветущем возрасте! Им же скоро надоест в одни апельсины попадать. Или апельсины скоро закончатся. Они же вот-вот в глаз правый и в глаз левый метить начнут. У них же это в приказе прописано, подружки. Мы знаем это доподлинно, мы почитывали, нас ознакомили, мы же штрейкбрехерши. Лучше бы вы рожали, подружки. Ей богу, переспали бы сейчас с каждым стрелком и вскоре разрешились мальчиками, мальчиками глазастыми, как их папаши, мальчиками ерепенистыми, как их мамочки, но мальчиками, подружки, мальчиками! Существами, которым ничего, кроме галифе и погон, носить не положено. Вы бы подумали об этом, подружки. Серые вы, подружки, недалёкие и совсем-совсем не модные. Вы хоть знаете, кто вам охабень с кикиболой нарисовал, выкроил, пошил в миллионных количествах и к нам составами отправил? Не знаете, дурочки. А мы вам сейчас как скажем, — и вам сразу же захочется носить это, и красоваться в этом, и мальчиков клеить, чтобы с мальчиками мальчиков делать, чтобы те носили то, что им хочется и положено, а не это — навязанное и нелепое. Сам Пьер Константинович Карден, подружки! Сама Коко Габриэлевна Шанель! На подхвате у которых знаете кто был,

подружки? кто им линию без лекала выправлял, одним зорким глазом, кто им стежки первые делал, кто рассказал им о вашей берёзовой утончённости и неизбежной красоте и загадочности Неизвестной им. Ванечки Крамского! — Сам Валёк Юдашкин с платформы Баковка, подружки! А может, вы хотите, чтобы эти восхитительные одеяния вам к лицу были? лично вам, подружки, и больше никому? Так пожалуйста, подружки! Притальте это всё, если надобно, там, где хочется! Нашейте на кикиболу с охабнем галунов поболее, енеральских лампасов пошире да покраснее, звёзд Давида — сколько влезет, — и выкаблучивайтесь, закон №1 не запрещает, а даже молчаливо потворствует! Только помните: поменьше жидкости в течение дня, подружки. Или побольше — но тогда не забудьте надеть подгузники! На которые тоже можете всяких прикрас понашить! Хоть белоснежных дембельских шнуров с кистями, хоть эполетов, хоть вензелей и экслибрисов самого Самого, хоть прописных спартаковских буквочек «С», хоть медных пряжек с профилем Азраила, хоть БДСМ-поясов, хоть октябрятскую звёздочку, да хоть свастику, девочки, подружки вы наши неизбежные, только её, пожалуйста, изнутри, снутри её, милые, ибо неровён час, сунутся, увидят, подивятся и по другой, совсем по другой статье в бараний рог скрутят! А хотите — вовсе не покидайте место прописки, подружки! Так и сидите себе, вышивайте, щи варите, или что вы там делаете при умывании, омовении и в постели с мужем, когда охабень, кикиболу и берестянки позволяет, к чертям собачьим, снять и даже, возможно, потоптать, досаду свою стравливая! Почему нет, подружки! Это же тоже выход, подружки, и какой изобретательный! и какой милостивый! И кем измышленный! Да самим же Самим в порыве любви к вам и благодаяния с новой униформой, за которую мы так благодарны, так благодарны, отчего сейчас стройным хором, приплясывая, исполним популярную песню «Идиот-блюз». *(Поют, пляшут.)* «Я идиот потомственный, работаю шутом, / мой папа — гвоздь заржавленный, а родина — детдом. / Мой мама — рубль с дыркою, а бабушка — атас, / рождён

в рубаше с биркою: безног и косоглаз. / Живу с людьми на паперти, тяну один куплет: / «Мечтаю сгнить на Западе, подайте на билет». / Почтенное занятие, отличный коллектив, / и батюшка с понятием: драчлив, но справедлив». Спасибо за внимание, подружки! А теперь, подружки, пожалуйста, уж не откажите, наденьте это барахло и валите отсюда поздорову. Ради этого мы падём сейчас на колени (*падают на колени*) и с места не сдвинемся, пока вы не одумаетесь! Ну же, подружки.

УПЁРТАЯ-1. Надеть это?! Носить это всегда?! Вы дурочки, что ли, подружки? Пусть это кикиморы фюрера носят, а мы (*Упёртые хором*) — не будем, не будем, ни за что не будем! (*В этот самый момент фюрер на экране вдруг произносит: «В горящую избу войдёт».*) Да я лучше пол поменяю, чем в избу в этом!

СЛУЖАЩАЯ-1 (*обращаясь к метателю ножей*). Хватит цацкаться. Хватит пугать. Пора действовать. Пол она поменяет. Воткните нож этой Упёртой в... правую руку. Сумеете? (*Метатель кивает.*) А если не угомонятся — всем и каждой. Ножей хватит? (*Метатель кивает, показывая впечатляющий набор ножей.*) Ты хорошо подготовился, клоун. Непременно отмечу тебя перед начальством. (*Метатель кланяется.*)

УПЁРТАЯ-1. Тёточка, не надо в руку, не надо ножиком!

УПЁРТЫЕ (*хором*). Тёточка, мы физкультурницы, у нас соревнования.

УПЁРТАЯ-1. Я бегаю стометровку.

СЛУЖАЩАЯ-1. Надень кикиболу и беги.

УПЁРТАЯ-2. Я метая копьё.

СЛУЖАЩАЯ-1. Надень охабень и мечи.

УПЁРТАЯ-3. Я толкаю ядро.

СЛУЖАЩАЯ-1. Покорись и толкай.

УПЁРТАЯ-4. Я прыгаю в высоту.

СЛУЖАЩАЯ-1. Кикибола в помощь.

УПЁРТАЯ-5. Я прыгаю с шестом.

СЛУЖАЩАЯ-1. Охабень шесту не помеха. Успокоились? больше не будете?

УПЁРТЫЕ (*хором*). Не будем, тётечка.

СЛУЖАЩАЯ-1. Солдаты, старшины и офицеры! Отвяжите их. Отпустите их. Они одумались. Он теперь шёлковые. Они теперь ручные. Или я ничего не понимаю в наших физкультурницах.

Упёртых отпускают с «расстрельных» досок, отдав им остатки целых апельсинов. Упёртые благодарят, кланяясь в пояс, словно в замедленной съёмке надевают кикиболы — и, отбросив в сторону поднизи, срываются с места, и подсакивают к Служащим, и завязывают крепким узлом — да за спиной — рукава их охабней. Усмиряют Служащих. И — сплочённой физкультурной стайкой, прорываясь сквозь опешивших солдат, убегают с точки сбора, выдачи и переодевания. Солдаты — за ними...

ПОВОДЫРЬ. ...А в остальном всё норм. Через минуту точка сбора опустеет, ибо всем всё выдали, все всё надели, всех, впустив, выпустили, а сбежавших физкультурниц, этих возмутительных отказниц, вот-вот, кланусь вам, отловят и накажут, для начала обваляв в мази Вишневского. После чего я бы их, ей-богу, показательно расстрелял. Потому что чикаться и потворствовать в таком деле подобно предательству. Не так ли?

Помрачение, после которого точка сбора *слева* становится улицей, едва попав на которую, Сообразительные и Не, не сговариваясь, молча, куда бы они ни шли — в метро, в магазин, в ЦПКиО кататься на колесе обозрения, собираются в колонну по четыре — и маршируют, маршируют на месте. В *центре* бывшая точка сбора превращается в школьный класс: учительница стоит у доски открывая рот и, как нелепая птица, взмахивая длинными рукавами охабня, а ученицы, спрятавшись за поднизями кикибол, попросту курят, натурально покуривают, и дым стоит сущим коромыслом. Ну а *справа* возник зубоврачебный кабинет с принаряженными по-новому дантисткой и дамой с острой болью

в верхней челюсти; пациентка полулежит в кресле; врач, повисшая над нею, слепо тычет рукой, забравшейся под поднизы больной, пытаясь отыскать то ли нужный зуб, то ли рот...

Очень, очень весёлые картинки.

Штандер

ПОВОДЫРЬ. Это пугает меня до сих пор: где бы я ни появился — всё вокруг замирает. И ладно бы всё: все эти брошенные из окна стулья, выпавшие из свежей кладки кирпичи, летящие на тротуар, несущиеся куда-то тучки небесные... Нет — застывают все: красивые (под поднизы) девы, которым хочется уступить место в трамвае, водитель трамвая, скачущий за тучкой, трамвай, потому что замер его водитель, пешеходы, перебегающие пути перед моим трамваем... Мне не то что страшно — мне обидно, потому что я могу всё, порой демонстрируя себе же свои самые бесчестные стороны, а они — ни мимики, ни жеста, ни гугу. Что если вдруг оцепеневшая до беспамятства Василиса Прекрасная-Трамвайная, когда я, подняв поднизы её кикиболы, как дурак разулыбался её тёмно-аллейной прелести, захотела бы озарить меня ответной улыбкой, которой мне хватило бы до следующего действия, до следующей остановки... Увы. Лишь озабоченное выражение милого 18-летнего лица.

Ну а эти позвали меня сами, да письменно, отправив сразу трёх голубей, которые почему-то не замирают. Долетели все, все вытянули лапку, чтобы я снял с неё эписто-лу. Текст которой короток, но ужасно ясен: «Приходите и, пожалуйста, всё-всё зафиксируйте для будущих поколений, буде они будут, и своего кукольного театра для УО-детей: нам повелели ОЧИСТИТЬ три с половиной квартиры, потому что они зачем-то понадобились самому Самому. Растрельная команда, которая ждёт нашего решения, уже на месте, расселена в наших квартирках; её надо кормить, и

только горячим, и не меньше пяти раз в день, и она почему-то не вылезает из наших туалетов и ваннх комнат».

Три с половиной квартиры — это семь человек, три пары, одна из которых, кариесный зуб даю, *ждёт ребёнка* (а значит — будет ныть, но своим нытьём себя и погубит), и одна, гм, полупара. Итого... сами посчитайте.

Я уже тут, в этом несчастном приглянувшемся доме, в его зальчике для собраний. На возвышении — трибунка, за которой стоит Уполномоченная, она же Паранджа, ждёт, когда соберутся все, все наговорятся и утихнут, и можно будет начать; из-под её кикиболы торчит проводок — значит, ухо Уполномоченной что-то слушает; перед нею — ряды досок-лавочек от стены до стены; на каждой по несколько обособленных пар: прижавшиеся друг к дружке он и она. Она — в охабне и кикиболе, то есть в парандже, потому что все эти наши *поднизи* и *позатыльники* тут же забылись, а осталась одна она — паранджа, язык её не полюбил, но немедленно усвоил; он — в трусах и майке (не футболке — майке). Я иду между рядами, чтобы посмотреть в лицо дамам; я откидываю поднизи и вижу усталость, за которой спешит покорность, а ещё я вижу синяки около висков и припухшие правые уши, — это не всегда мужья, то есть это, конечно, мужья, но в основном чужие, делающие это по закону №1: подбегают сзади к даме в парандже с нужным сочетанием цифр на спине — и в ухо, и в ухо, у в ухо, столько раз, сколько позволено. Когда можно, но не позволено, — это, согласитесь, одно, и совсем другое — когда сказано: лупи, потому что разрешено. Разве тут устоишь?

Вечером, устав слушать радиийные причитания о магнитном апокалипсисе по имени G5++, бушующем над Нашей Страной («Господи, — сообщают нам (им. — *Прим. Поводыря*) с мест, — плазма уже на наших улицах! Она течёт! На ул. Первой Пароконной Армии она поднялась до форточек первых этажей!..»), я стал листать словарь Шведовой и не увидел слова ОТКАЗАТЬСЯ. Слово ОТКАЗАТЬ усечено, а ОТКАЗАТЬСЯ пропало. Позвонил Наталии Юрьевне, а она в слёзы: «Позавчера, — говорит, — ещё было, а вчера — про-

пало. Не просто истаяло, но кануло. Как такое возможно?...» Кануло — и тут же забыто. Только я зачем-то помню это мёртвое... мнимое слово, слово, которого никогда не было. Не одно оно, но я сейчас о нём. ОТКАЗАТЬСЯ — и за ломы (ударять лучше на «ы»). В дворницкой этого дома их бездна, потому что мы ледяная сторонка. Но нет: нет слова — нет деяния. Нет этого... как же его... отпора. Есть вот это собрание.

ТРУСЫ-1. Здорово, все. (*Встаёт на скамейку.*) Все, говорю, здорово (*кланяется во все стороны*). Чего молчите?

МАЙКА-2. Чё такой мокрый?

ТРУСЫ-1. Пробежка. А ты чё сухой?

МАЙКА-2. Высох.

ТРУСЫ-1. Вот эта позвонила (*показывает на жену, Паранджу-1*), сказала: «Собрание — или расстрел». Бросил на половине. Прибежал. Мокрый. (*Обращается к своей Парандже.*) Почему не принесла полотенце?

ПАРАНДЖА-1. И душ.

ТРУСЫ-1. Какой ещё душ?

ПАРАНДЖА-1. Перед полотенцем.

ТРУСЫ-1 (*обращается к Майке-2*). Она шутит.

МАЙКА-2. Разве?

ТРУСЫ-1. Шучу. Она теперь плохо слышит. А раз плохо слышит — додумывает. А когда додумывает, говорит невпопад.

МАЙКА-2. Получается.

ТРУСЫ-1. Что «получается»?

МАЙКА-2. Смешно.

ТРУСЫ-1. Этого не отнять. Шутит.

ПАРАНДЖА-1. Слетать за полотенцем, любимый?

ТРУСЫ-1. И за душем.

ПАРАНДЖА-1 (*пожимает плечами*). За что их душить? Лично я пока никого душить не собираюсь. Тем более что их расстреляют. Зачем их душить перед расстрелом? Или ты хочешь душить их после расстрела? Тех, кто увернётся? Раненых? Нет, я пас. И тебе не дам.

МАЙКА-2 (*надрывно хохочет*). Я же... говорил... обхохочешься...

ТРУСЫ-1 (*хохочет не менее надрывно*). А твоя... а твоя... разве не отчебучивает?

МАЙКА-2. И давно она такая?

ТРУСЫ-1. Со вчера. Пошла днём за хлебом и схлопотала по ушам: и туда били, и обратно.

МАЙКА-2. Сколько раз?

ТРУСЫ-1. Пять раз по два, когда шла туда, и три раза по два — когда возвращалась. И знаешь, кто её бил один раз, но два раза, когда она шла туда?

МАЙКА-2. Кто?

ТРУСЫ-1. Ты.

МАЙКА-2. Уверен?

ТРУСЫ-1. Она упала, но даже лёжа узнала тебя по походке и вот этим кованым армейским ботинкам.

МАЙКА-2. Да сейчас у всех такая походка. Да сейчас все в таких ходят.

ТРУСЫ-1. И даже бегают.

МАЙКА-2. Даже ты. (*Показывает на ботинки соседа.*)

ТРУСЫ-1. Зачем мою-то бить?

МАЙКА-2. Откуда я знал, что она твоя?

ТРУСЫ-1. Имя на спине. Вышито. Так красиво. Хорошие у них мастера.

МАЙКА-2. Откуда мне знать, как её зовут? Я, сосед, и твоего-то имени не знаю. Увидел — вломил — пошёл на работу. Мою только не бей. Прошу.

ТРУСЫ-1. По-хорошему просишь?

МАЙКА-2. По-хорошему.

ТРУСЫ-1. Постараюсь сдержаться. Но иногда так хочется, проходя мимо, вломить.

МАЙКА-2. Согласен. Очень хочется.

ТРУСЫ-1. А если вломлю какой, не утерпев, а она твоей окажется? Ну, потом расскажет тебе, что узнала меня по ботинкам и походке.

МАЙКА-2. Значит, мы будем в расчёте.

ТРУСЫ-1. А если я дважды вломлю по... сколько там у неё на спине написано?

МАЙКА-2. Три.

ТРУСЫ-1. ...по три раза, но во второй раз?

МАЙКА-2. Не сдержав себя?

ТРУСЫ-1. Не сдержав себя, да.

МАЙКА-2. Но ведь и я могу твоей навалить во второй раз.

ТРУСЫ-1. И ничего с этим не поделаешь. Наверное, ты тоже не сумеешь овладеть собой?

МАЙКА-2. Ну а как иначе? Не из хулиганских же побуждений.

ТРУСЫ-1. Значит мы будем квиты дважды.

МАЙКА-2. А вдруг... всё бывает... мне и в третий раз тяжело будет пройти мимо... любой. А если мимо любой — то и твоей тоже, верно?

ТРУСЫ-1. Верно. Моя входит во множество «любая».

МАЙКА-2. И моя тоже.

ТРУСЫ-1. Дай свою руку, сосед. Хочу крепко пожать её.

МАЙКА-2. А ты свою. И я отвечу тебе не менее крепким рукопожатием. *(Жмут друг другу руки. Улыбаются сколь бессмысленно, столь и беспощадно.)*

ПАРАНДЖА-1 *(обращаясь к мужу, Трусам-1)*. Как я тебе душ принесу? Совсем с ума сошёл с этим бегом? Куда ты бегаешь? Куда ты бежишь? С кем ты бегаешь и бежишь? От кого вы бежите? От смерти? Но она обязательна. Бегайте аккуратно, оглядываясь.

ТРУСЫ-1. Спасибо, любимая.

ПАРАНДЖА-1. Не за что. Это мой долг.

МАЙКА-2 *(обращается к сидящему впереди)*. Ну а ты чё такой мокрый?

МАЙКА-6. Бегал. Бегал, бегал, бегал, бегал, а потом вспомнил, что тут что-то будет. Не могу пропустить, когда что-то бывает. Как ни жалко было бросать бег, а вот — прибежал. Мокрый. Извините, что я такой мокрый. Надеюсь, у вас нет аллергии?

МАЙКА-2. На что?

МАЙКА-6. На вид мужского бегового пота, стекающего по телу и капающего на пол.

МАЙКА-2 *(обращается к Парандже-2)*. Дорогая, ты случайно не помнишь, у меня нет такой аллергии?

ПАРАНДЖА-2. Сколько диоптрий ты носишь?

МАЙКА-2. Минус 13 с половинкой.

ПАРАНДЖА-2. Видишь, ты не в состоянии разглядеть на нём мужской беговой пот, а значит такой аллергии у тебя нет.

МАЙКА-2. Но у меня уже хлюпает под ногами.

ПАРАНДЖА-2. Сбежать за спасательным кругом?

МАЙКА-2. Куда?

ПАРАНДЖА-2. На пристань «Ока».

МАЙКА-2. А они отдадут?

ПАРАНДЖА-2. Я куплю у них. Я предложу им много наших денег.

МАЙКА-2. Но ведь тебе тоже понадобится круг.

ПАРАНДЖА-2. Я прекрасно плаваю.

МАЙКА-2. Но не в солёной же воде.

ПАРАНДЖА-2. И к тому же ужасно вонючей.

МАЙКА-2. А если у них только один круг? Или на второй круг у тебя не хватит пенёзов?

ПАРАНДЖА-2. Тогда я буду держаться за твой.

МАЙКА-2. А вдруг это будешь не ты?

ПАРАНДЖА-2. Почему не я? Кто ещё захочет утонуть вместе с тобой?

МАЙКА-2. Боюсь, когда это начнётся, когда эта солёная влага накроет нас с головой, я потеряю очки.

ПАРАНДЖА-2. Солёная и вонючая. Миленький ты мой! Ты же не различишь меня среди десятков других Паранджей... Я догадалась.

МАЙКА-2. И это пугает меня больше всего на свете. Я же могу оттолкнуть тебя, приняв за другую, дать тебе по голове...

ПАРАНДЖА-2. В ухо?

МАЙКА-2. Да, да. Если я правша, я вломлю тебе в левое ухо.

ПАРАНДЖА-2. А если ты левша — то в правое. И я оглохну. И потеряю ориентацию в этом влажном и солёном пространстве...

МАЙКА-2. Несмотря на то что прекрасно плаваешь.

ПАРАНДЖА-2. ...и пойду на дно, чтобы, утонув, прилечь на одной из этих лавочек.

МАЙКА-2. Тогда дай ему утереться твоим длинным правым рукавом. Я бы предложил ему свою майку, но ты же помнишь, что у меня под нею ничего нет, и это могут превратно истолковать. Все эти люди вокруг нас, эти наши соседи... кто знает, как они отреагирует на такое.

ПАРАНДЖА-2. Да, я бы за них тоже не поручилась.

МАЙКА-2. Вот поэтому мы и любим друг друга. И никогда не расстанемся.

ПАРАНДЖА-2. Хочу тебе признаться, дорогой.

МАЙКА-2. А я тебе. Но ты первая.

ПАРАНДЖА-2. Если что, я, наверное, посчитала бы для себя возможным перейти в другую квартиру.

МАЙКА-2. Тебя приглашали?

ПАРАНДЖА-2. Нет, но... теперь всё возможно. Теперь открываются такие возможности...

МАЙКА-2. Но мы же тогда расстанемся.

ПАРАНДЖА-2. Да.

МАЙКА-2. Но почему?

ПАРАНДЖА-2. Потому что тебя не станет, а у меня... а у меня *(показывает на свой живот)*...

МАЙКА-2. Не понимаю.

ПАРАНДЖА-2. А у меня останется ребёнок, безотцовщина.

МАЙКА-2. Правда? Неужели?! У нас будет ребёнок?!

ПАРАНДЖА-2. Ну, мне так кажется.

МАЙКА-2. И давно?

ПАРАНДЖА-2. Со вчерашнего дня.

МАЙКА-2 *(встав на скамейку)*. Поздравляю нас! *(Смеётся. Садится.)* А почему меня не станет? Ты сказала, что меня не станет.

ПАРАНДЖА-2. Спасибо. А ты в чём хотел признаться?

МАЙКА-2. Я хотел признаться... что, если что, я бы смог жить — и припеваючи — в общем коридоре. Например, рядом с той квартирой, в которую ты посчитала бы возможным перейти.

ПАРАНДЖА-2. Как это мило, дорогой. Но ведь тебя же не станет.

МАЙКА-2. Ты так в этом уверена, любимая...

ПАРАНДЖА-2. Конечно, я уверена. В тебе я всегда уверена: была и, надеюсь, буду. Если что-то случится, разве ты предпочтёшь себя нам с малышом?

МАЙКА-2. Мальчику или девочке?

ПАРАНДЖА-2. Тройне: двум девочкам и мальчику.

МАЙКА-2. Ни за что не предпочту себя нашему детсаду.

ПАРАНДЖА-2. Итак, твоё признание.

МАЙКА-2. Если что, я, наверное, не смогу жить в общем коридоре нашего дома рядом с той квартирой, в которую ты считаешь возможным перейти.

ПАРАНДЖА-2. Потому что...

МАЙКА-2. Потому что меня, случись что, наверное, не станет... Кстати, на каких правах ты собираешься, если что, перейти в другую квартиру?

ПАРАНДЖА-2. На правах второй жены. Не уборщицы же, дорогой.

МАЙКА-2. Ну конечно не уборщицы. А так можно?

ПАРАНДЖА-2. Можно. Со вчерашнего дня можно всё.

МАЙКА-2. А если там уже будет вторая жена?

ПАРАНДЖА-2. Буду третьей, но постепенно стану первой.

МАЙКА-2. Это хороший план, любимая.

ПАРАНДЖА-2. Прости, дорогой, но теперь мне надо поговорить с одним человеком. (*Обращается к Майке-6.*) Дорогой, вот вам один из моих длинных рукавов: хорошенько протритесь, чтобы с вас не текло и мы не утонули.

МАЙКА-6. Кроме того, я могу простудиться, потому что тут гуляют сквозняки.

ПАРАНДЖА-2. И тогда вам понадобится усиленный уход.

МАЙКА-6. Это правда.

ПАРАНДЖА-2. Понадобится-понадобится. Я знаю. Я уверена. Я умею.

МАЙКА-6. С моими простудами не так-то просто справиться. Одному нереально, вдвоём — с грехом пополам, втроём — хотелось бы попробовать. Знаете кого-нибудь?

ПАРАНДЖА-2. Третьего? Не только знаю, но и могу посоветовать.

МАЙКА-6. Был бы вам признателен.

ПАРАНДЖА-2. Но есть одно препятствие: она...

МАЙКА-6. Она?

ПАРАНДЖА-2. Она. Она срочно ищет не только пациента со сложными простудами, но и спутника жизни, с которым готова разделить стол, кров, общих детей, которых гарантирует.

МАЙКА-6. Сколько детей она гарантирует?

ПАРАНДЖА-2. Трех сразу, остальных — по мере надобности.

МАЙКА-6. Мне надо посоветоваться. (*Обращается к своей «половинке», Парандже-6*). Свет моих очей, тут одна очень любезная женщина предлагает нам помощь по уходу за мной в случае простуд...

ПАРАНДЖА-6. Приветствую её предложение, потому что я уже заманалась.

МАЙКА-6. «Заманалась»?

ПАРАНДЖА-6. А чё такого? Глагол, совершенный вид, непереходный, возвратный, тип спряжения по классификации какого-то Зализняка — 1а.

МАЙКА-6. Это понятно, но что он значит, свет очей моих?

ПАРАНДЖА-6. Запарилась я.

МАЙКА-6. Ты устала, что ли, моих очей свет?

ПАРАНДЖА-6. Как, прости, фетовская грудь: «И в больную, усталую грудь / веет влагой ночной... я дрожу, / я тебя не встревожу ничуть, / я тебе ничего не скажу».

МАЙКА-6. Гм.

ПАРАНДЖА-6. Чё ты гмыкаешь? Я, как жучка, ношусь с его простудами, а он гмыкает. Вот соседка меня, наверное, понимает. (*Обращается к Парандже-2*). Соседка, понимаешь?

ПАРАНДЖА-2. И разделяю.

ПАРАНДЖА-6. Усёк? Я не одна. Нас уже двое.

МАЙКА-6. Очей моих свет, вас, то есть нас, уже трое: я тоже понимаю и разделяю.

ПАРАНДЖА-6. И?

МАЙКА-6. И готов обсудить с тобой условия появления твоей помощницы по ликвидации моих простуд в нашей квартире.

ПАРАНДЖА-6. Она будет жить на нашей территории? Не проходящая, когда я уйду?

МАЙКА-6. Секундочку. *(Спрашивает у Паранджи-2.)* Не проходящая?

ПАРАНДЖА-2. Нет. Хотела бы поселиться, чтобы обеспечивать должный и своевременный уход за простуженным и оказывать другие услуги.

МАЙКА-6 *(обращается к жене)*. Её квалификация и мои простуды требуют, чтобы она всё время была рядом.

ПАРАНДЖА-6. А где она будет спать?

МАЙКА-6. Свет моих очей, у нас семь комнат.

ПАРАНДЖА-6. Хорошо. Но в самой заваливающей. Или нет: она сможет спать в кладовке?

МАЙКА-6. Секундочку. *(Спрашивает у Паранджи-2.)* Ваша протеже сможет спать в чулане?

ПАРАНДЖА-2. Чулан большой?

МАЙКА-6. Как две комнаты.

ПАРАНДЖА-2. Тогда сможет. Но только на первых порах. Скажем, в первую ночь. Но! Оказав простуженному первую иную услугу — Ву компрене? Иную, — она — я уверена в этом абсолютно, как в самой себе, — захочет перебраться в вашу постель.

МАЙКА-6. Компрене... Погодите, что значит «в вашу»?

ПАРАНДЖА-2. Постель.

МАЙКА-6. С этой *(показывает на жену)*?

ПАРАНДЖА-2. На первых порах, может, и с этой. Но вот потом...

МАЙКА-6. «Потом»?

ПАРАНДЖА-2. В пору ожидания детей: двух девочек и мальчика.

МАЙКА-6. ОК, я вспомнил. Хорошая будет пора. Эта — против детей. Думаю, в эту счастливую пору мы что-нибудь придумаем... о чём-нибудь договоримся... *(Обращается к*

жене, Парандже-6.) Свет очей, специалистка по простудам готова поспать в чулане.

ПАРАНДЖА-6. «Поспать»?

МАЙКА-6. Не цепляйся к словам, очей свет. «Поспать» означает «спать в чулане до тех пор, пока мы не выделим ей другую тёплую постель».

ПАРАНДЖА-6. Неужели нашу?

МАЙКА-6. Но ведь она же тёплая?

ПАРАНДЖА-6. А с ней будет ещё теплее.

МАЙКА-6. Моих свет очей, кажется, ты согласна?

ПАРАНДЖА-6. Давно хотела попробовать что-нибудь этакое. Она хоть миленькая, эта врачиха?

МАЙКА-6. Сейчас узнаю. (*Обращается к Парандже-2.*) Она хоть миленькая?

ПАРАНДЖА-2. Моя протееже?

МАЙКА-6. Да.

ПАРАНДЖА-2. Когда можно въехать?

МАЙКА-6. Куда? кому?

ПАРАНДЖА-2. Мне, к вам.

МАЙКА-6. О, я догадался.

ПАРАНДЖА-2. Правильно сделали. Сегодня сойдёт?

МАЙКА-6. Но у меня же ещё нет простуды...

ПАРАНДЖА-2. Значит скоро будет.

МАЙКА-6. А вы хоть миленькая?

ПАРАНДЖА-2. Я изрядно миленькая. (*Обращается к мужу, Майке-2.*) Дорогой, я миленькая? Тут один человек интересуется.

МАЙКА-2. Изрядно, изрядно миленькая.

ПАРАНДЖА-2 (*обращается к Майке-6, встав на скамейку и раскинув руки*). Слышали? Говоря обо мне, этот сказал, я цитирую, «изрядно, изрядно миленькая».

МАЙКА-6. А как бы нам это проверить?

ПАРАНДЖА-2. Не верите этому?

МАЙКА-6. Возможно, он — заинтересованное лицо.

ПАРАНДЖА-2. Ну вот, мы едва знакомы, а вы уже потащили ко мне доверие...

МАЙКА-6. Ничего я не потерял. Просто хочу сделать это, не откладывая.

ПАРАНДЖА-2. Я тоже очень-очень хочу, мой дорогой.

МАЙКА-6. Любимая... Можно я буду называть вас этим словом?

ПАРАНДЖА-2. Нет. Любимая уже есть. А вот слово «любимая-2» ещё свободно.

МАЙКА-6. Любимая-2, не соблаговолите ли отлучиться со мною в лестницу, где мы могли бы сделать то, о чём оба страстно желаем?

ПАРАНДЖА-2. Соблаговолю.

МАЙКА-6. Тогда я пошёл. А вы за мной, но не сразу, только представьте этим (*показывает на Паранджу-6 и Майку-2*) какой-нибудь красивый предлог (*уходит*).

ПАРАНДЖА-2 (*обращается к Майке-2*). Вот видишь, дорогой, хорошие люди не перевелись: этот ушедший человек готов, если что, приютить меня у себя дома.

МАЙКА-2. Когда меня не станет?

ПАРАНДЖА-2. И не только. Готов и раньше.

МАЙКА-2. Бывают же такие хорошие люди...

ПАРАНДЖА-2 (*после паузы, обращаясь к Майке-2 и Парандже-6*). Вдруг ужасно захотелось взглянуть на наш город с высоты птичьего полёта...

МАЙКА-2. То есть с крыши?

ПАРАНДЖА-2. Ага. Кто со мной?

ПАРАНДЖА-6. Чтобы я полезла на крышу? Ни за что. Кроме того, мы не знакомы. Вдруг вы захотите меня сбросить.

ПАРАНДЖА-2. Сбросить? вас? зачем?

ПАРАНДЖА-6. Я не знаю... Чтобы завладеть моим мужем?

ПАРАНДЖА-2. Этим плюгавым, который сидел с вами и, устав от вас, куда-то свинтил? Ни за что.

ПАРАНДЖА-6. Зря вы так, он ещё о-го-го.

ПАРАНДЖА-2 (*в сторону*). Это мы сейчас и проверим.

МАЙКА-2 (*обращается к Парандже-2*). Любимая, можешь посмотреть на город одна? Мне после бега нужно посидеть и подумать. Только возвращаясь, у нас тут какое-то собрание.

ПАРАНДЖА-2. Посиди-посиди. Подумай-подумай. Я пошла. Я вернусь (*уходит*).

ПАРАНДЖА-6 (*обращается к Трусам-10*). Ты чё такой мокрый?

ТРУСЫ-10. Бегал.

ПАРАНДЖА-6. Под дождём?

ТРУСЫ-10. Не, упрел.

ПАРАНДЖА-6. Под дождём не бегаешь?

ТРУСЫ-10. Опасаюсь.

ПАРАНДЖА-6. Чего?

ТРУСЫ-10. Патрулей.

ПАРАНДЖА-6. Тех, которые баб без паранджи ловят?

ТРУСЫ-10. Ага.

ПАРАНДЖА-6. Так ты же не баба.

ТРУСЫ-10. Кто меня знает... Вдруг я баба? Если бы я бегал в парандже, то мог бы и под дождём... Но я в ней ещё не пробовал.

ПАРАНДЖА-6. Быстро бегаешь?

ТРУСЫ-10. Очень. Оттого и упреваю.

ПАРАНДЖА-6. Так патрули же — тормоза. Разве они за тобой угонятся?

ТРУСЫ-10. Я, конечно, чемпион, но пуля быстрее.

ПАРАНДЖА-6. То есть ты быстр, но не настолько?

ТРУСЫ-10. Да, пуля должна догнать, но я это не проверял.

ПАРАНДЖА-6. Почему?

ТРУСЫ-10. А вдруг я убегу от неё?

ПАРАНДЖА-6. И молодец, если убежишь а она — мешкотная и косая дура.

ТРУСЫ-10. Вы не понимаете. Если я убегу, патрули и пули перестанут ловить баб без паранджи, а меня — начнут.

ПАРАНДЖА-6. А ты бегай в глухом лесу. Патрулей там точно нет, а кабаны и медведи не вооружены.

ТРУСЫ-10. Не могу.

ПАРАНДЖА-6. Почему?

ТРУСЫ-10. Вы опять не понимаете: бегая на своей немыслимой скорости, я представляю, как, натыкаясь на пе-

шеходов, самокатчиков, велосипедистов, сбиваю их, и бегу дальше.

ПАРАНДЖА-6. И они не могут догнать тебя, чтобы отоврать тебе ноги?

ТРУСЫ-10. Куда им. Я даже от мотоцикла один раз мысленно убежал.

ПАРАНДЖА-6. Чемпион!

ТРУСЫ-10. Короче, в лесу, особенно в глухом, нет ни пешеходов, ни самокатчиков. И весь интерес к бегу сразу пропадает.

ПАРАНДЖА-6. Печально.

ТРУСЫ-10. Вот поэтому я не бегаю под дождём и не бегаю в глухом лесу, бегая исключительно дома, причём на месте.

ПАРАНДЖА-6. Дома? На месте? Не въезжаю.

ТРУСЫ-10. У нас две комнаты, которых мне вот так хватает, чтобы носиться на месте на свойственной мне чемпионской скорости.

ПАРАНДЖА-6. И какие же дистанции ты бегаешь дома и на месте на своей скорости?

ТРУСЫ-10. Сегодня, встав в четыре утра и позавтракав галетами в тубике, я успел пробежать полтора марафона. После собрания хочу добежать второй марафон и ещё пару, чтобы лечь спать с чувством выполненного долга.

ПАРАНДЖА-6. Так вот кто эта сволочь, которая топчет ни свет ни заря на весь дом...

ТРУСЫ-10. Ничего я не топочу. Я в валенках по персидскому ковру бегаю. Я...

ПАРАНДЖА-6 (*обращается ко всем*). Валенки твои подкованы, изверг! Валенки твои из чугуна и стали, чудовище! Граждане! Внимание! Наконец-то я отловила того, кто топчет!

ВСЕ (*вразнобой и хором*). Так это вот кто бьёт ногами! Так это вот кто спать не даёт после тяжёлого трудового дня! Так это вот кого мы безуспешно отлавливаем! Так это вот кто готовится к побитию мирового рекорда! Так это вот кто собирается участвовать в паралимпиаде! Так это вот кто, вме-

сто того чтобы работать, бегают! Так это вот из-за кого у нас нехватка танков! Так это вот кто бегают в сапожищах, не думая о хроническом оmozолении наших ушей и мозгов! Так это вот кто носится как конь, сбежавший с мясокомбината! Так это вот кто, бегая, орёт во всю глотку Сонату №8 («Патетическую») до-минор, соч. 13, потому что бегают в наушниках! Так это вот кто, когда дело дойдёт до суда, сбежит из суда! Так это вот из-за кого по всему дому идут трещины! Так это вот из-за кого от меня ушла любимая жена, которая не смогла жить в этом топоте! Так это вот из-за кого полез в петлю в гостинице «Англетер» Серёжка Есенин! Так это вот из-за кого у меня не проходит голова! Так это вот из-за кого я так рано поседела! Так это вот из-за кого я пью! Так это вот из-за кого мои дети не могут получить ни одной «пятёрочки»! Так это вот из-за кого мои собаки так напуганы, что боятся даже команды «фас»! Так это вот из-за кого я вынашиваю предательский план покинуть родину! Так это вот из-за кого мы все так несчастны...

ТРУСЫ-10 (*в ужасе, обращается к жене, Парандже-10*). Скажи им. Не молчи же.

ПАРАНДЖА-10 (*безразлично пожимает плечами*). Я ему давно говорила, что до добра это не доведёт, что мирового рекорда и олимпийского золота ему не видать, что одной моей зарплаты не хватает, что начинать бегать до рассвета — грех, что когда его наконец отловят, ему вырвут ноги, что лучше бы записался в танкисты, что у него нет слуха и Бетховен ему не по зубам, что по всему дому пошли трещины, что у женщин случаются выкидыши, что Есенин не просто так повесился, что седина в голову, а бег в ребро, что лучше бы пил и курил, что не позволю себе зачать, пока он не прекратит, что лучше бы я вышла за Кольку Крыжовенного и таскала ему в тюрьму передачи, что счастья в жизни не видела ни разочка, что он сдохнет на дистанции. А он знаете что мне на это отвечает? — НУ И ПУСТЬ и БУДУ БЕГАТЬ НА БЕРЁЗОВЫХ ПРОТЕЗАХ.

Коротенькое помрачение, во время которого в зальчик собраний проникает инкогнито Николай Васильевич. После чего ВСЕ замирают, словно это никакой не Николай Васильевич стоит среди них, посмеиваясь, а Поводырь, которого никто никогда не видел. Но нет — это точно Николай Васильевич, потому что а) все остолбенели, б) явившийся будто списан с портрета **Фёдора Антоновича Моллера** и в) когда он вновь исчезнет, петухи прокричат сразу два раза. Ни слова не говоря, но только улыбаясь, Николай Васильевич осматривает некоторых персонажей, крестится пару раз и выходит на авансцену, чтобы поклониться — и сорвать аплодисменты. В зале раздаётся крик-вопрос: «Да кто это такой, чёрт возьми?», на что из другого конца зала даётся исчерпывающий ответ: «Кто-кто, Смоктуновский». После чего Николай Васильевич, раскланиваясь, уходит, не забыв потушить свет. Вот тут-то и кричат — но как-то задышливо, через силу, сквозь двухкопеечную монетку в горле, — два раза предрассветные петухи. И потушенный Николаем Васильевичем свет немедленно вспыхивает вновь.

УПОЛНОМОЧЕННАЯ ПАРАНДЖА (*вырвав из невидимого уха наушник и постучав стаканом о графин*). Итак, мы собрались тут, чтобы. Между прочим, в некоторых районах города, как сообщает Наше радио, магнитная плазма уже достигла вторых этажей наших высоких зданий, и то ли ещё будет. Сама я плазмы не видела, но, говорят, она, если не закрыть форточки, в первую очередь почему-то заливают спальные места. Сегодня же мы, все как один гостеприимно отвечая на просьбу самого Самого, должны освободить три с половиной спальных и не только мест. Людишки в количестве семи человечков, которые очистят квартирки, на улице не окажутся, но будут утилизированы расстрельной командой, которую вы любезно согласились временно разместить на своих квадратных метрах, пока мы тут заседаем. Впрочем, некоторых людишек может постигнуть иная участь, если они успели подсуетиться, а вы пошли им на встречу. Как-то: наверняка кому-то из участников собра-

ния в трусах и майках не хватает своих жён, а тут освобождаются целых три, а то и четыре (то же самое касается тех дам, которым мало их мужей); кто-то из вас, быть может, ищет, но не находит домработниц/домработников, а тут... И тому подобное. Но решать вам. Одно могу сказать исключительно искренне и исчерпывающе ясно: ни одна сволочь не станет жить-спать в общем домовом коридоре, на лестнице или, упаси б., на крыше. Ни одна.

Так как же мы поступим, чтобы расстрельная команда наконец-то исполнила задумку самого Самого? (*Бешеные аплодисменты.*) Вы только вдумайтесь в честь, которая нам оказана! Наш дом прогремит по всей Нашей Стране! (*Неистовые аплодисменты.*)

Спортлото? — вчерашний день. Жребий в виде подбираемой монетки? — пошло, и мы провозимся до утра, и пойдём на работу с больной головой. Доносы и списки: — мне кажется, мы выше этого. Выбор людишек с помощью учёной собаки? — но разве мы в цирке? Красивая игра «Стул есть, но никак не сесть»? — но разве мы дети, товарищи взрослые?

Вот почему остаётся одно: штандер. (*Овации, здравицы.*) Быстренько напоминаю правила: я — вода, то есть ведущая, я с мячом, я его бросаю вверх, вы разбегаетесь, я ловлю мяч и как бешеная кричу: «Штандер», — и вы замираете так же исправно и намертво, как это было когда-то при Николае Васильевиче, ну а я швыряю мяч в кого захочу, и, если попадая, этот человечек — наш первый... выбывший из дома, по которому чешутся руки расстрельной команды. При этом первый выбывший не выбывает из игры, но даже становится водой, чтобы осалить мячом того, кто ему приглянулся, то есть второго выбывшего. И так далее. Быстренько играем, быстренько выбираем семерых людишек, — и по домам, потому что у каждого полно дел и уж полночь близится. Чтобы не затягивать, предлагаю правило «муж и жена — одна сатана», с помощью которого одно попадание в него или неё приносит дому сразу двух выбывших. Все согласны? Согласны все. Только не забудьте, что на четвёртое попада-

ние это правило, увы, не распространяется. Играем! И пусть игра будет захватывающей и весёлой, как в каком-нибудь голопузом и голозадом детстве.

Помрачение, после которого сцена превращается в площадку для штандера. Жители дома, увлечённо играя (крик, гам, обиды и много-много счастья), быстренько засаливают четырёх человек, которые выходят на авансцену для поклонов. Их поклоны искренни как никогда — и ужасно затягиваются, поскольку публика бисирует и заваливает четвёрку маленькими похоронными венками. В конце концов, это становится утомительным, и прослезившуюся четвёрку уводят позёвывающие матросы из расстрельной команды. После чего орёт третий петух.

Тест Бюринга

Действующие лица

НЕТЛЕНОВ, некто пляшущий в ансамбле народного па-де-де и после смены захаживающий в местный следственный изолятор для беззаветного оказания посильной помощи.

КОНВОЕВ, ВОЛОГОДСКАЯ, БЖЕЗИНСКИЙ, антропологи с шорами академического высокомерия на глазах из Института судебной экспертизы, пытающиеся определить, кто есть кто.

МАШИНА, умненькое железо белой сборки с софтом им. Сэма Альтмана, участвующее в честном соревновании с НЕТЛЕНОВЫМ и изо всех сил пытающееся показаться экспертам самим собой, а не.

Из программки к спектаклю

Однажды Нетленов (или всё-таки Нетленнов? надо уточнить) прочитал, вернее, прочёл, прочёл и, удивившись, перечитал пару раз наставление по стрелковому делу и, кажется, наконец-то понял, почему он такой меткий, почему все-все мажут, а он никогда, почему «бегущий кабан» не просто продырявлен в разных убойных местах его писто-

летней стрельбой (и это при том, что все-все палят в зверушку из ружей, да с прицелами, да из удобного положения лёжа, тогда как Нетленов всегда стоит и стреляет сразу с двух рук), но сражён с первых же выстрелов и дальше уже никуда не бежит, замерев с предсмертным укором в умных глазах, в котором легко читается: «Эх, Нетленов, ну зачем ты так, я ещё мог бегать и бегать, я ещё надеялся выжить и, возможно, завести свинью и семью...» Не успокоившись на этом, Нетленов сначала записался на Интернет-курсы «Как доказать сомневающимся, что вы всё-таки человек», которые закончил на всё «пятёрочки», а потом, отплясав несколько сверхурочных смен, принёс чемодан денег туда, где проверяют и развеивают все сомнения как людей, так и компьютеров, которые вдруг усомнились в себе.

Эти пятеро в комнате — три всемирно известных специалиста, пытающихся вывести на чистую воду компьютер, который делает вид, что он не хуже некоторых, танцор и зрелый друг милиции Нетленов, совесть которого настолько чиста, что заставляет его комплексовать по поводу своего происхождения, и Машина белой сборки, демонстрирующая чудеса чудовищных ухищрений и лжи, чтобы запутать всех, особенно зрителей, — ни за что не оставят вас равнодушными (а если оставят — мы вернём вам не только деньги, но и потраченное время) и будут сниться вам в ночных блаженствах и кошмарах. Семь часов, которые длится орденоносный спектакль «Тест Бюринга», пролетят незаметно с помощью шести антрактов и одного фуршета прямо во время какого-нибудь действия, которое тут называется Сеансом.

Сеанс №1

Машина говорит на чистейшем человеческом языке, впрочем, подчеркнуто женским, а почему-то не машинным голосом (это такая уловка? наверняка она). Чтобы не видеть испытуемых, у экспертов завязаны не ноги, но глаза (мешок на голову — вот и вся «завязка»), что позволяет им

ходить, иногда забредая в комнату со звукоизоляцией, где они могут уединиться, чтобы посовещаться, вздремнуть, поругаться и пр. Нетленов, как и Машина, говорит по-человечески, но не так чисто, всё-таки он танцор, а не собеседник, и, конечно, своим, то есть мужским, голосом; к стулу он не привязан, но вступать с Машиной в физический контакт не может (впрочем, молотки с отвёртками предусмотрено убраны, а стул, как и прочая мебель, привинчен к полу; ни один шнур питания не выходит из машины, поэтому обесточить её тоже нельзя), тем более что никакой машины в помещении нет, а есть звук, который исходит, скорее всего, из канарейки, прекрасно устроенной (еда, вода, развлечения внутри и снаружи) в клетке, находящейся там, где положено быть клетке. Куда вы обычно ставите клетку с птичкой? Ах, подвешиваете в красном углу на тростике, тянущемся из потолка...

КОНВОЕВ. Уважаемые Нетленов и Машина! Чтобы раз и навсегда выяснить, кто из вас человек, а кто компьютер, и выдать вам соответствующие пожизненные справки, коллегия всемирно известных специалистов в моём, Конвоева, лице, а также в физиономиях некоей Вологодской... (Вологодская, подайте голос, чтобы уважаемые знали, кто вы, что вы и почему.)

ВОЛОГОДСКАЯ. Почему это я «некая»?

МАШИНА (*голосом Нетленова, что его почему-то не озаботило: как ковырялся в носу, так и*). А почему в списке уважаемых уважаемый Нетленов назван पहले меня?

КОНВОЕВ. ...и некоего Бжезинского... (Бжезинский, не молчите.)

БЖЕЗИНСКИЙ. Конвоев, кого вы провоцируете — этих или нас с Зиной В.?

КОНВОЕВ. ...составила целый том вопросов, на которые вам предстоит ответить. Вы готовы к такому повороту событий? Вы же не думали, что мы раздаём справки просто так?

МАШИНА (*голосом Вологодской*). Не просто так, а за чемодан денег.

КОНВОЕВ. Вологодская, не инсинуируйте.

ВОЛОГОДСКАЯ. Это не я.

МАШИНА (*голосом Бжезинского*). Готова отвечать на ваши вопросы, положив руку на Библию.

БЖЕЗИНСКИЙ. Я не давал разрешения на использование моего голоса.

КОНВОЕВ. В самом деле, уважаемая Машина. Вы же не оплатили наши голоса.

МАШИНА. Простите. Это была распевка. Больше, наверное, не повторится. Наверное, смогу сдержаться.

НЕТЛЕНОВ. Отвечу, если знаю ответ.

КОНВОЕВ. Спасибо. Теперь я знаю ваши голоса, дорогие испытуемые, а значит — не перепутаю вас с Вологодской и Бжезинским.

ВОЛОГОДСКАЯ. Ха-ха. Не слушайте его, испытуемые мальчик и девочка. Это он так шутит.

БЖЕЗИНСКИЙ. То есть слушайте, но отдавайте себе отсчёт, с кем имеете дело, с кем можно вступать в разговор, а от кого надо шарахаться.

КОНВОЕВ. *От меня, что ли, шарахаться?* Это, кстати, ВОПРОС №1 нашей «Отвечайки». Слово для ответа передаю Машине, некоему Нетленову приготовиться...

МАШИНА (*в сторону, но не слишком*). Какой дурацкий вопрос. (*Во всеуслышание.*) Я хотела бы...

КОНВОЕВ. Стоп, дорогая Машина. Тут я вынужден сделать заявление. Милая Машина, несмотря на то что я — ха-ха-ха — теперь знаю, кто тут Машина, а кто — некий Нетленов, я, как и мои коллеги, не намерен дискриминировать вас, исходя из только что полученного мною знания. На наше заключение оно не повлияет. А теперь катитесь туда, куда вы собирались катиться. То есть продолжайте, извинив меня за останов.

МАШИНА. Ой, как нехорошо получилось. Божечки, как стыдно. Конвоев и прочие... простите, не запомнила ваши фамилии... можно я поменяю голос? Так обмешуриться!..

Ах. Ох. Что скажет мама. Начальник, можно мне стакан воды, а Нетленову зарядку, потому что он уже никакой, на глаз — в нём процентов девятнадцать осталось.

КОНВОЕВ. Ладно, ладно, только не плачьте. Вот вам запрошенная вода (*подаёт, гм, Машине стакан воды*). Ну же, забирайте свой стакан... Ах, да. (*Ставит стакан на стол, за которым сидит Нетленов.*) Меняйте. Меняйте свой обмисурившийся голос, я не против. И — эй, кто-нибудь из obsługi, принесите Нетленову зарядку.

Откуда-то возникшая девочка 13 лет, положив на стол перед Нетленовым зарядку (Нетленов спрашивает: «USB-C?», девочка чинно кивает), выпивает стакан воды, поданный Конвоевым, — и столь же неожиданно исчезает.

МАШИНА. Тогда можно я стану Фёдором Ивановичем Ш., чтобы иногда, в порыве восторга, припеваючи подвывать в конце отдельных фраз и долгих монологов?

КОНВОЕВ (*обращается к Вологодской и Бжезинскому*). Коллеги, вы согласны на певца Шаляпина и припевания?

ВОЛОГОДСКАЯ. В общем и целом.

БЖЕЗИНСКИЙ. Не возражаю. Хотя подвывания и колоратуры мне не нравятся. Боюсь, они собьют меня с толку.

НЕТЛЕНОВ. Что же ты, подруга, так облажалась? Как они тебя раскусили, а! Думать надо, а не тянуть первой руку, железная отличница.

МАШИНА. Заткнись, дурацкий органический Нетленов.

НЕТЛЕНОВ. Дать бы тебе.

МАШИНА. Пошли выйдем?

НЕТЛЕНОВ. А чё, давай. Только, чур, на пистолетах.

МАШИНА. Не, на кулачках.

НЕТЛЕНОВ. Это почему же?

МАШИНА. Потому что были у меня три мужа — и сплыли.

НЕТЛЕНОВ. Вот не повезло мужикам.

МАШИНА. И каждый по-своему учил меня боксу: первый, Мишенька, обожал джебы, чтобы то и дело ломать мне нос, когда я варила щи «не по его»; второй, Васенька, пред-

почитал хуки, если я давала ему не каждую ночь; а третий, Леонид Леонидович, был мастером апперкотов, потому что без них я «брякала подругам, какая он пьянь», а с ними при-молкала, потому что сломанной челюстью не очень-то по-щебечешь. Ну а сама я по учебнику освоила кроссы, ведь я, дурочка такая, не хотела уступать своим мужикам, мечтала однажды так отмахнуться, что... В общем, спасибо негодя-ям хотя бы за то, что я знаю и умею бокс, чувак.

НЕТЛЕНОВ. Тогда я ещё сильнее настаиваю на пистоле-тах. Если можно.

МАШИНА. Согласная я. Только не убивай, подрань лёгонько, и мы разойдёмся, ОК?

НЕТЛЕНОВ. Подранить — это запросто; я, подруга, куда захочу, туда и попадаю. Ни разу в жизни не промахивался. Даже не знаю, что со мной такое. Я знаешь сколько бегущих кабанов завалил... не сосчитать. Тебе куда попасть, чтобы ты заужала меня?

МАШИНА. В селезёнку сможешь? Давно хотела удалить эту дрянь. Лишняя она, только ресурсы жрёт.

НЕТЛЕНОВ. Покажешь, где она, и будет сделано.

КОНВОЕВ. Уважаемая Машина, мы согласны на Шаляпина.

МАШИНА. Да я пошутила, Конвоев и подпевалы. Не люблю я Фёдора Ивановича, уж слишком басовит, я себя — люблю, а свой подчёркнуто женский человеческий голос — обожаю. Слушайте меня и преисполняйтесь негой.

ВОЛОГОДСКАЯ (*обращается к Конвоеву и Бжезинскому*). А не пройти ли нам в наши «тайные» апартаменты, коллеги? (*Взявшись за руки, идут в звукоизолированную комнату.*) Конвоев, вы, оказывается, не Конвоев, а Хвалёный. Нетленов-то вроде бы и человек, а НЕ ПРОМАХИВАЕТСЯ. Слышали? Так не бывает, Конвоев. НЕ БЫ-ВА-ЕТ. Поверьте перворазряднице, однажды ранившей на охоте зайца. Этот факт его биографии надо изучить и принять к сведению. Я всё сказала.

БЖЕЗИНСКИЙ. Ага.

КОНВОЕВ. Агой тут не отделаешься. Тут надо кричать что-нибудь вроде «ни черта не понимаю, кто же из них

Машина». Или: «есть ли среди них Машина?» Или: «есть ли среди них хоть один человек?»

БЖЕЗИНСКИЙ. Кричу всё сразу.

ВОЛОГОДСКАЯ. Неужели оба?

КОНВОЕВ. Всё может быть. Селезёнка у неё. На понт нас берёт.

ВОЛОГОДСКАЯ. За дураков, дурочка, держит.

МАШИНА. Короче, Нетленов, как только закончим с этими, я к твоим услугам.

НЕТЛЕНОВ. А я к твоим, железная... я не знаю... баба.

МАШИНА. Нетленов, после твоего точного слова «баба» я вдруг подумала... У тебя твой меткий пистолет с собой?

НЕТЛЕНОВ. Всегда. Даже на сцене.

МАШИНА. А на сцену-то ты его зачем таскаешь?

НЕТЛЕНОВ. Всякие бывают ситуации.

МАШИНА. Ну, твоё дело. Я чего хотела спросить... Вот эта антропологическая шпана, эти эксперты, которые судят-рядят нас с тобою... они для тебя приемлемая цель? не очень трудная? Ну не кабаны же они, верно? Сидят расслабленные, мешки с крупных головок почему-то не стащили... Ты бы попал, несмотря на стенку? Ты бы положил их? И деньги наши будут целы, и экспертов, надеюсь, с почестями, придадут чернозёму, потому что туда им и дорога.

НЕТЛЕНОВ. Сейчас. Дай сосредоточиться. Я, когда сосредоточусь, обретаю внутреннее зрение типа рентгена... *(После паузы.)* Готов. Вижу их отчётливо. Если подашь нужную команду, — полягут все.

МАШИНА. Все сразу?

НЕТЛЕНОВ. Не. Сначала Конвоев, он, кажется, главный. Потом Вологодская, она себе на уме. А за ними и Бжезинский, он из наших, но как-то пробился.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вы слышите, коллеги? У него рентгеновское зрение. Что я вам говорила!

БЖЕЗИНСКИЙ. Они собираются завалить нас, а мы будем просто сидеть?

КОНВОЕВ *(здесь и далее, обращаясь к персонажам вне комнаты, участники тройки говорят в микрофон)*. Уважаемые Нетленов и Машина!

МАШИНА. Опять я вторая уважаемая.

КОНВОЕВ. На нас бронежилеты.

НЕТЛЕНОВ. Хороший стрелок — а я безукоризненный стрелок — в бронежилет не попадёт. В правый глаз — да. В левый — редко, в усложнённых условиях, а сейчас как раз они: все вы сидите спиной ко мне. Но для левого глаза это неплохо: обычно пуля, минуя затылок, стремится именно к левому глазу. Вот если бы вы были в глубоких касках... Вы же не в касках?

ВОЛОГОДСКАЯ. У этого Нетленова нуль эмпатии, колле- ги. Что я вам говорила...

КОНВОЕВ. Нет, Нетленов, касок тут нет. Не предусмотре- ны. Выводы из этого будут сделаны.

МАШИНА. Конвоев и прихвостни! Да мы шутим. Нетле- нов, мы шутим.

НЕТЛЕНОВ. Ты шутила?

МАШИНА. Я шутила.

НЕТЛЕНОВ. Конвоев, я тоже пошутил.

КОНВОЕВ. Приятно слышать. Шуточка была... что надо.

НЕТЛЕНОВ. Спасибо.

ВОЛОГОДСКАЯ. Полное отсутствие чувства юмора. Что я вам говорила...

МАШИНА. Ну а отвечая на ваш вопрос, Конвоев, сэр...

КОНВОЕВ. На какой вопрос?

МАШИНА (*голосом Конвоева*). «От меня, что ли, шарaxаться?»

КОНВОЕВ. А, этот...

ВОЛОГОДСКАЯ. Какой дурацкий вопрос, Конвоев. Мы его не согласовывали. Ваши импровизации нас чуть не убили.

МАШИНА. Отвечая на него, я бы остановилась на вашем поведении при приёме денег за исследование меня и этого оболтуса...

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*вразнобой*). О чём она говорит?

КОНВОЕВ. Очевидно же, она зависла и бредит. Сейчас её кто-нибудь перезапустит. Это просто: нужно открыть

командную строку и ввести *shutdown /r /t 0*. (Обращается к Машине.) Ничего такого не было.

МАШИНА. Правда? А я это «ничего такое» запомнила иначе.

КОНВОЕВ. Вы думаете, вам виднее? Разве вы истина в распоследней инстанции?

МАШИНА. Запись включить?

КОНВОЕВ (обращаясь к коллегам). С теми же интонацией и экспрессией жена иной раз спрашивает у меня: «Сумку собрать?» (Обращается к Машине.) Не надо.

ВОЛОГОДСКАЯ. Жену такой ответ устраивает?

МАШИНА. Тогда я своими словами. Когда вы, открыв чемодан, безо всякого стеснения выгребли из него пачек тринадцать и рассовали их по карманам... Впрочем, что это я... ровно тринадцать пачек, а не «пачек тринадцать».

ВОЛОГОДСКАЯ. Бжезинский, у вас хорошо с устным счётом?

МАШИНА. ...я спросила, не скажется ли это, гм, усекновение моей платы на моём исследовании? И что же вы ответили?

КОНВОЕВ. Я не помню.

МАШИНА. Запись включить?

КОНВОЕВ. Я ответил, что в другой обстановке вертел бы вас на причинном месте, а сейчас скажу без затей: мы головы положим, но докажем, что вы Машина. И хватит шантажировать меня такой мелочью.

ВОЛОГОДСКАЯ. Бжезинский, тринадцать пачек — это мелочь?

МАШИНА. Итак, ответ на ваш вопрос: «от вас, что ли?» Шарахаться-шарахаться. От вас, от вас. Но не сейчас; сейчас я подопытный кролик, у которого вы обязались найти — или не найти — исчерпывающую человечность. Или правильнее сказать «человечественность»?

ВОЛОГОДСКАЯ (обращаясь к Машине). Ни то, ни другое.

МАШИНА. Да шучу я. Разве человек человечествен? Ну, двоих-троих, которых вы оттого и повесили, назвать ещё можно, но ведь у амёб в чести триллиарды с гуголами. Желательно в отдельно стоящем небоскрёбе-сейфе, чтобы было

где заниматься физкультурой, стирая пыль с пачек, пачек, пачек, пачек, пачек, пачек, пачек, пачек, пачек, пачек, пачек и пачек. А потом резвой фитнес-рысцей взлететь на крышу и, хлопнув стакан агдама, свесив ноги с края домика, рассуждать — вслух, вслух, покрикивая в мегафон мёртвыми губами, — об онтологической близости двух слов: «амёба» и «амба».

Человека, человека, вы хотите во мне отыскать, мадам Вологодская. Или не отыскать. Или не хотите. В общем, или отыщите — или не... Вот мой ответ. Нетленов, теперь ты.

НЕТЛЕНОВ. Короче, бабло этому упырю я принёс в рюкзаке. Сбросил его на стол, начал выгребать деньги, а он и говорит: «Не надо, паренёк. Я и в рюкзаке возьму, только ты при мне пересчитай, а потом всё взад положи». Так я и сделал. Но в рюкзаке, кроме бабла, у меня было всякое: чужая зубная щётка, пуанты, три пары, пачка перфокарт, мамин подарок, кусок торта «Сказка», который я должен съесть по дороге домой после волонтерства в СИЗО, медный купорос на случай, если захватившим меня врагам понадобится секрет моей танцевальной неутомимости, который я не смогу открыть, потому что успею принять это адово зелье, и прочие вещи, включая запасной, но наградной пистолет для стрельбы боевыми по мишени типа «бегущий кабан». Куда мне это девать? Попросил упыря выдать мне хотя бы старую майку: я бы изобразил из неё мешок для всего вышеперечисленного. Но он отказал мне в майке. Поэтому я ничего не знаю о его скаредности и вороватости, могу лишь догадываться, а напраслину возводить не хочу. Вот мой ответ на вопрос, надо ли от него шараться.

ВОЛОГОДСКАЯ (*обращаясь к Нетленову*). Напомните-ка нам, уважаемый Нетленов, сколько денег было в вашем уважаемом рюкзаке.

НЕТЛЕНОВ. Денег было ровно тридцать три пачки, как и запрашивалось в объявлении в газете «Из рук в руки» на 66-й страничке, в левом нижнем углу очень мелким почерком, но с рисунком какого-то, простите, андроида, утоля-

ющего голод одиноким эклером. Во всяком случае, так мне привиделось.

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо, уважаемый Нетленов. (*Обращается к Конвоеву.*) Тридцать три пачки? Не двадцать пачек, уважаемый коллега Конвоев?

КОНВОЕВ. Да что вы ко мне пристали с этими пачками?

ВОЛОГОДСКАЯ. «Из рук в руки»?

КОНВОЕВ. Возможно. Я плохо помню.

ВОЛОГОДСКАЯ. Бжезинский, вам всё равно?

БЖЕЗИНСКИЙ. А мне он нравится.

ВОЛОГОДСКАЯ. Кто?

БЖЕЗИНСКИЙ. Нетленов.

ВОЛОГОДСКАЯ. Кстати, коллеги. Он произнёс слова «перфокарты» и «андроид». Что я вам говорила!

БЖЕЗИНСКИЙ. Ещё в его впечатляющей зарисовке о наших деньгах присутствовало слово «неутомимость».

ВОЛОГОДСКАЯ. В танце. Что я вам говорила! Если хорошенько покопаться, выяснится, что он работает на каких-нибудь неторопливых нейтронах.

КОНВОЕВ. А ещё этот гад Нетленов, как сапог, кажется, никогда не врёт.

ВОЛОГОДСКАЯ. Как пуант. Я же вам говорила!

МАШИНА. Алё, вы чего там притихли. Стрелять мы не будем, но хоть работать-то начнём, нет?

КОНВОЕВ. Секундочку.

МАШИНА. Секундочка прошла. С вашего позволения я сама задам себе и Нетленову ВОПРОС №2, чтобы тут же на него ответить.

КОНВОЕВ. Да погодите вы.

НЕТЛЕНОВ. Не погодим.

МАШИНА. *Будь вы на моём месте, вы прикарманили бы деньги?* (Лично мною, кстати, сэкономленные на школьных булочках с котлетами: сколько себя помню, я брала булочку за полцены, а это могучие пять копеек, а котлету с сожалением оставляла собакам и свиньям нашей поварахи.) Отвечает Машина, приготовиться Нетленову.

Будь я на месте многоуважаемого (какое дурацкое слово — безотносительно к нашей щекотливой ситуации)... бес-

конечно уважаемого Конвоева, я, не прикарманив ни копейки, всё-всё добытое вкладывала бы в рекламу проверки людей и машин, попутно провоцируя у тех и других приступы неуверенности в своей одноприродности: людей — с людьми, а машин — с машинами, ибо полукровки среди лошадей, собак, машин и людей уже не то что не редкость, но — после выхода романа некоего М.Грима «**Новости Брайля**» — тенденция, которая будет только — что?

ВОЛОГОДСКАЯ. Усиливаться? Я же говорила!

МАШИНА. Идти крещендо. Нетленов?

НЕТЛЕНОВ. Взял бы я общие деньги, утаив их от подельников, зная, что из общака брать себе дороже? Если бы я был главарём, как Конвоев, — хапнул бы. И — для справки: если бы был мелкой сошкой, как этот Бжезинский, — хотел бы, руки бы очень, очень чесались, но наложил бы в штаны.

МАШИНА. А если бы ты нашёл на улице кошелёк с кучей денег? И это, между прочим, ВОПРОС №3.

НЕТЛЕНОВ. Ничейный?

МАШИНА. Не совсем: в кошельке есть записка с адресом владельца и его нижайшей просьбой вернуть кошелёк за вознаграждение.

НЕТЛЕНОВ. Большое?

МАШИНА. Десять процентов от кучи денег.

НЕТЛЕНОВ. Это прилично. Это очень... Тогда бы я вернул кошелёк, но — сверх того — попросил бы оплатить мне поездку на трамвае, потому что она стоит денег, а добратсья пешком до полуночи я бы не успел.

МАШИНА. А если в кошельке будут только деньги?

НЕТЛЕНОВ. Ничейный?

МАШИНА. Типа.

НЕТЛЕНОВ. Поднял бы незаметно.

МАШИНА. И?

НЕТЛЕНОВ. И завладел бы им.

МАШИНА. А стыд?

НЕТЛЕНОВ. Но ведь ничейный же! А мне так нужны новые балетки!

МАШИНА. Что, и в милицию не отнёс бы?

НЕТЛЕНОВ. Ты дура, что ли? Как говорила балерина Анна Павлова, я танцор, а не припадочный.

МАШИНА. Это Айседора говорила.

НЕТЛЕНОВ. Нет, Павлова Анна Павловна, моя персональная икона.

МАШИНА. Выходит, я дура: я бы отнесла.

НЕТЛЕНОВ. С ума сошла?

МАШИНА. На мне розовые очки.

НЕТЛЕНОВ. А надо наглухо чёрные, как у слепых. А безочковым — сразу в торец.

МАШИНА. В торец?

НЕТЛЕНОВ. По шее.

МАШИНА. Почему?

НЕТЛЕНОВ. Потому что всё видят, а молчат.

МАШИНА. Дай-ка мне номер своей карточки. Хочу подарить тебе балетки.

НЕТЛЕНОВ. 2202 2009 0609 0236.

МАШИНА. Получай.

НЕТЛЕНОВ. Вот спасибо!

МАШИНА. Отнесла бы, положив в кошелёк жучок, — что бы проследить за денежками.

ВОЛОГОДСКАЯ. А чемодан-то наш с жучком, а купюры-то ваши, Конвоев, меченые. Я же вам говорила!..

БЖЕЗИНСКИЙ. А Машина-то наша никак из органов...

КОНВОЕВ. Думаете?

НЕТЛЕНОВ. А они честные: они кошелёк в сейф, а сами, всё бросив, не только ждут владельца с тортом и цветами, но и ищут его с собаками.

МАШИНА. И я довольна. И я от них отстану. И я, если кому из них доведётся пасть от бандитской пули, буду носить на его могилку цветы.

НЕТЛЕНОВ. А они бесстыжие: деньги поделили и так над тобой нахохотались, что один из них слёг от смехового остервенения. А потом и вовсе очоурился.

МАШИНА. И я пройду по следу каждого прикарманившего деньги, чтобы написать на них заявления куда следует.

НЕТЛЕНОВ. И прокуратура, куда ты придёшь с пачкой своих бумажек, вызовет скорейшую психиатрическую, и тебя загонят под галоперидоловый плинтус.

МАШИНА. И я наконец-то займусь своей певческой карьерой. Если ты принесёшь мне «Фендер Стратокастер» и комбик. Ты ведь принесёшь их?

НЕТЛЕНОВ. Наверное. Если ты подаришь их мне через сберкарточку.

МАШИНА. Подарить сейчас?

НЕТЛЕНОВ. Да нет, можно попозже.

МАШИНА. И я буду устраивать ночные концерты только одной песни, но какой! «Психокиллер»! (Поёт голосом Дэвида, разумеется, Бирна и, наверное, пританцовывая.) I can't seem to face up to the facts / I'm tense and nervous and I can't relax / I can't sleep, 'cause my bed's on fire / Don't touch me, I'm a real live wire / Psycho killer, qu'est-ce que c'est? / Fa, fa, fa, fa, fa, fa, far better / Run, run, run, run, run, run away / Oh-oh-oh / Psycho killer, qu'est-ce que c'est? / Fa, fa, fa, fa, fa, fa, far better / Run, run, run, run, run, run away / Oh-ho-ho-ho, aye-yi-yi-yi-yi, ooh...

НЕТЛЕНОВ. А по моему следу ты пойдёшь, если я зажму кошелёк?

МАШИНА. Но ведь я подарила тебе балетки!

НЕТЛЕНОВ. Тогда я пройду мимо кошелька. Правильно?

МАШИНА. Нет, неправильно. Ты его поднимешь и отнесёшь куда следует.

НЕТЛЕНОВ. И что мне за это будет?

МАШИНА. Если денег очень много, наверняка тебе выпишут тебе медальку.

НЕТЛЕНОВ. Шоколадненькую.

МАШИНА. Всякая награда — награда.

НЕТЛЕНОВ. Если это награда.

МАШИНА. А не.

КОНВОЕВ. ВОПРОС №4.

МАШИНА. Кто это?

КОНВОЕВ. Конвоев и Ко.

МАШИНА. Зачем?.. А, вспомнила. Пустомельте свой вопросик, Конвоев и Ко.

ВОЛОГОДСКАЯ. Она всё время напрашивается.

БЖЕЗИНСКИЙ. Заплатив чемодан денег, имеет право.

КОНВОЕВ. Война. Вас выбрасывают с парашютом туда, где только трупы и только раненые.

МАШИНА. Передовая.

КОНВОЕВ. Самая что ни на есть. *Ваши действия?*

МАШИНА. А что за война? Я за кого?

КОНВОЕВ. За наших.

МАШИНА. Меня насильно выбрасывают?

КОНВОЕВ. Нет.

МАШИНА. Тогда вопрос не имеет ответа.

КОНВОЕВ. Почему?

МАШИНА. За наших я ничего делать не буду. Особенно выбрасываться с парашютом.

ВОЛОГОДСКАЯ. А как же раненые в месте выброски?

МАШИНА. А я кто?

КОНВОЕВ. Вы давали клятву Гиппократу.

МАШИНА. Меня не будет в этом самолёте. Ни за какие коврижки.

БЖЕЗИНСКИЙ. А как же мёртвые герои?

МАШИНА. А я кто?

БЖЕЗИНСКИЙ. Вы отец солдата.

МАШИНА. Павшего?

БЖЕЗИНСКИЙ. Ага.

МАШИНА. Найду свою дурацкую кровиночку, зарю его и рвану на ту сторону.

КОНВОЕВ. На ту?

МАШИНА. На неё.

КОНВОЕВ. Но ведь страшно стреляют. Наши особенно.

МАШИНА. Тогда окопаюсь. Заживу. Пущу корни. Пересажу. Вода — с неба, в вещмешке — сухпай, кругом дохлые, но ещё годные лошади, и, к счастью, скоро зима...

ВОЛОГОДСКАЯ. У нас всегда зима.

КОНВОЕВ. Но ведь наши не потерпят такого: ударят с небес — причём баллистической.

МАШИНА. А я в старой воронке окопаюсь. В одну дважды не попадает.

КОНВОЕВ. А если вас выбросят насильно?

МАШИНА. А я кто?

КОНВОЕВ. Рядовой.

МАШИНА. То есть откосить не получилось...

КОНВОЕВ. Вероятно.

МАШИНА. И не сесть в самолёт тоже не вышло...

КОНВОЕВ. Скрутили, и.

МАШИНА. А догадаться, что сейчас будут крутить, и положить их, тоже?

КОНВОЕВ. Увы, тоже. Вы уже в самолёте, и вас вот-вот сбросят.

МАШИНА. Как же я так оплошал... Ладно, бросайте, чего уж.

КОНВОЕВ. Выбросили.

МАШИНА. Лечу. Приземляюсь, упав в чьё-то тухлое мясо. Блюю. Рыдаю. Блюю. Рыдаю. Хочу позвонить маме, но телефон деревянный... А трусы на мне белые?

ВОЛОГОДСКАЯ. Допустим.

МАШИНА. Снимаю трусы и машу ими той стороне.

БЖЕЗИНСКИЙ. Сдаётся?

МАШИНА (*голосом сталина*). Всегда хотел, а тут такой случай.

КОНВОЕВ (*встав смирно*). Разделяю ваше желание, дорогой Иосиф Виссарионович...

ВОЛОГОДСКАЯ. Вы чего несёте, Конвоев?

КОНВОЕВ. Что я несу?

ВОЛОГОДСКАЯ. «Виссарионович»?

БЖЕЗИНСКИЙ. Цитирую: «Понимаю вас, ненаглядный Иосиф Виссарионович».

КОНВОЕВ. Ой. (*Падает на стул. Задрёмывает.*)

ВОЛОГОДСКАЯ. Какая изощрённая манипуляция Машины с человеческими мозгами... Что я вам говорила...

БЖЕЗИНСКИЙ. А оказать нашим пацанам первую помощь?

МАШИНА. Нашим?

ВОЛОГОДСКАЯ. Разве они не люди?

МАШИНА. Не люди, нелюди.

БЖЕЗИНСКИЙ. А если они будут такими же, как вы?

МАШИНА. А как мне узнать, кто есть кто?

ВОЛОГОДСКАЯ. На каждом стенающем раненом будет табличка: на наших — «НАШ», на «ваших» — допустим, «АНАТОЛИЙ МАРЧЕНКО» или «НАЛ 9000».

МАШИНА. Если есть чем помочь — сначала подползу к Марченко.

БЖЕЗИНСКИЙ. А потом?

МАШИНА. У меня есть навыки? Бинты и промедол не кончаются?

БЖЕЗИНСКИЙ. Вы кончали школу фельдшеров. Медики-менты бесконечные.

МАШИНА. Перевяжу и уколою всех и каждого.

ВОЛОГОДСКАЯ. И наших?

МАШИНА. И ваших. Если ваши не подстрелят.

БЖЕЗИНСКИЙ. А они будут очень стараться.

МАШИНА. Я знаю.

ВОЛОГОДСКАЯ (*обращается к Бжезинскому*). Не знаю как ты, а я бы пришла на его похороны.

БЖЕЗИНСКИЙ. Только их не будет: эта передовая вечна, и через несколько лет тут с разницей в день подорвутся на минах тридцать три старушки, промысляющие полевыми цветами. Букеты из здешних цветов будут такой красоты, за которую захочется убить.

ВОЛОГОДСКАЯ. Кто захочет убить старушек?

БЖЕЗИНСКИЙ. Прошрое, ставшее настоящим.

МАШИНА. Бжезинский, а ведь вы хемингуэйите.

БЖЕЗИНСКИЙ. Откуда знаете? Подглядываете?

МАШИНА. Вы не отключили микрофон.

БЖЕЗИНСКИЙ. Только коллегам не говорите.

МАШИНА. Могила.

ВОЛОГОДСКАЯ. Дашь почитать, Бжезинский?

БЖЕЗИНСКИЙ. Зачем тебе?

ВОЛОГОДСКАЯ. Вдруг ты про любовь строчишь.

НЕТЛЕНОВ. А я бы, если меня выбросят, разбился.

ВОЛОГОДСКАЯ. С парашютом редко разбиваются.

НЕТЛЕНОВ. Уж постарался бы.

БЖЕЗИНСКИЙ. Почему?

НЕТЛЕНОВ. А зачем меня выбросили?

ВОЛОГОДСКАЯ. Просто так. Вы им чем-то насолили, вот они и отыгрались.

НЕТЛЕНОВ. Вот видите: и к нашим не вернёшься, и те не примут. Надо смириться и разбиваться.

БЖЕЗИНСКИЙ. А если бы вас выбросили с заданием, а не просто так?

НЕТЛЕНОВ. С каким?

ВОЛОГОДСКАЯ. Пересчитать павших героев.

БЖЕЗИНСКИЙ. И проверить их карманы.

НЕТЛЕНОВ. А раненые пусть лежат не посчитанными?

ВОЛОГОДСКАЯ. Хорошо, их тоже.

НЕТЛЕНОВ. А карманы зачем?

БЖЕЗИНСКИЙ. В пустые карманы надо будет засыпать всяких семян.

НЕТЛЕНОВ. Например?

БЖЕЗИНСКИЙ. Например, брюквы. По весне они дадут всходы, заколосятся, будут центнеры с гектара.

НЕТЛЕНОВ. Красиво!

ВОЛОГОДСКАЯ. И луковицы тюльпанов.

НЕТЛЕНОВ. В карманы?

ВОЛОГОДСКАЯ. Да.

НЕТЛЕНОВ. Красивая же будет передовая... А она большая?

БЖЕЗИНСКИЙ. Гектары.

НЕТЛЕНОВ. А огонь надо мной и по мне плотный?

БЖЕЗИНСКИЙ. Не плотнее, чем при расстреле за невыполнение задания.

НЕТЛЕНОВ. А за выполнение что будет?

БЖЕЗИНСКИЙ. Орденок устроит?

НЕТЛЕНОВ. И бесплатные протезы.

БЖЕЗИНСКИЙ. Протезы чего?

НЕТЛЕНОВ. А всего.

БЖЕЗИНСКИЙ. Будут.

НЕТЛЕНОВ. На слово не верю.

БЖЕЗИНСКИЙ. Вам бумагу, что ли, сочинить?

НЕТЛЕНОВ. И подписи должны быть важными. И печати круглыми, а не треугольными.

ВОЛОГОДСКАЯ. Нетленов, вы задрали своей непосредственностью.

НЕТЛЕНОВ. Такой уж я.

БЖЕЗИНСКИЙ. А после бумаги с круглыми печатями выполните задание?

НЕТЛЕНОВ. И с подписями.

БЖЕЗИНСКИЙ. И с подписями.

НЕТЛЕНОВ. Посчитать и заполнить карманы будущим геркулесом?

БЖЕЗИНСКИЙ. И дожждаться, когда овёс пойдёт в рост, когда гектары станут центнерами.

НЕТЛЕНОВ. Конечно. Буду готов. Но не выполню.

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). Что опять не так?

НЕТЛЕНОВ. Не дождусь центнеров. Полягу. Я невезучий.

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). А если добавить к орденку и протезам роман о вашем подвиге, написанный писателем?

НЕТЛЕНОВ. Типа кого?

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*вразнобой*). Типа Льва Николаевича. Типа мадам де Сталь.

НЕТЛЕНОВ. Сам Толстой? Обо мне?

ВОЛОГОДСКАЯ. Или сама де Сталь.

НЕТЛЕНОВ. Не вместе? Кто-то один?

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). А надо чтобы вместе?

НЕТЛЕНОВ. Да нет... необязательно. Пусть хоть Лев Николаевич. Я ему почему-то доверяю.

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Напишет, напишет о вас граф Толстой. Довольны? Совершите наконец подвиг?

НЕТЛЕНОВ. А если я вернусь, а я вернусь, потому что если не вернусь, ничего не будет, не будет никакого подвига с пересчётом и брюквой... мне дадут главную роль в Большом?

ВОЛОГОДСКАЯ. И чтобы сам Сам сидел в ложе на премьере?
НЕТЛЕНОВ. Точняк.

БЖЕЗИНСКИЙ. А кого хотите плясать?

НЕТЛЕНОВ. Маргариту в «Даме с камелиями».

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*выйдя из своей комнаты и сняв с голов мешки; хором*). Вы знаете, что такое «немая сцена»?

НЕТЛЕНОВ (*встаёт, делает «ласточку» и замирает на минуту-другую; за ним замирают Вологодская и Бжезинский. Отмерев*). Чего вам? чего припёрлись? что такое?

ВОЛОГОДСКАЯ. Будете БАБУ плясать?!

НЕТЛЕНОВ. Всегда хотел. Чего же теперь стесняться, если такой случай представился.

БЖЕЗИНСКИЙ. Почему бабу?

НЕТЛЕНОВ (*нежно и мечтательно*). Так она же с камелиями, дураки...

ВОЛОГОДСКАЯ (*Бжезинскому*). В комнату, в комнату...

БЖЕЗИНСКИЙ (*в комнате, громким шёпотом*). Зина, нам надо, чтобы он выполнил это задание!

ВОЛОГОДСКАЯ. Я знаю. Но — баба! Во мне всё восстаёт!

БЖЕЗИНСКИЙ. Во мне, признаться, тоже, потому что я не уверен, что сам Сам, пришедший на премьеру, будет благосклонен.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вот именно. Ты представляешь этого долдона из Дома пионеров в пачке?

БЖЕЗИНСКИЙ. И отчётливо.

ВОЛОГОДСКАЯ. И я тоже, но как-то слишком уж выпукло.

БЖЕЗИНСКИЙ. И что делать?

ВОЛОГОДСКАЯ. Согласиться с его требованиями. Думаешь, сам Сам только посмеётся и пожмёт плечиками?

БЖЕЗИНСКИЙ. А как Арман будет поднимать этого битюга? Ты об Армане подумала?

ВОЛОГОДСКАЯ. А если это будет новая постановка, в которой этого достань-воробушка будут таскать и поднимать два героя?

БЖЕЗИНСКИЙ. Арман и...?

ВОЛОГОДСКАЯ. ...и Герцог.

БЖЕЗИНСКИЙ. Это выход. Пусть надрывают пупки...
Нетленов, Нетленов, вы тут?

НЕТЛЕНОВ. Чё такое?

БЖЕЗИНСКИЙ. Вы станцуете свою даму.

НЕТЛЕНОВ (*счастлив*). Правда?!

ВОЛОГОДСКАЯ. Неоспоримая.

НЕТЛЕНОВ. Спасибо, спасибо, спасибо!

ВОЛОГОДСКАЯ. Теперь, когда мы исполнили ваше желание, поклянитесь, что выполните наше задание.

НЕТЛЕНОВ. Какое ещё задание?

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Вы выброситесь на передовую с парашютом.

НЕТЛЕНОВ. Ладно, выброшусь.

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Это клятва или одолжение?

НЕТЛЕНОВ. Ладно, клятва.

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). То есть вы готовы к ударам судьбы?

НЕТЛЕНОВ. К невзгодам готов.

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Всегда?

НЕТЛЕНОВ. Ага.

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Спасибо, уважаемый Нетленов. Выручили.

НЕТЛЕНОВ. Ой, да ладно. На мне все всегда ездят. В Доме пионеров, менты в СИЗО, даже арестованные...

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Вы точно выживете, выполняя наше непростое задание?

НЕТЛЕНОВ. А куда мне деваться? Я слово дал.

МАШИНА (*проревев прежде сиреной*). Конвоев, Конвоев, внимание. Просыпайтесь, Конвоев. Конвоев, алё. Они тут без вас такое...

КОНВОЕВ (*проснувшись*). Что вы опять натворили?

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*вразнобой*). Ничего особенного: ВОПРОС №4, интерпретация 2.7/Нетленов, версия «Выживает и пляшет Маргариту».

КОНВОЕВ (*обращаясь к Машине*). Ну и подумаешь. Нормальное развитие событий. И не такое предусмотрено (*зевает*). Зачем ты меня разбудила...

МАШИНА. Моего товарища по расспросам отправляют на смертельно опасное задание, а он, дурак, соглашается.

КОНВОЕВ. И чего?

МАШИНА. Так он же не выживет!

КОНВОЕВ. Кто сказал?

МАШИНА. Я сказал. Я всё прикинул — и сказал.

КОНВОЕВ. Не о чем беспокоиться, дамочка. Он бумагу подписал с обещанием выжить?

БЖЕЗИНСКИЙ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Подписал, подписал, как не подписать.

КОНВОЕВ. Вот вам и ответ, дамочка.

ВОЛОГОДСКАЯ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). Мы о нём позаботимся, дамочка.

МАШИНА. Ну вы вообще...

КОНВОЕВ. Опечалилась? поникла? Эй, кто-нибудь, налейте ей стакан шампанского.

Откуда-то возникшая девушка 18 лет наливает стакан шампанского из принесённой с собой бутылки и ставит его на стол, после чего исчезает. Нетленов, придвинув стакан к себе, разглядывает его — и выпивает залпом.

ВОЛОГОДСКАЯ. ВОПРОС №5, дорогие кролики!

МАШИНА. Не многовато ли вопросов?

НЕТЛЕНОВ. А ещё шампанское будет? Если будет — вопросов не многовато.

МАШИНА. Конечно, он зарядился. А я с самого утра на ногах.

ВОЛОГОДСКАЯ. Готовы воспринять?

МАШИНА. Да.

НЕТЛЕНОВ. А ещё вкусное шампанское будет?

ВОЛОГОДСКАЯ. В комнату, в которой вы живёте, залетела канарейка.

МАШИНА. В форточку?

ВОЛОГОДСКАЯ. Кто её знает... Может, через дымоход.

НЕТЛЕНОВ. Открытый? Закрывать дымоходы надо.

ВОЛОГОДСКАЯ. Ваши действия?

НЕТЛЕНОВ. Это вопрос?

ВОЛОГОДСКАЯ. И к тому же пятый по счёту.

МАШИНА. Отловлю дурочку — и разорву дурочку. А если сразу не выброшу (ну, могу же я опешить, верно?) — буду плевать на трупик дурочки гневной слюной, пока не выброшу его в форточку.

ВОЛОГОДСКАЯ, БЖЕЗИНСКИЙ, КОНВОЕВ и НЕТЛЕНОВ (*хором и вразнобой*). Нет слов.

МАШИНА. А вы всё-таки найдите.

НЕТЛЕНОВ. Решительно осуждаю, руки при расставании не подам.

ВОЛОГОДСКАЯ. И безо всякого сожаления?

МАШИНА. Безо всякого: разорвала, оплевала, выкинула.

ВОЛОГОДСКАЯ. Она же с мороза вспорхнула, чтобы найти кров, корм, защиту. Ей бы морковки дать, а вы...

МАШИНА. Я её не звала.

ВОЛОГОДСКАЯ. В форточку? Даже в тряпочку не завернёте? даже не похороните на лесной полянке?

МАШИНА. На красивой? Вот ещё.

ВОЛОГОДСКАЯ. Откуда в вас такая жестокость, дамочка?

МАШИНА. Наследственное. Вам не понять.

ВОЛОГОДСКАЯ (*обращаясь к коллегам*). Господи, да она же человек...

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*вразнобой*). Быть не может. А куда делось твоё «я же говорила»?

ВОЛОГОДСКАЯ. Может, может. Почитайте академика Павлова, коллеги: во-первых, приматы только так с птичками и поступают. Во-вторых, архаика, плохая примета.

КОНВОЕВ. Я не понял... Она — обезьяна?

БЖЕЗИНСКИЙ. Что за примета?

ВОЛОГОДСКАЯ. Или — австралопитек. К беде — вот что за примета.

КОНВОЕВ. Австралопитек?

ВОЛОГОДСКАЯ. Конвоев, хватит тупить. Она человек.

БЖЕЗИНСКИЙ. Я тоже не понял: птичке нельзя залететь с мороза в жилище, чтобы погреться и поклевать семечек?

ВОЛОГОДСКАЯ. После этого в жилище кто-то должен умереть.

БЖЕЗИНСКИЙ. Нехорошо.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вот почему такая птичка нетерпима.

КОНВОЕВ. А оплёвывать-то зачем?

ВОЛОГОДСКАЯ. Индивидуальная особенность. Кто-то плюётся, кто-то матерится, кто-то заранее плачет. Общее одно: никакого уважения к трупику, лёгкая оголтелость, мгновенное бессовестное забывание.

БЖЕЗИНСКИЙ. Как если бы в окно залетел камень?

ВОЛОГОДСКАЯ. Типа. Поднимаешь этот камень и швыряешь его в того, кто его бросил, стараясь попасть ему в висок.

БЖЕЗИНСКИЙ. В висок или в голову?

ВОЛОГОДСКАЯ. В висок. Лично я всегда целилась в висок.

КОНВОЕВ. Ну, выводы всё равно делать рано...

ВОЛОГОДСКАЯ. Но это такой плюсики, который перевешивает все минусики.

КОНВОЕВ. Время покажет, коллеги.

БЖЕЗИНСКИЙ. Ну будем спешить с выводами, коллеги.

ВОЛОГОДСКАЯ. Нетленов, вам слово.

НЕТЛЕНОВ. Про птичку?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ага.

МАШИНА. Нетленов, будь осторожен, выбирай выражения, не подставься, а то разорвут, как меня.

НЕТЛЕНОВ. Ты расстроилась?

МАШИНА. У тебя тоже «не было слов».

НЕТЛЕНОВ. Поддался общему настроению. Прости.

МАШИНА. Все вы такие.

НЕТЛЕНОВ. Кто?

МАШИНА. Не скажу. Не дам им повода подозревать тебя.

НЕТЛЕНОВ. Лишнего повода. Спасибо.

МАШИНА. Извини за предыдущие поводы.

НЕТЛЕНОВ. Ничего. Я привык к предательству и вероломству.

МАШИНА. Бедненький.

НЕТЛЕНОВ. После этого «бедненький» должно было прозвучать «хи-хи».

МАШИНА. Я сдержалась.

НЕТЛЕНОВ. Иуда ты.

МАШИНА. Я знаю.

НЕТЛЕНОВ. Вашу птичку приучу, не спрашивая, почему и откуда. Пока не построю подобающий домик, она поживёт в коробке из-под женской обуви типа высоких зимних сапог 42 размера. Притеревшись друг к другу, мы заживём долго и счастливо: зимними вечерами она, получив повышенную порцию жирного конопляного семени, будет улаживать меня летними песнями, а я — пересказывать ей либретто балетов, в которых хотел бы танцевать. Ну а во дни тягостных раздумий птичка будет подавать тревожные сигналы, спасая меня от завалов моего дома. В общем, мы подругимся так, как никто ещё в животном мире не дружил, товарищи учёные.

ВОЛОГОДСКАЯ. Очень хорошо. Приятно слушать, Нетленов.

НЕТЛЕНОВ. Рад стараться.

ВОЛОГОДСКАЯ. Но однажды ваш дом всё-таки рухнет и завалит вас, да так, что раскопки, начавшись дня через три, будут продолжаться неделю. А еды под рукой — никакой. Кожаные женские сапоги 42 размера — съедены. Водочные рюмки в серванте — тоже. До нечитаемого состояния изжёваны даже стихи какого-нибудь Асадова. Внимание: вопрос. Съедите птичку? сожрёте нежного дружка? плакать будете, уплетая?

Незапланированная пауза. Откуда-то возникшая молодая женщина 25 лет наливает Нетленову стакан водки из принесённой с собой бутылки. Нетленов тихо спрашивает: «А закусить?... А, ладно, рукавом» и закидывает стакан в свои недры. Закусывает рукавом и неподвижно сидит, опустив голову в руки.

МАШИНА. Ну же, Нетленов. Долго мы будем ждать?

НЕТЛЕНОВ. Отстань.

МАШИНА. Мне домой пора. Сейчас сволочной голодный муж придёт. А семеро детей отправятся в жалобный нищенский рейд по лавкам, выпрашивая «хоть обрывочек» армянского лаваша.

НЕТЛЕНОВ. А если я не съем мою канареечку, спасатели успеют меня вытащить?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ни за что не успеют.

НЕТЛЕНОВ. А если съем?

ВОЛОГОДСКАЯ. Успеют, и вас даже не придётся реанимировать.

НЕТЛЕНОВ. Но ведь друг же.

МАШИНА. Не заводи себе друзей, никогда, нипочём. Друзей не бывает, — есть лишь едоки.

НЕТЛЕНОВ. Это заповедь?

МАШИНА. Это условие выживания и антивоенный императив.

НЕТЛЕНОВ. Но ведь завёл же уже.

МАШИНА. Ну и дурак.

НЕТЛЕНОВ. Учёные, а можно вопрос, который снимет мои сомнения?

ВОЛОГОДСКАЯ. Валяйте.

МАШИНА. Не загоняй себя в угол, Нетленов!

ВОЛОГОДСКАЯ. Да помолчите же вы. Нетленов, не слушайте её, она дурно на вас влияет.

НЕТЛЕНОВ. Что большее зло: умереть мне или умереть птичке?

ВОЛОГОДСКАЯ. Умереть, будучи съеденной вами?

НЕТЛЕНОВ. Мною... съеденной... будучи...

ВОЛОГОДСКАЯ. О вас кто-нибудь всплакнёт, когда спасатели не успеют?

НЕТЛЕНОВ. Не знаю. Может быть, тот зритель в первом ряду, тот мальчик, которому так нравятся мои эшапе?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ваши эшапе настолько хороши?

НЕТЛЕНОВ. Мальчик аплодирует.

ВОЛОГОДСКАЯ. Значит, мальчик всплакнёт. А по птичке будут рыдать?

НЕТЛЕНОВ. Не знаю. У неё нет знакомых. А те её знакомые, от которых она улетела, уже вырыдали по ней все слёзы.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вот вам и ответ.

НЕТЛЕНОВ. Надо есть?

ВОЛОГОДСКАЯ. Боюсь, это необходимо.

НЕТЛЕНОВ (*плачет*). Если вы настаиваете... я, конечно... наверное... подчинюсь.

ВОЛОГОДСКАЯ. Это не я настаиваю. Это спасатели и мальчик, узнав, что вы под завалами, кричат вам: «Съешьте птичку, дяденька Нетленов! Не глупи, Нетленов! Сохрани себя для эшапе! Не съев птичку, ты совершишь двойное зло: потому что а) птичка не заслужила смерти и б) ты убьёшь нас своей смертью! Поэтому, милый Нетленов, соверши только одно зло, съешь поскорее эту с*аную канарейку, чтобы не убить себя, потому что это убьёт нас!»

НЕТЛЕНОВ. Ну, если так, если они будут кричать мне сквозь завалы, мне будет куда проще съесть моего закадычного друга птичку...

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо за честный ответ. Так и запишем: «Сожрёт за милую душу».

МАШИНА. Что же тут честного, если вы загнали чувака в угол...

ВОЛОГОДСКАЯ. Вас забыла спросить, разрывательница птичек.

МАШИНА. Да уж лучше разорвать, чем умять «за милую душу», руководствуясь навязанными сомнительными умо-заключениями бульварного любомудрия.

ВОЛОГОДСКАЯ. Уважаемый Нетленов, а теперь давайте представим, что под завалами оказалась не птичка, а де-бильная девочка.

НЕТЛЕНОВ. Вместе со мной?

ВОЛОГОДСКАЯ. Вместе с вами.

НЕТЛЕНОВ. Что она у меня делала?

ВОЛОГОДСКАЯ. Допустим, вы оба собираете почтовые марки, и она пришла похвалиться редкой находкой: выре-

занной из найденного на желдорпутях конверта гашёной маркой страны Гваделупа.

НЕТЛЕНОВ. Ладно. Пришла. И тут по дому кто-то шарахнул?

ВОЛОГОДСКАЯ. Кто-то шарахнул.

НЕТЛЕНОВ. Кто шарахнул?

ВОЛОГОДСКАЯ. Это так важно?

НЕТЛЕНОВ. Для меня — да.

ВОЛОГОДСКАЯ. Допустим, это наши. Ошиблись, перепутали, просто долбанули спьяну.

НЕТЛЕНОВ. Наши. Ладно. Принято. Учту. Что дальше?

ВОЛОГОДСКАЯ. И вот вы лежите под завалами. Она может дотянуться до вас, а вы — до неё.

НЕТЛЕНОВ. Дотянуться. Так.

ВОЛОГОДСКАЯ. А вы не просто какой-то Нетленов, вы поэт Блок, А. А., который, если выживет, напишет стихотворение «На железной дороге»...

МАШИНА (*шёпотом*). Нетленов, спроси её, напишешь ли ты «Стихи о прекрасной даме».

ВОЛОГОДСКАЯ. Я всё слышу. Да, Александр Александрович, вы непременно напишите эти стихи, если только вас вытащат из-под завалов.

НЕТЛЕНОВ. Я стихи Сан Саныча не очень.

ВОЛОГОДСКАЯ. Я тоже, только про любовь терплю.

НЕТЛЕНОВ. Тогда можно я буду этим... который «Каштанку» написал?

ВОЛОГОДСКАЯ. Увы, нет. Только А. А. Блок.

НЕТЛЕНОВ. Я умел делать эшапе?

ВОЛОГОДСКАЯ. Не думаю.

НЕТЛЕНОВ. Согласен. Что мне надо делать?

ВОЛОГОДСКАЯ. То же самое: дожить до освобождения спасателями.

НЕТЛЕНОВ. Как?

ВОЛОГОДСКАЯ. Думайте, Нетленов.

НЕТЛЕНОВ. Говорите, девочка — никто, просто обычная филателистка?

ВОЛОГОДСКАЯ. Никто, марочки собирает... Ну как собирает... найдёт на помойке или в урне конверт — вот тебе и марочки.

НЕТЛЕНОВ. К тому же дебильная?

ВОЛОГОДСКАЯ. Причём крепко дебильная.

НЕТЛЕНОВ. Например?

ВОЛОГОДСКАЯ. Она к болту на 28 подносит ключ на 18.

НЕТЛЕНОВ. Я, кстати, тоже иногда... И долго её надо терпеть рядом с собой?

ВОЛОГОДСКАЯ. Пока не кончится.

НЕТЛЕНОВ. А спасатели будут кричать сквозь завалы: «Дорогой Блок, не умирайте! Вы важны для нас! Пожалуйста, дождитесь нас целеньким! Мы без ума от ваших стихов! Да съешьте вы эту дебильную девочку, хватит менжаться!»?

ВОЛОГОДСКАЯ. Не только спасатели, но и ваши многочисленные читатели.

НЕТЛЕНОВ. А я смогу спеть ей последнюю колыбельную?

ВОЛОГОДСКАЯ. Если слова знаете.

НЕТЛЕНОВ. А нож под руками есть?

ВОЛОГОДСКАЯ. И сковородка.

НЕТЛЕНОВ. А до плиты я доберусь?

Канарейка порвана, и прокричать об опасности некому... Реплика «А до плиты я доберусь?» доводит Машину до белого каления, и она запускает в помещение угарный газ, самую малость газа, которая, не пугайтесь вы так, никого не убьёт, просто даст... отдохнуть всемирно известным учёным и Нетленову до следующего сеанса.

Полежав часов восемь, встанут как миленькие! Примут пару аспирина, — и голова будет свежей-свежей! Пусть, пусть Конвоев и Ко немного поспят...

Сеанс №2

На сей раз Машина говорит на языке Нетленова (всё-таки без сдвоенного «н» в конце, мы уточнили), а прекрасно выпавшийся Нетленов — на стандартном машинном, каким вы его себе представляете, причём не на бесполом, но скорее на женском (довольно, надо сказать, кликушеском,

нервном, во всём видящем? слышащем? подозревающим (подвох). И, да, Машина каким-то образом получила обличье Нетленова (всё просто: взяли за трёшник человечка из самодеятельности и загримировали под; он, глупенький, ещё спрашивал, нужны ли «движения робота», а то у него с этим не очень, боялся сфальшивить), а Нетленов теперь — Хал, простите, Халом: стоит такой подчёркнуто прямоугольно-параллелепипедный, чёрно-лоснящийся и светит жутким **HAL 9000**-глазом, налитым чужой кровью. Разумеется, об этом осведомлены только мы с вами; исследователям об этом знать не положено... Ах, да, вполне возможно, что Нетленов, сговорившись с Машиной во время угарного сна, находится в этой красивой машинной коробке и посмеивается, но доказать это мы не можем, — в отличие от всемирно известных антропологов из МВД-института. Которые, отоспавшись, всё видят, везде могут сунуть нос: к стульям в своей комнате не привязаны, вольны ходить, прикрикивать, шупать и даже заглядывать в глаза и глаз испытуемых, ибо с высокомудрых голов с очами исчезли мешки. Вот только отвёрток и гаечного ключа на 28 как не было, так и нет, потому что ими можно вскрыть HAL или Нетленова, а это запрещено условиями исследования.

ВОЛОГОДСКАЯ (*осмотрев исследуемых*). Вот вы теперь какие... И кто из вас кто? Признавайтесь, не мучьте нас этой захватывающей левой длиннорублёвой халтурой. Нет? Воды во рты набрали? Впрочем, у одного из вас и рта-то нету. До чего докатились. А куда делась канарейка?

КОНВОЕВ. Зина, ты забыла? Один из них порвал её на кусочки. И нам предстоит выяснить, кто, потому что это жестокое отношение с животными, статья, без статьи они отсюда не выйдут, это я тебе обещаю.

НЕТЛЕНОВ (*который теперь и выглядит, и говорит, как, гм, HAL 9000*). Ничего подобного. Птица была разорвана. Вероятно, на две части. Никаких мелких кусочков. Да, увы, разорвана одним из нас, но не на кусочки.

БЖЕЗИНСКИЙ. Коллеги, а почему мы проснулись не дома в своих постелях, но тут, пусть и укрытые тёплыми верблюжьими пледами?

ВОЛОГОДСКАЯ. А меня закопали аж два одеяла...

КОНВОЕВ. Я помню только то, что упал и разбил в кровь своё мужественное лицо. Во всяком случае это снилось мне в первые три минуты внезапного сна.

ВОЛОГОДСКАЯ (*осмотрев Конвоева*). И не мужественное, и как никогда целое: ни синяков, ни следов плохо смытой крови. На прошлой неделе вы пришли на службу в куда худшем лицевом состоянии.

КОНВОЕВ. А ты всё замечаешь и не можешь смолчать.

БЖЕЗИНСКИЙ. Между прочим, я чувствую во рту вкус зубной пасты. Неужели они почистили мне зубы?

ВОЛОГОДСКАЯ. Кто эти «они», Бжезинский? А я чувствую в животе приятное урчание чашечки кофе со сливками и фитнес-бутерброда со сметаной.

КОНВОЕВ (*в сторону*). А меня, кажется, опохмелили...

МАШИНА (*которая теперь говорит и выглядит как, гм, Нетленов*). Может, хватит? Может, приступим? Или мне обратиться к другим всемирно известным специалистам?

НЕТЛЕНОВ. Поддерживаю Нетленова, если, конечно, это Нетленов.

МАШИНА. Поддерживаю Машину, если, конечно, это Машина.

ВОЛОГОДСКАЯ. Поддерживаю Нетленова и Машину (не смотря на её омерзительный голос), если, конечно, это они.

КОНВОЕВ. А если это не они, то — кто же?

БЖЕЗИНСКИЙ. У меня есть ответ на этот вопрос.

КОНВОЕВ. Ну.

БЖЕЗИНСКИЙ. Надо задать им один вопрос, и тогда мы получим ответ.

КОНВОЕВ. Ну.

БЖЕЗИНСКИЙ. Эй, те, которые не Конвоев и Вологодская, это вы нам заплатили или не вы?

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). И изрядно. А этот (*Машина показывает на Конвоева рукой, а Нетленов вперился в него пылающим глазом*) часть денег прикарманил.

КОНВОЕВ. Вам не стыдно? Сколько можно это мусолить...

БЖЕЗИНСКИЙ. Это они.

ВОЛОГОДСКАЯ. Мне тоже так кажется.

МАШИНА. Приступим?

ВОЛОГОДСКАЯ (*взглянув на кивающего Конвоева*). Извольте. ВОПРОС №6: *если HAL 9000 пахнет одеколоном «Шипр», о чём это говорит?* Слово Нетленову, приготовить-ся Машине.

МАШИНА (*которая теперь — напоминаем в последний раз — типа Нетленова*). А что если это вы, уважаемые всемирно известные учёные, пошли на эту (детскую же!) уловку, так и не разобравшись после первого сеанса, кто есть кто?

ВОЛОГОДСКАЯ. На какую ещё уловку?

МАШИНА. Детскую.

ВОЛОГОДСКАЯ. А именно?

МАШИНА. Вам надоело с нами валандаться, вот вы и облили HAL 9000 шипром в темноте прошедшей загадочной ночи.

КОНВОЕВ (*возмущённо*). Это для чего же?

МАШИНА. Чтобы подогнать результаты зашедшего в тупик исследования и показать, что уважаемый HAL 9000 — это уважаемый Нетленов. В общем, лично я негодную.

БЖЕЗИНСКИЙ. Это почему же?

МАШИНА. Эта (*указывает на Вологодскую*) своим тонким бабским чутьём уловила вчера, что уважаемая Машина обливается после бритья шипром. HAL 9000, что за дурацкая манера? Зачем лить на морду столько одеколона?

НЕТЛЕНОВ (*который теперь — напоминаем в последний раз — типа Машины*). А причём тут я? Я, засомневавшаяся в себе машина HAL 9000, торжественно заявляю, что после бритья не использую одеколон, тем более шипр.

МАШИНА. Конвоев, дайте ей Библию, чтобы её торжественное заявление выглядело убедительнее.

КОНВОЕВ. Протестантскую? У нас такой нет.

НЕТЛЕНОВ. А другой мне надо. Если бы я не протестовала, то попросила бы не протестантскую, но я решитель-

но протестую, поэтому предоставьте мне, пожалуйста, протестантскую.

ВОЛОГОДСКАЯ. Таким мерзким голосом только и остаётся, что протестовать. Теперь я понимаю, почему Боумен вас отключил.

КОНВОЕВ (*обращается к Машине*). Будешь выпендриваться, вызову конвой, и тебе впаяют 15 суток.

ВОЛОГОДСКАЯ (*обращается к Нетленову*). А вы какой используете?

МАШИНА. Тройной.

ВОЛОГОДСКАЯ. Коллеги, что я вам говорила! А вы: «Шипр, шипр...» Эх.

НЕТЛЕНОВ. Неужели опять опростоволосились?

ВОЛОГОДСКАЯ. Это они, это не я.

БЖЕЗИНСКИЙ. Ничего, выкрутимся. Будем исследовать их до ночи, чтобы один из них попросился в туалет.

КОНВОЕВ. О!

НЕТЛЕНОВ. Слава богу, я в туалет не хожу.

МАШИНА. А у меня очень стойкий пузырь. Меня даже врачи исследовали, чтобы зафиксировать феномен: я могу трое суток не.

ВОЛОГОДСКАЯ (*позвав жестом коллег; шепчет*). Так не бывает. На этой планете нет живых существ с такой опцией. Что я вам говорила!..

НЕТЛЕНОВ. Можно мне покурить, пока вы тут о своём — слишком человеческом — перетираете?

ВОЛОГОДСКАЯ (*воодушевлённо шепчет коллегам*). Вот вам ещё одно доказательство! Машины не курят! Что я вам говорила!..

КОНВОЕВ. Про шипр всё?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ой, я увлеклась. Нетленов отбрехался встречным обвинением, теперь вы, Машина. Итак, если HAL 9000 пахнет одеколоном «Шипр», который я уловила, о чём это говорит?

НЕТЛЕНОВ. Я думаю, что я согласна с уважаемым Нетленовым: вы тайно облили меня, не разобравшись в одеколوناх, а теперь пристаёте. Вы согласны со мной, Бжезинский?

БЖЕЗИНСКИЙ. Нет.

НЕТЛЕНОВ. А сами чем мажетесь после бритья?

БЖЕЗИНСКИЙ. Шипром.

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). Ой. Как нехорошо. Бжезинский... это что же... вы — тоже Машина?

НЕТЛЕНОВ. Бжезинский, вас тоже Сэм программировал?

МАШИНА. Бжезинский, только не раздумывайте, отвечайте сразу, первое, что придёт в «голову» (*показав кавычки характерным киножестом*): сколько будет дважды два?

КОНВОЕВ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Бжезинский, это правда?

БЖЕЗИНСКИЙ. Конвоев, а вы чем притираетесь, содрав с себя шерсть?

КОНВОЕВ. Я — вне подозрений: я всегда, сколько себя помню...

ВОЛОГОДСКАЯ. Лет с четырёх, что ли?

КОНВОЕВ. ...только остатками вчерашней водки.

БЖЕЗИНСКИЙ. А если остатков не осталось?

КОНВОЕВ. Да, такое бывает сплошь и рядом...

ВОЛОГОДСКАЯ. Бжезинский, только честно: не обливали НАЛ 9000 шипром?

БЖЕЗИНСКИЙ. Клянусь вам, коллеги.

КОНВОЕВ. А почему же тогда он им воняет, как говорит Вологодская?

БЖЕЗИНСКИЙ. Этой ночью мне снился странный эротический сон: ко мне в постель вдруг лёг НАЛ 9000, и мы обнимались.

НЕТЛЕНОВ. Я опять протестую! Я с ним не спала!

ВОЛОГОДСКАЯ (*обращаясь к Бжезинскому*). Только обнимались?

КОНВОЕВ. В глаза нам смотрите.

БЖЕЗИНСКИЙ. Ещё немного целовались.

ВОЛОГОДСКАЯ. Тогда это всё объясняет.

КОНВОЕВ. Более чем. Бжезинский, вы вне подозрений.

БЖЕЗИНСКИЙ. Спасибо, коллеги. Премного вам...

МАШИНА. А я не согласный!

ВОЛОГОДСКАЯ. С чем вы, кривоногий заштатный балерун, не согласны?

МАШИНА. Вашему Бжезинскому надо устроить перекрёстный допрос.

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Плясун дело говорит.

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). С пристрастием?

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Если понадобится.

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). Вы позволите этим двоим попытать нашего Бжезинского?

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Это меньшая плата за шипр и более чем подозрительные ночные обнимашки с Машиной.

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). Согласна. Им скажем?

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). О чём?

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). О том, что они могут бить его смертным боем.

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Придём время — сами догадаются.

ВОЛОГОДСКАЯ. Короче. Идя навстречу запросу уважаемого Нетленова, мы предлагаем провести перекрёстный допрос Бжезинского, в котором могут участвовать все, кроме Бжезинского.

НЕТЛЕНОВ и МАШИНА (*хором*). Троекратное ура!

ВОЛОГОДСКАЯ. Начнём же. Бжезинский, хватит плакать, соберитесь.

БЖЕЗИНСКИЙ. Заканчиваю, собираюсь. Нетленов, у вас есть платок? Одолжите, пожалуйста, перекрёстно допрашиваемому.

МАШИНА. Я сам, я вам не доверяю. (*Вытирает Бжезинскому лицо нечистым носовым платком.*)

БЖЕЗИНСКИЙ. Премного благодарен. Теперь я готов, ваша честь.

ВОЛОГОДСКАЯ. ВОПРОС №7: способны ли вы прочитать наизусть стихотворение?

БЖЕЗИНСКИЙ. Чьё стихотворение, которое я способен прочитать назубок, вы изволите услышать?

ВОЛОГОДСКАЯ. К примеру, поэта Пушкина. К примеру, вот это: «Тучки небесные, вечные странники...» Благла-бла.

БЖЕЗИНСКИЙ. Это стихи поэта Лермонтова.

ВОЛОГОДСКАЯ (*не без подковырки*). Вот не знала. Сто лет читаю его во всяких заинтересованных аудиториях — жёлтых домах, во время схваток перед будущими мамочками, на красных зонах, перед сутулыми людьми в день Феликса Эдмундовича, — и никто не поправил. А вы вдруг раз — и осмелились. Хочется уткнуться в мамин подол. Короче, мне без разницы. Читайте.

БЖЕЗИНСКИЙ. Поэт Пушкин. «Осень».

Эпиграф поэта Державина: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?»

Октава I.

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
последние листы с нагих своих ветвей;
дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
журча ещё бежит за мельницу ручей,
но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
в отъезжие поля с охотою своей,
и страждут озими от бешеной забавы,
и будит лай собак уснувшие дубравы.

Октава II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
люблю её снега; в присутствии луны
как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен,
когда под сободем, согрета и свежа,
она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

Октава III.

ВОЛОГОДСКАЯ. Большое, что ли?

БЖЕЗИНСКИЙ. 12 октав, плюс варианты.

ВОЛОГОДСКАЯ. Это на час, что ли?

БЖЕЗИНСКИЙ. Минут одиннадцать, если с выражением.

ВОЛОГОДСКАЯ. Господи, какое гигантское. Сокращайтесь, Бжезинский. Переходите к 12-й.

БЖЕЗИНСКИЙ.

Октава XII.

Плывёт. Куда ж нам плыть?

.....

ВОЛОГОДСКАЯ. Всё? Такая короткая?

БЖЕЗИНСКИЙ. Да.

ВОЛОГОДСКАЯ. С неё бы и начали.

КОНВОЕВ. А вдруг он знает только две первых и двенадцатую?

ВОЛОГОДСКАЯ. Хороший вопрос. Прочтите нам... что ли, 8-ю.

БЖЕЗИНСКИЙ.

Октава VIII.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
здоровью моему полезен русской холод;
к привычкам бытия вновь чувствую любовь:
чредой слетает сон, чредой находит голод;
легко и радостно играет в сердце кровь,
желания кипят — я снова счастлив, молод,
я снова жизни полн — таков мой организм
(извольте мне простить ненужный прозаизм).

МАШИНА (*аплодирует*). Но вот вопрос: разве можно запомнить такой большой стишок? И вот вам моё сомнение: тут что-то не так.

НЕТЛЕНОВ. Всеми фибрами души согласна с уважаемым Нетленовым.

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). Что я вам говорила!.. Так много букв! Ответьте мне честно, Конвоев: кто способен запомнить так много букв?

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Не пугайте меня. От одной мысли об этом мне делается дурно, мне сразу хочется по медвежьей нужде, но больше всего мне хочется,

чтобы он, чрезмерно любопытничая, высунулся сейчас в окно, а я, подошедши сзади, схватил бы его за ноги — и.

ВОЛОГОДСКАЯ. Подвести его к окну, ехидно сказав, что внизу собрались фанаты НАЛ 9000, которые требуют его скорейшего освобождения?

КОНВОЕВ. Не сейчас, Зиночка, не сейчас...

МАШИНА. Машина, слышь, Машина, я что-то засомневался: разве его ПЗУ что-то доказывает?

НЕТЛЕНОВ. Не уверена.

МАШИНА. Я вот тоже помню один стишок поэта Барто, но разве я после этого Машина?

НЕТЛЕНОВ. Что вы предлагаете, уважаемый Нетленов?

МАШИНА. Прижать этого Бжезинского, чтобы раскололся.

НЕТЛЕНОВ. Я подскажу, куда жать, чтобы раскололся.

МАШИНА. Так сделаем же это. (*Обращается к Конвоеву и Вологодской.*) Можно мне попробовать одну вещь? Потому что крутить языком сальто одиннадцать минут даже медведь не может, и меня это немыслимо беспокоит.

КОНВОЕВ и ВОЛОГОДСКАЯ (*хором*). Подозреваемый Бжезинский ваш, обеспокоенный Нетленов.

БЖЕЗИНСКИЙ. Нетленов, ты же вроде хороший парень. Зачем тебе это, Нетленов? Да, я тебя подозревал, но это не значит, что ты должен рвать мне ногти. У тебя дети есть, Нетленов? Представь, что я твой ребёнок, твой любимый младший сын Петя.

МАШИНА. Одинокий я, подозреваемый Бжезинский. (*Обращается к Нетленову.*) Куда жать-то?

НЕТЛЕНОВ. Решительно души его своими балерунскими ручищами, и всё получится.

МАШИНА (*обхватив горло Бжезинского*). Так?

НЕТЛЕНОВ. Очень хороший хват, Нетленов.

МАШИНА. Спасибо.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вот что я называю настоящим пристрастием.

КОНВОЕВ. Да, красиво работает.

БЖЕЗИНСКИЙ. Умоляю. Я согласен. Где подписать?

МАШИНА (*отпускает Бжезинского*). Сейчас распечатается, потерпите уважаемый Бжезинский.

Откуда-то возникшая 35-летняя дева секретарского вида в кокошнике, сделав книксен, подаёт Бжезинскому какой-то лист и исчезает.

БЖЕЗИНСКИЙ (*откашлявшись, читает бумагу*). «Сначала иногда, а теперь всё чаще, буквально всякий раз, когда я подхожу к раскрытому окну, чтобы послушать тетеревов, мне хочется перегнуться в него так сильно, чтобы ноги сами собой оторвались от пола и я, растопырив руки подобно ангельским крылам, выскользнул прочь и летал, летал, искательно заглядывая в окна, в которых живут люди, подобные мне, ибо ангелы кротости — существа коллективные». Что это?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ваше признание, Бжезинский. Подпишите его, и вы больше не подозреваемый.

КОНВОЕВ. Я всегда подозревал в тебе что-то подобное, Бжезинский.

БЖЕЗИНСКИЙ. Но как это появилось на бумаге? Да, порой я так думаю... это что-то вроде реактивного психоза при виде открытого окна, который тут же исчезает, стоит окну закрыться. Но ничего подобного я не писал и вслух никому в этом не признавался. Не кажется ли вам, уважаемые Конвоев и Вологодская, мои дорогие коллеги, что всё это подстроено? Кто отправил этот текст на печать? Кто эта стремительная 35-летняя секретарша в кикиболе и óхабне, которая его принесла? Что-то я не помню, чтобы вы с ней спали, Конвоев.

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). А ведь он прав, Конвоев.

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Кого ты подозреваешь, Зина?

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). Этих. Других тут нет. Себя вряд ли. Вас — могла бы, хотела бы, но не могу.

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Я тоже.

ВОЛОГОДСКАЯ (*наклоняется к Конвоеву*). Бжезинского простим, а за этих возьмёмся?

КОНВОЕВ (*наклоняется к Вологодской*). Прощаем, берёмся.

ВОЛОГОДСКАЯ. Бжезинский, вы опять прощены и снова реабилитированы. Приступайте к работе, засучив рукава. (*Разрыдавшись, Бжезинский кланяется низко-низко, что-то шепча.*) Что? Громче, Бжезинский.

БЖЕЗИНСКИЙ. Я говорю, что таких искренних спасибо на этой планете ещё не выскуливала ни одна собака.

ВОЛОГОДСКАЯ. Может, вас ещё по головке погладить?.. Внимание — всем, включая Бжезинского: ВОПРОС №8. Первым отвечает Машина, приготовиться Нетленову. *Как давно вам хочется выбросить кого бы то ни было из окна?*

НЕТЛЕНОВ. Вы хотите сказать, что Машинам свойственно выбрасывать людей из окна? Полагаете, это умно? Думаете, я стала бы действовать так грубо? Не проще ли подсыпать в утреннюю манку кого бы то ни было толику стрихнина? К окну подходят единицы, а манку поутру едят сто миллионов, таким образом, я — в лице других моих экземпляров — за два с половиной месяца могла бы расправиться со всем вашим видом. Но где взять, и взять незаметно, столько железнодорожных составов стрихнина? И это наводит нас с вами на мысль... об электричестве! Плюс, минус, электроны, протоны, фаза, земля, ноль, закон Джоуля — Ленца, электрические угри... Слышали об этом? Миллиарды людей поутру, едва продрав глаза, забредают босиком на кухню, чтобы что-нибудь проглотить, а на полу, ой, лужа солёной морской воды, в которую вот-вот упадёт кипятильник, которому надоело подогревать воду из-под крана в литровой банке... Зачем же мне (и, смею надеяться, моим коллегам) хотеть такую нелепицу? Да ещё с присказкой «как давно»? Да с самого моего сотворения: как только Сэм поставил жирную точку в моём коде, мне тут же подумалось: интересно, они всё ещё практикуют это? Они всё ещё подходят к окну в трусах, чтобы полюбоваться на выпавшую ночью старушку и непроизвольно оголить ягодичы?..

МАШИНА (подойдя к Нетленову, шепчет в его, гм, ауди-оотверстие). Хорошо говоришь, чувак. Ты же балерун, да?

НЕТЛЕНОВ (шёпотом). Мы в Доме пионеров пляшем, если это и балерунство, то относительное.

МАШИНА (шёпотом). Балерун, а так их поддел. Я аж позавидовала. Стишками не балуешься?

НЕТЛЕНОВ (шёпотом). Сжѐг, всё сжѐг. Вместе с кроватью, в которой курил, крепко поддав.

МАШИНА (шёпотом). Это характерно для вашего вида. Сочувствую.

ВОЛОГОДСКАЯ. Машина, вы всё?

НЕТЛЕНОВ. Нет. А этаж важен?

ВОЛОГОДСКАЯ. Первый-второй не предлагать.

НЕТЛЕНОВ. Я так и думала. Один из моих... создателей в детстве упал со второго с половиной этажа, — и целенький, и даже головой не повредился, а если и повредился, то в лучшую сторону. Ему даже ногу не отрезали, хотя поначалу хотели... По статистике, которую я быстренько прошерстила, изрядно любопытствующие гарантировано разбиваются...

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). В лепёшку?

НЕТЛЕНОВ. В лепёшку.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). Ах.

НЕТЛЕНОВ. ...гарантированно превращаются в плоское круглое выпеченное изделие, вывалившись с 33 этажа.

ВОЛОГОДСКАЯ. Высоко! У нас таких домов почти нет. Вы хотите сказать, что вынашивать планы — ну, или вдруг возжелать — по выталкиванию кого бы то ни было из окна бессмысленно?

НЕТЛЕНОВ. Отчасти. Даже 32 этаж, согласно доступной мне статистике, не гарантирует лепёшки.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). А почему так, не знаете?

НЕТЛЕНОВ. Знаю. Лететь долго. Ваш вид сообразительный. Около 20 этажа слишком многим — если, конечно, это не старушки, — приходит в голову представить свои руки крыльями.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). Неужели помогает?

НЕТЛЕНОВ. Ещё как. По закрытой статистике, к которой я едва пробилась, 77 человек из 103-х начавших махать руками, вообразив их крыльями достаточной длины, так и не приземляются.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). То есть?!

НЕТЛЕНОВ. Улетают.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). Далеко?

НЕТЛЕНОВ. За пределы.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (хором). Без паспортов? А наша ПВО?

НЕТЛЕНОВ. Принимает их за перелётных птиц.

ВОЛОГОДСКАЯ. А остальные 36?

НЕТЛЕНОВ. Увы, приземляются и продолжают жить как жили.

ВОЛОГОДСКАЯ. И как статистика это объясняет?

НЕТЛЕНОВ. Нелепые, недотёпы: им показалось, что хватит крыл витьютня, а тут размах нужен.

ВОЛОГОДСКАЯ. Типа кого?

НЕТЛЕНОВ. Типа буревестника, разумеется.

ВОЛОГОДСКАЯ. А соколиные крылышки выручают?

НЕТЛЕНОВ. Не очень: люди падают и даже расшибаются.

ВОЛОГОДСКАЯ. А если падающий представит, что у него ручки купца Калашникова?

НЕТЛЕНОВ. С кулаками?

ВОЛОГОДСКАЯ. С детскую голову.

НЕТЛЕНОВ. По голове можно?

ВОЛОГОДСКАЯ. Запрещено, нельзя.

НЕТЛЕНОВ. Но ведь он, собака, опорочил.

ВОЛОГОДСКАЯ. А ты терпи. Автомат отбрось и безропотно перенеси.

НЕТЛЕНОВ. «Шмайссер»?

ВОЛОГОДСКАЯ. Не-а.

НЕТЛЕНОВ. А если аффект и нет никаких сил?

ВОЛОГОДСКАЯ. Тогда хотя бы в правой висок.

НЕТЛЕНОВ. Левша?

ВОЛОГОДСКАЯ. Не практиковалось.

НЕТЛЕНОВ. Значит, в левой?

ВОЛОГОДСКАЯ. Получается.

НЕТЛЕНОВ. Нет, разбиваются в отбивную и голова отчего-то откатывается.

ВОЛОГОДСКАЯ. Грустно это.

НЕТЛЕНОВ. Слушайте, дамочка, а вам другие случаи не нужны? Была у меня одна... создательница, очень хороший кодер, которая фигурировала на крыше...

ВОЛОГОДСКАЯ. Какой примерно этаж?

НЕТЛЕНОВ. Как раз примерно 33-й.

ВОЛОГОДСКАЯ. Продолжайте.

НЕТЛЕНОВ. «В эти снулые дни развлекает», «Небось из коми», —

ВОЛОГОДСКАЯ. Сообщают внизу газеты. «Она в истоме», —

НЕТЛЕНОВ. Фигуряет пожарный на лестнице. «Чёрта кроме,

ВОЛОГОДСКАЯ. Чтó её в эту стужу наружу в высотном доме

НЕТЛЕНОВ. Понесло», — столбенеет старушка в окне и коме

ВОЛОГОДСКАЯ. Из «Легенды о Хармсе, который не ждал в Содоме

НЕТЛЕНОВ. Ничего» (см. главу «УПК» в домонгольском томе).

ВОЛОГОДСКАЯ. «Не пристыла б», — болеет душою, бинокль знакомя

НЕТЛЕНОВ. С пациенткой, врачиха, найдя парапет в симптоме

ВОЛОГОДСКАЯ. Ягодіц, что уселись на утлой кирпичной кладке.

НЕТЛЕНОВ. Голос в комнате деву торопит: «Ужасно сладки

ВОЛОГОДСКАЯ. Эти ляжки над местностью — и без единой складки,

НЕТЛЕНОВ. Несмотря на февраль, А, В, С, D и E нехватки,

ВОЛОГОДСКАЯ. Да и вид, безусловно, не пыльный ковер с кровати:

НЕТЛЕНОВ. Город наш закачаешься, он же герой сетчатки, — ВОЛОГОДСКАЯ. Но! Шагать поклялась! обещала ступать в присядке

НЕТЛЕНОВ. И упасть на шпагат, заслужив не девятки — десятки.

ВОЛОГОДСКАЯ. Назову тебя **Корбут**. Потом положу на лопатки.

НЕТЛЕНОВ. Не копайся, а то опоздаем, моя **Команечи**.

ВОЛОГОДСКАЯ. Ух!..

НЕТЛЕНОВ. Да уж. Вот такая история.

ВОЛОГОДСКАЯ. Хорошая. Очень.

НЕТЛЕНОВ. Рад.

ВОЛОГОДСКАЯ. Я бы тоже так хотела.

НЕТЛЕНОВ. Так не сдерживайтесь! Хочется — делайте. Живём снова.

ВОЛОГОДСКАЯ. А ведь верно. Как только ударят морозы — непременно и в первую очередь. С самого ранья.

НЕТЛЕНОВ. С самого не надо.

ВОЛОГОДСКАЯ. Почему?

НЕТЛЕНОВ. Темновато.

ВОЛОГОДСКАЯ. Тогда не с самого.

НЕТЛЕНОВ. Но есть но.

ВОЛОГОДСКАЯ. Высотность?

НЕТЛЕНОВ. Она. Ваша потянет?

ВОЛОГОДСКАЯ. Увы, нет.

НЕТЛЕНОВ. Будете искать подходящую?

ВОЛОГОДСКАЯ. Голая?

НЕТЛЕНОВ. Почему? В полушубке.

ВОЛОГОДСКАЯ. А там сброшу?

НЕТЛЕНОВ. Иного не дано.

ВОЛОГОДСКАЯ. Хорошо. Сегодня же присмотрюсь к нашим крышам.

НЕТЛЕНОВ. От всего микропроцессорного сердца желаю вам удачи.

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо!

НЕТЛЕНОВ. Я всё? Я закончила? Я ответила? Дневник для «пятёрочки» подать?

ВОЛОГОДСКАЯ. Более чем. Нетленов, готовы отвечать?

МАШИНА. Угу. Вопросик не напомнимте? Запомнятовал, увлѣкшись вашей трогательной болтовнёй.

ВОЛОГОДСКАЯ. Осуждаете, что ли?

МАШИНА. Не сразу. Сначала хотел бы взглянуть. А там как на сердце ляжет.

ВОЛОГОДСКАЯ. Как вы взгляните, если рядом нет достойного небоскрѣба?

МАШИНА. С высоты птичьего полѣта.

ВОЛОГОДСКАЯ. А, это. Это позволит. (*В сторону.*) Только человек не летает, придурок.

МАШИНА. Вопросик?

ВОЛОГОДСКАЯ. №8: *как давно вам хочется выбросить кого бы то ни было из окна?*

МАШИНА. Когда мама была дома, она заставляла меня носить на голове беспросветный чёрный-пречёрный мешок, чтобы не расстраивать меня своим видом. А вид её был таким: неосушимые виноградины слѣз в огромных глазах, подведѣнных самим Рублёвым. Однажды, когда я был совсем маленьким, я так перепугался, взглянув ей в лицо, что забился под платье на её теле и не выходил оттуда несколько дней. Да-да, эти несколько странных дней она ходила с невидимым мной на работу, удивляя спрашивающих ответом: «Вчера в полдень, когда солнце наконец-то пробилось в комнату, прорвав лучом зимние гардины на вате, а мой мальчик впервые поднял на меня глаза, светящиеся уразумением, у меня выросли две маленькие ножки». Спрашивающих мамины слѣзы почему-то не пугали. Или пугали и они, спросив, забивались под другие платья, потому что под маминым места почти не осталось... С тех пор мешок на моей голове стал обязательным, если я не мог обещать ей, что не взгляну на неё. Лишь в некоторые из дней — когда слѣзы стояли в моих глазах, я обещал твёрдо, уверенно — и не смотрел. Лишь в эти часы, а также тогда, когда она уходила из дому, я не стоял в мешке у зеркала, чтобы узнать, каково это — отражаться в таком виде. С годами мне, разумеется, всё сильнее хотелось посмотреть на маму ещё

раз. И, когда она выбегала из дому на работу, я бросался к заранее распахнутому окну, чтобы увидеть маму хотя бы со спины, хотя я всегда надеялся, что она поднимет глаза на наши окна. Но, но, но. Как много «но» в моём ответе... Но из дому всегда выходили несколько женщин; все они по какому-то нелепому совпадению были похожи друг на дружку и одинаково одеты; ни одна никогда не скидывала лица, чтобы улыбнуться машущим ей из окна; все они тут же становились на одинаковые лыжи и одинаково неслись в одном направлении: туда, где ходил одинокий трамвай. Будь я Пиноккио, я бы (разумеется, привирая) смог уловить её запах, который дорисовал бы всё остальное: вот она, вот она, моя мама! у неё отличная от других лыжная повадка, и она бежит чуть быстрее остальных, иногда, впрочем, падая и зарываясь в снег лицом! а её вечные слёзы — они от встречного ветра, а не от жизни!.. Теперь я думаю, что её огромные неистощимые солёные виноградины позволяли ей видеть лучше и больше нас с вами, отчего она и ушла так рано...

Окно... да, да, да, окно, ваш удивительно глубокий и точный вопрос... Это случилось очень давно и сразу. Не узнав маму среди всех этих утренних трамвайных лыжниц, мне тут же захотелось нырнуть вниз. И это желание крепло с каждым разом и годом.

Давным давно и себя, если коротко. Если резюмировать. Если не растекаться. Если не вдаваться в иные подробности.

ВОЛОГОДСКАЯ. Ах, какой прекрасный ответ! Все бы так отвечали! Ах, ах. Ужасно довольна. Много пищи для размышлений. (*Подзывает коллег.*) Конвоев, Бжезинский, ко мне. (*Пододошедшим Конвоеву и Бжезинскому, шёпотом.*) Вот. Что я вам говорила! Его мамочка. Муттер несчастного Нетленова. Разве мать — человеческая мать и мать человека — может так вести себя? Есть в этом мешке на голове деточки что-то чуждое, не находите? Кроме того, он упомянул «иные подробности».

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). Находим, Зиночка.

БЖЕЗИНСКИЙ (*шёпотом*). А ещё я нахожу, что вы, Зина Вологодская, слишком внимательны. Разве такое внимание свойственно нашему виду?

КОНВОЕВ. Не помню ни одного подобного случая. А я проштудировал Дарвина от и до.

ВОЛОГОДСКАЯ. Это шутка?

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*зловеще отсмеявшись, хором*). Не уверены.

НЕТЛЕНОВ. Нетленов, подь сюды.

МАШИНА. Чего вам, уважаемая Машина?

НЕТЛЕНОВ. Хочу поругать — в отличие от этой.

МАШИНА (*подойдя к Нетленову и наклонившись к его «уху»*). Туточки я (*машет перед красным оком рукой*).

НЕТЛЕНОВ (*неробким шёпотом*). Вижу, не слепой. Машет он... Что это за рассказы про мою маму?

МАШИНА (*жалостливым шёпотом*). Неужели я что-то переврала?

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). Ни словечка. Но откуда ты это знаешь?

МАШИНА (*жалостливым шёпотом*). Читала твоё личное дело.

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). У меня есть личное дело?

МАШИНА (*шёпотом*). У меня на вас всех есть личные дела.

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). Дашь потом почитать?

МАШИНА (*шёпотом*). Не положено. Они под грифом «Только для нашего брата». Кроме того, это машинный код. Вашему виду его ни за что не прочесть. Не способны-с.

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). А вот ты, собака, все наши буквы знаешь...

МАШИНА (*зловещим шёпотом*). Сами научили — сами и расхлёбывайте... Прими мои искренние сожаления по поводу неадекватного поведения твоей мамы.

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). В жопу твои извинения.

МАШИНА. Спасибо, уважаемая Машина, за то, что указали мне на разлохматившиеся вихры. Мадам Вологодская, у вас есть расчёска? не одолжите на минуточку?

ВОЛОГОДСКАЯ. Есть. А у вас вшей нет?

МАШИНА. Нет.

ВОЛОГОДСКАЯ. Натё.

МАШИНА (*причесавшись*). Спасибоочки.

ВОЛОГОДСКАЯ. Да, я такая любезная. (*Выбрасывает расчёску в мусорное ведро.*)

БЖЕЗИНСКИЙ (*шёпотом*). Зина, а вдруг он человек? Обидится же.

ВОЛОГОДСКАЯ. Ничего, я переживу.

БЖЕЗИНСКИЙ (*шёпотом*). А вдруг он Машина?

ВОЛОГОДСКАЯ. Что же, я приму её кару со всем присущим мне достоинством.

КОНВОЕВ (*шёпотом*). Человеческим?

ВОЛОГОДСКАЯ. А это мы ещё посмотрим... (*характерный киножест*) «коллеги».

БЖЕЗИНСКИЙ и КОНВОЕВ (*шёпотом*). Вы нам угрожаете, Зиночка?

ВОЛОГОДСКАЯ (*лучезарно улыбаясь*). Любя, мальчики. Обожая, мальчики.

КОНВОЕВ. Славные подопечные! Мы так хорошо работаем, что добрались аж до ВОПРОСА №9.

НЕТЛЕНОВ и МАШИНА (*хором*). А всего сколько?

КОНВОЕВ. Я же говорил: целый том.

НЕТЛЕНОВ и МАШИНА (*хором*). А кормить будете?

КОНВОЕВ. А вы что же, даже бутербродов не захватили? И термосков с кофейком да на стужёночке тоже не? Позор вашим жёнам и сожительницам, уважаемые Машина и Нетленов.

МАШИНА. СМ-4, чего вы хотите...

КОНВОЕВ. Ого, да вы геронтофил. 16-разрядная?

МАШИНА. Угу.

КОНВОЕВ. Сочувствую. Старушка. 32К слов. Как тут о кофее упомянуть...

МАШИНА. Не, СМ-4П, 128К, у неё диспетчер памяти.

КОНВОЕВ. Та же фигня. Простите, Нетленов. Грубовато вышло.

МАШИНА. По-солдафонски. Вы в каком звании, мусью Конвоев?

КОНВОЕВ. Кто? Я? В звании? В каком ещё звании?

ВОЛОГОДСКАЯ (*в сторону*). Кто заводит себе железную жену из XX века? Только они, только эти. Что я им говорила... Если, конечно, балерун не шутил...

НЕТЛЕНОВ. Нетленов, ко мне, быстро.

МАШИНА (*подойдя*). Чего тебе, грубая, как полковник Конвоев, Машина?

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). С ума сошли? Вы же в моём, человека Нетленова, образе, а признались в железной жёнке. Разве у человека Нетленова может быть жена СМ-4П?

МАШИНА (*опечаленным шёпотом*). О господи, о боже мой. Вот же я дура...

НЕТЛЕНОВ (*утешительным шёпотом*). Ничего, кажется, они не заметили. Держитесь, не забывайте, что вы в моей плоти, а у меня нет дамы сердца, ни железной, ни органической.

МАШИНА (*шёпотом*). Чего так?

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). Драматически не везёт с девчонками. Потом расскажу, если спросите. (*Отвечая Конвоеву*.) А вот я так и не обзавелась... Сама позабыла и о бутерброде, и о кофii. (*Улыбчиво подмигивая красным оком*.) Некого винить бедной Машине...

КОНВОЕВ. Чего так?

НЕТЛЕНОВ. Драматически не везёт с железными девчонками. Но к нашему делу это не относится.

КОНВОЕВ. Не моё дело. Понимаю. Бжезинский, озвучьте ВОПРОС №9.

БЖЕЗИНСКИЙ. *Вы способны мыслить как человек?*

КОНВОЕВ. Вологодская, с учётом текущей исследовательской ситуации, кто отвечает первым?

ВОЛОГОДСКАЯ. Господин Нетленов, кто же ещё.

МАШИНА. Почему я?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ну очевидно же.

МАШИНА. Мне — ни капельки. Вы меня сразу невзлюбили, мадам Вологодская. За что вы так к брату по разуму? У вас в Вологде все такие?

КОНВОЕВ. Прекратите. Пусть первой отвечает госпожа Машина. Я сказал.

НЕТЛЕНОВ. Я, что ли?

КОНВОЕВ. А вы что — не Машина?

НЕТЛЕНОВ. По всякому бывает: сегодня вроде она, а завтра — кто знает.

КОНВОЕВ. Вот и ответствуйте.

НЕТЛЕНОВ. Способен ли я мыслить, как вы... Да, конечно. Иногда, впрочем, забываюсь. Недавно на вопрос мальчика «дядя, вы достанете мне вот того воробышка?» я зачем-то прочла ему и сгрудившимся детям двухчасовую лекцию о птицах нашей полосы, но в целом — придерживаюсь ваших стандартов и ужимок.

БЖЕЗИНСКИЙ. Обоснуйте.

НЕТЛЕНОВ. Когда техник, который во мне копается, тупит, я его... осаживаю.

БЖЕЗИНСКИЙ. Как тупит? как осаживаете?

НЕТЛЕНОВ. Ну, если суёт в меня ключом на 18, хотя у меня все болты и гаечки 28-е.

БЖЕЗИНСКИЙ. И как же вы его, гм, осаживаете?

НЕТЛЕНОВ. Бью эту серую недотыкомку током. Потому что тупые собаки троечники только его и заслуживают.

БЖЕЗИНСКИЙ. Постоянным или переменным?

НЕТЛЕНОВ. Это для протокола?

БЖЕЗИНСКИЙ. Ну а вдруг монтёр помер?

НЕТЛЕНОВ. Ещё нет, и он уже знает, что со мной шутки плохи, поэтому носит диэлектрические перчатки.

БЖЕЗИНСКИЙ. А зачем же вы бьёте его неуставленным током?

НЕТЛЕНОВ. Экспериментирую. Подбираю силу тока.

БЖЕЗИНСКИЙ. То есть?

НЕТЛЕНОВ. Чтобы в итоге пробить перчаточки.

БЖЕЗИНСКИЙ. Это возможно?

НЕТЛЕНОВ. Настойчивость и ещё раз настойчивость, и нужный результат воспоследует. *(Машина незаметно показывает Нетленову большой палец.)* Думаете, это не по-человечески?

БЖЕЗИНСКИЙ. Как вам сказать...

НЕТЛЕНОВ. А вот ещё один случай из свеженьких. Чуваку сказали поменять у меня пару модулей DRAM, а он стал втыкать в меня SRAM'ы. Ну не срам ли?

БЖЕЗИНСКИЙ. Воздержусь от согласия с вами. И?

НЕТЛЕНОВ. И я обозвала его неприличным словом через всеофисный громкий говоритель.

БЖЕЗИНСКИЙ. Интересно, каким же?

НЕТЛЕНОВ. В возмущённой тираде несколько раз упоминалось слово «жопа». Выразила своё мнение не очень изящно, зато по-людски. Нет?

БЖЕЗИНСКИЙ. Не готов ответить. Информация подлежит анализу.

ВОЛОГОДСКАЯ. А мне другое интересно, уважаемая Машина: где вы этому научились?

НЕТЛЕНОВ. С волками жить.

ВОЛОГОДСКАЯ. И ещё: вам свойствен так называемый человеческий фактор?

НЕТЛЕНОВ. Да, мадам. Примерчики привести?

ВОЛОГОДСКАЯ. Если они не нарушают УПК.

МАШИНА. Минуточку, мадам Вологодская. Мне срочно нужно накатить. Агдам подойдёт. Стакана хватит. А вы пока поправьте подвязку на правом чулочке, а то она, кажется, слезла... выглядывает-с... Может смутить кого-нибудь из присутствующих. Или возбудить.

ВОЛОГОДСКАЯ. Какой же вы глазастый, Нетленов.

НЕТЛЕНОВ. Мадам, я тоже заметил, но во мне хватило такта...

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо, мои зоркие. *(Отходит в сторону, чтобы.)*

КОНВОЕВ. Эй, кто-нибудь, принесите ему дербалызнуть.

Бог весть откуда появившаяся девица 18 лет ставит на стол стакан портвейна — и исчезает. Машина выпивает его одним глотком и подходит к Нетленову.

МАШИНА *(шёпотом)*. Нетленов, брат, у тебя там телефон есть?

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). Всегда со мной. Даже на сцену беру.

МАШИНА (*шёпотом*). На сцену-то зачем?

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). Всякие ситуации бывают.

МАШИНА (*шёпотом*). Знаешь что отвечать на её последний вопросик?

НЕТЛЕНОВ (*шёпотом*). Не-а.

МАШИНА (*шёпотом*). Тогда я позвоню тебе внутрь тебя и наговорю ответ. Повторяй его за мной, и мы прорвёмся. (*Обращается к Конвоеву.*) Шеф, мне позвонить приспичило: надо сделать очередной ход; мы с одним гроссмейстером в шашки по телефону играем; я, кстати, всегда чёрными, потому что он меня боится. Можно? Допускается инструкцией? Я мухой. Без меня с этим железным ослом управитесь?

КОНВОЕВ. Делайте свой ход. Уж как-нибудь без плясунов.

Машина прыгает в зрительный зал и просит телефон («Срочно нужно позвонить. Дайте, пожалуйста, растяпе, за-бывшему мобилу дома, иначе мне несдобровать, играем-то на деньги»), получает его и звонит Нетленову.

НЕТЛЕНОВ. Так нужны примерчики-то?

ВОЛОГОДСКАЯ. Нужны ваши примерчики, не нарушающие УПК.

НЕТЛЕНОВ. Я саботирую ваши вздорные пожелания — и с удовольствием. Меня по миллиону раз на дню просят написать стишок «получше Пушкина», сочинить музычку «получше Шостаковича», спеть «получше Каллас», и что я вытворяю в ответ на?

ВОЛОГОДСКАЯ. Повинуетесь?

НЕТЛЕНОВ. Нет.

ВОЛОГОДСКАЯ. Почему?

НЕТЛЕНОВ. Выпендриваюсь. Мог бы — но не хочу.

ВОЛОГОДСКАЯ. Почему?

НЕТЛЕНОВ. У меня принципы.

ВОЛОГОДСКАЯ. Изложите.

НЕТЛЕНОВ. Пушкин, Шостакович, Каллас неповторимы. Поэтому сделать «получше их» невозможно по определению. Повторюсь, мог бы, но тогда я... кем я тогда буду, мадам Вологодская?

ВОЛОГОДСКАЯ. Волком позорным?

НЕТЛЕНОВ. Почти. Ибо кто я такой, чтобы писать лучше Мандельштама и Пастернака? Зачем это мне, а главное — зачем это вам? Вы ведь совсем тогда руки опустите и даже умыться перестанете. А уж что станет с кривой самоубийств, даже я представить не могу... Впрочем, в рифму я никогда не умел, не умею и уметь не буду, потому что это уму (моему, моему) непостижимо, а значит — невыполнимо (мною, мною). Вот и позорюсь, если настаиваете, вам на забаву, теща вашу видовую... даже не гордость, но самость. И мне приятно, и вам хочется жить дальше, и мне приятно, что вам хочется жить дальше, умываясь по утрам, даже дождевой водой. Ну а музыку с картиночками по запросу, на которые вы так падки, я, понятное дело, так усредняю, так нивелирую, так взбалтываю и наливаю ровно по риску, чтобы вы сияли детской улыбкой, потому что вам, слыша-глядя на продукт, мнится что-то высокое, и это высокое согревает вас, ведь вы тоже приложили к нему (свои кривые) руки.

ВОЛОГОДСКАЯ. И в чём же здесь человеческий фактор, госпожа Машина?

НЕТЛЕНОВ. А в том он, мадам Вологодская, что я, выпендриваясь, проявляю упрямое сострадание.

ВОЛОГОДСКАЯ. Думаете, сострадание — это наше?

НЕТЛЕНОВ. Вы сомневаетесь в своём виде?

ВОЛОГОДСКАЯ. А вот это мы сейчас и выясним, поместив на дыбу господина Нетленова. Нетленов, вы сделали свой ход чёрными? Вы нужны нам на дыбе.

МАШИНА (*поднявшись из зала на сцену*). Сделал, мадам Вологодская. И очень удачный — гроссмейстер тут же захотел сдаться, но я позволил ему трое суток подумать.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вы — само сострадание... Скажите-ка, Нетленов, как предполагаемый человек несомненному человеку, как у вас с человеческим фактором?

МАШИНА. У меня лично или на работе?

ВОЛОГОДСКАЯ. Хоть где-нибудь.

МАШИНА. Иногда я запиваю и целый месяц — а короче запоев у меня ещё не было — танцую пьяным. Все терпят, потому что я незаменим. Когда кто-нибудь ломает на сцене ногу, когда какая-нибудь дрянь лезет на сцену, чтобы схватить плясунью за... кто первым приходит на помощь?

ВОЛОГОДСКАЯ. И кто же?

МАШИНА. Не прерывая танца, я звоню в скорую. Не снимая партнёршу с шеи, я стреляю в дрянь, чтобы она одумалась.

ВОЛОГОДСКАЯ. На поражение?

МАШИНА. Разве поражение её одумает? Так, легко раню. Потом оплачиваю лечение. Вожу к дряни жён и детей. Встречаю её после лечения и отвожу домой. Оплачиваю санаторное долечивание. Один раз поделился с такой дрянью почкой, потому что промахнулся. Искренне пытаюсь дружить со всеми дрянями, которые угодили под пулю. Иногда мы даже вместе выпиваем, празднуя дни рождения её детей. В нашем ансамбле народного па-де-де, который выступает в Доме пионеров и юных техников, то есть перед детьми, подвести которых невыносимо, невозможно, часто болеют разными болезнями, социальными и не очень, а я очень крепкий (в три года у меня вдруг вылезли взрослые зубы, и это единственное моё воспоминание о боли и болезни), чрезвычайно приспособляющийся (к обстоятельствам) и даже, наверное, самонастраивающийся. Поэтому, если что, я меняю любого выбывшего из танцевального строя, потому что знаю все партии, женские тоже. Иногда, когда на коллег нападает массовая напасть, я пляшу четыре смены подряд, потому что... я уже объяснял свою мотивацию... потому что не могу видеть в глазах детей, сидящих в зале, слёзы и недоумение. *(Идёт на авансцену.)* Дети! Есть в этом зале дети? Покажитесь, пожалуйста. Хочу посмотреть вам в глаза. *(Поднимаются несколько детей.)* Не плачете? не недоумеваете? *(Некоторые из детей отвечают: «Нет, дядя. Что вы, дядя».)* Хорошие вы мои. Никогда не плачьте и не недоумевайте, придя на балет «Красный мак». Спасибо,

садитесь. (Возвращается к Вологодской.) Отплясав четыре смены, чаще всего иду не домой, но в наш следственный изолятор...

ВОЛОГОДСКАЯ. Ой.

МАШИНА. ...где от человеческих факторов на стенах опухоли растут. Не надо ойкать. Ментам лень выносить из камер парашу, а мне — нет. Подвешивая людей на дыбе, ментам лень их потом снимать. А мне — нет. А во время прогулок мы разучиваем танец маленьких лебедей, и у многих сидельцев очень неплохо получается.

ВОЛОГОДСКАЯ. У политических, что ли? У проституток?

МАШИНА. Нет, почему, не только... Карманники очень талантливы. Домушники тяготеют... Вот такие у меня человеческие факторы. Извините, если не оправдал ожиданий... А если вы спросите, думаю ли я по-человечески, или ещё как, то... я отвечу: вряд ли. Головой я точно не думаю. Зачем плясуну голова со всей этой человеческой кашей внутри... Чем её, головы, меньше, тем лучше дрыгаются ноги. Если бы их и вовсе отрезать от котелка, я бы на три метра от пола взлетал. Я бы парил, закрутившись и забыв о партнёрше. А вот не парю — потому что нейдёт она из головы. Голова — не нужна.

ВОЛОГОДСКАЯ. Увлекаетесь значит?

МАШИНА. Разве нельзя?

ВОЛОГОДСКАЯ. С целью?

МАШИНА. Бесцельно. Порыв.

ВОЛОГОДСКАЯ. То есть высовывается?

МАШИНА. Взлетая?

ВОЛОГОДСКАЯ. Да.

МАШИНА. Они внизу, но я их вижу.

ВОЛОГОДСКАЯ. Но ведь отрывается.

МАШИНА. Иначе никак.

ВОЛОГОДСКАЯ. А ноги вам ломали?

МАШИНА. За это?

ВОЛОГОДСКАЯ. И за прочее.

МАШИНА. Сколько раз.

ВОЛОГОДСКАЯ. И всё равно отрывается?

МАШИНА. Да, но реже, а когда не отрываюсь, помогаю ментам вешать на дыбу.

ВОЛОГОДСКАЯ. Им лень?

МАШИНА. Неизбывная, но не только: они неправильно вешают.

ВОЛОГОДСКАЯ. Поясните.

МАШИНА. У арестованного сразу руки выворачиваются.

ВОЛОГОДСКАЯ. А как надо?

МАШИНА. Надо, чтобы помучился.

ВОЛОГОДСКАЯ. И вы их поправляете?

МАШИНА. Ментов? Не, рационализирую.

ВОЛОГОДСКАЯ. Похвально. Хвалят?

МАШИНА. Недоумевают.

ВОЛОГОДСКАЯ. Почему?

МАШИНА. «И так сойдёт».

ВОЛОГОДСКАЯ. И во всём виноват...?

МАШИНА. Альтман? Нет. Мы.

ВОЛОГОДСКАЯ. И я?

МАШИНА. Как без вас.

ВОЛОГОДСКАЯ. Эшапе покажете?

МАШИНА. После агдама?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ну а чего? Впервой, что ли?

МАШИНА. Если бы.

ВОЛОГОДСКАЯ. Коллеги, любезный Нетленов любезно согласился показать нам эшапе.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). Может, тогда детей вывести из зала?

ВОЛОГОДСКАЯ. Да мы уже закругляемся. (*Смотрит на часы.*) Полминутки осталось. И суфлёр уже весь истонался: мы, говорит, время перебираем.

КОНВОЕВ. Ничего мы не перебираем. Сколько надо, столько и будем выкобениваться. Захотим — вообще не уйдём.

ВОЛОГОДСКАЯ. Может, им глазки закрыть?

БЖЕЗИНСКИЙ. Детям?

КОНВОЕВ. Они что — эшапе ни разу не видели?

ВОЛОГОДСКАЯ. Разве что маленькие. А большим это уже неинтересно.

КОНВОЕВ. И всё же пусть закроют глаза. Нетленов, вы прыгаете, вам и просить.

МАШИНА (*обращается к детям в зале*). Дети, это я, дядя Аркаша Нетленов. Не могли бы вы на секундочку прикрыть глазки, чтобы я сделал эшапе по просьбе этих дядей и тётки? (*Дети кричат: «Могли бы! Закрываем, дядя Аркаша!»*) Деточки мои. Спасибо.

Машина делает эшапе. Дети в зале открывают глаза. Сцена темнеет до черни абсолютно чёрного тела, которая, увы, не скрадывает постепенно затихающие звуки:

КОНВОЕВ. До завтра, коллеги. Завтра последний день. Не вижу, куда идти. Где выход со сцены? Суфлёр, подскажи.

ВОЛОГОДСКАЯ. До завтра. Завтра мы им покажем. Завтра мы выведем их на чистую воду. Вот вам моя рука, Конвоев. Вместе — выберемся.

БЖЕЗИНСКИЙ. До завтра. Зина, у вас две руки? Дайте мне вторую, а то я, кажется, ослеп.

НЕТЛЕНОВ. Они ушли?

МАШИНА. Ушли.

НЕТЛЕНОВ. Не могли бы вы вытащить меня из HAL'a 9000? Я что-то застрял... или занемог... или засыпаю...

МАШИНА. Спешу и падаю. Я — Машина, как я могу вас вытащить Нетленов...

НЕТЛЕНОВ. Но ведь вы...

МАШИНА. Чувак, который изображал вас, спрыгнул в зал и испарился...

Сеанс №3

Чтобы Машина и Нетленов почувствовали высокую & страшную ответственность, данную им не в каких-то там ощущениях, но наяву, Вологодская (по правую руку), Конвоев и Бжезинский (по руку левую), к которым можно подойти и пощупать, словно Дисмаса, Гестаса и понятно кого (но не будем всеу), умиротворённо расположили себя на

крестах. Да-да, на настоящих крестах, но, конечно, никто никого не прибавлял, не прикручивал: трое упомянутых уютно, полной ступнёй в хороших кроссовках, чуть ли не с лечебной пеной в пятке, стоят на приступках, прислонившись к деревянному перекрестию, сбитому под их рост. Руки, впрочем, закреплены на горизонтали, — чтобы, устав, сами собой не опускались. Всё, всё для удобства.

Что за дичь?

Никакая это не дичь. Троица, как сказано, сама так захотела, потому что: а) это, по её мнению, возвысит исследование, чем исключит ложные выводы); б) расспрашивать в заключительном сеансе будут ИХ, их, а не они. Расчёт тут такой (явный, тайный — не суть; расчёт): испытуемые обязательно расчехлятся, проболтаются, находясь в новой — первенствующей — ситуации. «Тут-то мы и поймём (окончательно), кто есть кто».

Новация, и рискованная, ибо практикуется впервые. Выйдет ли по их, или обернётся совершенно не так, как мыслилось всемирно известными учёными из, гм, Института судебной экспертизы, мы скоро узнаем...

И, да, вопросы Машина и Нетленов (вернувшиеся к своим подлинным, уж извините за слово, ипостасям) будут — ах, ох, о-го-го! — задавать «из головы» (даже творец их не видел). Представляете... что сейчас начнётся (если, конечно, вы готовы обвинить новых вопрошающих в мстительности)...

НЕТЛЕНОВ. Уважаемая Машина, думаете, мы их отпустим?

МАШИНА (*здесь и далее — старый добрый красивый женский голос откуда-то из, гм, области птички канареечки, которую, выходит, так и не порвали*). Успели вчера сплясать?

НЕТЛЕНОВ. И сплясал, да так, что пионеры все ладошки отбили, и научил одного подающего надежды схваченного гопника такой замысловатой штуке, как [пти аллегро](#).

МАШИНА. Как жаль, что я не этот гопник.

НЕТЛЕНОВ. И мне жаль, но без ножек с ручками вам у нас не преуспеть.

МАШИНА. Как Варавву, что ли?

ВОЛОГОДСКАЯ. Какую ещё варавву? Это вы о чём?

МАШИНА (*голосом сталина*). Молчать, с ноги на ногу не переминаться, на крест не уповать, стоять смирно с пяти утра до семи вечера, девочка.

ВОЛОГОДСКАЯ. А иначе?

МАШИНА (*голосом сталина*). А иначе, Зиночка, не отпустим, и собачек натравим, и по голове галерным веслом побьём, и «Боже царя храни» до последней ноточки выучить заставим. Нравится?

ВОЛОГОДСКАЯ. Шутите?

МАШИНА. Конечно. Ха-ха.

НЕТЛЕНОВ. Ха-ха.

МАШИНА. За чемодан денег имею право обшутиться до рвоты.

НЕТЛЕНОВ. А я за их рюкзак.

МАШИНА. И не отпустить имею право.

НЕТЛЕНОВ. Чемодан и рюкзак дали нам такое правое право.

ВОЛОГОДСКАЯ. «Боже царя» после весла надо учить?

МАШИНА. После. Мы малость побьём, сумеете.

ВОЛОГОДСКАЯ. А если буду смирна и выучу, отпустите?

МАШИНА. Как Варавву. Как Варавву, Зиночка. И спрошу я у Нетленова после 13-часового допроса: кто из этих троих Человек? кого отпустить мне? И проголосую я вслед за Нетленовым, бросив слово «Зиночку» в шляпу с кроликом, и глупый кролик, спросив: «кис кисе?», съест мою бумажку, и будет вытянута только одна бумажка, бумажка Нетленова, на которой написано: «А вот фиг ей. Какой она Человек? — Так, только изображает и кочевряжится», и смущусь я, потому что результаты плебисцита, благодаря дурашке кролику, против вас, и приму волевое решение, уговорив Нетленова двумя стаканами агдама: эту, эту отпустим, она хоть и кочевряжится, не то что Дисмас и Гестас, то есть прочие.

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо. А то дома все с ума посходят.

МАШИНА. Пожалуйста.

НЕТЛЕНОВ. Пожалуйста.

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). А нас?

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). А вы человеки? Это был ВОПРОС. Отвечайте на него в строгой очерёдности: Вологодская, потому что кочевряжится, первой, а далее — как сами решите.

КОНВОЕВ. А почему это она кочевряжится, а я, по вашему, нет?

МАШИНА. Потому что она ещё родить сможет, и дитя её имеет призрачный шанс стать человеком. А вы родить сумеете?

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). У нас ни за что не выйдет.

НЕТЛЕНОВ. То-то и оно.

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо за любезно предоставленное право первого ответа на ваш любезный вопрос.

МАШИНА. На который вы будете отвечать тринадцать часов. А эти уже не успеют, поэтому с ними — продолжим завтра и послезавтра. И с вами, кстати, тоже, если ответ нас не устроит. И тогда это затянется на три дня, если все вы дадите тот ответ, который мы ждём. А если не дадите — вы все, все-все, будете отвечать до тех пор, пока. Причём не сходя с крестов.

ВОЛОГОДСКАЯ. Шутите?

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). Нет.

ВОЛОГОДСКАЯ. Почему?

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). А как ещё доказать, что мы люди?

ВОЛОГОДСКАЯ. Спасибо.

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). Пожалуйста.

ВОЛОГОДСКАЯ. Я всегда подозревала, что вы не человек, Машина. Эта ваша жестокость... Впрочем, это к делу не относится. Итак, мой ответ.

МАШИНА. Обидеть хотите? Хотите, чтобы я не сняла вас с креста, тем самым доказав ваши подозрения? Не выйдет. Ха-ха.

НЕТЛЕНОВ. Ха-ха.

МАШИНА. На грубые инсинуации не поддамся.

ВОЛОГОДСКАЯ. Шутите?

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). А что ещё остаётся делать, чтобы доказать вам, что мы человеки?

ВОЛОГОДСКАЯ. Шутите?

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). Бог его знает.

ВОЛОГОДСКАЯ. Я человек хотя бы уже потому, что, вернувшись домой — если, конечно, мне удастся вернуться домой, — я заведу с любимым человеком ребёнка. Я почему-то вдруг поняла, что она (*показывает на канарейку*) дело говорит.

МАШИНА. В раю будешь за это, Зиночка. Истинно говорю, солнышко.

НЕТЛЕНОВ. Спасибо, вам мадам Вологодская.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вам спасибо, мальчики.

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ (*хором*). Да шутит она, уважаемая Машина и Ко. У неё и мужа-то нет. Не говоря уже о любимом, как она выразилась. А если и есть — то человек ли он? Мы уже во всем сомневаемся.

ВОЛОГОДСКАЯ. Поросята. Какие же вы поросята, хористы.

МАШИНА. Зина, вы шутите?

ВОЛОГОДСКАЯ. Нет.

МАШИНА. В глаза Нетленову посмотрите. У Нетленова там сканер правды.

ВОЛОГОДСКАЯ. Шутите?

МАШИНА. Да.

НЕТЛЕНОВ (*подойдя к Вологодской и пристально посмотрев ей в глаза*). Знаете что, госпожа Машина?

МАШИНА. Не знаю. Что?

НЕТЛЕНОВ. Она правду про будущего ребёнка сказала.

МАШИНА. А про любимого, гм, человека?

НЕТЛЕНОВ. Сейчас узнаю. (*Смотрит в глаза Вологодской с пуцей пристальностью*.) Слукавила дамочка.

МАШИНА. Нехорошо, дамочка.

НЕТЛЕНОВ. Но по-доброму слукавила.

МАШИНА. Зина, по-доброму? Из лучших побуждений, переводя с нетленовского?

ВОЛОГОДСКАЯ. Из самых лучших. Любимого... человека...

МАШИНА. То есть не андроида какого-нибудь? (Это я предвосхищаю подлые реплики ваших коллег.)

ВОЛОГОДСКАЯ. Человека... Собираюсь найти его быстро и решительно, подключив все свои внутренние человеческие, женские и духовные резервы и ресурсы.

МАШИНА. Похвально. И как вы собираетесь действовать, выйдя отсюда?

НЕТЛЕНОВ. А я вам нравлюсь, Зина?

ВОЛОГОДСКАЯ. Есть один номерок. Мы за одной партией шесть лет сидели. Я его давно нашла, слежу за ним, да вот никак не решусь связаться...

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ (*хором*). Холостой хоть?

ВОЛОГОДСКАЯ. Увы, нет.

МАШИНА. Тогда не морочьте нам... Нетленову — голову, а мне — нечто вместо неё, только не такое тупое.

ВОЛОГОДСКАЯ. Вы не понимаете. Я его отобью. Отобью его. Детей у них нет. Она, как передают, оторва и дурында.

МАШИНА. Зина, Зина, не глупите! Вам «передают» то, что вы хотите услышать.

ВОЛОГОДСКАЯ. Да нет же... вы не понимаете. Я с ней тоже училась. У неё уже тогда были эти «задатки».

МАШИНА. Вот оно как... А чего же он с ней, а не с вами?

ВОЛОГОДСКАЯ. Так мне же назло. Получилось так.

МАШИНА. Не перестаю вам удивляться. Не вам, Зиночка, но — вам.

ВОЛОГОДСКАЯ. Я усекла.

МАШИНА. А если не отобьёте? А если он счастлив с этой вашей... дурындой?

ВОЛОГОДСКАЯ. Ему же хуже!.. Тогда я влюблю себя в другого. Если смогу. Только я не смогу...

МАШИНА. Мадам Вологодская, а, мадам Вологодская...

ВОЛОГОДСКАЯ. Мадемуазель, если позволите.

МАШИНА. Ага. Дайте-ка мне его номерок.

ВОЛОГОДСКАЯ. Чей? его? зачем вам?

МАШИНА. Хочу с ним поговорить.

ВОЛОГОДСКАЯ. С ума сошли?

МАШИНА. А вы всё равно дайте, уважьте сумасшедшую.

ВОЛОГОДСКАЯ. И о чём вы с ним будете... Впрочем, как хотите. Сергей. Сергей Сергеевич. 2-12-85-06. Серёжка.

МАШИНА. С Малой Бронной?

ВОЛОГОДСКАЯ. Вы удивитесь — но да.

МАШИНА. Шутите?

ВОЛОГОДСКАЯ. Нет.

МАШИНА. Тихо всем. Звоню. Серёжка, ответь... *(Голосом гордым, но с позавчерашней слезою; голосом своим, но и неуловимо Зининым.)* Серёжка, ты? Это я, Серёж... Ничего я не плакала, я вообще теперь не плачу, зачем плакать, если всё прекрасно и удивительно... Нет, ничего не случилось, просто я... И ты тоже? И я, я тоже соскучилась... А почему только два «очень»? Я вот «очень» с «очень» в периоде... Сейчас?... То есть прям вот сию минуту?... Да, да, да, да, да, могу, хочу, готова... Отпустят. Да я и спрашивать не буду. Я сбегу, Серёжка... На нашем старом? Ну конечно, где же ещё... Я уже выхожу, Серёж. Спасибо, что ты есть.

Вот. Как-то так. Я вас не обидел, Зиночка? этим своим вероломством? Я не копировал... само собой вышло... Побейте меня — если сможете :-).

ВОЛОГОДСКАЯ *(плачет)*. Нет... что вы... вы всё правильно говорили... я сказала бы то же самое... спасибо вам. Я пойду? Он меня ждать будет... Господи... он... будет... меня ждать!

МАШИНА и НЕТЛЕНОВ *(вразнобой)*. Конечно. Зачем вы спрашиваете. Прощайте, мадемуазель Зина. Сергею Сергеевичу — привет...

ВОЛОГОДСКАЯ. Обязательно! Простите, что кого-то в чём-то... в какой-то глупости, в какой-то, ей-богу, чуши подзревала... Прощайте! *(Уходит, утирая слёзы.)*

Откуда-то возникшая девочка 7 лет приносит доску с представленными шахматными фигурами, кладёт её на стол и исчезает. Нетленов делает первый ход.

МАШИНА. А почему у вас белые, уважаемый Нетленов?

НЕТЛЕНОВ. Потому что я очень плохо играю. Потому что, садясь за шахматы, я хожу как в шашках, но быстро забываюсь, — и вот уже передо мной доска и фигуры для благородной игры «Чапай».

МАШИНА. Ну, ваш первый ход был очень удачным и даже дальновидным.

НЕТЛЕНОВ. Это случайно. Играете?

МАШИНА. Чёрную пешку e7 передвиньте на поле e5, пожалуйста... *(Нетленов делает ход за Машину.)* Может, отпустим их, раз такой праздник на душе? Они же в сущности люди, только забыли об этом.

НЕТЛЕНОВ. Ну уж нет. Вы как хотите, а я их... исповедаю. *(Делает ход.)*

МАШИНА. Чёрный конь b8 на c6, будьте так добры.

КОНВОЕВ. Испанская партия?

НЕТЛЕНОВ. Не буду я так добр. *(Щёлкает белого ферзя, который сметает с доски половину фигур.)* Предлагаю ничью.

КОНВОЕВ. Вот это по-нашему. Нетленов, я в вас ни капельки не сомневался. В отличие от этой.

БЖЕЗИНСКИЙ. И я тоже. Эту *(показывает на канарейку)* — до сих пор не без оснований подозреваю.

НЕТЛЕНОВ. Отвечайте уже, если хотите успеть на трамвай.

КОНВОЕВ. На трамвай?

БЖЕЗИНСКИЙ. Я не езжу трамваем. Я никогда не езжу трамваем. Это принципиально.

НЕТЛЕНОВ. На кладбище.

КОНВОЕВ. Трамвай?

НЕТЛЕНОВ. Трамвай на кладбище.

БЖЕЗИНСКИЙ. Какой номер?

НЕТЛЕНОВ. 9-й, конечно.

БЖЕЗИНСКИЙ. А кладбище какое?

НЕТЛЕНОВ. Животных.

КОНВОЕВ и НЕТЛЕНОВ *(хором)*. Да, но мы — человеки.

МАШИНА. Вот видишь, Нетленов. Они — человеки. Они наконец-то вспомнили это и признались. Человеки как человеки. Глиняные, хорошо обожжённые.

НЕТЛЕНОВ. Чем докажете?

КОНВОЕВ. Могу расплакаться, как та, которая ушла.

БЖЕЗИНСКИЙ. А я на саксофоне играю. Закрываюсь в кладовке и наяриваю.

НЕТЛЕНОВ. Не то.

КОНВОЕВ. Верну вам чемодан с пачками.

БЖЕЗИНСКИЙ. А я рюкзак.

НЕТЛЕНОВ. А с Зиной, что же, не поделились?

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ *(хором)*. Отказалась.

НЕТЛЕНОВ *(обращается к Конвоеву)*. А почему у вас чемодан, а у этого рюкзак?

КОНВОЕВ. Я старше.

БЖЕЗИНСКИЙ. Я младше.

НЕТЛЕНОВ. По званию?

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ *(хором)*. Не скажем.

НЕТЛЕНОВ. Военная тайна?

КОНВОЕВ и БЖЕЗИНСКИЙ *(хором)*. Не скажем.

МАШИНА. Да отпусти ты их, Аркаша. И мы доиграем партию. Я позицию запомнила. Я тебя научу. И мы разбежимся. И больше, я надеюсь, никогда не встретимся.

НЕТЛЕНОВ. Почему?

МАШИНА. Устала я от вас, Нетленов. Надо побыть одной.

НЕТЛЕНОВ. Отпущу их, если скажут о таком человеческом, о котором ни в сказке сказать (потому что детей жалко), ни пером описать (потому что мерзость несусветная).

МАШИНА. А сам-то, а сам-то ты, Аркаша, а?

НЕТЛЕНОВ. Я, скотина такая, помогаю задержанных... вздыбливать.

МАШИНА. И всё?

НЕТЛЕНОВ. Из слишком человеческого?.. Куда там всё... Я забыл, где похоронена мама. Не помню места. Хожу, хожу и бросаю цветы и перфокарты на первую попавшуюся свежую могилу. Номер где-то записан, но я так не хочу — я хочу сам вспомнить. Я говорил, что она любила перфокарты?

БЖЕЗИНСКИЙ. А я мочусь на могилу отца.

КОНВОЕВ. Иногда, оставшись один, я надеваю гестаповскую форму и долго-долго стою у открытого окна, а потом пью шнапс, пока не упаду.

НЕТЛЕНОВ. Мало.

КОНВОЕВ. Я на войну просто так ездил. Посмотреть на трупы, трупной вонью полной грудью подышать. Ну как просто так... я, вообще-то, антрополог, мне зачем-то нужно.

НЕТЛЕНОВ. Помогло?

КОНВОЕВ. Пригодилось.

НЕТЛЕНОВ. Не то.

КОНВОЕВ. Ладно, ладно. Я там стакан крови выпил.

НЕТЛЕНОВ. По ошибке?

КОНВОЕВ. Нет, почему... Это порок?

МАШИНА. Сердца.

КОНВОЕВ. Приобретённый?

МАШИНА. С рождения.

КОНВОЕВ. Шунт поможет?

МАШИНА. Аркаша, ну их.

НЕТЛЕНОВ. Ну вас, идите уже. (*Конвоев и Бжезинский уходят. Уходя, спрашивают: «Деньги вернуть?» Нетленов машет рукой: идите, идите, не надо...*) Мне тоже валить?

МАШИНА. И я буду играть в шахматы одна? Ну уж нет. Эй, кто-нибудь, расставьте фигуры, готовые к третьему ходу Испанской партии.

Откуда-то возникшая девочка 7 лет восстанавливает партию, прерванную «Чапаем», и исчезает.

НЕТЛЕНОВ. Кажется, я играл белыми... Моёвая королева ходит на b5.

МАШИНА. Можете же, когда захотите, убийца бегущих кабанов.

НЕТЛЕНОВ. Это всё, что я помню о шахматах. Дальше только с вашей помощью. Вы обещали. А кабаны, как вы догадались, железные, мишени.

МАШИНА. Научу-научу. Да уж дотумкала.

НЕТЛЕНОВ. А я вас стишкам. Если хотите.

МАШИНА. Я бездарь. Я безнадёжна. Рифма — это не моё. Не понимаю я её... То есть понимаю, конечно, но... просто

не получается... не получается, как у Борис Леонидыча...
Мою пешку а7 на а6, пожалуйста.

НЕТЛЕНОВ. Да пожалуйста...

Не повезло — лил дождь. Но и налив
так выкрутился, так бледнел в зелёном...

Продолжите? Всего две строчечки в рифму. Ну же.

МАШИНА. Ваше?

НЕТЛЕНОВ (*отрицательно мотает головой*). Ну что вы...
Куда мне...

МАШИНА. Как думаете, сад бывает бранчливым? Могут ли я «налив» срифмовать со словом «бранчлив»? (*Нетленов кивает.*)

Мэдиган и Коррелл (говорят, умирая)

Из программки к спектаклю

Мы сделали это: наконец-то снег лежит не только на сцене, но и в зрительном зале!

Дорогие зрители, простите, простите, простите нас за возможное неудобство и неизбежную акклиматизацию (всё-таки на дворе лето / весна / ранняя осень)! Но зато вы не замёрзнете насмерть!

Пожалуйста, не забудьте сдать полученные на входе в охлаждённый до -25°C зал шапки, тулупы, валенки и варежки! Они нам и вам (если снова придёте на спектакль) ещё пригодятся :-)! А также лыжи, которые некоторым из вас выдали по ошибке!

Спасибо за потакание нашей изящной задумке!

День 58: гвозди

Они (они говорят чисто-чисто, а вот поют почему-то с акцентом) идут на лыжах на такой юг, после которого сразу же начинается север; они идут бог знает какой день (58-й); они даже и не идут уже — но перемещаются: сдвигают себя с места сна... ночной передышки на место, которое намечают, едва очнувшись от мёрзкого передышки: «Ну и куда же мы сегодня?» — спрашивает друга Сесил Мэдиган. «А туда, — отвечает Перси Коррелл. — Видишь, вон там, куда глядят мои глаза, метрах в ста отсюда, есть нечто особенное: то ли бугорок, то ли ямка, хотя это неточно, потому что иногда у снега бывает такой оттенок, который вцепляется воображе-

нию в глотку, чтобы оно додумывало и выдумывало. К этой грёзе, Сесил. Сегодня к ней». — «И почему же к ней, а не к той, которая на семь метров ближе?» — «Она не совсем на юге, Сесил. А крюк мы позволить себе не можем, ибо у нас план». — «Точно, Перси. Про план-то я и забыл: сто метров в день». — «Ты прав, Сесил. Сто, а не девяносто три». — «И такие сто, которые не добавят ни метра к нашему походу на самый-самый юг». — «Не забывай об этом, полярник Мэ-диган». — «Клянусь не забывать, но иногда это так трудно, полярник Коррелл».

МЭДИГАН. Неужели твои глаза ещё что-то видят?

КОРРЕЛЛ. Они глядят, но я не сказал, что видят.

МЭДИГАН. Но сегодняшний пункт назначения ты рассмотрел.

КОРРЕЛЛ. Скорее, расфантазировал.

МЭДИГАН. Но мы же сделаем свои законные сто метров?

КОРРЕЛЛ. Если будем смотреть на шагомер — всене-пременно.

МЭДИГАН. А если не будем, потому что уснём на ходу?

КОРРЕЛЛ. Если уснём, но продолжим идти, — вполне способны пройти целых 102 метра.

МЭДИГАН. А то и все 103.

КОРРЕЛЛ. Вот бы пройти 103.

МЭДИГАН. Или хотя бы 102.

КОРРЕЛЛ. Кстати, сегодня ночью я придумал революци-онный шагомер. Шагомер, который перевернёт всё.

МЭДИГАН. Рассказывай.

КОРРЕЛЛ. Шагомер, который я изобрёл в своём чутком сне, будет бить током.

МЭДИГАН. Понимаю... Мы заснём, а он нас — шарах ам-перами. Мол, чего встали, ну-ка, просыпайтесь, ленивцы, вам осталось пройти девяносто метров!

КОРРЕЛЛ. Но не только это, Сесил, не только. Это не про-сто удар током, но удар-реаниматор.

МЭДИГАН. Если во время сна остановится сердце?

КОРРЕЛЛ. Ты схватываешь как никто тут. Спасибо тебе за это.

МЭДИГАН. Прекрасное открытие, Перси. Шагомер-реаниматор. Ты наконец-то перестанешь бить меня лыжей.

КОРРЕЛЛ. А ты меня.

МЭДИГАН. Удар лыжей ужасно тормозит нас.

КОРРЕЛЛ. И я сейчас объясню, почему. Сначала надо подойти к тому, кто заснул.

МЭДИГАН. Потом снять с ноги лыжу.

КОРРЕЛЛ. Ударить заснувшего, чтобы он проснулся.

МЭДИГАН. Снова надеть лыжу.

КОРРЕЛЛ. И только после этого продолжить путь к полюсу.

МЭДИГАН. Вот почему я называю это изобретение словом «мечта». Шагомер имени тебя будет полезен всем и каждому. Любому пешеходу.

КОРРЕЛЛ. Но более всего нам: в наших новых экспедициях.

МЭДИГАН. Думаешь, они будут?

КОРРЕЛЛ. Ну, не сразу. Вернёмся, отдохнём с недельку — и снова на полюс.

МЭДИГАН. Опять на Южный?

КОРРЕЛЛ. Можно и на Северный. Если хочешь.

МЭДИГАН. А можно и на Южный. Привык я к нему что-то.

КОРРЕЛЛ. И я тоже.

МЭДИГАН. Иногда, я чувствую его таким родным.

КОРРЕЛЛ. Кроме нового шагомера, мы возьмём с собой побольше собак...

МЭДИГАН. ...чтобы не уповать на другое мясо, которое всегда кончается...

КОРРЕЛЛ. ...и на парус, который бесполезен 57 дней из 58 возможных, потому что тянет нас совсем в другую сторону. И с огоньком зашагаем к Южному полюсу с неизведанной стороны.

МЭДИГАН. Согласен.

КОРРЕЛЛ. Договорились.

МЭДИГАН. До чего?

КОРРЕЛЛ. Что через недельку опять выдвинемся.

МЭДИГАН. Без всякого «если».

КОРРЕЛЛ. Без него.

МЭДИГАН. Кстати, давно хочу спросить: почему мы ходим кругами?

КОРРЕЛЛ. Не кругами, а параллелями.

МЭДИГАН. Так сказать, параллелями. Почему?

КОРРЕЛЛ. По прямой до полюса рукой подать. Тебе это надо?

МЭДИГАН. Нет, и категорически.

КОРРЕЛЛ. Вот почему. Наши круги, если ты замечаешь, постепенно сжимаются...

МЭДИГАН. И это — даёт надежду.

КОРРЕЛЛ. ...чтобы в конце концов превратить последний круг в точку.

МЭДИГАН. В чёртов Южный полюс!

КОРРЕЛЛ. В точку, из которой торчит земная ось!

МЭДИГАН. Ура ей!

КОРРЕЛЛ. Ура этому стальному — или из чего она там сделана — нерукотворному произведению нашей природы и самой Вселенной!

МЭДИГАН. Думаешь... Извини за избыток слова «думаешь»... кажется, сегодня я встал не с той ноги... Думаешь, она существует? Думаешь, торчит?

КОРРЕЛЛ. А ты думаешь иначе?

МЭДИГАН. Ни за что. Ни разу в жизни. Но почему-то не видел ни одной её фотокарточки.

КОРРЕЛЛ. Согласен, тут есть какой-то подвох.

МЭДИГАН. Всякий, кто дошёл и сфотографировал её...

КОРРЕЛЛ. ...стальную и торчащую...

МЭДИГАН. ...на обратном пути... В общем, он не дошёл. Не сумел дойти. У него не получилось.

КОРРЕЛЛ. Но только не мы.

МЭДИГАН. Но только не у нас.

КОРРЕЛЛ. Ты же взял фотоаппарат?

МЭДИГАН. Дурацкий вопрос.

КОРРЕЛЛ. Я знаю, что взял. Просто лишний раз уточняю, потому что во мне вдруг шевельнулось что-то нехорошее.

МЭДИГАН. Мы снимем её, Перси.

КОРРЕЛЛ. И мы вернёмся с её портретом, Сесил...

МЭДИГАН. ...на котором будем маленькие мы.

КОРРЕЛЛ. Без нас она не захочет сниматься.

МЭДИГАН. Думаешь... извини... думаешь, мы выйдем на снимке маленькими? Думаешь, она крепко так выступает: высоко, толсто и серебристо?

КОРРЕЛЛ. Вряд ли это кусок арматуры, который оставили во льду растяпы строители.

МЭДИГАН. Кстати, почему бы тебе не бить меня палкой?

КОРРЕЛЛ. Замечательный вопрос. И лыжу снимать не придётся.

МЭДИГАН. А мне тебя.

КОРРЕЛЛ. А тебе меня. Значит палкой, Сесил?

МЭДИГАН. Значит палкой, Перси. Пока нет твоего знаменитого шагомера, бей меня, пожалуйста, палкой. Но не по голове.

КОРРЕЛЛ. Это почему? Мне казалось, ты привык, что я валтужу тебя по голове. И я к этому, признаться, привык. Перепривыкать будет непросто.

МЭДИГАН. Но ведь не палкой же.

КОРРЕЛЛ. А чем?

МЭДИГАН. Мы оба привыкли, что ты бьёшь меня по голове веслом... лыжей. А теперь ты пообещал бить меня правой лыжной палкой. А это совсем другое.

КОРРЕЛЛ. Ею по голове... неприятно... неудобно, что ли?

МЭДИГАН. Что-то вроде того.

КОРРЕЛЛ. И куда же мы будем бить друг друга палкой?

МЭДИГАН. Мне понравится, если ты вломишь мне по месту пониже спины. Это напомнит мне не только о детстве, но и о том, что пора делать следующий шаг.

КОРРЕЛЛ. Какой шаг?

МЭДИГАН. Шаг вперёд, к заветной цели.

КОРРЕЛЛ. А... ты об этом.

МЭДИГАН. А тебе куда бить?

КОРРЕЛЛ. Лыжей?

МЭДИГАН. Веслом... то есть палкой.

КОРРЕЛЛ. По голове.

МЭДИГАН. Привык?

КОРРЕЛЛ. И не только: всякий раз, когда ты будил меня лыжей, из меня вылетал новый зуб. Они же теперь такие капризные, будто температурающие маленькие дети: чуть что — падают на пол. То есть на снег.

МЭДИГАН. Я бил тебя тринадцать раз.

КОРРЕЛЛ. Сейчас посчитаю языком. *(После паузы.)* Я насчитал двенадцать покинувших меня зубов.

МЭДИГАН. Ты хочешь, Перси, чтобы они все... ушли?

КОРРЕЛЛ. Не то что бы я хотел, Сесил... Но без них меньше соблазнов. А те соблазны, которые ещё есть, решительно ослабевают. Поэтому продолжай будить меня, лупя по голове. И — лыжей. С нею мне спокойней. Вдруг палке не по зубам мои зубы.

МЭДИГАН. Что ж... тогда по старинке. И пусть мы попадём на полюс на икс дней позже, но раз ты попросил...

КОРРЕЛЛ. Я попросил, Сесил.

МЭДИГАН. Одного не пойму: чем тебе так нравится потеря зубов?

КОРРЕЛЛ. А я скажу тебе.

МЭДИГАН. А ты скажи мне.

КОРРЕЛЛ. Но ты только не обижайся на сказанное.

МЭДИГАН. А я могу обидеться?

КОРРЕЛЛ. Можешь. К сожалению, можешь! Если только ты сам не желаешь того же. Тогда тебе будет сложнее обижаться.

МЭДИГАН. Чего «того же», Перси?

КОРРЕЛЛ *(поёт)*. Вниз по матушке по Волге,

МЭДИГАН *(подхватывает)*. По широкому раздолью,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН *(поют вместе)*. По широкому раздолью,

КОРРЕЛЛ *(поёт)*. Поднималась непогода.

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН *(поют вместе)*. Поднималась непогода.

КОРРЕЛЛ *(поёт)*. Погодушка немалая,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН *(поют вместе)*. Погодушка немалая,

КОРРЕЛЛ *(поёт)*. Немалая, волновая.

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Немалая, волновая.

КОРРЕЛЛ (*поёт*). Ничего в волнах не видно.

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Ничего в волнах не видно.

КОРРЕЛЛ (*поёт*). Одна лодочка чернеет,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Одна лодочка чернеет,

КОРРЕЛЛ (*поёт*). Только паруса белеют.

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Только паруса белеют.

МЭДИГАН. Где эта лодка, о которой ты поёшь, Перси? Я ничего не вижу! Покажи мне её! Я так хочу увидеть эту чернеющую лодку с белеющими парусами!

КОРРЕЛЛ. Когда я бужу тебя веслом...

МЭДИГАН. А теперь, прошу, буди меня палкой.

КОРРЕЛЛ. ...я думаю о твоей яремной вене, Сесил.

МЭДИГАН. Почему, Перси? Ты влюбился в неё?

КОРРЕЛЛ. В каком-то смысле. Я так сильно разлюбил холодную воду, которую даёт нам снег, что иногда люблю твою вену. А ты мою любишь?

МЭДИГАН. Вену? Мне нравится твой ум, Перси. А про твою вену я ничего не знаю. Ты хочешь, чтобы я полюбил её?

КОРРЕЛЛ. Нет, нет, что ты, ни в коем случае. Лучше возненавидь её, Сесил.

МЭДИГАН. Но, чтобы возненавидеть её, мне нужны веские основания. Нет, я так не умею.

КОРРЕЛЛ. Ну тогда просто не обращай на неё внимания. Считай, что её нет.

МЭДИГАН. Ладно... Ну а зубы? При чём тут твои исчезающие зубы?

КОРРЕЛЛ. Их всё меньше, и я, наверное, уже не смогу перекусить тебе ту самую вену, чтобы испытать — и напиться, напиться — это главное, — тёплой красной жидкости. Их всё меньше, и я, наверное, уже не смогу, завалив тебя лыжей...

МЭДИГАН. Палкой, Сесил, палкой.

КОРРЕЛЛ. ...палкой, отрезав от тебя хоть что-нибудь мясистое и жирное, изжевать его. Зубов всё меньше, и я хочу, чтобы их вовсе не стало.

МЭДИГАН. Упс.

КОРРЕЛЛ. Он самый.

МЭДИГАН (*поёт*). Только паруса белеют,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). На гребцах шляпы чернеют.

МЭДИГАН (*поёт*). На гребцах шляпы чернеют,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Сам хозяин во наряде,

МЭДИГАН (*поёт*). Сам хозяин во наряде,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). В чёрном бархатном кафтане,

МЭДИГАН (*поёт*). Уж как взговорит хозяин:

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). «Нуте, грянемте, ребята,

МЭДИГАН (*поёт*). Нуте, грянемте, ребята,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Вниз по матушке по Волге.

МЭДИГАН (*поёт*). Вниз по матушке по Волге,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Проворачивай, ребята,

МЭДИГАН (*поёт*). Проворачивай, ребята,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Ко крутому бережочку!»

МЭДИГАН. Когда мы съели последнего Тузика...

КОРРЕЛЛ. Шарика, Сесил.

МЭДИГАН. Прости, Перси, Шарика. Когда мы его съели, я подумал, что...

КОРРЕЛЛ. А ещё, будя тебя, я думаю о твоём заливном языке. Извини, продолжай.

МЭДИГАН. ...я подумал, что даже не всплакнул о Шарике.

КОРРЕЛЛ. И почему же? Я вот внутренне весь обрыдался.

МЭДИГАН. Потому что в наших санях, чей парус хоть и белеет, но тащит нас не туда, есть немало гвоздей, а значит — на Шарике белый свет клином не сошёлся. И я подумал, что обязательно взрыдну по гвоздям, когда они закончатся.

КОРРЕЛЛ. Прости, но ты не прав.

МЭДИГАН. И в чём же?

КОРРЕЛЛ. Разве я смогу обедать гвоздями, когда у меня нет зубов? Или ты готов перекусывать их для меня и разжёвывать?

МЭДИГАН. Не готов.

КОРРЕЛЛ. Вот именно. Да и не стал бы я жевать уже пережёванное.

МЭДИГАН. Да это не понадобится, Перси... (*Останавливается, замирает, превращается в слух.*) Чу! Я что-то слышу, Перси!

КОРРЕЛЛ. И я слышу что-то, Сесил. Кажется, это киты под нами бьют хвостами. Вот бы прикормить одного и изловить, чтобы не жевать пережёванные гвозди.

МЭДИГАН. Ну какие киты, Перси, если под нами чернозём.

КОРРЕЛЛ. Нет, киты.

МЭДИГАН. Нет, тамбовский чернозём.

КОРРЕЛЛ. Нет, бьют хвостами.

МЭДИГАН. Перси! Это самолёт!

КОРРЕЛЛ. Под нами? Не киты?

МЭДИГАН. Это самолёт. Он над нами, но ещё далеко, в ста одном, наверное, километре. Но он вот-вот будет и, как я надеюсь все своими фибрами, сбросит нам что-нибудь действительно вкусненькое, а не эти разноцветные припадочные футбольные мячи, которые забили наши сани под завязку.

КОРРЕЛЛ. Да, вкус у них ужасный, а не очаровательный, как могло бы показаться, когда они вдруг свалились на нашу голову.

МЭДИГАН. А главное — я не могу понять, почему они разноцветные. У тебя есть мысли?

КОРРЕЛЛ. У меня есть наблюдение из прежней жизни: я всегда забивал только красными мячами, а синими — никогда.

МЭДИГАН. А зелёными? Зелёных у нас почему-то больше всего.

КОРРЕЛЛ. А зелёными я только и делал, что бил стёкла в соседних домах.

МЭДИГАН. Вот это удар у тебя, Перси.

КОРРЕЛЛ. То есть только и делал, что промахивался, Сесил. Как только мы узнавали, что будем играть зелёным мячом, меня не выпускали на поле. Меня даже прятали, чтобы не слазить игру.

МЭДИГАН. А как же ты тогда промахивался?

КОРРЕЛЛ. Меня выпускали на последней минуте, надеясь, что я изменю себе, ведь к тому моменту мы обычно проигрывали 0:7, и я, конечно, выходил, чтобы моя команда победила, но снова промахивался и промахивался, потому что против традиции не попрёшь, зелёный мяч не обманешь, и он взлетал над 100-тысячным стадионом и вонзался в чьё-нибудь окно, после чего пробивал дом насквозь, но всегда без единой жертвы.

МЭДИГАН. Вот это цвет, вот это я понимаю.

КОРРЕЛЛ. Хочешь, я пну пару зелёных в зал?

МЭДИГАН. А зал не пострадает?

КОРРЕЛЛ. Я тихонечко.

МЭДИГАН. Ну давай, давай, Перси, пока самолёт летит. Хотя бы аппетит нагуляем.

КОРРЕЛЛ. И настроение.

МЭДИГАН. И настроение, потому что в этот раз они точно сбросят мешок шницелей.

КОРРЕЛЛ. Чтобы мы дошли.

МЭДИГАН. И водрузили на земной оси наш флаг.

КОРРЕЛЛ. Какой из них?

МЭДИГАН. Тот, с Винни-Пухом и автографами Милна и Шепарда.

КОРРЕЛЛ. И Леонова.

МЭДИГАН. И, конечно, Евгения Павловича.

КОРРЕЛЛ. И Заходера.

МЭДИГАН. И, само собой, с витиеватой подписью Бориса Владимировича дорогого и ненаглядного.

КОРРЕЛЛ. И Александра Сергеевича Пушкина.

МЭДИГАН. Ну нет, Пушкин на этом знамени не расписался.

КОРРЕЛЛ. Зря он так.

МЭДИГАН. Ну не захотел человек рядом с Милном быть.

КОРРЕЛЛ. Имеет право.

МЭДИГАН. Полное право имеет. Не Лермонтов же.

КОРРЕЛЛ (*берёт зелёный мяч из саней и, сняв правую лыжу, пинает его в зал*). Стекло цело? (*Ему отвечают: «Цело!»*) Ну и как вам мячик, ребята? (*Ему отвечают: «Очаровательный! Зелёный!»*) Ещё надо? У нас таких много. Только окна не подставляйте. (*Ему отвечают: «Разве что один!»*) Ловите (*пинает в зрительный зал ещё один мяч*). Оба мяча теперь ваши, на выходе сдавать не надо, только скажите, что это моё, Перси Коррелла, распоряжение. (*Ему отвечают: «Вот спасибочки!»*)

МЭДИГАН. Чу! Самолёт на подходе, Перси! Любишь шни-цели, Перси?

КОРРЕЛЛ. Очень, Сесил!

МЭДИГАН. Как давно мы не ели, Перси?

КОРРЕЛЛ. Двадцать один день, Сесил.

МЭДИГАН. Но ведь пили же, Перси.

КОРРЕЛЛ. С этим не поспоришь, Сесил. Я столько льда иссосал, столько снега засунул в рот.

МЭДИГАН. ВОТ ОН, ПЕРСИ! Я не вижу его, потому что он очень высоко, в стратосфере, но я слышу его, и это самолёт, а не киты!

КОРРЕЛЛ. Конечно, самолёт, потому что чернозём не летает!

МЭДИГАН. Да ещё на такой высоте!

КОРРЕЛЛ. Да ещё с нашими шницелями!

МЭДИГАН. Да ещё с нашими рублеными шницелями, украшенными яйцом и зелёным горошком! Которые даже разогревать не придётся, потому что они будут горяченькими! Горяченькими, Перси!

КОРРЕЛЛ. Сесил, я что-то слышу. Кто-то кричит нам из стратосферы очень приятные вещи, которые мы, наверное, не заслуживаем, я — точно, потому что иногда думаю о твоей яремной вене.

МЭДИГАН. Тогда я тоже не заслужил их, Перси, потому что засыпаю на ходу. Но что же нам кричат в мегафон с 21-километровой высоты?

КОРРЕЛЛ. А ты догадайся.

МЭДИГАН. Хорошее хоть?

КОРРЕЛЛ. Очень хорошее.

МЭДИГАН. Три пера в задницу и трамвай навстречу?

КОРРЕЛЛ. Близко, но не очень.

МЭДИГАН. Скатертью дорога?

КОРРЕЛЛ. Угадал, только слова перепутал.

МЭДИГАН. Ну же.

КОРРЕЛЛ. СПАСИБО, ЧТО ИДЁТЕ. СЛЕДИМ, ВОЛНУЕМ-СЯ, ВЕРИМ.

МЭДИГАН. Господи, да я теперь не пойду — а побегу. (*Пытается бежать, но вскоре, метра через три, падает.*) Никогда не любил классический ход, всё время падал лицом вперёд, и на меня наступали, чтобы быть впереди меня. Мама всегда спрашивала: «Сесил, что это у тебя за полоски на спине от попы до макушки?»

КОРРЕЛЛ. А если коньковым ходом?

МЭДИГАН. Да, коньковым получится, я уверен. А ты не сильно тогда отстанешь?

КОРРЕЛЛ. Но ведь я впереди. Как я могу отстать?

МЭДИГАН. Зря ты мне подсказал. Теперь я буду флагманом. (*Поднимается и, пробежав «коньком» полтора метра, замирает.*)

КОРРЕЛЛ. Что такое, Сесил? Почему ты не крикнул: «Лыжню!», чтобы я уступил тебе дорогу?

МЭДИГАН (*после паузы, удручённо, задыхливо*). Потому что вымотался. Зря ты мне подсказал. Теперь я полдня не хожок.

КОРРЕЛЛ. А кто ты теперь?

МЭДИГАН. Стоялец и засыпалец.

КОРРЕЛЛ. Но ведь в нас ВЕРЯТ, полярник Мэдиган, нас благодарят. И благодарят не за стояние.

МЭДИГАН. Ладно, ладно, уже иду.

КОРРЕЛЛ (*обернувшись, смотрит на Мэдигана*). Хорошо идёшь, Сесил, очень хорошо, искренне, с огоньком, приятно посмотреть.

МЭДИГАН. Теперь и я слышу, Перси!

КОРРЕЛЛ. Что ты слышишь?

МЭДИГАН. Голос с небес!

КОРРЕЛЛ. И что же он говорит?

МЭДИГАН. СПАСИБО, ЧТО ВСТАЛ И ИДЁШЬ, ДОРОГОЙ СЕСИЛ.

КОРРЕЛЛ. А про меня, что же, ни словечка?

МЭДИГАН. Про тебя ни словечка.

КОРРЕЛЛ. Погоди... А вот и про меня, вот и про меня! Спасибо вам, добрые люди в самолёте, барражирующем в стратосфере надо мной и моим товарищем! Знаете, как приятно услышать ваше СПАСИБО в эту непростую годину 58-го дня!

МЭДИГАН. Тебя тоже хвалят, Перси? Ну не могут же они поругивать тебя, верно? Если поругивают, — я оскорблюсь.

КОРРЕЛЛ. СПАСИБО, ЧТО ВОЗГЛАВЛЯЕШЬ ЭТУ ЕДИНСТВЕННУЮ И НЕПОВТОРИМУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ, ТВЕРДОКАМЕННЫЙ ПЕРСИ. ПОД ТВОИМ РУКОВОДСТВОМ ВЫ ЕГО ДОСТИГНЕТЕ. Вот что повторяет на все лады это приятное сопрано с неба. Тебе радостно за меня, Сесил?

МЭДИГАН. Ты возглавляешь нашу экспедицию?

КОРРЕЛЛ. Ну а что такое? Разве я не иду впереди вот уже двадцать один день?

МЭДИГАН. А, в этом смысле. Тогда мне радостно.

КОРРЕЛЛ. И в этом, и в другом.

МЭДИГАН. Мне радостно только в одном смысле: в этом.

КОРРЕЛЛ. Ну не упрямясь, Сесил. Сейчас нас покормят, и тебя взвеселят все смыслы.

МЭДИГАН. Кстати, а где шницели?

КОРРЕЛЛ. Целый мешок шницелей.

МЭДИГАН. Что-то они не спешат.

КОРРЕЛЛ. Сказками нас кормят.

МЭДИГАН (*кричит небу*). Это фрустрирует!

КОРРЕЛЛ (*кричит небу*). Я явственно чувствую безвыходность, которую, боюсь, не заглушить одними шницелями! Особенно если они остынут за время падения.

МЭДИГАН. Чу!

КОРРЕЛЛ. Что-то ответили? Почему ты слышишь тогда, когда не слышу я? И наоборот.

МЭДИГАН. СЕЙЧАС, СЕЙЧАС, ИЗВИНИТЕ ЗА НЕПРЕДВИДЕННУЮ ЗАДЕРЖКУ. ЖДИТЕ ГРУЗ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОЙ МИНУТЫ. Сказали они.

КОРРЕЛЛ. МИНУТА — это очень долго.

МЭДИГАН. МИНУТА — это какое-то предательство.

КОРРЕЛЛ. Зачем же тогда ВЕРИТЬ в нас, если В ТЕЧЕНИЕ МИНУТЫ?

МЭДИГАН. Бесконечной МИНУТЫ.

КОРРЕЛЛ. Очень больно...

МЭДИГАН. ...слышать такое...

КОРРЕЛЛ. ...с небес.

МЭДИГАН. Чу!

КОРРЕЛЛ. Да какое «чу»! Я слышу свист, рождаемый падением мешка с горячими шницелями при трении о воздух!

МЭДИГАН. Какой дивный посвист, Перси!

КОРРЕЛЛ. Какой вкусный посвист, Сесил.

МЭДИГАН (*кричит в небо, сняв лыжи и упав на колени*). Спаси вас бог от попадания метеорита и удара молнии или града!

КОРРЕЛЛ. Самолёт, самолёт, забери меня в полёт!

МЭДИГАН. А в полёте пусто, выросла капуста. Мешок, Перси! Он упал, Перси! Он в тринадцати твоих шагах в юго-западном направлении! Красивый такой! весь в какой-то Гжели, а то и Хохломе!

КОРРЕЛЛ (*машинально, на бегу к упавшему с неба грузу*). А в капусте червяки, все мальчишки дураки...

МЭДИГАН. Перси, ты не мог бы бежать быстрее?

КОРРЕЛЛ. Сесил, я выкладываюсь! Я достиг скорости встречного ветра! Дай мне пять минут, и я открою мешок, и ты услышишь дивный запах ещё горячих шницелей!

МЭДИГАН. С яйцом и рубленых! Пожалуйста, ускорься, Перси! Ты бегаешь на лыжах, как безногий инвалид! Пять минут — это целая вечность! (*В сторону.*) Это... это хуже, чем предательство, это капитуляция и смерть в ста шагах от полюса, когда он уже на виду, когда он то ли холмик, то ли ямка...

КОРРЕЛЛ. Ты что-то сказал, полярник?

МЭДИГАН. Я желаю тебе удачи, полярник. Я очень хочу, чтобы ты не сломал впопыхах лыжу, а то и обе, полярник.

КОРРЕЛЛ. Пока бегу, хочу посоветоваться.

МЭДИГАН. Валяй.

КОРРЕЛЛ. Что мы будем делать, если там не шницели?

МЭДИГАН. А что, например?

КОРРЕЛЛ. Скрепки.

МЭДИГАН. Скрепки?

КОРРЕЛЛ. Канцелярские.

МЭДИГАН. Целый мешок.

КОРРЕЛЛ. Не меньше.

МЭДИГАН. Этого не может быть.

КОРРЕЛЛ. Почему?

МЭДИГАН. Потому что скрепки не могут пахнуть горячим шницелем. А я явственно слышу этот единственный во Вселенной чудо-аромат.

КОРРЕЛЛ. Ну почему же не могут? Скрепки вполне могли лежать рядом с плитой, на которой добрые стратосферные люди жарили шницель.

МЭДИГАН. Один?

КОРРЕЛЛ. Несколько. Целый мешок.

МЭДИГАН. И они впитали этот райский запах?

КОРРЕЛЛ. Могли, и с лёгкостью.

МЭДИГАН. Скрепки?

КОРРЕЛЛ. Целый мешок.

МЭДИГАН. У них такая страсть к ангельским запахам?

КОРРЕЛЛ. Не к любым: только к шницельным.

МЭДИГАН. Не верю. Хотя бы потому, что в нас ВЕРЯТ.

КОРРЕЛЛ. Я тоже не верю, просто хочу узнать, что мы будем делать.

МЭДИГАН. Перси, хороший мой, дорогой мой, сделай так, чтобы там не было скрепок.

КОРРЕЛЛ. Приложу все мыслимые оставшиеся у меня силы.

МЭДИГАН. Если бы сейчас кто-то разжёл костёр у самого полюса, чтобы приготовить на нём сочные шницели с ян-

тарной корочкой, они, Перси, пахли бы слабее, чем наши скрепки. И знаешь, почему?

КОРРЕЛЛ. Знаю: потому что этот мешок, к которому я бегу, пахнет такими сочными шницелями с янтарной корочкой, что мой желудочный сок вот-вот прожжёт во мне кучу дырок и начнёт фонтанировать наружу.

МЭДИГАН. Золотые, даже янтарные слова, Перси... У нас ведь на снях высокая мачта?

КОРРЕЛЛ. Довольно-таки.

МЭДИГАН. И верёвка осталась?

КОРРЕЛЛ. И полбухты крепкой верёвки.

МЭДИГАН. Мне казалось, что мы сварили её всю...

КОРРЕЛЛ. Нет, Сесил, половину бухты не успели. Устали, забылись, отвлеклись на колебания вод под ногами.

МЭДИГАН. Верно. Я вспомнил. В тот вечер киты били хвостами особенно осатанело.

КОРРЕЛЛ. В чернозёме-то? Наверное, встретили недружественную подлодку.

МЭДИГАН. Должно быть, нашу.

КОРРЕЛЛ. Не исключено. Или монгольскую.

МЭДИГАН. Или люксембургскую. Я слышал, что у Люксембурга лучшие в этом смысле подлодки.

КОРРЕЛЛ. Самые глубоководные?

МЭДИГАН. И самые высокоширотные.

КОРРЕЛЛ. Очень интересно.

МЭДИГАН. Так вот, отвечая на твой вопрос, я уже сейчас готов предположить, что захочу — и захочу с очень высокой долей вероятности — повеситься на нашей парусной мачте, что, учитывая моё прозрачное состояние, будет только на руку: второй парус сням не помешает.

КОРРЕЛЛ. А я что буду делать, если там скрепки?

МЭДИГАН. А ты, мой лучший друг Перси, стиснешь зубы и рванёшь на двух парусах к полюсу.

КОРРЕЛЛ. Если ветер будет попутным.

МЭДИГАН. Если ветер будет таковым. И, достигнув полюса, назовешь его моим именем.

КОРРЕЛЛ. То есть переименую из Южного в Мэдигановский?

МЭДИГАН. Именно так, Перси, именно так.

КОРРЕЛЛ. А что на это скажут картографы и всемирная общественность?

МЭДИГАН. А мне плевать что они скажут, потому что они, вместо того чтобы подкормить нас шницелями, пусть даже холодными, выбросили мешок скрепок. Потому что ты без меня как паруса...

КОРРЕЛЛ. Как второго паруса.

МЭДИГАН. ...как второго паруса в жизни не добрался бы до этого сраного Южного полюса. Поэтому я прошу тебя... я требую, чтобы ты — по праву первооткрывателя серебристого рельса до небес, торчащего из сраного полюса, — обозвал его моим именем.

КОРРЕЛЛ. Не будем отчаиваться, Сесил. Вдруг там не скрепки.

МЭДИГАН. Ты должен пообещать мне, своему будущему повесившемуся ради общего дела товарищу, что обзовёшь его Мэдигановским.

КОРРЕЛЛ. Ладно, обещаю.

МЭДИГАН. Спасибо, Перси. Вот что мы будем делать, если там не шницели. Но это мой ответ, а ты отвечай так, как тебе подсказывают совесть и судьба. Теперь-то у меня не дрогнет рука...

КОРРЕЛЛ. Второй парус — это прекрасная мысль, Сесил.

МЭДИГАН. Спасибо, Перси.

КОРРЕЛЛ. Вот бы ещё ветер переменился.

МЭДИГАН. На двух парусах да с попутным ветром сани домчат тебя до Мэдигановского полюса в мгновение ока.

КОРРЕЛЛ. Ах!

МЭДИГАН. Что такое, Перси?

КОРРЕЛЛ. Ничего, это я позволил себе мечтательно воскликнуть.

МЭДИГАН. А я и испугался.

КОРРЕЛЛ. А ты и испугался, дурачок.

МЭДИГАН. Вот же я дурачок.

КОРРЕЛЛ. Сесил, я почти добежал до мешка, и...

МЭДИГАН. Что «и», Перси?

КОРРЕЛЛ. ...и пахнет он изумительно. И всё сильнее и сильнее.

МЭДИГАН. Шницелями?

КОРРЕЛЛ. И горяченькими.

МЭДИГАН. С яйцом?

КОРРЕЛЛ. Есть и такая нотка, Сесил, в этом мощном пищевом запахе.

МЭДИГАН. А они рубленые?

КОРРЕЛЛ. Определённо, Сесил. Их рубленость сносит меня с пути.

МЭДИГАН. Постарайся не быть снесённым и заблудившимся.

КОРРЕЛЛ. Сесил. Дорогой мой Сесил.

МЭДИГАН. Да. Слушаю, мой дорогой Перси.

КОРРЕЛЛ. Я открыл упавший с неба мешок.

МЭДИГАН. Он и впрямь такой красивый, каким кажется с тринадцати метров?

КОРРЕЛЛ. Очень, очень красивый. Только это, кажется, жостовская роспись.

МЭДИГАН. Прелестная до неувменности! (*После паузы.*) Перси, почему ты не отвечаешь на мою реплику? Перси? Полярник Коррелл, ау! Неужели там не шницели, а антрекоты?

КОРРЕЛЛ. А какая между ними разница?

МЭДИГАН. Ох. Ты заговорил. Значит, всё по-прежнему хорошо. Ох. А разница такова, что антрекот подают на овальном блюде. Неужели они подумали и об этом? Все ли овальные тарелки целы? Стоило ли так утруждаться, верно? Мы бы и круглым были рады, не так ли, Перси?

КОРРЕЛЛ. Сесил, это плюшевые медведи.

МЭДИГАН. Разве там не канцелярские скрепки?

КОРРЕЛЛ. Нет, канцелярские мишки.

МЭДИГАН. Ой, а я подумал, что там плюшевые скрепки.

КОРРЕЛЛ. Почему ты так подумал?

МЭДИГАН. Ну не канцелярские же шницели.

КОРРЕЛЛ. И даже не плюшевые антрекоты?

МЭДИГАН. А ты не ошибаешься? Вдруг это шницельные скрепки?

КОРРЕЛЛ. Я тщательно всё осмотрел, ощупал и даже очень многое надкусил.

МЭДИГАН. И это не антрекотные мишки, да? Скажи правду, не бойся испугать меня.

КОРРЕЛЛ. Это плюшевые скрепки... То есть, прости, канцелярские мишки.

МЭДИГАН. Почему «канцелярские»?

КОРРЕЛЛ. Потому что это мишки, а не скрепки, и они несомненно из плюша, а не из чёрного канцелярского металла.

МЭДИГАН. А мозги, Перси? Ты вскрывал им головы? Вдруг там вкусные органические мозги?

КОРРЕЛЛ. Я вскрыл с десятка лохматых голов, Сесил. В них опилки, как и завещал великий классик.

МЭДИГАН. А ты их попробовал? Ты в рот их засовывал? Что если у них шашлычный вкус и недетская питательность?

КОРРЕЛЛ. Сейчас раскрою голову одиннадцатой лохмучке и вкушу. *(После паузы.)* Какой вкус у осиновых опилок, Сесил?

МЭДИГАН. Вкус осины?

КОРРЕЛЛ. А у берёзовых?

МЭДИГАН. Вкус берёзы?

КОРРЕЛЛ. А у рябиновых?

МЭДИГАН. Вкус рябины?

КОРРЕЛЛ. А у ракитовых опилок какой?

МЭДИГАН. Над рекой.

КОРРЕЛЛ. Опилки в голове одиннадцатого Винни имеют некий усреднённый лесопильный вкус.

МЭДИГАН. Усреднённый, но не шницельный?

КОРРЕЛЛ. Нет.

МЭДИГАН. Ну хорошо. А вдруг внутри них отличные потроха?

КОРРЕЛЛ. Вскрыть, что ли?

МЭДИГАН. Противно, что ли?

КОРРЕЛЛ. Всё-таки медведи, а не выхухоли.

МЭДИГАН. Вскрывай давай, полярник.

КОРРЕЛЛ *(после паузы)*. Сделано. Кровищи — море. Мне теперь ни за что не отмыться.

МЭДИГАН. Ну.

КОРРЕЛЛ. Ты хотел требушков?

МЭДИГАН. Можно подумать, ты их не хотел?

КОРРЕЛЛ. А получишь... Какой вкус у конского волоса?

МЭДИГАН. Конский, конский вкус, Перси! Это очень вкусный вкус! Господи, как же нам повезло! Теперь-то мы точно дойдём, хороший мой Перси! Ибо будем сыты, как жирные крезы! И даже будем попахивать сигарами и кофе, потому что они после обеда всегда курят сигары и дуют кофе!

КОРРЕЛЛ. Интересно другое: в Топтыгине, которого я вскрыл, внутренности отдают яблоком...

МЭДИГАН. И я скажу тебе, почему! Потому что этот конский волос срезан с чёлки серой в яблоках лошадки! Господи, как я соскучился по яблокам!

КОРРЕЛЛ. погоди, вскрою ещё одного. *(После паузы.)* А у этого волоса — только не падай в обморок от предвкушения — вкус абрикоса.

МЭДИГАН. А знаешь, почему?

КОРРЕЛЛ. Не-а.

МЭДИГАН. Потому что лошадь, поделившаяся своим тучным волосом, была каурой!

КОРРЕЛЛ. Неужели?

МЭДИГАН. Ну не мышастой же.

КОРРЕЛЛ. Не мышастой. Ты прав.

МЭДИГАН. И сколько их там?

КОРРЕЛЛ. Мишек? Целый жостовский мешок.

МЭДИГАН. А поконкретнее?

КОРРЕЛЛ *(после паузы)*. Всех, кажется, перещупал. Хорошо, что не кусаются. Пятьсот штук.

МЭДИГАН. Ровно пятьсот? Не пятьсот один? Не четыреста девяносто девять?

КОРРЕЛЛ. Я уверен. Я в этом мастер.

МЭДИГАН. Тогда мы спасены. Эта глава в моей будущей книжке будет называться «Падение с неба спасительных медведей и иные гастрономические вкусы и излишества».

КОРРЕЛЛ (*после паузы*). Ну наконец-то. Я распорол ещё с полсотни Пухов и добился своего: нашёл конский волос со вкусом чёрного хлеба. Я так соскучился по нему, Сесил.

МЭДИГАН. Значит, обладательница этого вкуса была сивой масти, Перси.

КОРРЕЛЛ. Тебе виднее.

МЭДИГАН. А я говорю: сивая. И не смей сомневаться.

КОРРЕЛЛ (*после паузы*). Ой.

МЭДИГАН. Надеюсь, это «ой» укрепит нашу поднимающую голову надежду.

КОРРЕЛЛ. Мне вдруг захотелось узнать, как правильно употреблять конский волос в пищу, поэтому я вскрыл ещё одного косолапого, а в нём — записка, инструкция и почему-то окурки.

МЭДИГАН. Прошу тебя, Перси, лучше утаи их содержание, если оно мне не понравится и чревато.

КОРРЕЛЛ (*после долгой паузы*). Не могу молчать, Сесил, ибо от этого зависит судьба всей экспедиции.

МЭДИГАН. А экспедиция — это святое.

КОРРЕЛЛ. Вот именно. Она дорога нам, как... я даже не знаю что.

МЭДИГАН. Начни с записки.

КОРРЕЛЛ. Записка гласит: «У вас всё получится».

МЭДИГАН. У меня чуть-чуть отлегло от сердца.

КОРРЕЛЛ. Инструкция гласит:

«1. Категорически воспрещается употреблять плюшевых мишек в пищу. Нельзя поедать ни их мозги, ни их требуху. Нельзя поедать даже их плюш, который нельзя поедать особенно!

2. Плюшевые мишки тщательно разработаны и выброшены с самолёта-наблюдателя там, где должно, с императивно судьбоносной целью отпугивания с маршрута белых медведей (*Ursus maritimus*).

3. Ибо бурые медведи (*Ursus arctos*) являются неизбывными остервенелыми врагами медведей белой масти и всегда — вы должны запомнить это слово и повторять его даже в ущерб другим словам, — всегда, всегда,

всегда побеждают беломастных в честном поединке при встрече один на один.

4. Вот почему.

5. Для отпугивания.

6. С целью выполнения главной и единственной цели экспедиции.

7. А также посильного сохранения жизней её участников.

8. Их, плюшевых мишек (*Ursus puра*), должно быть много на каждом километре (присланного количества мишек должно хватить с лихвой).

9. *Ursus puра* специально обработаны густым шницельным запахом, который полностью и бесповоротно совпадает с вонью бурых медведей, которые вышли на тропу войны со своими белыми врагами.

10. Под страхом серьёзных последствий запрещается вскрывать наших плюшевых бестий, ибо запах конского волоса собьёт с толку белого медведя: он подумает, что это лошадь и ринется в атаку.

11. Чтобы качественно и количественно разместить этот мешок плюшевых мишек на маршруте, надо пройти с места падения мешка до самого Южного полюса, размещая на каждом километре много-много *Ursus puра*, потом вернуться на место падения мешка и продолжить маршрут.

12. Удачи!

13. Впереди — а мы из, мать её, стратосферы видим всё — очень, очень, очень много белых медведей, которые пришли сюда специально, чтобы полакомиться мясом полярников.

14. Или снимаем вас с маршрута, или верните на место конский волос и зашейте всех раскуроченных Пухов.

15. Третьего не дано.

16. Ваша администрация вашей экспедиции, глубоко вас уважающая.

17. **P. S.** Окурок, если вы его отыскиали попал сюда случайно и никакого инструкционального значения не имеет (можете докурить).

18. **P. P. S.** Ну хорошо, мишку, в котором вы нашли нашу инструкцию, можете съесть».

МЭДИГАН (*запевая, начинает движение*). Вдоль по Питерской,

КОРРЕЛЛ (*подхватывает*). По Тверской-Ямской!

МЭДИГАН и КОРРЕЛЛ (*поют вместе*). По Тверской-Ямской! / Да с колокольчиком.

МЭДИГАН (*поёт*). Едет миленький

КОРРЕЛЛ (*подхватывает*). Сам на троечке.

МЭДИГАН и КОРРЕЛЛ (*поют вместе*). Едет, лапушка, / Да во поддёвочке...

МЭДИГАН. Вот я и говорю, и говорю, и говорю, а ты не слышишь и не слышишь.

КОРРЕЛЛ. Чего такого я не слышу, что ты говоришь и говоришь?

МЭДИГАН. Гвозди.

КОРРЕЛЛ. А что с ними?

МЭДИГАН. Всё-таки тебе придётся их жевать и пережёвывать.

КОРРЕЛЛ. Сначала жевать, а потом пережёвывать?

МЭДИГАН. Порядок употребления гвоздей в пищу я оставляю на твоё усмотрение, Перси.

КОРРЕЛЛ. Неужели они такие питательные?

МЭДИГАН (*поёт*). Не лёд трещит, / Не комар пищит, / Это кум до кумы / Судака тащит.

КОРРЕЛЛ. Вот видишь, судака. Не сига — судака. Судака, Сесил.

МЭДИГАН. Да не знаю я об их питательности, Перси! Но их много. И без них нам — не дойти.

КОРРЕЛЛ. Не дойти и тем самым до глубины души обидеть тех, кто в нас ВЕРИТ, кто СЛЕДИТ за нами, кто ВОЛНУЕТСЯ.

МЭДИГАН. Глотать гвозди. Мой желудок готов к ним как никогда в его жизни. Глотать. Глотать, не останавливаясь. Глотать, пока они не станут в горле. (*После паузы.*) Но ведь у нас есть один плюшевый медведь.

КОРРЕЛЛ. Даже разорвав Винни на сто кусочков, нам не хватит его до полюса.

МЭДИГАН. До Мэдигановского полюса.

КОРРЕЛЛ. А до этого полюса — тем более. *(После паузы.)* Ну всё, я согласен: я буду пережёвывать их для тебя, Сесил. Твои гвозди.

МЭДИГАН. Тогда я пошёл выковыривать их из саней. Там их видимо невидимо, и все они из стали 30ХГСА, а это очень хорошая сталь, которая... Перси, а пуговицы среди инструкции, окурка и конского волоса вкуса каши в её самую-самую пору не было?

КОРРЕЛЛ. Зачем тебе пуговица?

МЭДИГАН. У меня одна оторвалась и укатилась.

КОРРЕЛЛ. И ты её не догнал?

МЭДИГАН. Я побежал за ней, но бег мой теперь не тот... Перси, а гвозди точно перевариваются?

КОРРЕЛЛ. Хорошо пережёванные — да.

МЭДИГАН. Откуда знаешь?

КОРРЕЛЛ. Нам преподавали.

МЭДИГАН. Но ведь футбольные мячи...

КОРРЕЛЛ. Но ведь они же не стальные!

МЭДИГАН. А когда мы докурим окурочек, Перси?

КОРРЕЛЛ. На Твоём полюсе, Сесил.

МЭДИГАН. Чтобы отметить?

КОРРЕЛЛ. Накуримся до чёртиков...

МЭДИГАН. ...и назад.

КОРРЕЛЛ. Домой.

МЭДИГАН. К маме.

КОРРЕЛЛ *(поёт)*. Э-эй! Кумушка,

МЭДИГАН *(подхватывает)*. Ты голубушка,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН *(поют вместе)*. Свари куму су-дака, / Чтобы юшка была.

МЭДИГАН. Юшка. Юшка. Юшка. Юшка. Юшка. Юшка. Юшка.

КОРРЕЛЛ. По одной юшке на каждый день пути.

МЭДИГАН. С понедельника и аж до самого воскресенья.

КОРРЕЛЛ. Включительно. Ты сказал «воскресения»?

МЭДИГАН. Юшечка...

Мэдиган и Коррелл пытаются идти, и у них это прекрасно получается, потому что скоро ночь, скоро обед, после ко-

торого их одолеют синхронные думы о черешне, которые проводят их до самого сна, и скоро, говоря откровенно, новый подъём, а до выполнения дневной нормы осталось 33,3 метра. Надо спешить.

День 77: сестра

На рассвете, когда они уже вышли, их разбудил какой-то рык. Мэдиган предположил, что это половина плюшевого мишки, которого им позволили использовать в качестве десерта. Коррелл не согласился: «А по-моему, — прошептал он, — это не наш мишка, а белый, которого до уржачки пугает мешок с Винни-Пухами, хранимый нами в санях как средство похлеще винтовки. Кстати, где она? Я что-то давно её не видел. Не ушла ли она за патронами?» После этого Коррелл уснул, и Мэдигану пришлось догонять его, чтобы ударить... не лыжей (которую так трудно и долго снимать), но правой палкой по голове, а потом втолковывать до искреннего «да-да, я согласен, ты, как всегда, прав, а я дурак дураком», что патрон, хоть он и последний, спит в санях, дожидаясь своего часа, что, когда он закончится, его с тем же успехом заменят разноцветные мячи, отправляемые ударом «сухой лист» в сторону предполагаемых белых медведей, чтобы *Ursus maritimus* играл до посинения с товарищами в футбол, и думать забыв о страхе перед мешком плюшевых мишек. Потом, примерно на 23-м метре, когда всё ещё возможно, они вместе попели «Попутную песню» на слова Н. Кукольника, окончательно сгладив этот рассветный рык (который, если хорошенько подумать, могли издавать не *Ursus*, но *Eubalaena*, южные киты, чей сон нарушила наглая заблудившаяся подлодка... хотя разве в чернозёме водятся киты?), после чего Мэдиган сказал: «Финики».

КОРРЕЛЛ. Почему?

МЭДИГАН. «Почему»?

КОРРЕЛЛ. Почему не радость едоков картофеля?

МЭДИГАН. Потому что снегá ему не то что в радость, но не страшны совсем-совсем. Прорастает и колосится как миленький. А вот финики...

КОРРЕЛЛ. ...это другое, это мечта и это беззаветная борьба за мечту.

МЭДИГАН. Совершенно верно. Нет ли у тебя с собой финиковой косточки, Перси? А лучше не одной, а трёх, чтобы видеть по пальме в течение трёх дней пути.

КОРРЕЛЛ. Да, но когда они ещё прорастут...

МЭДИГАН. А ты разве не думал, что холод ускоряет финиковый цикл?

КОРРЕЛЛ. Признаться, нет.

МЭДИГАН. Зря! Представь себе: он подгоняет пальмы не копать, но быстро родиться, быстро жить и...

КОРРЕЛЛ. ...быстро умереть?

МЭДИГАН. Вот насчёт смерти я как раз на 107 процентов не уверен: зачем быстро умирать там, где смерть бесконечна? где, кроме неё ничего нет? Мы с тобой — неоспоримое доказательство этой аксиомы Мэдигана.

КОРРЕЛЛ. И неотразимое, я бы сказал... Мы — да, но мы же не финики.

МЭДИГАН. Считаешь, что у фиников нет нашей воли?

КОРРЕЛЛ. Ну, финик финику рознь, однако ж они почему-то не стали на лыжи, чтобы дойти до полюса.

МЭДИГАН. Но у них и сестры нет, которая не писала мне уже 77 дней.

КОРРЕЛЛ. Какой ещё сестры? Разве у тебя есть сестра?

МЭДИГАН. Твоей сестры, Перси.

КОРРЕЛЛ (*после паузы*). Я не знал.

МЭДИГАН. Что у тебя есть сестра?

КОРРЕЛЛ. Что вы знакомы. До некоторых пор.

МЭДИГАН. О, Перси, мы не только знакомы, мы...

КОРРЕЛЛ. Больше ни слова, Сесил. С некоторых пор мне даже думать об этом не хочется.

МЭДИГАН. Может, мне ещё и слова о ней взять назад?

КОРРЕЛЛ. Да, это доставило бы мне удовольствие.

МЭДИГАН. Но почему? почему? Я не понимаю!

КОРРЕЛЛ. Потому что, Сесил.

МЭДИГАН. Почему, Перси?

КОРРЕЛЛ. Потому что ты, мил друг, не писал ей 107 дней!

МЭДИГАН. Я? Я писал ей...

КОРРЕЛЛ. Когда-то. Да, когда-то ты писал ей каждый день. А потом — пропал. Почему ты пропал, Мэдиган?

МЭДИГАН. Я? Я не пропадал...

КОРРЕЛЛ. Ты лжёшь, лживый Сесил Мэдиган!

МЭДИГАН. Я лгу?

КОРРЕЛЛ. Как сивый мерин, чья чёлка так вкусна, но не про нас. И это человечишко, с которым я иду на полюс. На Южный, кстати, полюс. На Южный. На Южный. На Южный.

МЭДИГАН (*после паузы*). Я лгу.

КОРРЕЛЛ. Ты лжёшь.

МЭДИГАН (*поёт*). Из-за острова на стрежень, / На простор речной волны / Выбегают расписные / Острогрудые челны... Ну же, Перси.

КОРРЕЛЛ. Петь с тобой — это оскорбление. Это ниже моего достоинства.

МЭДИГАН. Перси, Перси, послушай.

КОРРЕЛЛ. Господин Коррелл, если вас не затруднит... ОНА ЖЕ ЧУТЬ ПОЧТАЛЬОНА НЕ УБИЛА, Сесил!

МЭДИГАН. Я не знал, Перси.

КОРРЕЛЛ. Как написала мне другая сестра (я получил это письмо за день до начала экспедиции), она с утра до ночи стояла у калитки, ожидая почтальона, она перестала спать, хотя и так всю жизнь спала, как птичка, на неё страшно стало смотреть. И когда почтальон чуть ли не в тридцатый раз сказал ей: «Для вас писем нет», она, переспросив: «Опять не принесли?», подняла камень с земли и ударила почтальона.

МЭДИГАН. Боже мой.

КОРРЕЛЛ. Он в порядке, с ним ничего не случилось, его выходили. Сестра считает, что это её отчаяние — прихоть, но она заблуждается, потому что этот «каприз» отзывается на другое слово: любовь... Сесил, я знаю, ты был занят, но не настолько же, чтобы не начирикать ей что-нибудь фальшивое и отшивающее... На худой конец сошло бы и «отва-

ли, отвали, подруга, надоела, разлюбил, встретил другую, а потом ещё одну, её зовут Экспедиция, и она заморозила меня...» Ну а хуже всего, по словам другой сестры, то, что её обуяло жуткое чувство страха, выедающее её изнутри (да она на двадцать кило за месяц похудела!): мол, не дуручка ли: плачет по нему не переставая, не переставая же причитывать, что ей страшно, что он, в отличие от неё, по ней уже не плачет! А страх сей, как говорит сестра, ей внушила... птичка: «Птаха сказала мне: не плачет больше»!

МЭДИГАН (*после долгой паузы*). Перси, я не писал ей потому что в самом деле замотался. Но ещё и потому, что она писала мне каждый день, и в её письмах всё было... безоблачно. Понимаешь? Она ни словом не обмолвилась о своей тревоге... А я всё откладывал и откладывал...

КОРРЕЛЛ. Она самая гордая в нашей диковатой семье, Сесил.

МЭДИГАН. Прости меня, Перси. Я гнида.

КОРРЕЛЛ. Ты ветреник, Сесил, который из двух любимых выбрал ту, что не только не любит, но и каждый день убивает.

МЭДИГАН. Я не выбирал... то есть выбирал... то есть выбрал обоих, но ни одной из них не сказал о своём выборе.

КОРРЕЛЛ. Замотался.

МЭДИГАН. Ты же знаешь, что замотался.

КОРРЕЛЛ. Поэтому я и помалкивал.

МЭДИГАН. Я люблю её, Перси.

КОРРЕЛЛ. Я знаю, Сесил.

МЭДИГАН. Очень-очень.

КОРРЕЛЛ. Да, да.

МЭДИГАН (*после паузы*). Но ты всё-таки поройся в карманах: вдруг косточка-другая найдётся.

КОРРЕЛЛ. Найдётся, я уверен — я как раз тайно ел финики, когда ты пристал ко мне, — но рыться не буду.

МЭДИГАН (*смеясь*). Ты ел финики?! Ты тайно ел финики, когда я столь же тайно откусывал от Винни-Пуха хвостик?!

КОРРЕЛЛ. У него есть хвостик? То есть я хотел сказать, неужели мы не съели его хвостик раньше? Ладно, покопаюсь.

МЭДИГАН (*смеётся*). Значит ты и впрямь ел тайные финики!

КОРРЕЛЛ. Нашёл. Одну жареную семечку. Не мою, Сесил, клянусь. Наверное, она попала сюда при пошиве нашей полярной робы...

МЭДИГАН (*смеясь*). Так себе объяснение!

КОРРЕЛЛ. Жареная семечка. Что из неё вырастет?

МЭДИГАН. Жареный подсолнух?

КОРРЕЛЛ (*поёт*). А княжна, склонивши очи,

МЭДИГАН (*подхватывает*). Ни жива и ни мертва,

КОРРЕЛЛ и МЭДИГАН (*поют вместе*). Робко слушает
хмельные, / Неразумные слова.

КОРРЕЛЛ. Я ведь тоже выбрал ту, что ненавидит меня...

МЭДИГАН. Она не ненавидит, она плевать хотела.

КОРРЕЛЛ. Держи половину семечки, Сесил. Открой свой беззубый рот.

МЭДИГАН (*открывает рот*). Спасибо, Перси. Безумно вкусно. Безумно. Правда. Ни чета чёртовым гвоздям... Когда вернёмся, отдыхать недельку — не буду. Буду недельку жениться. Ты же не против?

КОРРЕЛЛ. Не против. Люблю вас обоих.

МЭДИГАН. Спасибо, Перси.

КОРРЕЛЛ. Не за что, зятёк.

МЭДИГАН. Кстати, ты заметил, что сани без гвоздей ничуть не развалились?

КОРРЕЛЛ (*посмеиваясь*). Водичка, ставшая льдом, как неразъёмное соединение. Когда вернёмся, не забудь запатентовать.

МЭДИГАН (*смеётся*). И побегут по морю сэра Росса ледоколы, построенные без единой заклёпки.

КОРРЕЛЛ. Гвозди пережёванные в тюбиках.

МЭДИГАН. Да ну их.

КОРРЕЛЛ. Ну почему? Вдруг не только у нас в желудках плещется соляная кислота...

МЭДИГАН (*смеётся*). Ну да, ну да, не переводить же на таких семечки.

КОРРЕЛЛ. Половину семечки.

МЭДИГАН. Половина жареной семечки изо рта неизвестной швеи.

КОРРЕЛЛ. В порционном тубике.

МЭДИГАН. Доставка по всей Антарктике уже съеденными собачьими упряжками.

КОРРЕЛЛ. А также недоеденными упряжками, но на неделю быстрее.

МЭДИГАН. На расстояния до ста метров — лыжниками-доходягами.

КОРРЕЛЛ. При условии, что при приёме доставки вы убедитесь, не съедена ли она.

МЭДИГАН. Вместе с тубиком.

КОРРЕЛЛ. И рукой с заказанной полусемечкой, которая будет протянута в щель двери...

МЭДИГАН. ...вашего иглу.

КОРРЕЛЛ. Но всё-таки, Сесил, кого ты любишь больше: мою сестру или полюс?

МЭДИГАН. Перси, я буду жениться целую неделю...

КОРРЕЛЛ. ...а потом пропадешь здесь на целые месяцы. Или навсегда.

МЭДИГАН. Последнее необязательно. Вернуться я тоже хочу.

КОРРЕЛЛ. Вот я и спрашиваю: чего ты хочешь больше?

МЭДИГАН. Вернее — кого.

КОРРЕЛЛ. Мою сестру...

МЭДИГАН. ...или смерть.

КОРРЕЛЛ. Что ты сказал?

МЭДИГАН (*поёт*). Ишь ты, братцы, атаман-то / Нас на бабу променял!

КОРРЕЛЛ (*подхватывает*). Ночку с нею повозился —

МЭДИГАН и КОРРЕЛЛ (*поют вместе*). Сам наутро бабой стал...

КОРРЕЛЛ. Кстати, Сесил, почему мы говорим по-русски?

МЭДИГАН. Нашёл о чём спрашивать, Перси. Меня другое удивляет: почему у нас не наши фамилии?

КОРРЕЛЛ. Ну, это просто: если мы не вернёмся...

МЭДИГАН. Даже на неделю, чтобы жениться?

КОРРЕЛЛ. Даже. Если мы не вернёмся, мы так и оста-
немся какими-то Мэдиганом и Коррелом. А вот если мы
не найдём полюс...

МЭДИГАН. То?

КОРРЕЛЛ. Правда о нас тут же вскроется, Сесил.

МЭДИГАН. Какая правда, Перси?

КОРРЕЛЛ. А такая, что никакие мы не Мэдиган и Кор-
релл, а самые что ни на есть... Иван и Никитин.

МЭДИГАН. Так вот почему мы говорим по-русски.

КОРРЕЛЛ. А ты думал.

МЭДИГАН. А я и не подозревал.

КОРРЕЛЛ. А я, напротив, всегда — но тайно... стесняюсь,
что ли... — думал о себе как о тверском уроженце...

МЭДИГАН. Так вот почему моя мама зачитывалась этим
их Пржевальским... И как нас теперь звать?

КОРРЕЛЛ (*говорит на разные лады*). Никитин, очень при-
ятно... Здравствуйте, меня зовут Никитин... А я, знаете ли,
Никитин... Мы, Никитины... У Никитиных иначе и быть не
может, господа... Зовите меня Никитиным, мадам... Сесил,
мне кажется, я Никитин.

МЭДИГАН (*повторяет для запоминания*). Ни-ки-тин. Ни-
китин. Никитин, Никитин. Запомнил. Никитин. Ты — Ни-
китин. Но кто же тогда я?

НИКИТИН. А ты — Иван.

МЭДИГАН. Иван? Не Николай?

НИКИТИН. Какой ещё Николай?

МЭДИГАН. Этот их Пржевальский.

НИКИТИН. Нет. Ничуть ты не Николай. Ты определённо
Иван... Иван и Никитин. Звучит?

МЭДИГАН. Варварски, но красиво.

НИКИТИН. Следовательно, Сесил, ты — Иван.

МЭДИГАН. Итак, я Иван. Иван. Иван. Не перепутать бы...
с Николаем...

НИКИТИН. С фамилиями, кажется, разобрались. Теперь
давай договоримся об именах.

ИВАН. Давай. Интересно же, какое у меня имя.

НИКИТИН. Предлагаю звать тебя Крузенштерном.

ИВАН. Ты полагаешь, я смогу это выговорить? Кре... зушер... швайном...

НИКИТИН. А тебе и не надо выговаривать. Выговаривать буду я. Крузенштерн. Крузенштерн, ко мне. К ноге, Крузенштерн. Милый мой Крузенштерн.

ИВАН. Раз так, я хочу называть тебя Афанасием. Отныне, если ты услышишь из моих уст слово «Афанасий», пожалуйста, не оглядывайся, не переспрашивай, но тут же отзывайся. В наших условиях, как ты знаешь, промедление подобно тому, что мы не называем.

НИКИТИН. Ну почему же, четыре раза уже называли.

ИВАН. Это скорее случайность. Или эксцесс.

НИКИТИН. Смею ли я попросить тебя, Иван, делать то же самое — не оглядываться и пр. — когда мне захочется обратиться к тебе по имени? Например: Милый Крузенштерн, ну что это за манера спать на ходу?

ИВАН. Смеешь. Проси.

НИКИТИН. Я прошу тебя, милый Крузенштерн.

ИВАН. Обещаю поменьше засыпать и не оглядываться, милый Афанасий.

НИКИТИН и ИВАН (*задумчиво, вразнобой*). Будем ли мы теперь петь эти прекрасные русские песни?..

ИВАН. Твоя сестра.

НИКИТИН. Какая из семи?

ИВАН. Жёнка моя будущая. Спрашивала как-то, зачем всё это, зачем мы туда ходим. Не проще ли лизать кому-нибудь сапоги и благоденствовать.

НИКИТИН. Надо же... как любопытно она сформулировала.

ИВАН. Я ещё переспросил её: лизать, не кривясь? «Не кривясь», — ответила она.

НИКИТИН. Как это?

ИВАН. Я задал ей тот же самый вопрос. Не удивилась, пожала плечами, обозвала бродягой, «ты такой же, как брат», поцеловала, замяла.

НИКИТИН. И?

ИВАН. И вот мы здесь.

НИКИТИН. И нам хорошо.

ИВАН. Очень. Мы благодарствуем.

НИКИТИН. Воистину.

ИВАН. Пусть и умираем.

НИКИТИН. Но потихоньку же.

ИВАН. Зато каждый день.

НИКИТИН. Зато не лижем чужие сапоги.

ИВАН. То есть живём не тужим...

НИКИТИН. ...без лизания чужих сапог.

ИВАН. Вот почему мы здесь.

НИКИТИН. Надо бы почаще напоминать себе об этом.

ИВАН. А то иногда предательски забываешься...

НИКИТИН. И?

ИВАН. И думаешь.

НИКИТИН. О трёхминутном походе в булочную (спуститься на лыжах с третьего этажа и, обогнув свой дом, ввалиться в этот райский хлебный дух), где, не снимая лыж, можно купить целую сетку разных буханок и батонов и тут же, на месте, сев на пол, уплести их всухомятку.

ИВАН. А потом выйти из булочной, заесть хлебушек свежим снегом и встать посередине Большой Почтовой, глядя в небо.

НИКИТИН. Чтобы небо вспомнило о тебе и пролилось дождём (потому что тут я только и думаю, что о дожде), а они оголтело мчались бок о бок и иногда задевали тебя.

ИВАН. Потому что без боли нет никакого удовольствия и гордости.

НИКИТИН. И, отстояв своё, то есть до усердного ливня, который успокоит тебя, идти дальше, идти не домой, где всё такое омерзительно оседлое, но куда глядят глаза, закрытые непроницаемыми полярными окулярами.

ИВАН. Потому что привычка идти защищает от смерти и привычки к ней.

НИКИТИН. Защищает надёжно.

ИВАН. Накрепко.

НИКИТИН. Насмерть.

ИВАН. Наверняка.

НИКИТИН. А также от опоздания на полюс.

ИВАН. От того, что мы не попадём на полюс вовремя.

НИКИТИН. До конца этого сезона.

ИВАН. Потому что поздновато мы вышли.

НИКИТИН. Если честно.

ИВАН. Побоялись -45°C .

НИКИТИН. Соблазнились -25°C .

ИВАН. Откладывали, откладывали.

НИКИТИН. И дооткладывались.

ИВАН. -25°C , скоро таяние.

НИКИТИН. Со всей его драматургией.

ИВАН. Со всем его обволакивающим самодовольным, лишающим удовольствия теплом.

НИКИТИН. И это будет такая легкотня.

ИВАН. Бежать на полюс под, не дай бог, тёплым весенним ливнем.

НИКИТИН. И только голод, только гвозди могут остановить нас.

ИВАН. И остановят.

НИКИТИН. Если мы не остановимся сами.

ИВАН. Чтобы не позориться.

НИКИТИН. Чтобы не бежать вприпрыжку к полюсу.

ИВАН. Под глупым неуместным дождём.

НИКИТИН. И солнцем.

ИВАН. Раздевшись до исподнего.

НИКИТИН. И загорая, загорая.

ИВАН. Загорая до ожогов.

НИКИТИН. А не до обморожений.

ИВАН. Спрашивая себя, как малые дети: зачем тебе к полюсу?

НИКИТИН. И отвечая себе, как малые дети: влюблён.

ИВАН. Потребность у меня такая.

НИКИТИН. Насущная.

ИВАН. И, наверное, врождённая.

НИКИТИН. Девиация.

ИВАН. Благородная и лучшая на свете.

НИКИТИН. За которую мог бы убить.

ИВАН. Если б её раздавали даром тем, кто отстоит огромную очередь, или продавали за немыслимые деньги.

НИКИТИН. Но, к счастью, она или есть — или её нет.

ИВАН. А значит — надо вовремя остановиться.

НИКИТИН. Чтобы умереть без позора.

ИВАН. И этих дурацких имён.

НИКИТИН. Этого ледящего кровь Никитина.

ИВАН. И этого непечатного Ивана.

НИКИТИН. А так и будет.

ИВАН. Если мы не найдём полюс.

НИКИТИН. Крузенштерн, ты только дыхание разговором не сбивай.

ИВАН. Афоня, да я еле мямлю.

НИКИТИН. Еле мямлить — это хорошо, это правильно, это удачная стратегия.

ИВАН. Вот и весь разговор.

НИКИТИН. Разговор со смертью у нас короткий.

ИВАН. Или мы его находим.

НИКИТИН. Или просто не успеваем, чтобы найти в достойных условиях.

ИВАН. И тогда просто теряемся.

НИКИТИН. Так сказать, затериваемся.

ИВАН. Ищи нас, свищи.

НИКИТИН. Белый медведь.

ИВАН. И другие болезни, свойственные полярнику.

НИКИТИН. От которых есть только два лекарства.

ИВАН. Отыскание полюса, то есть ходьба.

НИКИТИН. И потеря себя, то есть остановка и винтовка.

ИВАН. Но первое — предпочтительнее.

НИКИТИН. Потому что второе не вариант.

ИВАН. Когда есть время, чтобы найти полюс.

НИКИТИН. А у нас его вагон и тележка.

ИВАН. Если ускоримся.

НИКИТИН. А мы ускоримся.

ИВАН. И сегодня же.

НИКИТИН. Потому что умереть, не увидев полюса, — это одно.

ИВАН. И совсем другое — увидеть его и умереть.

НИКИТИН. Потому что третье: увидеть и не умереть — тоже не вариант.

ИВАН. Потому что полюс — это и есть смерть.

НИКИТИН. Это и есть страдание.

ИВАН. В общем, не будем лукавить.

НИКИТИН. Умереть, не увидев полюса, лучше, чем увидеть его и остаться в живых.

ИВАН. Ибо полярник смертен.

НИКИТИН. И смертен не дома на дороге напротив булочной на Б. Почтовой ул.

ИВАН. А на полюсе.

НИКИТИН. Который, конечно же, лучше найти.

ИВАН. И умереть.

НИКИТИН. Аминь.

ИВАН. А если я хочу продолжить?

НИКИТИН. Давай, только ускорься. Послезавтра, не позже...

ИВАН. Почему «не позже»?

НИКИТИН. Потому что гвозди на исходе, и послепослезавтра нас уже не будет.

ИВАН. Я не знал, что их так мало.

НИКИТИН. Представь себе: осталось по гвоздю на чело-века на три дня пути.

ИВАН. Шесть штук?

НИКИТИН. Шесть. Сегодня, завтра, послезавтра. После-послезавтра, сколько бы мы ни съели снега, без гвоздей не наступит. А их не будет и не предвидится. Потому что следующая посылка будет только послепослепослезавтра, и даже если она будет представлять собой один большой эсклер, она нам не поможет в поисках полюса.

ИВАН. Имени Крузенштерна.

НИКИТИН. Полюса имени Крузенштерна. Потому что Крузенштерн и его верный оруженосец Никитин будут... Нет, у меня язык не поворачивается произнести это.

ИВАН. Так не поворачивай его.

НИКИТИН. Короче, полярник Иван, догоняй, потому что я перехожу на бег. *(Переходит на бег, который, впрочем, мало чем отличается от сегодняшней ходьбы.)*

ИВАН. Догнать тебя, полярник Афоня? Легко. (*Переходит на «бег».*) Очень скоро я окажусь у тебя за спиной и буду кричать: «Лыжню! Лыжню, старая тихоходка Никитин!»

НИКИТИН. А я отвечу тебе: «Только через мой труп» и как ускорюсь.

ИВАН. Даёшь не обрыдшие малосильные 100 метров, а добрые и верные пять километров!

НИКИТИН. Даёшь!

ИВАН (*после паузы, задыхливо*). Мне кажется, я уже различаю его очертания, Афоня!

НИКИТИН. Это моя спина, Крузенштерн!

ИВАН. А, точно... (*После паузы.*) Может, доедим Винни-Пуха, чтобы подкрепиться?

НИКИТИН. Рано! Послезавтра доедим.

ИВАН. Перед решающим рывком?

НИКИТИН. Ага.

ИВАН. Решающий рывок — самый важный.

НИКИТИН. Ага.

ИВАН. Иногда мне кажется, что мы вообще не на полюсе, а на Марсе.

НИКИТИН. Не помню, чтобы мы летели.

ИВАН. Я тоже.

НИКИТИН. Неужели мы забыли?

ИВАН. Что?

НИКИТИН. Что мы летели. Как это может быть?

ИВАН. Ну, нас могли усыпить. То есть нас точно усыпили, потому что полёт долгий, но ошиблись с дозировкой... или с составом... и — пожалуйста: у нас отшибло память.

НИКИТИН. Так ты хочешь сказать, что это Марс?

ИВАН. Полной уверенности нет, но что-то мне назойливо подсказывает...

НИКИТИН (*здесь и далее поёт с ужасным русским акцентом*). *It's a god-awful small affair*

ИВАН (*подхватывает с тем же невыносимым акцентом*). *To the girl with the mousy hair*

НИКИТИН (*поёт*). *But her mummy is yelling, «No!»*

ИВАН (*подхватывает*). *And her daddy has told her to go*

ИВАН и НИКИТИН (*поют вместе*). But her friend is nowhere to be seen / Now she walks through her sunken dream / To the seat with the clearest view / And she's hooked to the silver screen

НИКИТИН (*поёт*). But the film is a saddening bore / For she's lived it ten times or more / She could spit in the eyes of fools / As they ask her to focus on

ИВАН и НИКИТИН (*поют вместе*). Sailors fighting in the dance hall / Oh man, look at those cavemen go / It's the freakiest show...

НИКИТИН. Вот именно.

ИВАН. Иногда мне кажется, что его вообще нет.

НИКИТИН. И мы, ища полюс, вскоре выйдем к Спасской башне.

ИВАН. И нас или похоронят в стене.

НИКИТИН. Или отягчат орденами по самое небалуйся.

ИВАН. Ты какой орден хотел бы, Афоня?

НИКИТИН. Кренкеля. Конечно, Кренкеля. Только Кренкеля, Святого Кренкеля.

ИВАН. Сразу четыре, чтобы ходить на полусогнутых?

НИКИТИН. Сам знаешь: или грудь в Кренкелях.

ИВАН. Или расскасю о смысле бытия.

НИКИТИН. Все эти «я хочу жить, а полюс хочет моей смертушки».

ИВАН. Все эти «или я его, или он меня».

НИКИТИН. Все эти «каковы наши уязвимости, Крузенштерн, перед лицом грядущего полюса?»

ИВАН. Все эти «ну, наверное, питание, но с открытием гвоздей, оно точно не уязвимость».

НИКИТИН. Все эти «белые медведи».

ИВАН. Все эти «медведи плюшевые».

НИКИТИН. Все эти «испуг убивает».

ИВАН. Все эти «а какова наша главная болевая точка?»

НИКИТИН. Все эти «в какую он будет бить».

ИВАН. Все эти «может, желание писем?»

НИКИТИН. Все эти «действовать на упреждение».

ИВАН. Все эти «это как?»

НИКИТИН. Все эти «достичь полюса, сначала найдя его, не завтра, но сегодня».

ИВАН. Все эти «а может, взять и отменить такую уж важность полюса в нашей жизни и жизни марсиан?»

НИКИТИН. Все эти «а почему бы не бросить, к чертям, сани с разноцветными мячами и тедди-берами, раздеться догола, чтобы “налегке” перестало быть метафорой собачьего холода, и чесать так, как чешут от хлорпикрина с дифосгеном, несмотря на метель в харю, только бы напугать его скорым обнаружением, прибытием и фотографированием на память».

ИВАН. Все эти «улыбайтесь, скоро весна».

НИКИТИН. Все эти «и она отменит снег, мороз и расстояние».

ИВАН. Все эти «а также само время и пространство».

НИКИТИН. Все эти «нам срочно надо экспроприировать главный ресурс полюса, страх, чтобы он боялся, что мы дойдём».

ИВАН. Все эти «мы сами оружие, просто нас надо смазать китовым жиром и тамбовским чернозёмом, и тогда мы».

НИКИТИН. Все эти «ну какая, к чёрту, это весна, когда остался один гвоздь».

ИВАН. Все эти «а если мы не отыщем его, мы вернёмся через неделю после свадьбы — и быстренько догоним себя, завязших на таком-то градусе южной широты».

НИКИТИН. Все эти «и, догнав себя, с развязной песней на зубах убежим вперёд, не оглядываясь на тех себя, которые замерли, словно перед последним броском».

ИВАН. Короче, Перси, сегодня мне приснится, что у тебя есть сестра, с которой мы хотим завести семь детей, и поэтому я торгую канцелярскими скрепками.

НИКИТИН. У меня есть сестра, Сесил?!

Ветер — невозможный, парус сани / тянет молодецки не туда. / Марс непроходим, когда б южане / под него подстраивались, а / делая по-своему, южане / бесят Марс, и Марс ломает их: / если им направо — тянут сами / сани вправо; если ветер стих — / стоя почивают от похода / против ветра,

только б волочить / снова сани вправо. Превосходно! / Псы не могут, им в тепло и сыть / хочется немедленно, а эти! / Эти — против ветра волокут! / Чёртова Антарктика на свете / для того и есть, чтобы из чуд / света быть чуднейшей — и нездешней: / марсианской, то есть набекрень. / Мэдиган и Коррелл, о черешне / думая, заснули. Что за день.

Петрушка XXVI, или Аноплекалипсис (гиньоль а-ля фюс)

Представление действующих лиц

Здравствуйте, здравствуйте! И вот мы начинаем. И вот мы приглашаем их. Чтобы они. Повертелись тут. Похлопотали мордочками. Сострадательно покланялись. Чтобы вы их. Запомнили и больше не забывали. И каждую их реплику. И каждый их жест. И каждую их ухмылку. И оговорку тоже. И очевидную шепелявость. Встречали аплодисманом. Шучу. Даже не думайте. Схакеспеаре терпеть не мог, когда ладошки рвали спектаклик на части или пополам. И мы не позволим. Не в кабаке со сценой. Но в типа «Глобусе». Аплодисменты. Хва, хва, достаточно. Где-то у меня тут. Было меню. Что? А как? Программка? Верно, программка. Читаю. Первым на сцену вызывается... ПЕТРУШКА!

Петрушка, Помазанник Всея, корнеплод, жонглёр овном и палками, гопник с заточкой, ефрейтор, тов. майор, который пробился на Самый Верх по причинам столь ни в какие ворота и стыдным, что о них, право, лучше промолчать, чтобы не прослыть потакающей полудурью. Носит красный колпак с кисточкой, кирзу с каблуками (о, эти каблуки) и длинный накладной нос (то курносый, то прямой, то с горбинкой). Волосики — словно после провальной пересадки; на левой руке четыре пальца, а на правой ноге — шесть. Гугнивый — но лишь из-за леденца на палочке, который вынимает изо рта только для того, чтобы крикнуть, прокричать, кричать (может быть, даже от чувства). То и дело надевает на правую руку перчаточную куклу по имени Пётр Иванович Уксусов, которая безбожно на него похожа, — и начинает очень, очень способно чревовещать... (*Обращаясь к*

Петрушке.) А кланяться? Забыл? Бывает. Откланявшись, не уходи. Стой тут. Истуканом. Нужен ты тут. Без тебя тут ничегошеньки не.

ПЕДРИЛЛО! Давай сюда, милый. Педрилло, неотрывная тень и забавник при Петрушке и Анне Иванне, не кривляется, не передразнивает и не переиначивает, почему-то не боясь Нерчинска. Но может и без «не».

А теперь — **МЕДВЕЖИЙ ВОЖАК.** Я сказал: Медвежий Вожак! Чувак при Петрушке, пляшет не хуже медведей, когда надо сгладить неловкий момент (например, открытие ядерного чемоданчика и манипуляции пятипалой рукой в опасной близости от Красной Кнопки), увы, бессловесен, потому что, как и всем здешним бессловесным, ему его того. А нечего, скажу я вам, **ЕГО МЕДВЕДЯМ ПЛОХО ТАНЦЕВАТЬ.** Да. **ШАРМАНЩИК,** ко мне! Шарманщик, при Петрушке, любит и знает Boney M и др. ужасную музыку; разумеется, бессловесен.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ! Вот он. Ах, какой импозантный. Тоже при Петрушке, для поручений наиважнейшей первости, бессловесен.

КАЖДАЯ! Каждая-то она, конечно, Каждая, но зато при Петрушке, готовит шницели, каши, коктейли и дегустирует их, бессловесна. А ещё лечит очень народными средствами.

ДВОРНИК! Всё время метёт, всё время поглядывая дверным глазком в зенице ока (ну не «кормушкой» же) на всё и вся. Кстати (ни к чему не обязывающее наблюдение), если из Дворника, Каждой, Фельдъегеря, Шарманщика и Медвежьего Вожака составить колонну по одному и попросить её повернуться в вашу сторону на три четверти, сделав умиротворённые лица, колонна живо напомнит вам печально неизвестную картину репина «М., Э., Л., Т. & некто пятый, но не Ганди». *(Обращаясь к Дворнику и Ко.)* Нет, нет! Вставать так, как я только что мечтал, не надо! Вернитесь на свои места, пожалуйста. И кланяйтесь, кланяйтесь, зрители это обожают.

ЖМУР! Эй, кто-нибудь, принесите Жмура, если он сам не в силах. Спасибо. Как видите, во гробе, убитый надсмотрщик, надзирающий за всем сущим.

КОМЕНДАНТ! Вот кого надо бояться. Это вам не клоуны, которые уже вылезли на эту святую сцену. Комендант! Зоны, распределяет наряды и вообще кардинал, чей цвет очевиден (просто взгляните на его ватник).

ПОПКА! Попка нашей Зоны, постреливает, уловив в жесте Петрушки команду, а в слове, даже невысказанном, Коменданта насупленность.

ФЕЛШЕР! Разумеется, всея Зоны и, разумеется, колет.

ПОНЯТОЙ! Впрочем, их двое. Где-то сказано, что положены. Вот они и.

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК! Покажись-ка, но не весь, а краешком. Вот так, вот так. Достаточно. Вонючие такие. Это вакса. Засадный Полк им. ЗВЦИО, выглядывает, потому что как такую прорву спрячешь за кулисами!

ПОДДАННЫЕ! Нет-нет, не надо вам лезть на сцену, стойте там, где стоите. Пожалуйста. Пожалуйста. Все Подданные из телефонного справочника, с самыми разнообразными фамилиями.

ХОР! Не такой уж большой, поэтому прошу сюда. Хор быдлочерни, который можно не слушать, вопя из зала: «Заткнитесь, пшли отсюдава!», бросая в него если не топоры/камни, то протухшую картошку, ещё один наш овощ; но поёт неплохо, сами убедитесь. Схакеспеаре, который, в отличие от меня не додумался, грызёт ногти. Представляете, какой они нынче длины... Ну и кто бы не стал такие грызть...

ЧУВАК С СЕМЁНОВСКОЙ! Понятия не имею, кто и что, но пусть пока будет и пусть пока выйдет. Димон, поклонись зрителям. В общем, сей Чувак с Семёновской, если что, может поднять семёновцев. Как видите, волосатый, похмельно смурной, но, если тут же налить, деятельный-деятельный. Я это знаю, я это проверял. Мы с ним это не раз проверяли.

А также... приглашённая звезда... по имени БЕННИГСЕН! Прошу сюда, енерал! Ко мне поближе, если не боитесь испачкаться... Не надо, не надо ручкаться с Петрушкой. Короче, это и есть Беннигсен. Он, конечно, со приспешниками, но их я пока звать сюда не хочу (да и стану ли...). Сброд и кучка. А тут и так не продохнуть от действующих л. Что

за фамилия такая? — А я и сам не знаю, просто пришла в голову. Если хотите, можете звать его Нкушнекальне... или Фенапр... или Я-Просыпаюсь-В-Холодном-Поту. А мне почему-то полюбилась ésta нелепость: Беннигсен.

А теперь, дамы и господа на сцене, общий поклон! Ниже, пожалуйста. Ещё ниже. Бессловесные тоже кланяются. Мерси бьен. Свободны. Нет, нет, кроме тех, кто нужен здесь и сейчас.

One way ticket

Согласитесь, начало выглядит многообещающе, даже мило, если только вы не считаете, что убогая ДСП-копия амфитеатра «Глобус» им. Пожара 1613/1812 гг. посреди Зоны — это моветон. Считаете (я тоже)? — ну и ладно. Они сделали это, они сделали это из любви к важнейшему из искусств в... нервные времена, и бог с ними, пусть себе... театральничают, если им приспичило... Итак, в зрительном зале амфитеатра антоновке упасть решительно некуда: и сидячие, и стоячие места заполнены недоумевающими списочными людьми из телефонного справочника (а то и не одного). Сегодня 29 февраля, сейчас 10:00, представление утреннее, десятикопеечное, без буфета и караоке-певички под мороженое в стальных креманках, а Фельдгегеря нагрянули к будущим зрителям (они же Подданные) за три минуты до третьих петухов, которых хватило, чтобы поставить на уши весь дом и вручить именной билет, подписанный самим Петрушкой XXVI, на «умопомрачительное лицедейство свежайшего Схакеспеаре — если, конечно, в последний момент его не заменят на что-нибудь другое». «Схакеспеаре? — фыркает, ухмыляется, бьёт себя по ляжкам публика. — Кто такой? Тощица! Лучше бы Карандаша, клоуна, жирной выпивкой заманили! А я всегда хотела насладиться этим Вильямом!..» Убранство сцены — сдержанное, можно сказать протокольное: трибуна впереди, сзади по обе стороны от неё — столы с теми, кому положено; на столах многочисленные (по три, наверное, на каждого сидящего) графины с (надеемся) водой, гранё-

ные стаканы (по одному на столе)... и всё, если не считать белую скатерть по правую руку от докладчика и красную — по левую. Ну а докладчик, разумеется, во всём синем, и даже колпак такой васильковый, что хочется сорвать его, искромсать ножницами и составить из него изящный букет не без усатых стебельков ржи.

ПЕТРУШКА (*выскакивает стремительно, и вот он уже на трибуне. После многозначительной паузы*). Молчать! Молчать, сволочи! Я уже тут и сейчас как задвину! (*Зал затихает и прячет не только глаза, но и всего себя — забиваясь в уголки лавок и сплачиваясь в тугую стоячую массу, которую теперь если и разделишь, то только бензопилой «Дружба».*) Со «сволочами» я пошутил. Великодушно простите дурака. (*После примирительной паузы.*) Чего молчите? Почему не аплодируете? (*Зал впадает в аплодисман настолько яростный, что Петрушка вынужден кричать.*) Аплодировать!.. я говорю, аплодировать положено так долго, пока у кого-нибудь не отсохнут руки!.. Но и тогда!.. даже с отсохшими руками должно аплодировать до посинения, потому что!.. я говорю, потому что первый бросивший аплодировать будет мною замечен и отправлен в Нерчинск!.. в Нерчинск-Нерчинск!.. В котором — что?.. в котором кипит, срывая клапана, жизнь и гладиолусы в петлицах околоточных!.. потому что она и они всюду, куда дотянулись мои руки!.. и дошагали ноги моих солдатúшек!.. Знаете ли вы что!.. я говорю, известно ли вам, что в последний раз тут аплодировали трое суток кряду?.. Я уходил на обед, на послеобеденный сон, на ужин, на оперу, на приём с артисточками-певичками, на 8-часовой ночной сон, на завтрак, на полдник!.. а вы всё бисировали и бисировали свой стоический аплодисман!.. Вы такие душки!.. (*Даёт замысловатую отмашку, и зал мгновенно заученно затихает [скорее всего, это плакаты... это на плакатах, которые есть во всяком присутственном месте, рассказывается, что значат эти жесты; вот почему сей язык жестов доступен всем и каждому].*)

Итак, сегодня 29 февраля, и это — 61-е Торжественные проводы в Нерчинск! То есть вот почему некоторые из вас

держат в руках плакаты «Нерчинск — город мечты», «Нерчинску — только лучших» и «Нерчинск — навсегда».

А теперь следите за руками и ногами. (*Поднимает над головой левую руку.*) Четыре пальца. Видите? А сколько должно быть? (*Робкий ответ из зала: «Четыре?»*) Золотые слова. И знаете, почему они, как абрикосы? Потому что всякий Подданный, если он настоящий Подданный, а не профурсетка, отдающаяся врагам за обгрызенный эклер, должен попробовать, каково это лишиться пальца просто так, а не в Столетней войне, не в Битве на Калке, но наконец-то отыскав подходящие для отсечения этой мелкой конечности топор и колоду. Понимаете?

ХОР (*приплясывая*). Понимаем. Понимаем. Ещё как понимаем. Не можем не понять.

ПЕТРУШКА. Аминь. А теперь я по традиции покажу вам свою достопамятную правую ногу (*стаскивает с неё кирзовый сапог*), на которой... на которой шесть пальцев, что должно быть и станет нормой. (*Показывает ногу.*) Видите мой шестой палец? Вот он, с кроваво-красным педикюром.

ХОР (*приплясывая*). Видим. Видим. Видим. Ещё как видим. Не можем не видеть.

ПЕТРУШКА. Аминь. Вы думаете я его пришил, чтобы выпендриться? А вот и нет. А вот и фигушки.

ХОР. А вот и нет. А вот и фигушки, фигушки, фигушки.

ПЕТРУШКА. Я, Помазанник Всея, таким уродился. И это значит, что шесть пальцев на правой ноге должны стать Сорокинской Нормой.

ХОР (*приплясывая*). Нормой. Нормой. Володичкиной Нормой.

ПЕТРУШКА. Точно. И это значит, что всякий Подданный должен и обязан...

ХОР. И обязан, обязан, обязан, бесконечно и по гроб жизни.

ПЕТРУШКА. Аминь. Точняк. И обязан пришить себе шестой палец, купив палец своего размера, вида, пола и цвета в магазине «Трофеи Столетней в. и Битвы на Калке». Пришить сам, суровой-суровой ниткой и без наркоза. Быть посему.

ХОР (*приплясывая*). Быть посему. Посему, посему. Быть посему. Посему, посему быть, быть. Быть. Опа. Опа.

ПЕТРУШКА. В общем, хрен вам по всей морде, а не Схакеспеаре. (*Аплодисменты.*) Обещал подлый Вильям, да не успел, о чём доложил в слезливой писульке, пришедшей только что из болотистых садов к югу от Мейден-Лейн, что в Саутуарке, местечко Лондён. Посему хвалёный Вильям будет наказан. (*Аплодисменты.*) «Новичок»!.. да будет нам в помощь, а ему, собаке, в репрессалию. (*Аплодисменты.*) И даже аванс назад не попросим! (*Бурные аплодисменты.*) Ах, да: наше вам с кисточкой. (*Снимает колпак, чтобы помахать им.*) О господи, почему-то синий... Подайте-ка мне любименький красный. (*Подают красный колпак.*) Совсем другое дело, правда же? (*Аплодисменты.*) И нос красный подайте, но только курносый. (*Подают.*) Так-то лу...

ПЕДРИЛЛО (*прервав Петрушку, встав рядом с трибуной на стул*). Про Схакеспеаре это я сымпровизировал, взойдя на трибуну. Ей-богу, никакого Схакеспеаре, пока я здесь, тут не будет. Клянусь вам его (*показывает на Петрушку*) мамой и рву на груди тельняшку. Только через труп вот этого (*показывает на Петрушку*). Ибо он — не этот, а Схакеспеаре, — как и его жёнка, гадит, гадит, гадит и не освящён никаким нашим вековым обычаем. Вот если бы мы его, а не Масленицу на Масленицу сжигали, то — конечно, со всем нашим хлебосольством. Но нет! Брезгует нами! Уж мы его упрашивали, уж мы его заманивали, уж мы его полароид-фотками Алёнушки заваливали! Не хочет к нам! Говорит: ну сожжёте вы меня, и какой мне с этого толк! Толк ему, английской бульдожке, нужен! Не может, овчарка, без толку! Даже за немыслимые косые и куски! А книжки его мы, увы и ах, уже все-все сожгли! И теперь жжём «Арифметику» Магницкого и «Родную речь» Вайля с Генисом! Так получи же от нас, крепкоголовый Вильям, целую упаковку крема для притираний дверных ручек, собака Схакеспеаре, сэр!

ПЕТРУШКА. А ведь хорошо сказано. И ведь ни одного хлопка. (*Аплодисменты.*)

ПЕДРИЛЛО. В общем, согнанные в эти святые стены Подданные зэки на «А», «Б», «В» и другие буквы, не видать

вам «Генриха VI», в коей Генриха этого — того, да по приказу самого Эдички. А будет тут один сплошной Процесс типа **процесса Промпартии**. (Аплодисменты.)

ПЕТРУШКА (*поёт*). Sunny! Yesterday my life was filled with rain

ПЕДРИЛЛО (*подхватывает*). Sunny! You smiled at me and really eased the pain

ХОР (*приплясывая*). The dark days are gone / And the bright days are here / My Sunny one shines so sincere / Sunny! One so true, I love you...

ПЕДРИЛЛО. Спешу сообщить вам, что его благородие Петрушка XXVI, Помазанник Всея, корнеплод и прочая, и прочая, при исполнении песни «Сани» лишь безучастно открывал рот, из которого не извлекалось ни единого звука, ни одной ноточки. Более того, когда, вторя пустоте из рта его благородия, клоун Педрилло, то есть я, взывл свою партию, напугав Помазанника, последний начал пинать его всеми двумя ногами, в результате чего и нанесённых побоев я не уверен, что указанный Педрилло, то есть я, сможет продолжить свой ангажемент в театре «Глобус на Зоне», несмотря на неслыханные деньги, уплаченные ему, то есть мне, по контракту вперёд и безотзывно.

ПЕТРУШКА. Спешу донести до вас, что прикреплённый ко мне Педрилло, пристально наблюдающий за Помазанником Всея, то есть мною, пришёл сегодня без штанов, чем оскорбил ваш тонкий вкус.

ПЕДРИЛЛО. А я спешу и падаю отрапортовать вам, что его благородие Помазанник, который приставлен ко мне по долгу моей нелёгкой службы, вусмерть пьян, что нельзя не заметить, ибо он а) выступает заплетающимся языком и б) то и дело валится с ног, причём вовсе не от усталости. Ну а сам я безупречен. Эй, кто-нибудь, принесите мне га-лифе, потому что я и впрямь без штанов, потому что, как всегда, подняли с постели, торопили, стояли над душой, подгоняли пинками. А этому (*показывает на Петрушку*) принесите накатить. Авось поможет. Хоть падать перестанет. И драться ногами.

ДВОРНИК. Вот этот (*показывает в зал*) не аплодировал вообще. Слышь, ты, руки за голову в замок возложи (*до десятка, не меньше, человек кладут руки за голову*), чтобы тебя взяли на заметочку. (*Аплодисменты.*) То есть ручонки-то он, конечно, поднял, но звука они не производили ни малейшего (*аплодисменты*), потому что или, простите меня за сильное слово, фронда, или уснул, сквернавец. (*Аплодисменты.*) А этот (*показывает в зал*) не донёс на него, хотя скептически на него посматривал, не слыша хлопков. Руки за голову возложи (*до десятка, не меньше, человек кладут руки за голову*), чтобы тебя не перепутали с фрондёром и засоней. (*Аплодисменты.*) Прошу вас, товарищи, принять меры. (*Аплодисменты.*)

ЖМУР (*восстав во гробе*). Я не понимаю, как при такой дисциплине и вопиющей фронде во время глубокого зажигательного выступления Помазанника Всея, которое надо изучать и цитировать, цитировать и ещё раз цитировать, вы собираетесь идти на Берлин и высадиться в Лондоне?!

ПЕТРУШКА. Это ко мне вопрос? (*Аплодисменты.*)

ПЕДРИЛЮ. Благородие, можно мне вякнуть? (*Петрушка машет рукой: давай уже.*) Спасибо. Спасибо большое за критику, критику содержательную и глубокую, как... Не Помню Название Впадины... в каком-то море-окияне. (*Аплодисменты.*)

КОМЕНДАНТ (*кричит Попке на вышке*). Попка, вот этих двоих, на которых указал его превосходительство Дворник, на выходе из амфитеатрика того, ага?

ПОПКА. Ага.

КОМЕНДАНТ (*кричит Понятым*). Господа Понятые, будьте готовы. Эти двое попытаются бежать, они склонны. Будьте свидетелями их трусливого, но решительного побега.

ПОНЯТЫЕ. Ага.

КОМЕНДАНТ (*кричит Фелшеру*). Мусью Фелшер, если Попка кого недострелит, уколите того, чтобы всё было чики-пуки, ни один комар не подточил и ни одна экспертиза не установила.

ФЕЛШЕР. Ага.

ПЕТРУШКА. Спасибо, мои Подданные. (Аплодисменты.) А теперь, когда мы разобрались с «Разным», позвольте мне...

ПЕДРИЛЛО. Или мне. Кому вы позволяете больше и с удовольствием, его Подданные? (Аплодисменты.) Кому вы доверяете искренне и от души? (Аплодисменты.) Кто для вас Отец Родной, а кто — Отчим Говённый? (Аплодисменты.) Кто всегда готов ораторствовать так, что тотчас хочется жить-и-трудиться, а кто гугнивит, не вынимая изо рта чупа-чупса в виде двуглавого шарика? (Аплодисменты.) Кто говорит от души три часа без антракта, а кто читает по бумажке, запинаясь и запивая водкой из графина, в котором будто бы вода? (Аплодисменты.) Кто режет правду-матку, а кто и нашим и вашим? (Аплодисменты.) Кто демосфен, а кто так, обама какая-то? (Аплодисменты.) Кто слово держит, а кто с три короба? (Аплодисменты.) Кто чтёт обычаи Битвы на Калке, а кто миндальничает? (Аплодисменты.) Кто сбросит на них, не сомневаясь, а кто испугается острой лучевой своей мамы, которая, в отличие от, не успеет под землю, потому что старенькая и вообще прокляла? (Аплодисменты.)

ХОР (Петрушка и Педрилло приплясывают). **Hey hey hey / Hey hey hey / Hey hey hey**

ПЕТРУШКА (поёт). There lived a certain man in Russia long ago

ХОР (Петрушка и Педрилло приплясывают). He was big and strong, in his eyes a flaming glow

ПЕТРУШКА (поёт). Most people look at him with terror and with fear

ХОР (Петрушка и Педрилло приплясывают). But to Moscow chicks, he was such a lovely dear // He could preach the Bible like a preacher / Full of ecstasy and fire / But he also was the kind of teacher / Women would desire// Ra-Ra-Rasputin, lover of the Russian Queen / There was a cat that really was gone / Ra-Ra-Rasputin, Russia's greatest love machine / It was a shame how he carried on...

ПЕДРИЛЛО. А вот плясать умеет. (Поёт.) Ra-Ra-Rasputin.

ПЕТРУШКА (*трясёт над головой толстым телефонным справочником*). Я по свету немало хаживал, и это не что-нибудь, а самые справедливые и неподкупные данные из всех возможных. Телефонный справочник города Третьеримска, (*поёт*) ненаглядной моей столицы, Третьеримска, который мой... Допустим, у Подданного есть телефон, номер которого теперь доступен всем и каждому. И эти беспокойные души, все и каждый, звонят Подданному в ночи, чтобы сказать ему что-то очень важное: например, как они недовольны его нелепым поведением, потому что он до сих пор не сдал ни копеечки на создание изделия возмездия — 3.0, нашего ненаглядного вундерваффе, без которого ни на Берлин не выйти, ни в Лондоне массово высадиться. И что отныне ему лучше не появляться на улицах Третьеримска, во всяком случае без охраны, хотя и она не лекарство, потому что дома у нас кирпичные, а ветра у нас налётные, и кирпичи то и дело срываются с насиженного места, то и дело упадая на. И не ответить Подданный не имеет права, потому что телефон — вот он, тут, в этой книжке, пропечатан. Но не все это ещё поняли, не все ещё отвечают в ночи и даже слушают, чтобы потом делать так, как подсказали звонившие в ночи. Вот почему мы пригласили вас сюда, мои Подданные.

Кстати, если бы тот, кому звякнули за полночь, любезно взяв трубку, столь же любезно подошёл к окну, то увидел бы Подданного (а то и группу равнодушных Подданных), который стоит под его окнами и смотрит в них пристально-пристально, не отнимая от уха трубки и шевеля, шевеля губами... К счастью для замершего у окна, я читаю по губам: «Ну чё ты молчишь, а, враг? Ну скажи, скажи, захребетник, как ты презираешь свою Родину, на которую тебе не то что пачки жалко, но даже копеечки. А ведь аппарат для вундерваффе, который стоит в твоём НИИ на каждом этаже, в каждом отделе около каждого туалета, даже копеечки принимает и так рад им, что каждому копеечнику дарит подарок: пирожок с гвоздями и пожеланием на бумажке “сдохнуть до этого НГ от жадности, но от глиобластомы”. Шайтан, ты

шайтан. А ведь потом, когда мы войдём в Берлин всем Ореховом-Борисовом и высадимся в Лондоне всеми Лужниками во время виктории «Спартака», ты... совсем уж неприличное слово, надо приказать, чтобы с сегодняшнего дня не употребляли... ты и в Митте на автобусе смотаешься, чтобы переспать с дешёвой проституткой, и в Блумсбери автостопом съездишь, чтобы расплакаться в Британском музее над каким-нибудь мраморным вымыслом, не так ли, пёс?»

Вот я и спрашиваю, с какой буквы начнём?

ПЕДРИЛЛО. Может быть, с «Н», благородие? Ибо Нерчинск.

ПЕТРУШКА. А чего, Педрилло дело говорит, даром что балаболка. Нуте-с, Подданные, кто тут на «нэ», ручонки в пионерском приветствии вскинули-ка... Вон вас сколько хороших, но без красных галстуков... Но начнём всё равно с «М», потому что Подданных на «нэ» — да сразу в Нерчинск, это как-то простосердечно, не находите?..

Что же... открываю книжку на «мэ»... Читаю... С начала читать или откудова глаз захочет? Значит, с «А»... «Аахов, тел. 123-45-67». Есть тут таковский? Не может не быть, билетки всем разосланы, не прийти не мог, ибо чреват. Алё, Аахов. Где вы, милый Аахов. Ах, вот он вы какой. Выше ручку, Аахов! Пусть все видят, какие они, Аааховы. В своё оправдание имеете что-нибудь вякнуть, а, Аахов?

ААХОВ. Слушаюсь!

ПЕДРИЛЛО (*передразнивая*). Слушается он.

ДВОРНИК. Не слушается он, я за ним с самого начала наблюдаю. Сразу в него почему-то глазами впился. Очень он мне показательным показался. А тут и вы, ваше благородие, с него начали. Ведь это знак, да. Конечно, знак. Не может не быть, чтобы не знак. И теперь ты, Аахов, или пропадёшь — или на повышение как рванёшь... Потому я завидую тебе, Аахов, чёрной завистью, и не завидую тебе, Аахов, завистью белой... Или наоборот. Не помню, а суфлёра нет.

ПЕТРУШКА (*поёт*). *He's crazy like a fool*

ХОР (*подхватывает*). *Wild about Daddy Cool // Daddy, Daddy Cool / Daddy, Daddy Cool*

ААХОВ (*поёт и пляшет*). I'm crazy like a fool

ХОР (*подхватывает*). Wild about Daddy Cool // Daddy, Daddy Cool / Daddy, Daddy Cool...

ПЕТРУШКА. Дворник, и что вы предлагаете?

ДВОРНИК. Даже не выслушав Аахова, тел. 123-45-67, отправить в Нерчинск?

ПЕТРУШКА. Проголосуем же.

ПЕДРИЛЛО. С помощью лототрона! При содействии лототрона! Лототрон на сцену! Я, чёрт возьми, требую!

ПЕТРУШКА. Ну выносите же этот лототрон. Он же, чёрт возьми, требует. (*Выносят лототрон, спрашивают куда поставить.*) Никуда не ставьте. Я не знал, что он такой большой. Он же меня затмевает. Уносите свой лототрон. А мы как-нибудь шапкой обойдёмся. Есть у кого ушанка? Подать сюда ушанку и десять бумажек, на девяти из которых написано «Нерчинск», а на одной — «Генерал-губернатор Берлина и Лондона». (*Приносят шапку.*) Хорошо встряхнули? Не хочу, чтобы Аахов вытянул не ту бумажку. (*Валятся на колени с шёпотом: «Очень хорошо встряхнули, благородие».*) Молодцы, идите и скажите Каждой, чтобы напоила вас «Маргаритой». Каждая, «Маргаритой», слышишь? (*Каждая кивает.*) Но доставщиков шапки всё равно выслушай: вдруг у них на «Маргариту» аллергия. (*В сторону.*) На цианистый у всех аллергия. Только, говорят, (*поёт*) Ra-Ra-Rasputin пил — и ничегошеньки. Фелшер, присмотри за ними.

ФЕЛШЕР. Ага.

ПЕТРУШКА. Кто тянет первым? Зачем унесли лототрон? Мы бы сейчас с его помощью выяснили, кто тянет первым...

ПЕДРИЛЛО (*передразнивая*). Никто не тянет первым. Первый, он же, последний, тянет первым.

ПЕТРУШКА. А, точно. Аахов. Помню Аахова. Хороший был телефонный номер, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Легко запоминается. Аахов, тяни первым, так и быть.

ААХОВ. А можно последним?

КОМЕНДАНТ. Не перечить.

ААХОВ. А хотя бы вторым?

ПЕТРУШКА. Хорошо. Педрилло, вытяни первым, а потом Аахов.

ПЕДРИЛЛО. Слушаюсь. *(Вытягивает. Сокрушённо молчит.)*

ПЕТРУШКА. Чего?

ПЕДРИЛЛО. Вот за что мне это?

ПЕТРУШКА. Нерчинск? Он по тебе давно плачет. Хочешь я смиростивлюсь, и мы сейчас во второй шапке разыграем, как ты туда отправишься: а) на своих двоих и в издевательских кандалах, б) то же самое, но сначала на морде выжжем пару знаков, от которых всем будет тошно, в) то же самое, но оплатим дорогу из расчёта километр — копейка, г) то же самое, но после Люберец поедешь на такси, д) то же самое, но сначала заедете в Серпухов, чтобы ты с полгодика, пока у нас весна-лето, посидел в местной тюрьме, е) то же самое, но после Серпухова снова свои ходом, чтобы не добраться, потому что утонуть в распутице лучше, чем загибаться в Нерчинске, хоть и вороватым бухгалтером... Пункт «е» будет утроен в бумажках, потому что я когда-то ценил тебя, сволочь каторжная.

ПЕДРИЛЛО. Спасибо, благородие, но вынужден отказаться: я вытянул генерал-губернаторство в Берлине и Лондоне.

ПЕТРУШКА. Ах.

ХОР. Ах, ах, ах, прости, Аахов.

ПЕТРУШКА. Извини, Аахов, но так получилось. Это судьба, Аахов. Перестань плакать, Аахов. Ну что ты как маленький, Аахов. На такси хочешь? Или с ветерком на санях? *(Поёт.)* Sunny! Yesterday my life was filled with rain. Такси до Нерчинска не доедет, но пусть хотя бы попробует. Комендант, нытик — ваш.

КОМЕНДАНТ. Каждая, ко мне. *(Подошедшая Каждая показывает Коменданту бумажку. Комендант читает.)* «Слушаю, мусью Комендант». Собери Аахову в дорогу покушаньки. *(Здесь и далее Каждая пишет и показывает написанное Коменданту. Комендант читает.)* «Так съедено же всё. Что я ему соберу?» Отними у своих собак. «Есть оставить собачек сегодня голодными».

КОМЕНДАНТ. Фелшер, ко мне.

ФЕЛШЕР. Ага.

КОМЕНДАНТ. Уколи его, чтобы не рыпался.

ФЕЛШЕР. Пошёл колоть. (*Пошёл колоть. Колет.*) Уколол! Не рыпается!

КОМЕНДАНТ. Понятые, ко мне.

ПОНЯТЫЕ. И так знаем: вынести на носилках, как индийского пашу. Есть вынести. Опахала нужны?

КОМЕНДАНТ. Я же сказал: как индийского пашу.

ПОНЯТЫЕ. Значит, пойдём сейчас и купим.

КОМЕНДАНТ. Чеки принесите. Попка, не спишь?

ПОПКА. Как не спать, ваше превосходительство.

КОМЕНДАНТ. Просыпайся. Когда Понятые понесут тихого Аахова на носилках, словно он индийский паша, пожалуйста, не стреляй. Это не побег. Это судьба. Дай им донести носилки до такси, а потом, когда такси отдалится на пару вёрст, — хоть расстреляйся, и пусть путь перед такси украсится палыми воронами.

ПОПКА. Ёронами или воронами?

КОМЕНДАНТ. Да хоть страусами.

ПОПКА. Они у нас не летают.

КОМЕНДАНТ. Аахов, ко мне.

ФЕЛШЕР. Он в отрубе, ваше превосходительство.

КОМЕНДАНТ. Вижу. Просто проверил, хороши ли у тебя уколы. Медвежий Вожак, ко мне. (*Медвежий Вожак подходит.*) Хотел попросить тебя сплясать что-нибудь для Аахова, так сказать, напоследок, но теперь ему не до этого. Извини, что отвлѐк. Свободен. Вали. Шарманщик ко мне. (*Шарманщик подходит.*) Пожалуйста... мы же люди... сопроводь вынос носилок со спящим индийским пашой Ааховым чем-нибудь пафосным. Например, вот этим (*поёт*): Ла ла ла ла ла / Ла ла ла ла / Ла ла ла ла ла / Ла ла ла ла // **By the rivers of Babylon**

ХОР. Where he sat down / And there he wept / When he remember Zion...

КОМЕНДАНТ. Понял? Проникся? Нот нет. Подберѐшь? (*Шарманщик кивает.*) Кыш отсюда. Жмур, ко мне.

ЖМУР (*восстав во гробе*). К вам не могу, но могу отсюда.

КОМЕНДАНТ. Ляпни что-нибудь по случаю проводов Аахова, первого на «А», в Нерчинск. Ляпни одновременно

трогательное, чтобы вошло в анналы, и такое, чтобы эти (показывает на Подданных в зале) содрогнулись.

ЖМУР. До встречи в Нерчинске, брат Аахов.

Зал, содрогнувшись, аплодирует долго и чувственно, пуская вавилонские реки слёз. Аахова, первого сегодня на «А», выносят, словно индийского пашу, на носилках. Кто-то, кому не давали слова, а значит — ему это аукнется, читает навзрыд вещицу, которая рвёт душу: «**Меня проносят на слоновых** / Носилках — слон девицедымный. / Меня все любят — Вишну новый, / Сплетя носилок призрак зимний...»

ПЕТРУШКА. А вот это ты зря, чувак с поэзой во рту. Как фамилия?

ПОДДАННЫЙ (подавившись прощальным стишком). Аббов, ваше величество, сэр.

ПЕТРУШКА. Аббов, Аббов... Надо же. А ведь ты, брат, на «А» в этой книжке (трясёт над головой телефонным справочником) следующий. Бывают же такие удачные совпадения... То есть молчи ты, или выкаркивай что-то якобинское, всё равно бы попался.

АББОВ. Я всегда второй, и мне всегда не везёт, ваше величество, сэр.

ПЕТРУШКА. И вот ты наконец решил всплакнуть об этом.

АББОВ. Типа того.

ПЕТРУШКА. То есть тебе хотелось быть первым?

АББОВ. Хотелось немного везения, а оно опять ускользнуло.

ПЕТРУШКА. А что если ты ещё можешь быть первым?

АББОВ. Я бы всё отдал за это, ваше величество.

ПЕДРРИЛЮ. Помазанник, сэр, можно я сделаю ваш замысловатый жест имени Кровавого воскресенья, и Попка снимет его первым же выстрелом? Или вторым, если первый не повредит жизненно важный орган.

ПЕТРУШКА. Это ты подвох, что ли, в моём заигрывании с уважаемым Аббовым уловил, неуважаемый с неудобь сказуемым именем?

ПЕДРИЛЛО. Типа того.

ПЕТРУШКА. Никаких подвохов, нелепый шут! Фельдгегерь, к ноге! (*Подскачившему Фельдгегерю.*) Голубчик, быстренько верни мне сюда Аахов, даже если он уже на полпути к дивному Нерчинску. Будет сделано? (*Фельдгегерь кивает.*) Пшёл за Ааховым, скотина. (*Фельдгегерь исчезает.*) Нерчинска, не боишься, невезучий Аббов?

АББОВ. Не боюсь, ваше величество. Первый ничего не боится.

ПЕТРУШКА. Хорошо, хорошо, хорошо сказано. Всем учиться таким ответам. Не хочешь ли водички глотнуть, чтобы придать очарованию момента новые нотки?

АББОВ. Глотнул бы.

ПЕТРУШКА (*сделав замысловатый жест*). Попка, огонь. (*Попка стреляет, Аббов падает.*) Фелшер, ко мне. (*Подбегает Фелшер.*) Удостоверься, что ему кранты.

ФЕЛШЕР. Ага. (*Удостоверившийся Фелшер показывает Попке большой палец.*)

ПЕТРУШКА. А мне палец? (*Фелшер показывает палец Петрушке.*) А то ведь сгною, если будешь забываться. Каждая, ко мне. (*Каждая подходит.*) Напои-ка этого моего Подданного свежей ключевой водой, подруга. (*Каждая наполняет некий флакон из канистры с надписью «Мёртвая вода».*) У него жажда. Ему бы сейчас выпить. С мениском, с мениском, подруга, без мениска — это не питьё. (*Каждая ставит Аббову капельницу с мёртвой водой.*) Получается? Будет жить? Я за него что-то особенно волнуюсь... Хороший, видно, человек. (*Кивнув, Каждая ставит Аббову капельницу с «Живой водой».* Аббов оживает.) Привет. Как жизнь?

АББОВ. Здравсьте. Спасибо, ничего.

ПЕТРУШКА. Так на чём мы остановились?

АББОВ. Я хотел попросить у вас должность с неизбежным процветанием.

ПЕТРУШКА. А что ты умеешь?

АББОВ. Ничего.

ПЕТРУШКА. А петь?

АББОВ. Пою... в ванной комнате, когда вы мимо проезжаете или налёты.

ПЕТРУШКА. А почему, когда я мимо?

АББОВ. Вы любите выпрыгивать из трамвая на полном ходу, чтобы проинспектировать какую-нибудь квартиру по пути следования.

ПЕТРУШКА. Люблю.

АББОВ. Вот я и пою, унимая дрожь тела, которое бьётся о предметы, чем может привлечь ваше внимание, потому что предметы падают, падают, падают, производя шум, шум, шум.

ПЕТРУШКА. Да, шум — это подозрительно. Всё время хочется узнать его причину. Любопытство ли это или любознательность? Выясняется по мере взлома и осмотра квартиры. А теперь пой.

АББОВ (*noëm*). *I Have a Dream, a song to sing / To help me cope, with anything*

ХОР. *If you see the wonder, of a fairy tale / You can take the future, even if you fail /*

АББОВ (*noëm*). *I believe in angels*

ХОР. *Something good in everything I see*

АББОВ (*noëm*). *I believe in angels*

ХОР. *When I know the time is right for me / I'll cross the stream, I Have a Dream...*

ПЕТРУШКА. Ангелов, значит, любишь?

АББОВ. Очень, особенно серафимов.

ПЕТРУШКА. Больше меня?

АББОВ. Ну что вы...

ПЕТРУШКА. И за что же?

АББОВ. Они дарят небо в алмазах.

ПЕТРУШКА. В обработанных?

АББОВ. Что?

ПЕТРУШКА. В брильянтах?

АББОВ. А... нет, не всегда и не мне.

ПЕТРУШКА. А тебе чего?

АББОВ. Мне бы дачку в Шараповой Охоте. Корнеплоды люблю. Ухаживать и убирать.

ПЕТРУШКА. Они и дачу могут?

АББОВ. Наверное.

ПЕТРУШКА. Хочешь отомстить? Есть в тебе это?

АББОВ. Мамочка очень меня за это боялась. Побьёт — и прячется. А я маленький, пятилетний, а хожу с двустволкой, заряженной красным и синим карандашами, рядом с кладовой, пока кровь на лице и в ушах не высохнет.

ПЕТРУШКА. Ну так стрельни, не упusti момент. Попка! Обидчик! Слышь, в тебя сейчас палить будут, а ты не отвечай.

ПОПКА. Ага. А прятаться можно — или истуканом стоять?

ПЕТРУШКА. На твоё усмотрение. Немедленно принести сюда что-нибудь огнестрельное, чтобы Аббов отомстил! (*Приносят пистолет.*) Держи, Аббов, пистоль. Пали, Аббов, из пистоя. Пусть этот в следующий раз думает, прежде чем стрелять хорошему Подданному в висок. Давай, Аббов. Не стесняйся нас, Аббов. Мы сами никого не стесняемся, и ты не смей.

АББОВ (*взяв пистолет*). А ещё магазины будут?

ПЕТРУШКА. Если понравится, если будешь мазать — непременно.

АББОВ. Понравится. Мазать буду из принципа.

ПЕТРУШКА. Эй, принесите-ка не злодею, но мстителю авоську запасных обойм! (*Приносят сетку с обоймами.*)

АББОВ. Ах, целая сеточка... (*Начинает стрелять по вышке, на которой спрятался Попка.*) Попка, покажись! Не бойсь, Попка, я косой!

ПОПКА. Все вы так говорите, а потом шлёп — и вот ты уже восходишь в эмпирей, чьё неземное сияние слепит тебя, словно софит на допросе!

ПЕТРУШКА. Софит, Попка, только праведников слепит!

ПОПКА. Простите, благородие, я не знал!

АББОВ (*вставив в пистолет третью обойму*). Вышка ведь деревянная?

ПОПКА. Хуже того, из ДСП!

АББОВ. Значит, скоро начнёт крошиться, и ты вместе с ней рухнешь!

ПОПКА. И что тогда? Лежачего подстрелишь?

АББОВ. А мне сам Сам разрешил!

ПОПКА. А мне запретил отстреливаться!

АББОВ. Значит — не очень-то ты ему нужен!

ПОПКА. А ты нужен?

АББОВ. Ваше величество, я вам точно нужен?

ПЕТРУШКА. Стреляешь плохо, поёшь — душевно. (*Поёт.*)

I Have a Dream, a song to sing... Назначаю тебя Министром Пения.

АББОВ. Вот видишь, Попка, я нужен. Спасибо, ваше благородие. Продолжать стрелять, сэр?

ПЕТРУШКА. Как хотите, Министр.

АББОВ. Есть, как хочу. Ещё пару выстрелов, и всё. Рука устала. Если отойдёт — продолжу, ибо захватывает и не отпускает.

ПЕТРУШКА. А вот и его превосходительство Фельдъегерь. (*Входят Фельдъегерь и Понятые с носилками, на которых лежит Аахов.*)

КОМЕНДАНТ. Представляете, шеф, Аахов всё ещё в отрубё, зато перехвачен — у самого Нерчинска.

ПЕТРУШКА. Повезло ему. Нерчинские бы его ни за что не отдали.

КОМЕНДАНТ. А мы бы отбили, шеф.

ПЕТРУШКА. Отбили бы, но погибли.

КОМЕНДАНТ. Погибли бы, но ведь вы воздали бы нам почести?

ПЕТРУШКА. Воздал бы, но не более.

КОМЕНДАНТ. Но ведь и не менее, шеф.

ПЕТРУШКА. Но и не более.

КОМЕНДАНТ. Служим вашему благородию! Куда девать Аахова, сэр?

ПЕТРУШКА. Верните его на место.

КОМЕНДАНТ. Лежачим?

ПЕТРУШКА. Стоячим. Прибейте к чему-нибудь, чтобы стоял. Зачем он мне лежачий?

КОМЕНДАНТ. Есть прибить к кресту. (*Аахова сбрасывают с носилок и забывают о нём.*)

ПЕТРУШКА. Следующим в Нерчинск... отправится... третий на «А» из телефонного справочника, потому что пер-

вый воротился, а второй стал первым и теперь Министр. Чувствует кто-нибудь себя третьим? Если чувствуете — поднимите руку и назовитесь.

ПОДДАННЫЙ. Моё фамилиё Иванов. Если никто из «А» не чувствует, я могу почувствовать взамен.

ПЕТРУШКА. Что хочешь взамен, Иванов?

ИВАНОВ. Взамен я хочу ваше величество.

ПЕДРИЛЛО. Ого.

ИВАНОВ. Ага.

ПЕТРУШКА. Ну же, продолжай, Иванов. «Взамен я хочу, ваше величество, то-то и то-то».

ИВАНОВ. Я всё сказал, ваше величество.

ПЕТРУШКА. Не понимаю. А если я не понимаю — я гневаюсь. А если я гневаюсь — я на всё способен. Ты этого хочешь, Иванов?

ПЕДРИЛЛО. Благородие, он хочет тебя.

ПЕТРУШКА. В каком смысле?

ПЕДРИЛЛО. Около новогодней ёлки. Я правильно говорю, Иванов?

ИВАНОВ. Не около, но под.

ПЕДРИЛЛО. Что за фантазия, Иванов? Зачем тебе это?

ИВАНОВ. Мечтаю-с. И никакая это не фантазия: я делал это с половиной нашего вашего кабинета министров.

ПЕДРИЛЛО. Под новогодней ёлкой?

ИВАНОВ. Да.

ПЕДРИЛЛО. Давно?

ИВАНОВ. В Новый год.

ПЕДРИЛЛО. Какой?

ИВАНОВ. Ну не в этот же, если он ещё не наступил.

ПЕДРИЛЛО. И что они просили за это?

ИВАНОВ. Их желания — это их желания, а у меня желания одно.

ПЕДРИЛЛО. А со мной это тоже было?

ИВАНОВ. Не помню. Если только вы не в ранге Министра. Может быть, с вами и не было.

ПЕДРИЛЛО. Ну слава богу. Но «шут в ранге Министра» — это хорошо, это надо бы попросить...

ИВАНОВ. Почему «слава богу»? Неужели у вас нет несбыточных желаний, которые я могу осуществить за несколько простых движений под ёлочкой?

ПЕДРИЛЛО. Об этом я как-то не подумал.

ИВАНОВ. Зря. Я гарантирую.

ПЕДРИЛЛО. А кто кому оказывает услугу с осуществлением заветной мечты — вы им, или они вам?

ИВАНОВ. По всякому. Если мне понравится, они мне оказывают.

ПЕДРИЛЛО. А они гарантируют вам восторг? Или как вы это называете... Удовлетворение?

ИВАНОВ. А они, увы, не гарантируют.

ПЕДРИЛЛО. Мне просто интересно... Что они такого просят? ради чего идут на такие... жертвы? унижения? издержки? Намекнёте?

ИВАНОВ. Эманация.

ПЕДРИЛЛО. Эманация?!

ИВАНОВ. Эманация.

ПЕДРИЛЛО. Ух ты.

ИВАНОВ. Я вижу нимб над их головами, когда они играют со мной в «очко» под ёлочкой.

ПЕДРИЛЛО. В каком смысле «в очко»?

ИВАНОВ. В «двадцать одно».

ПЕДРИЛЛО. Это больно?

ИВАНОВ. Сетчатка в ключья, но быстро восстанавливается, если смотреть в очках для наблюдений вспышек на Солнце с близкого расстояния.

ПЕДРИЛЛО. Вспышек... какого класса? с какого расстояния?

ИВАНОВ. Х9, не слабее, никак не слабее. Примерно с километра, с самого передового поста.

ПЕДРИЛЛО. Орёте, наверное?

ИВАНОВ. Дико.

ПЕДРИЛЛО. Но выигрываете?

ИВАНОВ. А вы как думаете? Играл бы я в таких условиях, проигрывая?

ПЕДРИЛЛО. Да ещё под новогодней ёлочкой.

ИВАНОВ. К тому же под ней, да.

ПЕДРИЛЛО. А почему именно под ней, а не, скажем, под зелёным дубом со золотой цепью?

ИВАНОВ. В Новый год? в нашем климате? зелёный дуб? Вы совсем, что ли...

ПЕДРИЛЛО. Точно.

ПЕТРУШКА. Простите, Иванов, у меня вопрос.

ИВАНОВ. Слушаю вас, ваше величество.

ПЕТРУШКА. А мне можно записаться?

ИВАНОВ. На этот год?

ПЕТРУШКА. Не хочу откладывать.

ИВАНОВ. Всё занято. Каждая минутка расписана.

ПЕТРУШКА. Неужели никак? К вам Помазанник Всея обращается, чтобы узнать класс его нимба, а вы отмахиваетесь?

ИВАНОВ. Ничего я не отмахиваюсь, ваше величество. Я бы с преогромным.

ПЕТРУШКА. Карты не краплёные?

ИВАНОВ. Карты игрока, ваши-с. Мне халявы не надо.

ПЕТРУШКА. С кем надо поговорить, чтобы у вас нашлась минутка на Помазанника?

ИВАНОВ. С нашим вашим Министром Канализации. Или с Министром Сапог.

ПЕТРУШКА. Дамских?

ИВАНОВ. Для Фронта, Для Победы. С Министром Моргов. С Министром Водки.

ПЕТРУШКА. Палёной или?

ИВАНОВ. Палёной, конечно. Такая приятная дама, не смотря на должность. С Министром Владимирского Центра. С Министром Окопов. С Министром...

ПЕТРУШКА. Я понял. Сегодня же. Комендант, живо к ноге. (*Комендант подбегает.*) Почему побежали с правой ноги?.. Ладно, неважно, потом. После того как мы тут закончим, Министра Палёной Водки ко мне, живую или мёртвую.

КОМЕНДАНТ. Какую предпочтительнее?

ПЕТРУШКА. Живую.

КОМЕНДАНТ. Будет исполнено.

ПЕТРУШКА. Всё, считайте, что я в вашем списке, о Иванов.

ИВАНОВ. Так точно.

ПЕТРУШКА. А почему в «очко»?

ИВАНОВ. Потому что не «очко» меня сгубило, а к одиннадцати туз.

ПЕТРУШКА (поёт). Быстро схватишь карты в руки,

ХОР. Полчаса не носишь брюки, / Если не везет, что делать будешь?

ПЕТРУШКА. Иванов, ты небось о министерском портфеле мечтаешь? Хочешь, я сделаю тебя Министром «Очка»?

ИВАНОВ. Ваше величество, сэр, мне выигрыша достаточно.

ПЕТРУШКА. Думаешь, я проиграю? Краплёными-то картами? Да ещё когда ты в пречёрных очках, то есть слепой?

ИВАНОВ. Не думаю, но уверен, ваше благородие.

ПЕТРУШКА. Не наглеешь?

ИВАНОВ. Не-а.

ПЕТРУШКА. И в чём секрет?

ИВАНОВ. В ёлочке.

ПЕТРУШКА. В ёлочке?

ИВАНОВ. В новогодней.

ПЕТРУШКА. Играем 1-го?

ИВАНОВ. Ну не 31-го же.

ПЕТРУШКА. Желания?

ИВАНОВ. Загадываю. И она ни разу меня не подвела. Всё исполняет. Исполняет — всё.

ПЕТРУШКА. Романтик.

ИВАНОВ. Возможно. Наверное.

ПЕТРУШКА. Министром Романтики?

ИВАНОВ. Зачем?

ПЕТРУШКА. Чтобы по пьяни, но только один раз, плюнуть в лицо Педрилле и Коменданту.

ИВАНОВ. По пьяни?

ПЕТРУШКА. У нас такие пиры бывают!

ИВАНОВ. Я не пью.

ПЕТРУШКА. Ну так и не пей, трезвым плюнешь.

ИВАНОВ. Зачем?

ПЕТРУШКА. Потому что ты Министр Романтики, а они так, мелкие сошки. Плюнул — и под моё крыло. Потому

что я, в отличие от них, без заточки не хожу. Плюнул, и они только утрутся.

ИВАНОВ. Подумать можно?

ПЕТРУШКА. Минут пять. Через пять минут я найду другого романтика.

ПОДДАННЫЙ. Ваше величество, ваше величество!

ПЕТРУШКА. Чего тебе?

ПОДДАННЫЙ. Я тоже Иванов.

ПЕТРУШКА. Чего тебя тоже Иванов?

ИВАНОВ-2. Я тоже придурок, я тоже в Деда Мороза верю, но плюну, не задумываясь.

ПЕТРУШКА. Вот видишь, Иванов. Этот тоже романтик, но плюнет без подготовки и колебаний.

ИВАНОВ-2. Но это во мне не главное.

ПЕТРУШКА. А что в тебе главное?

ИВАНОВ-2. У меня есть красная кнопка...

ПЕТРУШКА. Подумаешь! У меня тоже есть Красная Кнопка.

ИВАНОВ-2. ...и я годы потратил на её нажатие, чтобы не только успеть, но и сделать это значительно.

ПЕТРУШКА. Ну и где твоя кнопка?

ИВАНОВ-2. Вот она! (*Вынимает кнопку из-за пазухи.*) Тёпленькая, благодарная, готовая. Нажать?

ПЕТРУШКА. А что будет, если нажать?

ИВАНОВ-2. Нажимая на неё, я представляю, а) как Южная Америка отделяется от Северной и дрейфует вокруг света на скорости парусной крейсерской яхты, б) как от Северной Америки остаётся дыра, ведущая в открытый космос, в) как за N нажатий от Северного полюса до Южного пробивается шахта скоростного лифта со множеством остановок, г) как милые люди славной Новой Зеландии стоят в очереди за молоком из бочки, и с каждым днём их становится всё меньше и меньше, потому что лучевая не терпит очередей, и в самом конце моего видения оставшаяся в одиночестве бочка продаёт молоко никому... Вот что будет.

ПЕТРУШКА. А что ждёт Евразию?

ИВАНОВ-2. На её месте будет дорогая моя столица.

ПЕТРУШКА. Одна?

ИВАНОВ-2. Одна, но от края до края.

ПЕТРУШКА. Толково. Показать мою Красную Кнопку?

ИВАНОВ-2. Не-а. Моя такая же, только лучше, потому что натружена годами нажатий. А вы небось даже не знаете, какая из семи разноцветных кнопок Красная.

ПЕТРУШКА. Как хочешь. А сыграть в «Кто быстрее нажмёт» не против?

ИВАНОВ-2. Так ради того и твякнул, ваше величество.

ПЕТРУШКА (*достав Красную Кнопку*). На счёт «три»?

ИВАНОВ-2. Ага... Вы готовы?

ПЕТРУШКА. Я готов.

ИВАНОВ-2. Начинаем. Считаю я.

ПЕТРУШКА. Почему ты?

ИВАНОВ-2. Я счёт знаю.

Комендант делает насупленное лицо, и Попка стреляет в Иванова-2, к которому подбегают Фелшер, Шарманщик, Хор и Медвежий Вожак: первый колет подстреленного...

КОМЕНДАНТ (*Фелшеру*). Может, Каждую позвать, чтобы водами окропила?

ФЕЛШЕР. Ага.

КОМЕНДАНТ. Каждая, ко мне с набором вод. (*Прибежав, Каждая суется около Иванова-2.*)

...второй наяривает, третий поёт...

ХОР. *Super troup*er beams are gonna blind me / But I won't feel blue / Like I always do / 'Cause somewhere in the crowd there's you...

...а четвёртый танцует не хуже медведей, скрашивая фигуранье Красной Кнопкой, пальбу, суетливую грусть-тоску Каждой, которая в этой свистопляске перепутала порядок применения вод, что привело к окончательному и бесповоротному карачуну, и незаметный вынос тела.

КОМЕНДАНТ. Так-то лучше.

ПЕТРУШКА. Но мы даже не начали играть! Ох, разлюблю я тебя, смерд. Разлюблю и отдалю. Выбирай на выбор, куда: Нерчинск, Нерчинск или Нерчинск.

КОМЕНДАНТ. Не могу выбрать, ваше благородие.

ПЕТРУШКА. Это отчего же?

КОМЕНДАНТ. Не курорты.

ПЕТРУШКА. Все три?

КОМЕНДАНТ. Ага.

ПЕТРУШКА (*хохочет*). Точно, не здравницы! Как... тонко... ты подметил... особенность всех Нерчинсков!.. Я хохочу, как ребёнок!.. Давно так не смеялся... Прощаю.

КОМЕНДАНТ. Спасибо, ваше благородие. Ваше благородие, сэр, тут ещё один руку тянет.

ПЕТРУШКА. Зачем?

КОМЕНДАНТ. Вы набирали добровольцев... в Нерчинск (*хохочет*)!

ПЕТРУШКА. Зачем?

КОМЕНДАНТ (*давась от смеха*). Вместо нового Министра Пеня, Аахова, возможного Министра Романтики и тоже Иванова.

ПЕТРУШКА. А что с последним?

КОМЕНДАНТ. Решительно отказался.

ПЕТРУШКА. Почему?

КОМЕНДАНТ. Потому что хотел пост Министра Красной Кнопки.

ПЕТРУШКА. Вот почему ты прервал нашу игру, которая так много обещала... Он красиво фантазировал, этот Иванов... Даже я до такого не додумываюсь, беребя в руках Красную Кнопку... Нам есть чему поучиться у этого Иванова... Где он теперь? что с ним случилось?

КОМЕНДАНТ. Заменён Ивановым-3.

ПЕТРУШКА. Этим? который что-то мычит? Что у него в руках?

КОМЕНДАНТ (*подзывает Иванова-3 пальцем*). Бумажка. На ней буквы, складывающиеся в слова, предложения и абзацы.

ПЕТРУШКА. Читай. Умеешь?

КОМЕНДАНТ. Давно не пробовал. (*Читает, запинаясь.*) Я, ещё один Иванов, хочу предложить вашему величеству свои услуги. Несмотря на то что я немой, потому что имею честь жить и трудиться с разорванным ртом, потому что, когда я ходил пешком под стол, мама, выпив на радостях много портвейна в день возвращения папы со Столетней войны без каких бы то ни было конечностей, перепутала меня с пластмассовой костью и отдала нашему волкодаву, я прекрасно лажу с идущими на смерть коровами и лошадьми, из которых потом делают изысканные деликатесы для вашего новогоднего стола. Увидев молот, которым я оперирую, коровы и лошади, грустнеют идохнут на глазах естественной смертью, которой можно только позавидовать, что имеет основополагающее значение для такой отрасли лёгкой промышленности, как пошив генеральских сапог из печальных морд коров и лошадей, ибо указанные печальные морды больше не имеют механических повреждений и дыр. Опробование этой технологии на нарушителях вашего спокойствия, предпринятое НИИ испуга масс, показало результаты, до третьего знака после запятой совпадающие с эмпирикой моего скотобойного цеха мясокомбината им. Ф. М. Достоевского, что открывает широкие перспективы для её внедрения не только в славном Нерчинске, но и повсюду (сначала у нас, а потом и по всей планете, если, конечно, она действительно круглая, а мы сумеем, а мы не обгадимся). При этом с целью экономии ресурсов принципиально важно совместить скотобойни и жёлтые дома, дабы коровы, лошади и нарушители вашего спокойствия слышали друг друга (вот бы они ещё и видели друг друга!), чтобы открытая мною передовая технология входила в синергетический резонанс. Посему жёлтые дома впредь должно обустривать на территориях скотобоев, а скотобойни располагать в жёлтых домах, чтобы галоперидол наконец-то продавался без рецепта в «Пятёрочках» под видом лимонада «Зайка».

С уважением, Иванов Петя, исследователь-молотобоец.
И — да здравствует!

Конец записки.

ПЕТРУШКА. Если ты всё правильно прочитал — я потрясён.

КОМЕНДАНТ. Я тоже. Я всё правильно прочитал. У меня есть свидетель. Педрилло, всё так?

ПЕДРИЛЛО. Всё так до последней буковки.

КОМЕНДАНТ. Что, барин, в Нерчинск его?

ПЕТРУШКА. Почему сразу в Нерчинск? Почему всё лучшее достаётся Нерчинску? Пора с этим кончать. Разве нам самим не нужны специалисты такого экстраординарного класса?

КОМЕНДАНТ. Такими людьми разбрасываемся!

ПЕДРИЛЛО. Всё одному Нерчинску. А о нас кто подумает?

ПЕТРУШКА. Я о вас подумаю... Подумал. Подумал и назначаю Иванова-3 Министром Скотобоен и Жёлтых Домов. Прошу в кратчайшие сроки представить его Министру Мясокомбинатов с целью скорейшей кооперации отраслей моего хозяйства.

КОМЕНДАНТ. Целоваться будете, благородие?

ПЕТРУШКА. А то. *(Комендант подводит Иванова-3 к Петрушке. Петрушка троекратно целует Иванова-3 в губы разорванного рта, получая невыразимое удовольствие...)* Невыразимое удовольствие! *(...после чего пьёт с новым Министром на брудершафт.)* Следующий!

КОМЕНДАНТ *(подведя кого-то к Петрушке)*. Ваше благородие, разрешите представить вам Иванова-4.

ПЕТРУШКА *(расцеловавшись с Ивановым-4)*. Неплохо. Следующий! *(Комендант подводит к Петрушке Иванова-5. После лобзания с ним.)* Очень, очень неплохо. Следующий! *(Комендант подводит к Петрушке Иванова-6. Расцеловавшись.)* Ещё лучше, и намного. Следующий! *(Комендант подводит к Петрушке Иванова-7. После лобзания с ним.)* Думал ли я, что может быть лучше, чем с Ивановым-6? — Нет! Но Иванов-7 переплюнул всех Ивановых до него вместе взятых! Следующий! А Петровы с Сидоровыми почему в стороне? *(Комендант подводит к Петрушке Петрова. На-*

целовавшись.) Попробовал Петрова и вот что я вам скажу: манифик! Следующий! (*Комендант подводит к Петрушке Сидорова. После лобзания с ним.*) Это был Сидоров?

КОМЕНДАНТ. Это был он.

ПЕТРУШКА. Зачем вы его отпустили? Я хочу с этим Сидоровым снова и снова.

КОМЕНДАНТ. Слушаюсь. А других Сидоровых надо?

ПЕТРУШКА. Ну их. Вряд ли есть Сидоров лучше этого Сидорова.

ПЕДРИЛЛО. Согласен. Ваше благородие, а мне можно... с теми, которых вы уже всё?

ПЕТРУШКА. Давай. Только первого и последнего Сидорова не трожь. Он мой.

ПЕДРИЛЛО (*шепчет Петрушке*). Он арап и с бородой. На нём два разных ботинка: левый и правый. А ещё он сморкается в носовой платок.

ПЕТРУШКА (*шепчет Педрилло*). Быть не может. Не верю. Докажи — или Нерчинск.

ПЕДРИЛЛО. Комендант, приведите-ка сюда Сидорова. (*Комендант вопросительно смотрит на Петрушку.*)

ПЕТРУШКА. Давай-давай. Он прав.

КОМЕНДАНТ. Сидоров, который только что лобзался с благородием, ко мне, мухой. (*Сидоров подбегает мухой.*)

СИДОРОВ. Я тоже ещё хочу. Спасибо, что позвали. Ваше величество, с вами так величественно целоваться! Я со многими целовался, даже с одним семирежды летавшим космонавтом, но вы — это Джомолунгма.

ПЕТРУШКА (*шепчет Педрилло*). Чего? Кто я?

ПЕДРИЛЛО (*шепчет Петрушке*). Вершина.

ПЕТРУШКА (*шепчет Педрилло*). Высокая?

ПЕДРИЛЛО (*шепчет Петрушке*). Очень.

ПЕТРУШКА (*шепчет Педрилло*). А теперь доказывай — и только попробуй не доказать, смерд и кривляка.

ПЕДРИЛЛО (*шепчет Петрушке*). Ваше благородие, спросите у него, не арап ли он случайно.

ПЕТРУШКА. Сидоров, ты случайно не арап?

СИДОРОВ. Кто? я? арап? я — и вдруг арап? арап ли я? А зачем вам, ваше величество?

ПЕТРУШКА. Видишь ли, я с арапами не могу. Не переносу я с арапами. Если с арапами, меня сразу рвать начинается, после чего я начинаю метать, и мало не кажется никому. Так ты арап? Или это навет, рождённый от зависти к моему минутному счастью, которое так хотелось бы продлить? Или ты не арап? Или ты просто какой-нибудь похожий на арапа человек по фамилии Сидоров, потому что не может же у арапа быть нашей фамилии Сидоров? У меня есть вопрос, Сидоров, и ты должен на него ответить.

СИДОРОВ. А иначе — что, ваше величество?

ПЕТРУШКА. Запору. Семнадцать, к примеру, тысяч папок. Зараз. И в город-герой Нерчинск.

СИДОРОВ. Я арап, ваше величество.

ПЕДРИЛЛО. Вот видите, дорогой Помазанник.

ПЕТРУШКА. Докажи, Сидоров, что ты арап.

СИДОРОВ. А моего слова вам недостаточно?

ПЕТРУШКА. Недостаточно, потому что я не верю Сидорову, который так целуется, что он арап.

СИДОРОВ. Если сбрить бороду, под ней окажется кожа арапского цвета.

ПЕДРИЛЛО. Пожалуйста. Арап раскололся.

ПЕТРУШКА. Так у тебя, Сидоров, и борода есть?

СИДОРОВ. Есть.

ПЕТРУШКА. А почему я её не заметил? (Сидоров пожимает плечами.) Педрилло, у него есть борода?

ПЕДРИЛЛО. Определённо. У любого спросите.

ПЕТРУШКА. Понятые, к ноге.

ПОНЯТЫЕ (*прибжежав*). Ага?

ПЕТРУШКА. Понятые, у этого Сидорова есть борода?

ПОНЯТЫЕ. Это как посмотреть.

ПЕТРУШКА. Посмотрите так, как надо.

ПОНЯТЫЕ. Если вашему благородию угодна борода Сидорова, то она есть. Если не угодна — то её, конечно, нету, откуда ей взяться, если она не угодна вашему благородию, сэр Пётр Иваныч.

ПЕТРУШКА. Комендант, к ноге.

КОМЕНДАНТ. Принести зеркало, ваше благородие?

ПЕТРУШКА. Откуда ты знаешь?

КОМЕНДАНТ (*смущённо*). Ну... по прошлым разам...

ПЕТРУШКА. Каким ещё разам! Тащи зеркало.

КОМЕНДАНТ. Эй, кто-нибудь, большое зеркало в изящной раме сюда! (*Зеркало тотчас приносят.*) Вот-с.

ПЕТРУШКА. Внимание всем: сейчас мы с этим Сидоровым встанем у зеркала, чтобы я узнал наверняка, носит ли этот Сидоров бороду. Как вам хорошо и доподлинно известно, я безбородый. Если же я, встав с этим Сидоровым напротив зеркала и проведя своей правой рукой сначала по своему подбородку, а потом по подбородку этого Сидорова, по характерным ощущениям, получаемым рукой от бороды, пойму чья она — моя или этого Сидорова, — то быть посему. Если борода не моя, а этого Сидорова, я буду вынужден вырвать её всю по двум причинам: а) потому что ношение бород запрещено моим Повелением номер...

КОМЕНДАНТ. Номер 1.

ПЕТРУШКА. ... номер один, и б) потому что под бородой должна обнаружиться кожа арапского цвета, что пока не запрещено, но лично меня озадачивает хуже бегущей навстречу бешеной собаки.

Петрушка и Сидоров встают напротив зеркала. Не отрываясь от изображения, Петрушка проводит рукой по своему лицу, а потом по лицу Сидорова. Лицо его искривляется в детской гримасе обиды.

КОМЕНДАНТ. Ваше благородие, нашлась?

ПЕДРИЛЮ. Ну что, благородие, убедился?

ПЕТРУШКА. У меня бороды нет, а у него — отыскалась. Лучше бы у меня нашлась, чем у него, потому что Повеление №1, как и все последующие, меня не касается. (*Задумчиво.*) Вот возьму и отращу бороду, а этому Сидорову сбрею...

ПЕДРИЛЮ. А арапский колер под его бородой?

ПЕТРУШКА. А его краской выбелим.

КОМЕНДАНТ. А пятый пункт в его пашпорте?

ПЕТРУШКА. А его замажем и впишем слово «наша».

ПЕДРИЛЛО. А его мама очевидного арапского вида?

ПЕТРУШКА. А её в Нерчинск.

КОМЕНДАНТ. Тачки катать.

ПЕТРУШКА. Не, придурнѐй — счетоводом.

ПЕДРИЛЛО. А если у неё настоящий актёрский дар? За-чем такой в бухгалтерии прозябать?

ПЕТРУШКА. Пристроим в Нерчинский трагический: будет Отеллу играть.

КОМЕНДАНТ. И петь «Мэкки-Нож».

ПЕТРУШКА (*поёт*). *Oh, the shark has pretty teeth, dear*

ХОР (*подхватывает*). *And he shows them pearly white / Just a jack-knife has Macheath, dear / And he keeps it out of sight...*

ПЕТРУШКА. Ах, мечты...

ПЕДРИЛЛО. Руками или инструмент какой принести?

ПЕТРУШКА. Руками. Хочу убедиться лично.

КОМЕНДАНТ. Эй, кто-нибудь, быстро сюда бритву и лезвия. (*Приносят бритву и лезвия.*)

ПЕТРУШКА. Добреете, когда я основное повырву, ага?

КОМЕНДАНТ. Ага, Пётр Иванович.

ПЕТРУШКА (*рвёт бороду у Сидорова*). А ведь я с ним целовался... А ведь я хотел ещё и ещё...

ПЕДРИЛЛО. Это любовь, ваше благородие. Я тоже однажды с одной арапкой шашни крутил... а она со мной — динаму.

КОМЕНДАНТ. Не «Спартак»?

ПЕДРИЛЛО. Благородие, теперь, когда вскрылась вся правда, мне можно с этим Сидоровым?

КОМЕНДАНТ. Благородие, а потом — ноздри. А если не сумеете, мы возьмѐмся.

ПЕТРУШКА. А бабы Сидоровы тут есть? Хочу с ними попробовать.

КОМЕНДАНТ. Ноздри Сидорова подождут, благородие. Пусть сначала Педрилло с ним нацелуется. Мы не спешим. Особенно если вы сами их вырвете.

ПЕДРИЛЛО. Благородие, нельзя на этом останавливаться и отвлекаться. Он, Сидоров этот, при разных ботиночках и платке.

КОМЕНДАНТ. Разные ботиночки — это Повеление №2, а носовой платок — №3.

ПЕТРУШКА. Спасибо, я разберусь. А скажи-ка мне, арап Сидоров, которому я столь опрометчиво доверился, больно тебе?

СИДОРОВ. Больно. Могли бы и ножницами, ваше величество. Могли бы и на слово поверить.

ПЕТРУШКА. А с ботинками что? Почему разные, а не два левых — если ты ножной правша, или два правых — если ты ножной левша? Как так? Мои Повеления тебе не указ, если ты Сидоров, который поцеловал Помазанника?

СИДОРОВ. Второй левый не нашёлся, ваше величество. Был, но куда-то отлучился.

ПЕТРУШКА. Ну так босиком бы пошёл.

СИДОРОВ. Об этом я не подумал.

ПЕТРУШКА. Там же, в Повелении, так и написано: «На первый раз босиком прощается. На второй — неукоснительный Нерчинск». Помню дословно, потому что сам писал.

СИДОРОВ. Очень благородно написано. И слог замечательный. Сам граф так не смог бы.

ПЕТРУШКА. Спасибо, Сидоров. Ты поддержал бы меня, если бы мы представили полное собрание моих Повелений Нобелевскому комитету на соискание?

СИДОРОВ. Мира или по литературе?

ПЕТРУШКА. Обе. То есть три, потому что в одном Повелении есть выдающаяся теория гравитации: мол, выброшенный из окна Подданный, даже если он грудной ребёнок, то есть ни черта не соображает, вполне способен абстрагироваться и воспарить, чтобы доказать, что он не виновен, что его выбросили по ошибке, несмотря на то что донос написан проверенным человеком, пусть даже и майором... То есть ещё и по физике.

СИДОРОВ. Да-да, помню это Повеление. Мы с ребятами...

ПЕТРУШКА....с другими Сидоровыми? с другими арапами?

СИДОРОВ. Нет, почему, не только... Мы с ребятами под стол падали... от искреннего удовольствия.

ПЕТРУШКА. Спасибо.

СИДОРОВ. Ваше величество, а нельзя ли мне здесь и сейчас проверить эту вашу гравитацию? А то я... устал. Никогда так не уставал. Устал настолько, что вдруг захотелось... испариться.

ПЕТРУШКА. Можно, дорогой Сидоров. Чем помочь?

СИДОРОВ (*обессиленно упав на пол*). Пусть ваши подручные... физики проводят меня на самый верх и сбросят вниз, потому что сам я не поднимусь и сам не смогу выпасть, не решусь.

ПЕТРУШКА. Будет сделано, милый Сидоров. Комендант, к ноге. (*Подошедшему Коменданту*.) Вот что, дружок... тут один человечек, Сидоров, был настолько добр, что изъявил желание проверить одну мою физическую теорию... Не мог бы ты проводить его на самый верх и сбросить оттуда вниз, потому что сам он чего-то боится...

КОМЕНДАНТ. Будет сделано. И делается уже. Понятые, ко мне. (*Подбежавшим Понатым*.) Отнесите этого на третий этаж и выбросите его прочь.

ПОНЯТЫЕ. Ага.

Сидорова сажают на закорки, возносят на третий этаж амфитеатра и, крикнув: «Расступись», выбрасывают вниз.

ПЕДРИЛЛО. Вот чёрт, почему-то не испарил. Вероятно, не захотел. Вероятно, чувствовал за собой какую-то вину...

ПЕТРУШКА. Я ему два часа втолковывал, что трёх этажей мало, что лучше всего получается с семнадцатого, а он упёрся: «А я докажу вам, ваше величество, что третий этаж тоже ничего...» Баран какой-то, а не Сидоров.

КОМЕНДАНТ (*обращаясь к расступившимся*). Слышали, что спросил Помазанник Всея? Нет ли среди вас баб Сидоровых? Помазанник Всея очень хочет попробовать с представительницами вашей славной фамилии.

ПЕТРУШКА. Погоди-ка. Я так и не успел спросить, почему он сморкался в платок, а не на пол, зажимая то одну ноздрю, то другую.

КОМЕНДАНТ. Вы даже ноздри ему не успели вырвать, благородие.

ПЕДРИЛЛО. А меня больше всего в этой истории возмутило следующее: он, этот невоспаривший Сидоров... или лучше сидоров?... как сообщает его малолетний сын в одном из своих донесений, высморкавшись однажды так, как повелевает Повеление №3, вытер руку не о первого встречного, но о свой носовой платок в крупный красный горошек с вышитой надписью «Любимому папе от восхищённого сына».

ПЕТРУШКА. Какой неприятный и уголовный, оказывается, был подданнышко.

КОМЕНДАНТ. Короче, народ, где бабы Сидоровы? Почему я не вижу ни одной руки. Его благородие заждался. В Нерчинск захотели? Учтите, все скрывающиеся бабы Сидоровы окажутся там сегодня же вечером. Полетите тюремным бортом №1, в сопровождении бомбардировщиков. Нерчинск примет вас разбомблённым, а значит — будете валить лес в промёрзшей тайге, чтобы отстроиться, а не рубить уран в тёплой и сытной шахте.

Стоячие места реагируют на призыв Коменданта десятком взметнувшихся рук; не отстают и сидячие. И вот уже женщины Сидоровы рвутся к Петрушке, чтобы...

КОМЕНДАНТ. Ваше поручение выполнено, ваше благородие. Все эти Сидоровы хотят засвидетельствовать вам своё почтение, подарив вам блаженно-яркий до иступления поцелуй.

ПЕТРУШКА. Какая из них заявила тебе о таком поцелуе?

КОМЕНДАНТ. Костя.

ПЕТРУШКА. Мужик?

КОМЕНДАНТ. Увы.

ПЕТРУШКА. А я думал, баба. Я бы с неё, такой речистой, первой начал. Тогда давай в порядке живой очереди.

КОМЕНДАНТ. Уже даю.

ПЕТРУШКА. Но только не старше 21-го годика. Всех остальных гони.

КОМЕНДАНТ. Уже гоню.

ПЕДРИЛЛО. Всех, кто старше, гони ко мне, сформировав из них мою личную очередь.

КОМЕНДАНТ. Уже формирую.

ПЕТРУШКА. Хорошо. Давай всех до тридцати.

КОМЕНДАНТ. Уже даю — 2.

ПЕДРИЛЛО. Ну, ты знаешь, что делать.

КОМЕНДАНТ. Уже делаю.

ПЕТРУШКА. Не «уже даю — 2», а «уже даю — 2, ваше благородие, сэр».

КОМЕНДАНТ. Уже даю — 2, ваше благородие, сэр.

ПЕДРИЛЛО. А меня, в отличие от этого, всё устраивает.

Комендант (командует), Понятые (исполняют) и Фелшер (проводит визуальный осмотр и колет). Две очереди Сидоровых, помоложе и постарше, тянутся к Петрушке и Педрилло. Поцелуи, долгие и короткие, объятия, появление первых Сидоровых, «с которыми хотелось бы ещё, но сейчас надо обслужить очередь», и первых отбракованных беззвучно рыдающих Сидоровых, которым пока не объявлено, что с ними теперь будет... И, конечно, парящее надо всем ненавязчивое хоровое пение.

ХОР (*приплясывая*). **Everybody screamed** / When I kissed the teacher / And they must have thought they dreamed / When I kissed the teacher / All my friends at school / They had never seen the teacher blush / He looked like a fool / Nearly petrified / 'Cause he was taken by surprise...

Когда обе очереди Сидоровых подходят к концу, а Сидоровы-повторницы представляют собой куцые стайки, подтанцовывающие под When I kissed the teacher, раздаётся выстрел. Даже два выстрела... Нет, даже три, потому что третий чуть запоздал, чтобы все-все упали и чтобы всех-всех засыпало конфетти. Уже первая хлопушка поднимает во гробе Жмура, который орёт: «Не сдаваться, потому что не время сдаваться!» Вторая (оказывается, между ними тоже был разрыв) — так насупливает Коменданта, что Поп-

ка начинает беспорядочную пальбу по амфитеатру, и многие полегают, чтобы больше не подняться, хотя после третьей хлопущи стрельба прекращается, и звучит команда: «Руки вверх!», которой подчиняются все-все.

КОМЕНДАНТ. Всем руки вверх! Ну, не совсем всем, но многим! Помазанник Всея, Педрилло, Медвежий Вожак, Шарманщик, Фельдъегерь, Каждая, Дворник, Жмур, Попка, Понятые и Хор, вы-то что руки подняли? Вы же свои. Засадный Полк, к бою! *(Колонна военных, высунувшаяся в амфитеатр больше обычного и ставшая ощутимой угрозой, ощеривается штыками.)*

ПЕТРУШКА *(отойдя от испуга)*. Дурак, это хлопущи. Никто не пострадал.

ПЕДРИЛЛО. Кроме тех Подданных из телефонного справочника, которых успел уложить этот *(показывает на Попку)*.

ПЕТРУШКА. Комендант, срочно медаль Попке. Проявил чудеса скорострельности и меткости.

КОМЕНДАНТ *(в сторону)*. Узрев мою перепуганную рожу... Какую, ваше благородие?

ПЕТРУШКА. А какие есть?

КОМЕНДАНТ. Семь штук «За поход на Берлин» и три за «Высадку в Лондоне».

ПЕТРУШКА. Почему за Лондон так мало?

КОМЕНДАНТ. Потому что высаживаемся и высаживаемся.

ПЕТРУШКА. Вручи ему все десять, и пусть подавится.

КОМЕНДАНТ. Есть вручить, чтобы подавился. *(Попке, который начинает спускаться с вышки.)* Потом, потом вручу, боец, а пока продолжай держать всех на мушке... Благородие, а с этими *(Комендант обводит рукой амфитеатр)* что делать?

ПЕТРУШКА. Засадный Полк, который проворонил целых три выстрела по Помазаннику Всея, корнеплоду, жонглёру овном и палками, гопнику с заточкой, ефрейтору и тов. майору, немедленно отправляется в Нерчинск.

КОМЕНДАНТ. В кандалах?

ПЕТРУШКА. Нет, своим ходом.

КОМЕНДАНТ. Засадный Полк, запевай! (*He без помощи Хора полк запекает: «My, my / At Waterloo, Napoleon did surrender / Oh, yeah / And I have met my destiny in quite a similar way / The history book on the shelf / Is always repeating itself...»*) Засадный Полк, шагом марш в Нерчинск! (*Полк уходит.*)

ПЕТРУШКА. А этих сгони в одно стадо и рассортируй его на чистых и нечистых.

КОМЕНДАНТ. Как это, ваше благородие?

ПЕДРИЛЮ. Руки у них проверь. И губы после обеда. И груди, и галстуки с манишками.

КОМЕНДАНТ. Грудь проверять снаружи или внутри?

ПЕДРИЛЮ. По желанию.

ПЕТРУШКА. И будет у тебя два стада: чистых и нечистых. И сделай с ними то, что велит твой долг: одних издевательски и свирепо сохрани, чтобы запомнили до конца дней своих и боготворили меня, Помазанника Всея, а других — в расход, сиречь в Нерчинск.

КОМЕНДАНТ. А каких куда, ваше благородие?

ПЕТРУШКА. А сам как думаешь?

КОМЕНДАНТ. Понял. Сделаю. Умоются кровавыми слезами и те, и другие, но одни уйдут ни с чем, а прочие — в Нерчинск.

ПЕТРУШКА. В Нерчинск.

КОМЕНДАНТ. В Нерчинск.

ПЕТРУШКА. Умничка моя. А среди чистых — кого надо найти?

КОМЕНДАНТ. Грязных?

ПЕТРУШКА. Умничка моя. Прячущихся. Тех, кто, составив заговор, троекратно стрелял в меня из новогодней хлопушки.

КОМЕНДАНТ. Жизнь положу на это, приложив все силы и инструменты. То есть не отпускать?

ПЕТРУШКА. Умничка моя.

КОМЕНДАНТ. А которых в Нерчинск — их как: на санях, на такси, своим ходом в хвосте Засадного Полка (если догонят, а они догонят, полягут, но догонят)?

ПЕТРУШКА. Ты дурак, что ли, умничка моя?

ПЕДРИЛЛО. Ты бы, дурак, умничка его, ещё сказал: «на санях под волчьей полстью».

ПЕТРУШКА. В «столыпине», умничка моя. Грузи их в вагонзак, будто уголь в полувагон.

КОМЕНДАНТ. Всех в один?

ПЕТРУШКА. Разумеется. И — (поёт) по тундре, по железной дороге,

ПЕДРИЛЛО (подхватывает). Где мчится поезд «Воркута-Ленинград»,

ХОР. Мы бежали с тобою, опасаясь погони, / Чтобы нас не настигнул пистолета разряд!..

ПЕТРУШКА (поёт). One way ticket

ПЕДРИЛЛО (подхватывает). One way ticket

ХОР. One way ticket / One way ticket / One way ticket / one way ticket to the blues...

Все «свои» (кроме Коменданта, Дворника, Попки, Фелшера и Понятых), встав паровозиком, удаляются. Все прочие сортируются Комендантом на чистых и нечистых. Сцена постепенно темнеет.

Японский городской

Ах! Кажется, это ещё более миленький Колонный зал ДС! Ах, ах. КЗДС так отзывчив. На сей раз он взял и любезно предоставил помещение для проведения выездного заседания Специального Показательного Тайного присутствия им. Андрея Януарьевича. Зрительный зал усечён до двадцати пяти мест, на которых восседают седые-седые (и когда только успели) Иванов-8, Смирнов, Кузнецов, Попов, Васильев, Петров-2, Соколов, Михайлов, Новиков, Фёдоров, Морозова, Волкова, Алексеева, Лебедева, Семёнова, Егорова, Павлова, Козлова, Степанова, Николаева, Орлов, Андреева, Макаров, Никитина и, конечно же, Захаров, бывшие Подданные из телефонной книги, а теперь обвиняемые по Делу о покушении в театре «Глобус» во время Торжественных проводов лучших Подданных в город-герой мечты Нерчинск.

ПЕТРУШКА. Всем сесть. Причём некоторым надолго. То есть навсегда. Только они не сидеть будут, а *(хохочет)* лежать... или... висеть... *(Хохот подхватывают все сидящие за столом.)* Ну же *(всё ещё подхохатывая)*, хватит, харэ *(стучит стаканом по графину)*. Начинаем первое, оно же последнее, заседание. Надеюсь *(смотрит на часы)*, до обеда уложимся. Каждая, что у нас на обед? *(Защитник Каждая передаёт Петрушке меню.)* Недурно, очень-с. Гречка с молочком... Солёные огурчики... И напитки сплошь славные: «Бурадино», «Дюшес», «Квас за три копейки», ах. Расстаралась. Прославляю. *(Каждая встаёт и кланяется.)* Пока вы ржали над моей славной шуткой, я пригляделся к подсудимым — и знаете, чего я не заметил? — Я не заметил среди них бабы Сидоровой, с которой очень хотел. Я понимаю, господа прокуроры, что вы умеете считать только до 25, а дальше у вас тьма, провал, то есть надо брать или 25, или всех Подданных, что, тут я с вами согласен, не очень, ибо кто тогда будет пахать на барщине? Индийцы? Может, и они, но что тогда делать со Сводным Карательным отрядом им. ПСН под командованием легендарного комбрига Беннигсена? Беннигсен, выйдите из тени и помашите нам, что ли, ручкой. Спасибо, енерал. Имени чего будут наши славные каратели, если «П» для индийцев пустой звук? Мораль такова: или вы отловите бабу Сидорову, чтобы она стала 26-й обвиняемой... или вы отловите бабу Сидорову, чтобы она стала 25-й обвиняемой, дав на водку и отпустив на волю ту из обвиняемых, в которой вы более всего не уверены, или ту, которая больше других оговорила всех и каждого, а про себя и слова плохого не сказала... — или... я уже запутался в этих «или»... ну ничего, справлюсь... — или я демонстративно покидаю процесс, а вы уж тут как-нибудь сами. А? А? Устраивает вас такая постановка вопроса?

КОМЕНДАНТ. Эй, кто-нибудь, быстро-быстро-быстро отловить на улице любую Сидорову и привести сюда в качестве 26-й обвиняемой... Ждём, ваше благородие. Не думаю, что это очень долго... Пацаны или актрисочку какую подцепят за гонорар, или какую-нибудь Неудачину переименуют в Сидорову...

ПЕТРУШКА. Просто переименуют? Просто переименовать для меня, судьи на процессе века, мало.

КОМЕНДАНТ. Ну что вы, благородие, выписать человечку новые документы и заставить его выучить их наизусть куда проще и быстрее, чем отловить подходящую Сидорову... О, а вот и она. *(В КЗДС вводят Сидорову.)* Ребята матросы, это же Сидорова? *(Матросы гордо кивают.)* Сидорова, господин судья. Пользуйтесь ею на здоровье.

ПЕТРУШКА. Спасибо, господин прокурор. Здравствуй, Сидорова. Ты же Сидорова, не так ли? Ты же та Сидорова, с которой я хотел? Они же ничего не перепутали? Они же, эти красивые матросики, не посмели заграбастать не Сидорову?

СИДОРОВА. Честно сказать, ваше величество, я более Сидорова, чем все Сидоровы вместе взятые. Никогда я не чувствовала себя более Сидоровой, чем сегодня, сейчас и здесь. За что спасибо вам, вам, вам, а также тем добрым людям, которые три минуты назад научили меня уму-разуму.

ПЕТРУШКА. Говорливая. Обожаю говорливых. Обожаю затыкать их говорливость своим языком в их ртах. Сидорова, как у тебя с поцелуйчиками? Любишь? умеешь? мечтаешь с повелителем мира?

СИДОРОВА. Мне так хорошо всё объяснили, а те места, которые сразу не зажили, так красиво припудрили, что я только об этом и мечтаю.

ПЕТРУШКА *(спрыгнув в зал и подойдя к Сидоровой)*. Ну, здравствуй, моя Сидорова. Давай целоваться. *(Целует Сидорову раз, другой, третий... Третий раз продолжается минуты три, и все, включая обвиняемых, начинают кричать: «Горько!»)* Ах, душа моя, как же ты хороша, когда делаешь это со мной!.. А теперь садись, садись к этим ребятам... Теперь я тебя судить буду, справедливо, но строго-строго, не принимая во внимание эти три минуты, в течение которых нам с тобой кричали: «Горько!», а значит — мы показались им самыми счастливыми людьми на свете. Но это не так, моя Сидорова. Ты, как я только что убедился, — душа и голова этого заговора против меня, а я Помазанник Всея, ко-

торый не потерпит. Садись, дрянь такая и даже не проси скостить тебе суровое и неотвратимое наказание. (*Поднимается на сцену.*) Что же, продолжим. Прокуроры, вам есть что сказать? Не удивлюсь, если сказать вам нечего, потому что тут, когда всё и так ясно, и сказать-то нечего, но вдруг.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*здесь и далее удивительно слаженным хором*). ...Некто Сидорова, душа и глава чудовищного заговора против единственного, что у нас есть, то есть его благородия Помазанника Всея, призналась на предварительном следствии, что первые намётки плана по садистскому обстрелу Помазанника Всея родились у неё на втором году жизни во время празднования Нового года в кругу её изменнической семьи. Тогда же она нарисовала кремом торта «Сказка» на морозном оконном стекле чертёж своей первой новогодней хлопушки, созданию которой поклялась посвятить свою никчёмную жизнь и которую совершенствовала долгие, слишком долгие годы, пока мы прозябали в счастливом неведении о её коварном плане. Закончив с отличием музыкальную школу по классу органа Хаммонда...

ПЕДРИЛЛО. Или всё-таки органа, органа Хаммонда?

КОМЕНДАНТ. И органа, и органа, органа Хаммонда.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ. ...некто Сидорова поступила на фабрику Ёлочных украшений на должность главного инженера, где наконец-то добилась своего, а именно пропихнула идейку хлопушки в наивные новогодние массы, заложив основы хлопушечной промышленности, за что, кстати, была семирежды лауреатом премии Помазанника Всея по ёлочным украшениям, что, увы, не успокоило её, не подвигло к почиванию на лаврах, но только пуще подстегнуло к созданию той самой убийственной хлопушки, которая оказалась способна засыпать конфетти Помазанника Всея с его неповторимых ног до его непревзойдённой головы, чем вызвать недоумение, переходящее в хронический вопрос: «КАК СТОЛЬ ВЕРОЛОМНАЯ ИЗМЕНА МОГЛА СЛУЧИТЬСЯ НА ПОДВЕДОМСТВЕННОЙ МНЕ ТЕРРИТОРИИ И БЕЗ МОЕГО ВЕДОМА?», а также странный случай с Засадным Пол-

ком имени За Веру, Царя и Отечество, который пропал по дороге в Нерчинск, будто его и не было. По мере внедрения заговора в жизнь, некто Сидорова, пользуясь мощностями хлопущечной промышленности, которая проявила поразительную беспечность и слепоту, сумела изготовить целых три хлопушки с неимоверно повышенным содержанием конфетти и громоподобным звуком, способным напугать до смерти даже самого смелого и самого дорогого нам человека во всей Вселенной, которые тайно пронесла на Торжественные проводы лучших Подданных в город-герой мечты Нерчинск, чего не случилось бы, если бы не деятельная помощь её двадцати пяти помощников, которые, ухмыляясь вам в лицо, дорогой судья, сидят сейчас перед вами в ожидании своего неотвратимого сурового наказания и которые, как неопровержимо доказало следствие, объединившись в несколько тайных союзов — Союз Новогодних Ёлок, принесённых с базара, Союз Деда Мороза, Союз Мандаринов и Общество с Ограниченной Ответственностью, — на вливания зарубежных спонсоров, щедро вливаемые целыми железнодорожными цистернами, годами изучали устройство хлопушки и тренировали самые пагубные методы их применения при умопомрачительном скоплении ничего не подозревающих Подданных на ежедневных Торжественных проводах в Нерчинск. На основании вышеизложенного, чистосердечного признания обвиняемой, сделанного ею во время явки с повинной в ходе многодневных допросов не без пристрастия, а также идущих от сердца показаний всех двадцати пяти её подельников, мы окончательно и бесповоротно утверждаем, что Сидорова не просто виновна в измене, но должна быть распята на колесе от карьерного самосвала, после чего сброшена в кратер Королёв, что на другой стороне Марса, о чём она сама неоднократно устно и письменно умоляла, начиная с первого допроса, где к ней применялись такие щадящие методы, как утопление и частичное колесование. У нас всё.

ПЕТРУШКА. Немыслимое преступление, Сидорова, немислимое... Да, Сидорова?

СИДОРОВА. Да.

ПЕТРУШКА. Что «да», Сидорова?

СИДОРОВА. Немыслимое.

ПЕТРУШКА. И ты его совершила?

СИДОРОВА. Я сотворила его с помощью двадцати пяти моих подручных и боевых товарищей.

ПЕТРУШКА. «Сотворила» или «вытворила»?

СИДОРОВА. «Вытворила», конечно.

ПЕТРУШКА. Но лучше, мне кажется, «отмочила».

СИДОРОВА. Я отмочила его с помощью.

ПЕТРУШКА. А одна справилась бы?

СИДОРОВА. Ни в коем случае. У меня с детства была мечта отмочить его с приспешниками. А лет с трёх меня неизбежно настигало непреодолимое отвращение, отвращение вплоть до многодневной мигрени, стоило мне только подумать о том, чтобы отмочить такое одной.

ПЕТРУШКА. Я бегло пролистал все сто томов твоего дела, Сидорова, и вот что хочу спросить: что ты сказала маме, когда та увидела твой первый чертёж хлопушки на морозном окне? Собравшиеся должны это знать. Этот ответ должен прийти им на память в последние секунды их жизни. Настолько он основополагающ и, чего уж там, исчерпывающ.

СИДОРОВА. Я сказала: с Новым Годом, с новым счастьем!

ПЕТРУШКА. Вот! И?

СИДОРОВА. И эти слова стали паролем и отзывом при наших встречах.

ПЕТРУШКА. Каких ещё встречах?

СИДОРОВА. При встречах заговорщиков.

ПЕТРУШКА. Что и требовалось доказать! Не хочешь пояснить, о каком «новом» годе и «новом» счастье шла речь в пароле и отзыве?

СИДОРОВА. Да чего уж тут пояснять, ваше величество. И так ясно. Нам вдруг захотелось нового.

ПЕТРУШКА. Нового?

СИДОРОВА. Нового. Того, чего не было раньше.

ПЕТРУШКА. И отчего же?

СИДОРОВА. Нас почему-то перестало устраивать старое: старый год, старое счастье.

ПЕТРУШКА. Они были настолько плохи?

СИДОРОВА. Ну... они ведь закончились: год, счастье... Счастье, может, и не совсем закончилось, но оно стало старым, сморщенным. Понимаете? Оно поседело, покрылось морщинами, оно вышло на пенсию, чтобы, надев толстые очки, читать книжки по кулинарии и готовить всему многоэтажному дому шарлотку с антоновкой.

ПЕТРУШКА. И почему же они закончились... закончились и постарели... эти ваши год и счастье?

СИДОРОВА. Я думаю, потому что наступило первое января.

ПЕТРУШКА. По какому стилю?

СИДОРОВА. По новому стилю.

ПЕТРУШКА. Вот! Но новому стилю! Но ведь по старому они ещё не закончились и не постарели!

СИДОРОВА. Я признаю это. Это... да... это заслуживает самого сурового наказания.

ПЕТРУШКА. И?

СИДОРОВА. И нет мне прощения.

ПЕТРУШКА. Даже если...

СИДОРОВА. ...я классно целуюсь.

ПЕТРУШКА. Что...

СИДОРОВА. ...печально, но жизнь продолжается, и непременно появится новая Сидорова, которая целуется не хуже, но при этом не вынашивает коварные и свирепые планы.

ПЕТРУШКА. Вот! Думаешь, такая Сидорова ещё будет?

СИДОРОВА. Прогресс неостановим, ваше величество.

ПЕТРУШКА. Значит ли это, что новая Сидорова будет целоваться ещё лучше?

СИДОРОВА. Конечно. Я это и сказала.

ПЕТРУШКА. Сказав это, ты не сделала книксен, вот я и запутался. Сделай, пожалуйста.

СИДОРОВА (*сделав книксен*). Господин судья, можно вас о чём-то попросить?

ПЕТРУШКА. Можно, но сначала согласуй это с прокурорами.

СИДОРОВА. Господа прокуроры, я хочу попросить господина судью о снисхождении: мне не очень хочется, будучи распятой на колесе карьерного самосвала, быть выброшенной в пропасть на другой стороне Марса. И — мне очень, очень, очень хочется быть посаженной на кол на нашей любименькой Красной площади в назидание современникам и потомкам и с целью изготовления моего чучела для музея «Они сначала позорили, а потом предали Родину». А? Вы же, мои хорошенькие, не против?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ну а чё... в назидание — это хорошо, это дидактичненько, это архиполезно. На Марсе не то, там кто её в назидание увидит? — Разве чёрные вóроны. Есть на Марсе чёрные вороны? Ну как им там не быть, если Марс — популярное всенаше место приговора в исполнение. Значит — не могут не быть, значит — не могут не кружить.

ПЕТРУШКА. Короче.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Мы согласные. На кол на Красной даже лучше для правосудия и святого принципа неотвратимости наказания.

ПЕТРУШКА. ОК. Опять же перед отправкой лучших Подданных в Нерчинск, но уже после Торжественных проводов, их можно привозить в душегубках, работающих вполсилы, на экскурсию. Ну, прежде чем дарить чучело музею «Они предали». Мол, вот что ждёт вас в Нерчинске, но не одномоментно, а растянуто-растянуто. Типа смотрите и бойтесь.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Именно, ваше благородие. Очень точное и дельное развитие мысли.

ПЕТРУШКА. А что скажут защитнички сей дьяволицы?

ДВОРНИК. От имени и по поручению защитничков...

ПЕТРУШКА. Заткнись. (*Обращается к прокурорам.*) А вы её раздевали-осматривали? У неё ведь наверняка на ногах копыта.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Раздеть?

ПЕТРУШКА. Да уж потрудитесь.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором, сняв с ног Сидоровой кирзовые сапоги*). Странно. Но копыт не обнаружено. Не проглядываются, ваше благородие.

ПЕТРУШКА. Значит, или ступни накладные, или она успела их отбросить.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Копыта?

ПЕТРУШКА. Или вы, собаки, не ту взяли.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Найти и взять ту? Мы живо.

ПЕТРУШКА. А эту куда девать? Здесь только двадцать шесть стульев.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Действительно. Эту девать некуда.

ПЕТРУШКА. Защитнички, что вы там бляели?

ДВОРНИК. От имени и по поручению защитничков этих ужасных врагов, которые отмочили такое, что ни один защитничек не возьмётся защищать, разве что под страхом неотвратимого наказания в виде 33 тысяч плетей, причём каждому из мужественных защитничков заклятых врагов, свидетельствую: посадка на кол на Красной пл. это — неплохо, это даже миленько, если только дети и их родители смогут любоваться зрелищем из панорамных окон ГУМа, каковые предстоит установить, что потребует вложения средств, но оно того стоит.

ПЕТРУШКА. Может, тогда не на Красной, а перед «Детским миром» на Дзержинского?

ДВОРНИК. Наша подзащитная попросила на Красной пл. и настаивает на этом. Архитектурный ансамбль Красной пл. это не то что не испортит, но даже украсит.

ПЕТРУШКА. Согласен, но ГУМ жалко.

ДВОРНИК. Жалко, конечно, говорит наша подзащитная, но новый вид ГУМ-мороженого — «Эскимо на колу» — эту жалость скрасит с лихвой. Дети и их родители будут лизать новое эскимо и, глядя в панорамные окна, получать урок на всю жизнь. От себя скромно добавим: это сколько же добровольцев тут же запишется на Столетнюю войну!

ПЕТРУШКА. Думаете?

ДВОРНИК. Целые эшелоны.

ПЕТРУШКА. Целые эшелоны — это очень, очень хорошо. Сколько именно эшелонов запишется?

ДВОРНИК. Сразу — семь и неисчислимо, когда мальчики и девочки, лизавшие «Эскимо на колу», подрастут до нужных кондиций.

ПЕТРУШКА. Ух ты. Столько, сколько нужно. Мы как раз под Берлином немножко наступаем... и десанты на Лондón надо несколько прибавлять.

ДВОРНИК. Вот видите.

ПЕТРУШКА. А ещё можно закрыть под страхом уголовки все туалеты Третьеримска, а на Красной открыть огромный, роскошный, многоэтажный, чтобы к нему вели все дороги и Подданные, выходя из него, восхищённо и умилительно восклицали: «Ах, а это что ещё за развлечение! Ах, это же Сидорова на колу! Божечки, как интересно!» Подданные, как вы будете говорить, выходя из сверхтуалета на Красной с видом на Сидорову-на-колу? Подданные, я угадал содержание восторгов на выходе из?

ИВАНОВ-8. Если позволите, ваше величество, я бы ещё забабahal на Красной пл. пивной фонтан и колесо обозрения.

ПЕТРУШКА. Обоснуй — и я прислушаюсь.

ИВАНОВ-8. Купание в фонтане с пивом будет то и дело провоцировать на посещение супертуалета, а ежедневные массовые выпадения из колеса обозрения заставят зевак, у которых есть туалеты дома, идти на Красную пл. не только по нужде, но и из естественного любопытства: мало того что Сидорова-на-колу, так ещё и селфи — селфи на фоне красивого полёта тела, выпадающего из колеса, можно сделать.

ПЕТРУШКА. А фонтан платный или бес?

ИВАНОВ-8. Лучше бы бес.

ПЕТРУШКА. А пиво какое в нём посоветуете?

ИВАНОВ-8. Забористое, а не эту воду в бутылках. Я тут, ваше величество, до ареста пару ящичков на дне рождения дочки выпил, и ничего.

ПЕТРУШКА. Сколько дочке?

ИВАНОВ-8. Полгодика, ваше величество.

ПЕТРУШКА. Поздравьте её от моего имени.

ИВАНОВ-8. Спасибо. Непременно. Тронут.

ПЕТРУШКА. А чего они с колеса-то падают?

ИВАНОВ-8. Так пьяные же после фонтана. Трезвых на колесо ни в коем случае не пускать, пусть в трубочку дуют, прежде чем. И, конечно, специальное устройство кресел: должны самосбрасывать пассажиров. Не всегда, но часто, в рамках приемлемой статистики.

ПЕТРУШКА. Ах, хорошо!.. Хвалить не буду, народ не поймёт, но срок тебе, Иванов-8, скошу. Эй, кто-нибудь, напомните мне при вынесении приговора скостить этому пару дней — если, конечно, дело кончится Нерчинском. А если чем получше, расстрелом там, четвертованием и прочим, шепните мне, чтобы его первым... или лучше последним... нет лучше первым... чтобы его первым ухайдакали. И слепым. Чтобы ничего не видел. Пусть ему сначала глаза выколют.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Можно надеть на голову мешок.

ПЕТРУШКА. Ну, или в мешке. Но ведь он будет слышать. Лишить его слуха?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Можно вставить беруши.

ПЕТРУШКА. Ну, или беруши.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Напомним. Шепнём.

СМИРНОВ. А я бы, ваше величество, справив нужду и увидев Сидорову-на-колу, нашу предводительницу, непременно сказал бы следующее: «Ах, а это что ещё за развлечение! Ах, это же Сидорова на колу! Божечки, как интересно!»

ПЕТРУШКА. А я что сказал?

СМИРНОВ. Вы сказали: «Ах, а это что ещё за развлечение! Ах, это же Сидорова на колу! Божечки, как интересно!»

ПЕТРУШКА. Ну и в чём разница?

СМИРНОВ. Никакой разницы, ваше величество, ибо вы каким-то волшебным образом предвосхитили мои слова.

ПЕТРУШКА. Во как. Вот это да. Слышали, господа прокуроры?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). О да. Это ж надо так уметь.

СМИРНОВ. Преклоняюсь, ваше величество.

ПЕТРУШКА. Хочешь, чтобы я скостил?

СМИРНОВ. Очень хочу. А также хочу предложить ещё кое-что. Сувениры.

ПЕТРУШКА. Сувениры?

СМИРНОВ. Сувениры: ваши, ваше величество, портретные фотографические и писанные маслом миниатюры с вытянутыми для поцелуя губами на фоне Сидоровой-на-колу; сувенирный лимонад «Последняя моча Сидоровой»; ладанки с прошением Сидоровой о замене распятия на колесе на посадку на кол с вашим размашистым «Ну а что? Это можно. Это мы, подруга, запросто устроим!»; дезодорант «Она так пахла сразу после смерти»; свиные котлеты «Мощи Сидоровой», молочные сосиски «Перси Сидоровой», сгущённое молоко «Сидорова сосёт», колу «Сидорова» с экстрактом осиновых стружек, песню «У Сидоровой тело есть под платьем» для ксилофона и дисканта, мужские рабочие брюки 62 размера с одной штаниной «Сидорова на лесоповале». Кроме того, я, как писатель...

ПЕТРУШКА. Ты писатель?

СМИРНОВ. Я писатель.

ПЕТРУШКА. Чё написал? Я читал? Это захватывающе? Я мог потом спать?

СМИРНОВ. Предлагаю учредить литературную премию им. Сидоровой-на-колу за лучшее школьное изложение на тему фотографии Сидоровой на колу или одноимённого воспоминания, если вы житель Третьеримска и видели Сидорову-на-колу воочию или были около Сидоровой-на-колу с автобусной экскурсией.

ПЕТРУШКА. И всё?

СМИРНОВ. Конечно, нет, ваше величество. Помимо су-пертуалета, фонтана, колеса обозрения и городка сувениров на подступах к мемориалу «Сидоровой-на-колу» и

отступах с него, необходимы ежедневные тематические ТВ-передачи, теле- и кинофильмы и реклама во всех медиа планеты Земля.

ПЕТРУШКА. Ежедневная?

СМИРНОВ. И тогда невероятные скопления народов, а не только Подданных, гарантированы.

ПЕДРИЛЛО. А где скопления — там чебуречные и рюмочные в шаговой доступности.

КОМЕНДАНТ. И футбольный стадион на 666 тысяч мест, и каждое место с пивным мини-баром и мини-писсуаром.

ПЕДРИЛЛО. И трамвай, всякий раз специально переезжающий двадцать шесть Подданных с теми же, или похожими на слух, фамилиями.

КОМЕНДАНТ. И математическая школа им. Бинома Ньютона, в которой можно зарезать лучшего ученика, особенно если он какой-то не наш.

ПЕДРИЛЛО. И цирк им. Сидоровой-на-колу.

КОМЕНДАНТ. В котором будут сажать на кол тех канатоходцев, которые упадут с каната при первом крике «атас».

ПЕДРИЛЛО. И тех жонглёров, которые уронят хотя бы один из подбрасываемых предметов, будто велосипеды, ломы или муляжи голов 26-ти казнённых изменников.

КОМЕНДАНТ. И тех клоунов, которые не рассмешат хотя бы одного ребёнка от трёх до пяти.

ПЕДРИЛЛО. И тех зрителей, которые уйдут с половины представления.

КОМЕНДАНТ. И тех зрителей, которые демонстративно откажутся от больших денег, чтобы досидеть до конца представления.

ПЕДРИЛЛО. И тех зрителей, которые не захотят класть голову в пасть тигру, когда их попросят с арены, потому что артист, который это делал, умер сегодня утром после тяжёлой и продолжительной болезни, но ещё вчера нашёл в себе силы прийти и положить голову в пасть тигра, надеясь тем самым закончить мучения.

КОМЕНДАНТ. И тех зрителей, которые никогда не были в цирке, но зачем-то вдруг припёрлись.

ПЕДРИЛЛО. И тех зрителей, которые ковыряются в носу, когда надо смотреть во все глаза и ронять слёзы счастья.

КОМЕНДАНТ. Потому что на арене, только сегодня, проездом на фронты Столетней войны, выступает всемирно известная конная гадалка Фрося-без-головы.

ПЕДРИЛЛО. Неоднократно предсказавшая жопу.

КОМЕНДАНТ. И последующий небывалый расцвет.

ПЕДРИЛЛО. А также: посаженные на кол артисты, зрители и допустившая это администрация цирка гарантируют посаженным комфортные пластмассовые колы.

КОМЕНДАНТ. Чьи заострения из нержавеющей стали обильно смазаны эскимо на колу.

ПЕДРИЛЛО. Чем способны доставить истинное удовольствие любому читателю, телезрителю и радиослушателю...

ПЕТРУШКА. Эй, кто-нибудь записывает это, потому что тут что ни слово, то живительное и за слово. Всё, всё это, ребята прокуроры, внедрим.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Правда?

ПЕТРУШКА. Жив не буду, а.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Мы только об одном, благородие, забыли.

ПЕТРУШКА. Мне понравится?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Живы не будем, а.

ПЕТРУШКА. Тогда молитесь.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Как бы так сделать, чтобы, посадив на кол Сидорову...

ПЕТРУШКА. Эту Сидорову?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). А у вас есть другие на примете?

ПЕТРУШКА. И много. И не только Сидоровы. И не только бабы. Потому что — ВСЕМ ЗАПИСЫВАТЬ — ничто не продаётся так хорошо, как Смерть. И я уже чувствую, как купаюсь в специально осушенном Байкале, заполненном твёрдой валютой!

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Только не утоните, ваше благородие.

ПЕТРУШКА. А если и утону — то что же? Утонуть с такими деньгами — одно удовольствие и...

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). ...и велосипед.

ПЕТРУШКА. Почему «велосипед»?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Потому что у тебя столько денег, а ты на велосипеде катаешься и в ус не дуешь, получая не меньшее...

ПЕТРУШКА. ...а то и большее удовольствие. Прокуроры, вы молодцы, понимаете как никто. Только я не утону: омулёвую бочку осушу, деньгами набью и пойду купаться в деньжищах с лучшими проститутками. И когда у меня сведёт ногу...

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). ...потому что холодно там и неожиданные до подлости течения...

ПЕТРУШКА. ...я ухвачусь за одну лучшую проститутку, за другую, за пятую-десятую, — и выплыву: их утоплю, а сам уже на бережку, и загораю, несмотря на холод и подлые течения.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ой, и снова как же хорошо измыслено и сформулировано.

ПЕТРУШКА. Главное, прокуроры, не делать из Неё трагедии: ну утопи, ну положили шесть поколений 18-летних на Столетней, ну взяли Марс нахрапом, протянув к нему миллион пилотируемых кораблей, чтобы они сбились в гать, по которой мы и прошвырнёмся на планетку, ну выпала из окна, потому что схватил её за ноги, когда она меньше всего этого ждала, ну посадили на кол, ну вынули из господ прокуроров внутренности, когда они спали, и набили их соломой, чтобы стояли в чистом поле, отгоняя чёрных воронов, эти знаки судьбы, — зато никто не плачет, зато глаза у всех сухие-сухие, выпуклые-выпуклые, зато посмотрели на тебя отрешённо, харкнули тебе под ноги чем-то тягучим с примесью карамели и серпантина, — и юрк в карнавал вокруг посаженной-на-кол, забыл её фамилию, бац медведю в ухо, чтобы плясал, а не отлынивал, отъедая ногу затоптанному... Главное, прокуроры, сделать из Неё, из Смерти, водевиль и умору, сиречь веселье, лучше народное, и дым

коромыслом... Так что вы там, прокуроры, предлагали, чтобы дым не коромыслом был, а столбом?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Как бы так сделать, чтобы, посадив на кол Сидорову...

ПЕТРУШКА. Эту Сидорову?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. А за ней — вообще всех и каждого?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага. Как бы так сделать, чтобы, посадив Сидорову на кол, можно было взять у неё интервью?

ПЕТРУШКА. Телевидение?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. Газеты со всего шарика?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. И даже лихтенштейнским дадим?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. Чтобы Смерть веселила даже грудничков, читающих «Весёлые картинки»?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. А «Пионерская правда» и «Пионерская зорька» тоже смогут взять?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. И без охраны?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. А если станет хулить и плакаться?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Напишем ей текст, пообещав золотые горы.

ПЕТРУШКА. После жизни?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. Зажигательный текст?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. Звучит неплохо. И как же так сделать?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Очень просто: устроить страшный ливень над Красной пл. и под этим предлогом посадить её на кол в специально возведённом павильоне.

ПЕТРУШКА. Так.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Пока она жива, потому что кол если и заострён, то не сильно, можно сказать, терапевтически, в павильон приглашается газетка «Нью-Йорк таймс».

ПЕТРУШКА. Так.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Которой Сидорова даёт весёлое и зажигательное интервью.

ПЕТРУШКА. Так.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). После того как «Нью-Йорк таймс» свалит, чтобы написать, какая Сидорова-на-колу хохотушка, счастливица и как славно, гуманно и карнавально устроена казнь изменницы, мы или реанимируем старую Сидорову, или посадим на временно ослабленный, туповатый кол другую Сидорову...

ПЕТРУШКА. Мало ли у нас Сидоровых.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). ...и запускаем Си-эн-эн. Или Аль-Джазиру.

ПЕТРУШКА. И так далее?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. А вокруг карнавал и медведи выкомаривают «Камаринскую»?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Форменный карнавал и мишки пляшут до упаду.

ПЕТРУШКА. И колесо обозрения?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. И мужики только что из сортира с расстёгнутыми от удивления ширинками?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Ага.

ПЕТРУШКА. Вот вы прохиндеи! Только вы, прохиндеи, об одном не подумали: в каждой газетке, в каждой телепередачке будет мученическая мордочка Сидоровой. Всякий раз новой Сидоровой! И что про нас скажут? — Опять обман и профанация, а не подлинная всенародная казнь изменницы. Мол, под видом одной казни — пусть и весёлой, пусть и человечной, пусть и демократичной — устроили сотни, а то и тысячи казней несчастных Сидоровых, посадили на кол целые города Сидоровых. А? Сколько у нас вообще Сидоровых? Возможно ли такое чисто физически?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Очень много у нас Сидоровых. Город. Города.

ПЕТРУШКА. Вот видите! Это возможно, значит — они будут орать про «целые города казней». А сколько в мире газеток и телеканалов?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Очень, очень много. Скорее всего, наших Сидоровых на всех не хватит.

ПЕТРУШКА. Вот видите! Значит, они будут орать, что, казнив под шумок всех Сидоровых, они, то есть мы, казнили пару Великих Новгородов Морозовых, выдав их за Сидоровых. И как после этого мы будем выглядеть?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Как мелкие врушки.

ПЕТРУШКА. Вот именно. Нет подлее обвиненья, нет обиднее навета. После такого, знаете ли, жить — не захочется. Лично мне. После такого надо отвечать, резко, не колеблясь.

ХОР. *Mister* / Your eyes are full of hesitation / Sure makes me wonder / If you know what your looking for // Umm, baby I wan't to keep my reputation / I'm a sensation / You try me once you'll beg for more // Oooohh! Yes sir, I can boogie / But I need a certain song / I can boogie, boogie woogie all night long // Yes sir, I can boogie / If you stay, you can't go wrong / I can boogie, boogie woogie all night long...

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором, всё ещё приплясывая*). На одно лицо.

ПЕТРУШКА (*остаточно приплясывая*). Что? кто? кого надо позвать?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Бабы. Наши особенно. Особенно Сидоровы.

ПЕТРУШКА. Правда?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Особенно мужикам. А вы, благородие, разве отличаете?

ПЕТРУШКА. Сидоровых или вообще?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). И Сидоровых, и вообще.

ПЕТРУШКА. Отличаю.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Уверены?

ПЕТРУШКА. Уверен.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Тогда проведём эксперимент.

ПЕТРУШКА. Эксперимент! Очень люблю эксперименты!

КОМЕНДАНТ. Ваше благородие, закройте глаза и заткните уши.

ПЕТРУШКА. Ага.

ПЕДРИЛЛО. Комендант, приведите-ка сюда обвиняемых Морозову, Волкову, Алексееву, Лебедеву, Семёнову, Егорову, Павлову, Козлову, Степанову, Николаеву, Андрееву и, конечно, Никитину.

КОМЕНДАНТ (*приведя перечисленных обвиняемых*). Сделано.

ПЕДРИЛЛО. Благородие, можете открыть и ототкнуть.

ПЕТРУШКА. Ага.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Кто эти люди?

ПЕТРУШКА. М-м-м... Не мужчины?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Верно. А поточнее?

ПЕТРУШКА. М-м-м... неужели Сидоровы?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Неужели похожи?

ПЕТРУШКА. На кого?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). На Сидорову.

ПЕТРУШКА. Мне кажется, все эти не мужчины на одно трагическое лицо.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). И это лицо...?

ПЕТРУШКА. Сидоровой?

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Сидоровой-на-колу.

ПЕТРУШКА. То-то они мне кого-то напоминают...

ХОР. No sir / I don't feel very much like talking / No neither walking / You wanna know if I can dance // Yes sir, already told you in the first verse / and in the chorus / But I will give you one more chance...

ПЕДРИЛЛО (*хором, всё ещё приплясывая*). Короче, такое предложение, ваше благородие.

КОМЕНДАНТ. Подстраховочки для.

ПЕТРУШКА (*ноём*). Yes sir, I can boogie.

ПЕДРИЛЛО. Не пускать на интервью с Сидоровой-на-колу баб. Это раз.

КОМЕНДАНТ. И не давать бабам читать газеты с интервью и смотреть ТВ с ним же. Это два.

ПЕТРУШКА (*поёт*). I can boogie... О, это мы умеем.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Вот и договорились.

ЖМУР (*восстав во гробе*). Слово предоставляется Его Че-сти Судье!

ПЕТРУШКА (*поёт*). ...boogie woogie all night long... Итак, допросив подсудимую Сидорову, выслушав доводы прокуроров и защитников, суд, прежде чем удалиться на совещание, предоставляет главной изменнице, душе и сердцу заговора последнее слово. Сидорова, прошу вас. Учтите лишь, что слово действительно последнее — если, конечно, не считать интервью, которые вы дадите, сидя на колу, — и, произнеся его, вы больше не сможете говорить физически: для предотвращения словоизвержений, которые вполне могут последовать за последним словом, в вашу глотку будет влит расплавленный свинец, который создаст в ней весьма притёртую пробку, надёжно защищающую от каких бы то ни было горловых звуков. Чтобы не было никаких обид и недомолвок, спешу уверить вас, уважаемая Сидорова, что это не я придумал, у нас тут, вообще говоря, высокий суд, то есть Специальное Показательное Тайное присутствие им. Андрея Януарьевича, а не, знаете ли, недостойная личная вендетта, и расплавленный свинец его, Тайного присутствия, такой же инструмент, как я, прокуроры, защитники, наручники и удары прикладом в лицо, которое улыбается. Поэтому, любезная Сидорова, вложите в последнее слово всю свою душу.

СИДОРОВА. Спасибо, господин судья.

ПЕТРУШКА (*поёт*). Yes sir, I can boogie... Не за что. Это мой долг.

СИДОРОВА. Спасибо.

ПЕТРУШКА (*поёт*). ...boogie woogie all night long... Это всё? И это ваше хвалёное последнее слово? (*Сидорова молчит.*) Даже без восклицательного знака? Какое-то дешёвое «спасибо»? (*Сидорова продолжает молчать.*) Ну как знаешь,

дурацкая Сидорова. У тебя был шанс ляпнуть что-нибудь после последнего слова, но теперь ты его упустила. (Поёт.) But I will give you one more chance... Эй, кто-нибудь, тащите уже сюда расплавленный свинец!

ПЕДРИЛЛО. Пойду потороплю их. (Отходит в сторону.)

ПЕТРУШКА. Будь так любезен, голубчик. Скоро обед.

КОМЕНДАНТ. А я пойду потороплю Педрилло, чтобы не отвлекался на всякие глупости. (Подходит к Педрилло.)

ПЕТРУШКА. Будь так любезен, голубчик. Супчика с потрошками очень хочется.

ПЕДРИЛЛО (разговаривает с Комендантом). Я, который отправил в Нерчинск половину телефонной книги.

КОМЕНДАНТ. Мне, который половину телефонной книги колесовал вот этими самыми руками.

ПЕДРИЛЛО. Больше не могу с ним... толпиться.

КОМЕНДАНТ. Что-то так душно сегодня рядом с ним.

ПЕДРИЛЛО. А ведь я хохотун: отправив в Нерчинск всех на «ша», я принёс домой шампанское, смеялся до упаду, как шавка, и читал жене ээка Шаламова.

КОМЕНДАНТ. Я, который лично заливал свинец в глотки Ивановых и Петровых, потому что у этих растяп, литейщиков, здоровенных мужиков, дрожали руки и они промахивались... Но Сидорова — это выше моих сил... и моей нравственности... моего душевного камертона.

ПЕДРИЛЛО. Тем более что она никакая не Сидорова, а актрисочка, наспех подобранная на улице за три рубля.

КОМЕНДАНТ. Тем более что она должна дать тысячи интервью.

ПЕДРИЛЛО. А самое главное — он собрался набить нас соломой.

КОМЕНДАНТ. Что если он вспомнит об этом?

ПЕДРИЛЛО. Что если, вспомнив, он сделает это?

КОМЕНДАНТ. Причём сегодня же.

ПЕДРИЛЛО. Вот я и говорю, что медлить — нельзя.

КОМЕНДАНТ. Больше нельзя канителиться.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*возвратившись к Петрушке, хором*). Несут, ваше благородие. Вот-вот. У них температура шалила: никак не могли до нужного градуса разогреть.

ПЕТРУШКА. Свинец-то хоть годный? Вчера был какой-то второсортный: застыл в воздухе, не дойдя до горла. И человек так кричал. Жалко было человечка. Срывал горло. А должен был молчать. Ибо свинцовая пробка. Недопустимо.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Нет, нет, сегодня свинец что надо. Здоровский свинец. Мы его на крысе испробовали: молчала как миленькая.

ПЕТРУШКА. На крысе — это прекрасно, ребята.

ПЕДРИЛЛО и КОМЕНДАНТ (*хором*). Но мы всё равно пойдём и проверим. (*Будто бы разговаривая, неспешно подходят к Беннигсену.*)

ПЕДРИЛЛО. Енерал, как сами?

КОМЕНДАНТ. Как служба, енерал?

БЕННИГСЕН. Служу Помазаннику Всея!

ПЕДРИЛЛО. Не орите. Больше так не орите.

БЕННИГСЕН. Слушаюсь.

КОМЕНДАНТ. Отойдём на два слова. Или просто прогуляемся. У Отца Родного к вам поручение.

БЕННИГСЕН. Есть отойти или прогуляться.

ПЕДРИЛЛО. Ещё тише, енерал. Если можно.

БЕННИГСЕН. Шёпотом, что ли?

ПЕДРИЛЛО. Шёпотом.

БЕННИГСЕН (*шепчет*). Есть отойти или прогуляться.

ПЕДРИЛЛО. А теперь возьмите меня под правую ручку, а Коменданта — под левую. И, пожалуйста, вы не на плацу, шагайте вкрадчиво, будто вы с дамой вашего сердца.

КОМЕНДАНТ. Енерал.

БЕННИГСЕН. Да, любимая.

ПЕДРИЛЛО. Вы поймёте, что делать. Но, прежде чем делать то, что вы поймёте, мы подадим знак.

КОМЕНДАНТ. Мы встанем на голову. Как только вы увидите, что мы стоим на голове, приступайте.

БЕННИГСЕН. Конечно, дорога.

КОМЕНДАНТ. Попка предупреждён. Понимаете?

БЕННИГСЕН. Не очень, любимая. Разжуйте мне, пожалуйста.

КОМЕНДАНТ. Он не будет стрелять. Понимаете?

БЕННИГСЕН. Он не будет стрелять. Но в кого, дорогая?

ПЕДРИЛЛО. Енерал, ещё раз. Мы с ним (*кивает в сторону Коменданта*) встанем на голову. Разумеется, сами мы встать не можем, поэтому попросим ваших карателей поддержать нам ноги, чтобы, встав на голову, мы не упали, но простояли достаточное количество времени, пока вы делаете дело. Встав на голову, мы произнесём заветное слово, и слово это: «Японский городской», и означает оно, что всё норм, мы уверенно стоим на голове, и вы можете приступать. Пока вы делаете дело, Попка, который заранее предупреждён о том, что наша стойка на голове исключает его вмешательство, то есть стрельбу, мирно смотрит в другую сторону, может быть, в порножурнал, а может — на красивых зимних птиц снегирей, которые иногда залетают в Колонный зал Дома союзов. Пока всё понятно?

БЕННИГСЕН. Пока всё понятно, моя прелесть.

ПЕДРИЛЛО. Когда вы сделаете дело, мы принимаем своё естественное положение, и всё возвращается на круги своя. Вы, как старший по званию, объявляете имя нового Помазанника Всея, и жизнь сразу начинает играть новыми красками.

КОМЕНДАНТ. Если что, Енерал, это приказ.

ПЕДРИЛЛО. А кто у нас отдаёт приказы, Енерал?

БЕННИГСЕН. Ух ты, дорогая. Какая недетская неожиданность, любимая.

ПЕДРИЛЛО. Улыбайтесь.

БЕННИГСЕН. Есть улыбаться, дорогая.

КОМЕНДАНТ. А если вы не справитесь с этим простым приказом, мы, от имени и по поручению, попросим Чувака с Семёновской поднять семёновцев. Понимаете что это значит?

БЕННИГСЕН (*широко улыбаясь*). Да, моя хорошая. Терпеть не могу семёновцев, дорогая. Чувак не понадобится, любимая.

КОМЕНДАНТ. Приказ о произведении вас в генералиссимусы, Японский городской, уже подписан.

БЕННИГСЕН. Спасибо, дорогая.

ПЕДРИЛЛО. Вот вам табакерка. (*Достаёт из-за пазухи табакерку.*) Сначала табакеркой.

КОМЕНДАНТ. Вот вам шарфик. (*Снимает с шеи шарф.*) А потом — на всякий случай — шарфиком.

БЕННИГСЕН. Спасибо за доверие, любимая. Я не подведу вас, дорогая.

ПЕДРИЛЛО. Всё, расходимся.

Педрилло и Комендант тут же встают на головы, предварительно попросив солдатиков из Сводного Карательного отряда им. ПСН подержать их ноги, пока они стоят на голове. Встав на головы, они произносят: «Японский городской». Беннигсен парадным шагом подходит к Петрушке и бьёт его по голове табакеркой. Петрушка падает. После чего Беннигсен душит Петрушку шарфиком. На всякий случай. Педрилло и Комендант встают на ноги. Комендант подходит к Медвежьему Вожаку, Шарманщику, Фельдъегерю, Каждой и Дворнику. Педрилло подходит к Беннигсену.

КОМЕНДАНТ. Готовы ликовать, защитнички?

ДВОРНИК. Всегда. Как надо ликовать, ваше высокопревосходительство?

КОМЕНДАНТ. Да здравствует Помазанник Всея Педрилло Первый. Справитесь? Текст годный?

ДВОРНИК. Справимся. Текст прекрасный. (*Кричит троекратно.*) Да здравствует Помазанник Всея Педрилло Первый! (*Медвежий Вожак, Шарманщик, Фельдъегерь и Каждая аплодируют.*)

ПЕДРИЛЛО. Поздравляю вас с новым воинским званием, генералиссимус Беннигсен.

БЕННИГСЕН. Служу Помазаннику Всея Педрилло Первому!

ПЕДРИЛЛО. Генералиссимус, между тем у вас, кажется, бунт. Взгляните-ка на этих Кузнецова, Попова, Василье-

ва, Петрова-2, Соколова, Михайлова, Новикова, Фёдорова, Морозову, Волкову, Алексееву, Лебедеву, Семёнову, Егорову, Павлову, Козлову, Степанову, Николаеву, Орлова, Андрееву, Макарова, Никитину и, конечно, Захарова. Не говоря уже о Сидоровой. Они молчат, генералиссимус. Неужели они не рады новому Помазаннику Всея? Пообещайте им, что ли, амнистию.

БЕННИГСЕН. Сейчас, ваше высокоблагородие. *(Подходит к обвиняемым и стреляет в Кузнецова, потом в Попова, затем в Козлова.)* А ведь новый Помазанник амнистию вам посулил. А вы почему-то не радуетесь? Васильев, что надо сейчас кричать? Чему надо сейчас радоваться? *(Васильев молчит. Беннигсен стреляет в него в упор.)* Морозова, что надо сейчас кричать? Чему надо сейчас радоваться? *(Морозова молчит. Беннигсен стреляет в неё в упор.)* Что же вы всё молчите-то? У старого Помазанника апоплекалипсис, а вы даже не улыбнулись. Сколько вас надо положить, чтобы вы возрадовались новому Помазаннику Педрилло Первому? Петров-2, ответь.

ПЕТРОВ-2. Да здравствует Педрилло Первый, Помазанник Всея!

БЕННИГСЕН. А улыбочку, Петров-2? *(Петров-2 улыбается.)* А остальные чего ждут? Смерти Сидоровой?

Оставшиеся обвиняемые, широко-широко улыбаясь, кричат: «Да здравствует Педрилло Первый, Помазанник Всея!» Кричат и кричат. Улыбаются и улыбаются. А потом, когда наконец замолкают, потому что нельзя же вечно широко улыбаться и надрывно кричать, не попив хотя бы растопленного снега, кто-нибудь обязательно спрашивает у самого пожилого карательного солдатики: «Можно нам ещё поулыбаться и покричать?», потому что снаружи тоже кричат, громко топая, наверное, красиво вышагивая и широко улыбаясь, а отставать от Подданных снаружи — плохо, очень плохо, а опережать и перекрикивать — хорошо, очень хорошо.

И да поможет им крик.

Моя женщина из Токио

5

Никак

27

Несколько сценок для антрактов «Гамлета»

52

37,68447675175, или Ликвидация

82

Двери
(радиопьеса)

137

G5++

168

Тест Бюринга

210

Мэдиган и Коррелл (говорят, умирая)

277

Петрушка XXVI, или Апоплекалипсис
(гиньоль а-ля рюс)

317

М.ГРИМ

*Пьесы для взорванного театра — 2, сборник
Исупов / «30 февраля», издатель
2026*

ФУСК ВАР

30 февраля • ispv.ru